К. А. ПАЖИТНОВЪ.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи.

Изданіе 2-ое,
дополненное и
исправленное.
1908.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе 1

Часть I. Періодъ свободнаго договора.

ОТДѢЛЪ I. Фабрично-заводскіе рабочіе.

Глава I. Комиссія Штакельберга и ея проектъ урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ. Тернеръ: „О рабочемъ классѣ и о мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія". Флеровскій: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи". Литература 70-хъ годовъ и новые проекты урегулированія рабочаго вопроса. Хлудовская исторія. . . . 5—17

Глава II. Санитарныя условія мастерскихъ на фабрикахъ и заводахъ по даннымъ первыхъ фабричныхъ инспекторовъ и земскихъ изслѣдованій . . . . . 17—30

Глава III. Рабочія жилища . . . . . 30 - 42

Глава IV. Несчастные случаи: ихъ количество и мѣры предосторожности. Медицинская помощь. Обезпеченіе увѣчныхъ рабочихъ . . . . . 42—52

Глава V. Рабочій день . . . . . 52—57

Глава VI. Заработная плата: размѣръ ея, неправильная выдача, фабричныя лавки, вычеты и штрафы . . . . . 57—71

ОТДѢЛЪ II. Горно-заводскіе рабочіе.

Глава I. Санитарныя условія производства въ рудникахъ, на золотыхъ промыслахъ, въ каменно-угольныхъ шахтахъ, на нефтяныхъ промыслахъ и горныхъ заводахъ . . . . 72—89

Глава II. Рабочія жилища на золотыхъ промыслахъ Урала и Сибири, на Бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ и на югѣ Россіи . . . . . 89—97

стр.

Глава III. Рабочій день . . . . . 97—101

Глава IV. Экономическое положеніе горнорабочихъ на Уралѣ, на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ и на югѣ Россіи: мѣры привлеченія рабочихъ рукъ; заработная плата, неправильная выдача ея; харчевыя лавки, штрафы . . . 101—134

Глава V. Медицинская помощь, обезпеченіе пострадавшихъ рабочихъ. Рабочіе контракты . . . . . 134—142

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Общія причины тяжелаго положенія рабочаго класса. Начало рабочаго движенія — первыя стачки. Репрессіи правительства и отношеніе общественнаго мнѣнія. Ростъ стачечнаго движенія за первое десятилѣтіе (1870-80 гг), и его особенности. — Общества и кассы взаимопомощи: ихъ распространеніе и отношеніе къ нимъ правительства. — Неудача дореформеннаго законодательства по охранѣ труда. . . . . 143—162

Часть II. Періодъ бюрократическаго урегулированія рабочаго вопроса.

Глава I. Численный ростъ рабочаго класса за послѣдніе 40 лѣтъ; распредѣленіе его по районамъ и отраслямъ промышленности; концентрація производства. Измѣненія въ составѣ и характерѣ рабочихъ массъ. Стачечное движеніе и правительственныя мѣропріятія по рабочему вопросу за періодъ 1880—1903 г.г. Характеристика нашего фабричнаго законодательства . . . . . 163—188

Глава II. Присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ и обязательныя постановленія о мѣрахъ охраненія жизни и здоровья рабочихъ. Статистика несчастныхъ случаевъ. Мѣры обезпеченія пострадавшихъ рабочихъ; временныя правила 15 мая 1901 г. и законъ 2 іюня 1903 г. Состояніе медицинской помощи . . . . . 189—202

Глава III. Санитарныя условія производства въ фабричной и горнозаводской промышленности — отсутствіе замѣтныхъ улучшеній за второй періодъ . . . . . 202—218

Глава IV. Рабочія жилища . . . . . 218—235

Глава V. Рабочій день. Законъ 2 іюня 1897 г. Сверхурочныя работы. Работа малолѣтнихъ . . . . . 235—244

Глава VI. Заработная плата фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ. Урегулированіе условій найма (сроки расплаты, штрафы, харчевыя лавки) законами 3 іюня 1886 г., 9 марта 1892 г. и 20 февр. 1895 г. . . . . 244—262

Глава VII. Внутренніе распорядки на фабрикахъ и заводахъ. Безправіе рабочихъ. Статистика „побоевъ". Обыски. Черные листы. Нѣсколько словъ объ иностранномъ капитализмѣ на русской почвѣ . . . . . 262—270

Часть III.

(1905—1907 г. г.)

Глава I. Стачечное движеніе за 1905 г. и его результаты. Начало новаго періода въ исторіи рабочаго вопроса; его особенности . . . . . 271—286

Глава II. Попытки „правительственной организаціи" рабочаго класса; ихъ крушеніе. Начало, ростъ и современное состояніе профессіональнаго движенія въ Россіи . . . . 286—295

Глава III. Достигнутые успѣхи за время революціи въ области сокращенія рабочаго дня . . . . . 295—300

Глава IV Повышеніе заработной платы и ростъ цѣнъ на жизненные продукты . . . . . 300—305

Предисловіе къ 1-му изданію.

Нижеслѣдующіе очерки посвящены изображенію тѣхъ условій, въ которыхъ протекала жизнь фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ и той борьбѣ, которую они вели за улучшеніе своего положенія.

45 лѣтъ прошло со времени паденія крѣпостного права, и въ исторіи рабочаго вопроса за это время можно намѣтить, теперь уже съ достаточной опредѣленностью, три періода развитія.

Первый періодъ продолжается съ 1861 г. до половины 80-хъ годовъ, а въ горно-заводской промышленности даже до начала 90-хъ; въ немъ взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ—предпринимателей и рабочихъ—складывались на почвѣ свободнаго договора, не стѣсняемаго контролемъ со стороны государства. Всѣ ужасы первоначальнаго, неурегулированнаго капиталистическаго фазиса нашли себѣ здѣсь выраженіе; ибо свобода договора служила лишь идеологической оболочкой, которой прикрывался необузданный произволъ капиталистовъ при эксплуатаціи рабочихъ массъ. Второй періодъ, продолжающійся съ половины 80-хъ годовъ по 1904 г., отмѣченъ печатью государственнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Законодательныя и административныя мѣропріятія этого рода имѣли своей цѣлью—предупрежденіе всякихъ поводовъ къ возникновенію у насъ все разрастающихся броженій и безпорядковъ въ средѣ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были созданы въ 1882 г. спеціальные органы контроля въ лицѣ фабричныхъ инспекторовъ.

Преслѣдуя цѣли полицейскія и подвергаясь одностороннему давленію со стороны капитала, наше фабричное законодательство не могло получить надлежащаго развитія и углубленія (съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣтенъ даже явный регрессъ) и настолько отстало отъ запросовъ жизни, что, конечно, совершенно не въ состояніи было предотвратить, а фабричная инспекція даже и предвидѣть того движенія среди рабочаго класса, которое потрясло въ 1905 г. всю—какъ торгово-промышленную, такъ и общественно-политическую жизнь Россіи... Медлительно тянувшіеся годы продолжительной реакціи уступили мѣсто бурному водовороту революціи. 17 октября старый самодержавный строй отошелъ—юридически—въ вѣчность, оставивъ своей наслѣдницей конституціонную монархію на основѣ цензоваго представительства. Но политическій переворотъ этимъ не закончился, такъ какъ на наслѣдство явились другіе претенденты, и въ этой борьбѣ рабочій классъ выступилъ на первое мѣсто въ качествѣ передового бойца, написавъ на своемъ знамени: всеобщее избирательное право и демократическая республика.

Еще нельзя въ настоящій моментъ учесть конечнаго результата, но основной тонъ событій опредѣлился съ достаточной ясностью: выступленіе на аренѣ русской революціи пролетаріата и затѣмъ крестьянства вызвано и поддерживается ихъ стремленіемъ къ гражданскому равноправію, политическому самоопредѣленію и къ освобожденію отъ того гнета эксплуатаціи какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, которому старый полицейско-бюрократическій строй, осѣняемый двухглавымъ орломъ, служилъ надежнымъ оплотомъ...

Отнынѣ рабочій вопросъ вступаетъ въ третью и наиболѣе важную стадію своего развитія.

Освобожденіе рабочаго класса можетъ быть лишь дѣломъ самихъ рабочихъ... Между тѣмъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ періодѣ для коллективной дѣятельности трудящихся массъ еще не были завоеваны необходимыя правовыя предпосылки. Союзы и собранія, экономическія стачки и политическія

организаціи, словомъ всѣ проявленія классовой борьбы—подвергались яростному преслѣдованію со стороны стараго режима, какъ бы предчувствующаго, что именно здѣсь, въ рабочемъ классѣ, онъ найдетъ самаго грознаго мстителя за попранныя народныя права...

Теперь, одолѣвъ одного врага, свергнувъ иго деспотизма, пролетаріатъ уже съ развязанными руками и съ открытыми глазами поведетъ дальнѣйшую борьбу за свое конечное освобожденіе. Исходнымъ пунктомъ новаго, третьяго періода, явятся завоеванія переживаемаго нами революціоннаго времени. Сдѣлать всѣ логическіе выводы изъ революціи, развить всю мощь, къ какой только способенъ пролетаріатъ даже при современномъ соотношеніи общественныхъ силъ—это великая задача, разрѣшеніе которой опредѣлитъ все дальнѣйшее развитіе нашей страны. То обстоятельство, что русское рабочее движеніе стало подъ знамя соціалдемократіи представляетъ собою явленіе чрезвычайной важности; ибо на Западѣ распространеніе идей научнаго соціализма происходило лишь *послѣ* переворотовъ, а во время ихъ рабочій классъ находился въ хвостѣ движенія, подчиняясь руководству буржуазіи. Впервые, въ Россіи, мы наблюдаемъ явленіе, что пролетаріатъ стоитъ не въ хвостѣ, а во главѣ движенія, имѣя свою строго самостоятельную программу, организацію и тактику, выработанную на основаніи теоріи и богатаго опыта международнаго рабочаго движенія.

Русской соціалдемократіи выпала на долю великая, въ своемъ родѣ, единственная задача; пусть она въ этомъ почерпнетъ новый источникъ силъ, чтобы оказаться на высотѣ своего положенія.

5 декабря 1905 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Кромѣ измѣненій въ размѣщеніи матеріала во второмъ изданіи сдѣланы еще слѣдующія добавленія:

Заключеніе къ 1-ой части: очеркъ развитія фабричнаго законодательства—во 2-ой части, и, наконецъ, всѣ 4 главы, составляющія 3-ю часть.

Январь 1908 г.

Отдѣлъ I.

ГЛАВА I.

Въ какомъ положеніи находились рабочія массы за время 60-хъ годовъ, т. е. въ началѣ обновленія экономическаго строя Россіи—на этотъ вопросъ можно дать отвѣтъ только приблизительный, такъ какъ относящіяся сюда свѣдѣнія отрывочны и скудны.

За 2 года до паденія крѣпостного права, въ 1859 г., учреждена была особая комиссія изъ представителей министерства финансовъ и министерства внутреннихъ дѣлъ (подъ предсѣдательствомъ Штакельберга) для того, чтобы „полнымъ преобразованіемъ въ самой системѣ законодательства по части промышленности" поставить эту отрасль народнаго хозяйства въ соотвѣтствіе съ потребностями новаго времени. Результатомъ работъ этой комиссіи явился въ 1862 г. *проектъ устава промышленности*, которымъ намѣчался рядъ довольно важныхъ преобразованій. Воспрещается работа малолѣтнихъ обоего пола, не достигшихъ 12 лѣтъ. Малолѣтніе отъ 12 до 18 лѣтъ не должны находиться на работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки, полагая въ томъ числѣ 2 часа для завтрака, обѣда и отдыха. Ночная работа (отъ 8 ч. вечера до 5 ч. утра) воспрещается лицамъ, не достигшимъ 18-тилѣтняго возраста. Устанавливаются подробныя правила предосторожности для предупрежденія несчастныхъ случаевъ и для охраненія здоровья рабочихъ. Жилыя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ, а гдѣ возможно (?), и дѣтей должны быть отдѣльныя. Воспрещается устройство наръ въ 2 яруса. Для каждаго работника или работницы должны быть отдѣльныя (по возможности желѣзныя) кровати или нары; въ послѣднемъ случаѣ пары для каждой постели раздѣлять перегородками. Въ обшир-

ныхъ промышленныхъ заведеніяхъ воспрещается рабочимъ спать въ мастерскихъ на столахъ и на полу, а равнымъ образомъ и обѣдать въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ они работаютъ; для сей цѣли должны быть устраиваемы особыя помѣщенія и т. д. Устанавливается отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Для разрѣшенія споровъ и несогласій, возникающихъ между хозяевами и рабочими, учреждаются особые промышленные суды. Члены промышленныхъ судовъ избираются хозяевами и рабочими той мѣстности, въ которой учреждается судъ, въ равномъ количествѣ отъ тѣхъ и другихъ. Правомъ выбора пользуются всѣ рабочіе, которые имѣютъ не менѣе 21 года, занимаются не менѣе 1 года работой въ данной мѣстности и не опорочены по суду или общественному приговору. Судъ разсматриваетъ, между прочимъ, просьбы о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья, дѣла о стачкахъ между рабочими противъ хозяевъ или между хозяевами противъ рабочихъ, затѣмъ всѣ споры между обѣими сторонами относительно несоблюденія условій найма, опредѣляетъ штрафы и взысканія и т. д. Для надзора за промышленными заведеніями назначается инспекторъ съ однимъ или двумя помощниками. Имъ предоставляется право посѣщать заведенія во всякое время, днемъ или ночью, требовать предъявленія имъ малолѣтнихъ, а также конторскихъ книгъ: о числѣ и возрастѣ рабочихъ, о платѣ, ими получаемой, о распредѣленіи рабочаго времени, объ условіяхъ найма и о поврежденіяхъ, полученныхъ рабочими, и т. д. [1]). Ни одному параграфу изъ этихъ преобразованій однако не суждено было осуществиться, и по этому одному уже можно судить, какъ рѣзко расходились они съ дѣйствительностью, т. е. насколько хуже было тогдашнее положеніе рабочихъ. Новая быстро-растущая сила—промышленный капиталъ—расчищалъ себѣ дорогу къ власти и, естественно, не могъ мириться съ подобными попытками ограниченія эксплуатаціи труда. Особенно внушало страхъ учрежденіе фабричной инспекціи, которой промышленники боялись, какъ огня. „Учрежденіе инспекціи,—заявляло московское отдѣленіе мануфактурнаго совѣта,—вмѣсто ожидаемой пользы, принесетъ вредъ тѣмъ, что уничтожитъ всякую связь (?) между хозяевами и рабочими, послужитъ поводомъ къ злоупотребленіямъ и увеличитъ число жалобъ“. Это

[1]) Труды комиссіи, учрежденной для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго, ч. I, 1863 г.

опасеніе и то упорство, которое проявили въ этомъ отношеніи фабриканты, показываетъ, что они вполнѣ чувствовали, что у нихъ не „все обстоитъ благополучно".

Ужъ если долженъ быть надзоръ, то „онъ долженъ быть ввѣренъ самимъ фабрикантамъ или члену мануфактуръ-совѣта", говорили бр. Хлудовы изъ Егорьевска въ своемъ замѣчаніи на „проектъ правилъ для фабрикъ и заводовъ въ Петербургѣ и уѣздѣ" [1]), статья 73-я котораго тоже имѣетъ въ виду учрежденіе фабричной инспекціи. Особенно ратовали противъ этого фабриканты центральнаго района—Морозовы, Хлудовы, Малютинъ, Прохоровъ, Шиловъ... „Имъ, предпринимателямъ, говоритъ по этому поводу въ своемъ отзывѣ тверской губернаторъ графъ Барановъ [2]), —ужасно не хочется инспектора изъ чиновниковъ, а хочется изъ купцовъ, и притомъ фабрикантовъ. Такое невинное желаніе весьма естественно со стороны человѣка (рѣчь идетъ о тверскомъ фабрикантѣ Морозовѣ), у котораго на фабрикѣ нѣтъ для рабочихъ не только воскресной школы, но и бани; несмотря на значительное разстояніе отъ города, нѣтъ даже теплыхъ въ зимнее время жилищъ для рабочихъ. Какъ ни привыкъ нашъ народъ и къ грязи, и къ вони, и къ холоду, но и тотъ уже говоритъ, что въ конурахъ рабочихъ зимой мерзнетъ вода; при фабрикѣ нѣтъ порядочно устроенныхъ отхожихъ мѣстъ, а всѣ нечистоты сваливаются ими вблизи самой фабрики въ маленькую рѣчонку, изъ которой фабричные пьютъ воду"...

Что касается литературы по рабочему вопросу, то она довольно скудна—за 60-ые и 70-ые годы. Промышленность была еще слабо развита, крестьянскій вопросъ властвовалъ надъ умами общества, и на этой почвѣ выросли какъ слабый научный интересъ къ изученію положенія рабочаго класса, такъ и всякаго рода утопическія построенія.

Въ книгѣ Ѳ. Тернера „О рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія" (1861 г.) о положеніи русскихъ рабочихъ говорится лишь на нѣсколькихъ страницахъ. „Россія, говоритъ Тернеръ, до сихъ поръ не знала ни настоящаго фабричнаго населенія, ни пауперизма. Все сельское и городское населеніе находилось у насъ на гораздо низшей ступени развитія

[1]) Этотъ проектъ, имѣющій много общаго по духу и содержанію съ проектомъ „Устава о промышленности", составленъ въ 1860 г. Его постигла та же участь.

[2]) Труды комиссіи..., ч. II, 314 стр.

благосостоянія, чѣмъ въ большей части европейскихъ странъ, но у насъ не было еще пауперизма и пролетаріата, являющагося въ Европѣ, какъ опасная язва, возлѣ самаго роскошнаго развитія благосостоянія страны и прочихъ классовъ населенія".

Въ 1856 г., при общей цифрѣ населенія Евр. Россіи въ 57 милл., городское населеніе составляло только 5.200.000 чел., т.-е. менѣе 10% [1]). „Настоящій моментъ, продолжаетъ авторъ, представляется намъ самымъ благопріятнымъ для введенія тѣхъ учрежденій для рабочаго класса", которыя въ состояніи... „предупредить самый зародышъ пауперизма". Эти особенно благопріятныя условія, въ которыхъ находится Россія, заключаются въ слѣдующемъ: во-1-хъ, русское общество присутствуетъ при „самомъ началѣ" тѣхъ золъ капитализма, какія Европѣ достались въ наслѣдство отъ прежнихъ временъ, во-2-хъ, мы можемъ воспользоваться опытностью другихъ странъ, и въ-3-хъ, въ народномъ обычаѣ уже существуетъ идея ассоціаціи— артель, а въ этомъ-то все и дѣло. „При немногочисленности нашего городского населенія, при отсутствіи пауперизма, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ мы его встрѣчаемъ въ Западн. Европѣ, мы можемъ съ легкостью нѣкоторыми благоразумными мѣрами и съ относительно небольшими средствами дать всему дѣлу такое направленіе, которое можетъ пресѣчь на будущее время образованіе у насъ пауперизма". Правда, „въ Россіи распредѣлительныя и производительныя рабочія ассоціаціи еще неизвѣстны... Можно, однако, предполагать, что, когда съ развитіемъ свободнаго труда въ Россіи и эти учрежденія станутъ мало-по-малу проникать въ наше отечество, они найдутъ хорошо подготовленную почву вслѣдствіе вообще сильнаго развитія общиннаго и ассоціаціоннаго духа въ Россіи. Развитіе ихъ пойдетъ весьма быстрыми шагами".—Послѣдующая исторія жестоко насмѣялась надъ этими, долго господствующими у насъ представленіями какъ относительно особенной „легкости" разрѣшенія соці-

---

[1]) По свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли за 1860 г., по всѣмъ 66 губерн., областямъ и градоначальствамъ Евр. и Азіатской Россіи, кромѣ Финляндіи и Ц. Польск., числилось 15,388 фабрикъ и заводовъ съ 565,142 рабочими и съ производствомъ на сумму въ 292,549 тыс. р. Если исключить Кавказъ и Азіатскую Россію, то останется 14,033 заведенія съ 558,329 рабочими.

Что касается ремесленниковъ, то, по свѣдѣніямъ центральн. статист. комитета за 1858 г., въ 49 губ. Евр. Россіи числилось 116,616 мастеровъ, 135,402 рабочихъ, 79,537 учениковъ, а всего 331,555 человѣкъ.—Труды комиссіи (Штакельберга), II ч., 1863 г. Приложеніе XVI и XVII.

альнаго вопроса въ Россіи при помощи „небольшихъ средствъ“, такъ и относительно сильнаго развитія у насъ общиннаго и кооперативнаго духа.

Въ 1869 г. вышла извѣстная книга Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“.

Для тогдашней эпохи является характернымъ то, что авторъ не выдѣляетъ рабочаго вопроса изъ крестьянскаго, и большую часть его книги занимаетъ описаніе положенія именно земледѣльческаго населенія.

Въ сочиненіи Флеровскаго нашла себѣ яркое выраженіе мысль, что одна реформа 19 февраля 1861 г. не произвела, да и не могла произвести серьезнаго улучшенія въ положеніи народныхъ массъ. „Природа даетъ возможность поражать міръ такимъ же благоденствіемъ, какимъ его поражаетъ демократія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, а соціальныя условія заставляютъ поражаться такими бѣдствіями рабочаго населенія, которыя почти неслыханны, въ сравненіи съ которыми много разъ оплаканныя судьбы европейскаго пауперизма должны представляться райскимъ блаженствомъ и недосягаемымъ благополучіемъ“.

Причину крестьянскаго обѣднѣнія авторъ видитъ въ тяжести оброковъ и податей и во вредномъ вліяніи помѣщичьяго землевладѣнія. „Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что если бы у насъ не было помѣщичьихъ земель, то Россія по благосостоянію своему немедленно сравнялась бы съ Европой, а при улучшеніи финансовой системы стала бы догонять Америку. Причину же безотраднаго положенія фабрично-заводскаго населенія Флеровскій видитъ въ крупно-капиталистической организаціи производства. Сравнивая два уѣзда Нижегородской губерніи—Ардатовскій съ крупными чугунно-плавильными заводами и Горбатовскій съ мелкой кустарной промышленностью,—авторъ приходитъ къ заключенію, что мелкая промышленность гораздо лучше обезпечиваетъ населеніе, чѣмъ крупная. „Неужели можно равнодушно смотрѣть на то, что машины—этотъ важнѣйшій благодѣтель человѣческаго рода, это плодоносное орудіе, которое даетъ рабочему возможность, при несравненно меньшихъ усиліяхъ, производить не только вдвое и втрое, но иногда во 100 разъ болѣе,—эти машины дѣлаются бичемъ для рабочаго класса? Не только для работниковъ, для цѣлыхъ мѣстностей оказывается болѣе выгоднымъ производить мало и дорого, чѣмъ производить много и дешево“. Въ чемъ же выходъ? „Спасти Россію отъ всѣхъ этихъ бѣдствій (дороговизны

продуктовъ и нищеты населенія), говоритъ Флеровскій относительно горной промышленности, можно только передачей промысловъ и заводовъ въ руки заводскихъ артелей. Между различными артелями будетъ конкуренція. Капиталистъ тутъ совершенно излишній, отъ него нужно избавиться при первой возможности"...

Отъ книги Флеровскаго остается полный сумбуръ въ головѣ при первомъ чтеніи, — такъ перепутаны тамъ общія соображенія съ единичными фактами въ соединеніи съ операціями надъ многочисленными данными статистики,—операціями, довольно рискованными въ виду жалкаго состоянія у насъ этой науки. Но при нѣкоторомъ усиліи можно найти въ ней цѣнныя указанія на складывающіеся или уже сложившіеся порядки промышленной жизни.

Вездѣ на фабрикахъ и заводахъ, замѣчаетъ авторъ, рабочій поставленъ въ такое положеніе, что онъ не можетъ существовать своими заработками, хотя производительность его была бы достаточна для роскошнаго содержанія; вслѣдствіе недостаточныхъ заработковъ, дурной расплаты и обсчитыванія онъ вездѣ погрязаетъ въ долгахъ. Какъ часто фабрикантъ находитъ болѣе выгоднымъ безчестнымъ образомъ держать рабочихъ въ кабалѣ посредствомъ подобныхъ долговъ, чѣмъ честно обезпечивать ихъ существованіе. Работники и даже дѣти изнуряются непосильной работой по *16 часовъ* въ день. Ярославскій статистическій комитетъ нашелъ образцовымъ положеніе рабочихъ на фабрикахъ, гдѣ мужчины, женщины и дѣти работали по $14^1/_2$ час. въ сутки и жили въ казармахъ! Для охраненія здоровья работника не принимается никакихъ мѣръ, и въ то время, когда работники гибнутъ самымъ несчастнымъ образомъ, капиталисты получаютъ на свой капиталъ по 60% въ годъ [1]). Чаще всего администрація не принимаетъ никакихъ мѣръ для сохраненія здоровья рабочаго, но и тамъ, гдѣ мѣры эти по разнымъ причинамъ принимаются, онѣ остаются безуспѣшными. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ калужская памятная книжка.

„Владѣльцы, хотя и дали подписку къ устройству вентиляторовъ для очищенія воздуха, улучшенныхъ топокъ и всего прочаго, однако къ выполненію своихъ подписокъ до сего времени не приступали; за городъ *не* выведено до сихъ поръ ни одного изъ назначенныхъ къ тому заводовъ; вновь же учредилось *самовольно* еще нѣсколько заведеній".

---

[1]) Товарищество новой бумагопрядильни выдало въ 1863 г. 480 тысячъ дивиденда на капиталъ въ 800 тыс., т. е. 60%.

Въ памятной книжкѣ Ярославской губ. одинъ фабрикантъ, Журавлевъ, выставляется благодѣтелемъ своихъ рабочихъ за то, что онъ при фабрикѣ имѣетъ лавки, въ которыхъ продаетъ разный товаръ, нужный для рабочихъ. „Прочитавъ это, я не могъ падивиться невѣдѣнію въ дѣлахъ нашей промышленности такого учрежденія, какъ Ярославск. статист. комитетъ: имѣніе фабрикантами лавокъ съ произведеніями, нужными рабочимъ,—это не благодѣяніе, а часто зло и орудіе притѣсненія въ ихъ рукахъ. Статистическій комитетъ, можетъ быть, считаетъ Журавлева въ этомъ отношеніи исключеніемъ? не спорю. Но у насъ охотниковъ до такихъ спекуляцій не мало, и я насмотрѣлся на ихъ продѣлки и наслушался ихъ увѣреній, что они бѣрутъ не болѣе 10%. Можетъ быть, по одной этой причинѣ доходы рабочихъ слѣдуетъ уменьшать, по крайней мѣрѣ на 25%. Къ несчастію, статья эта до такой степени явно обнаруживаетъ стремленіе писать панегирикъ, что является сомнѣніе, одно ли невѣдѣніе есть причина ея ошибокъ“. Задержка заработной платы, эксплоатація при помощи фабричныхъ лавокъ, полнѣйшее пренебреженіе предпринимателей не только къ здоровью, но и къ жизни рабочихъ, нищенская плата при чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня—все это явленія типическія для даннаго времени и были констатированы со всѣми подробностями въ отчетахъ фабричной инспекціи въ половинѣ 80-хъ годовъ.

„Фабричная промышленность въ Россіи не только не дѣлаетъ фабричное населеніе счастливымъ, но... союзъ помѣщичьяго поземельнаго владѣнія съ фабрикантами и заводчиками дѣлаетъ русскаго рабочаго окончательно несчастнымъ и бѣдствующимъ существомъ“.

„Изъ 12 промышленныхъ губерній въ 10 смертность значительнѣй, чѣмъ въ самыхъ ужасныхъ кварталахъ Лондона, гдѣ живутъ одни воры и нищіе. Патріоту можно сойти съ ума, добравшись до такихъ данныхъ. Раздѣленіе труда, которое даетъ рабочему возможность удесятерить свое производство, дѣлается для него источникомъ голода, бѣдности и смерти до такой степени, что изъ 12 промышленныхъ губерній въ трехъ населеніе уменьшилось, а въ одной вовсе не увеличилось“.

Литература 70-хъ годовъ не дала ничего выдающагося по интересующему насъ вопросу.

Правда, за это время дѣйствовали двѣ правительственныхъ комиссіи—подъ предсѣдательствомъ Игнатьева и Валуева—для урегулированія обнаружившихся уже золъ промышленной жизни,

но составленные въ этомъ смыслѣ *проекты* въ 1871, 1873 и 1875 г. (ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда, ночной работы, принятіе мѣръ предосторожности для охраненія здоровья и жизни рабочихъ и т. д.) разбились о противодѣйствіе заинтересованныхъ сферъ, какъ и предшествующіе проекты 60-хъ годовъ [1]). А для передовой общественной мысли того времени еще находился подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ: быть или не быть капитализму въ Россіи?

„Систематическихъ работъ и изслѣдованій, направленныхъ въ къ всестороннему изученію фабрично-заводскихъ порядковъ и условій жизни фабричнаго населенія", читаемъ мы въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1882 г. [2]), „до послѣдняго времени не предпринималось ни правительствомъ, ни земствомъ, ни тѣмъ болѣе частными лицами.

„Неудивительно поэтому, что представленія большинства нашего общества о фабричномъ бытѣ не идутъ далѣе представленія чего то ужаснаго, губительно отзывающагося на здоровьѣ рабочихъ. Но въ чемъ именно заключается ужасъ положенія фабричныхъ рабочихъ и до какой степени ужасны условія ихъ жизни—это для большинства остается неяснымъ и даже совсѣмъ неизвѣстнымъ".

Однако, въ 70-хъ годахъ уже были сдѣланы первые шаги въ направленіи къ такому изслѣдованію.

Въ 1874 г. былъ произведенъ, по распоряженію администраціи, осмотръ фабрикъ и заводовъ во Владимірской г., въ 1876 г.—въ Московскомъ уѣздѣ, по иниціативѣ земства, а въ 1878—79 году Петербургская земская управа пригласила студентовъ-медиковъ для санитарнаго изслѣдованія Петербургскаго уѣзда.

Наконецъ, въ 1879-мъ году Московское губернское земство приступило къ изученію санитарнаго положенія фабрикъ и заводовъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Матеріалы этого изслѣдованія, производившагося съ 1879 по 1885 годъ, вмѣстѣ съ отчетами фабричныхъ инспекторовъ являются главнымъ и высокоцѣннымъ

---

[1]) Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 1866 г., по которому содержателямъ фабрикъ и заводовъ было вмѣнено въ обязанность завести больницу съ числомъ кроватей по разсчету одной на 100 рабочихъ, и также аптеки и постоянныхъ врачей, если рабочихъ не менѣе 100 — фактически оставалось безъ примѣненія и почти повсюду игнорировалось.

[2]) №№ 3 и 4.

источникомъ при изученіи положенія рабочаго класса за *первый* періодъ. Ихъ мы будемъ разсматривать вмѣстѣ, теперь же остановимся на такъ назыв. Хлудовской исторіи, которая въ свое время много содѣйствовала разоблаченію тѣхъ безобразныхъ порядковъ, которые установились въ нашей фабрично-заводской жизни [1]).

Хлудовъ (отецъ), наживая милліоны, въ то же время, по купеческому обычаю, старался и о спасеніи своей души. Такъ незадолго до „исторіи“ онъ сдѣлалъ пожертвованіе въ 120.000 р. на поддержаніе типографіи, печатавшей богослужебныя книги для старообрядцевъ-единовѣрцевъ, да и раньше не мало его денегъ ушло на дѣло спасенія душъ раскольниковъ и обращенія ихъ въ лоно православной церкви. Послѣ этого онъ явился 8 сентября 1880 г. въ Ярцево (Смоленской губ.) и сдѣлалъ распоряженіе о *скидкѣ* 10% съ получаемаго рабочими жалованья, тѣмъ болѣе что въ это время начинался уже кризисъ съ пониженіемъ цѣнъ на хлопчатобумажныя издѣлія. Съ этого то и начался „бунтъ“.

Какъ ни тяжело было время осенью 1880 года—время начинающагося кризиса въ промышленности и повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, рабочіе, вспомнивъ, вѣроятно, рядъ прежнихъ притѣсненій и обидъ, рѣшили не работать болѣе у Хлудова. Однако, прежде чѣмъ уйти съ фабрики, они потребовали для объясненія директора—англичанина Миленча. Но онъ скрылся, неизвѣстно куда. Ему памятна была одна, очень непріятная исторія. Говорятъ, что рабочіе, разъ встрѣтивъ его одного, накрыли его зипуномъ и „своими средствіями“ отплатили англичанину Миленчу за всѣ штрафы и побои, практиковавшіеся имъ съ большой щедростью. Вмѣсто директора явился хозяйскій сынъ, Михаилъ Хлудовъ. Рабочіе потребовали расчета или уничтоженія сбавки, Хлудовъ заявилъ, что расчета не будетъ, но что и сбавка останется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая отвлечь толпу отъ зданій фабрики и машинъ, онъ предложилъ рабочимъ итти „погулять“ въ Ярцевъ-Перевозъ, приказалъ принести два ящика орѣховъ и пряниковъ изъ своей лавки и сталъ бросать эти сласти въ толпу съ балкона. Щедрость его дошла даже до того, что онъ громогласно приказалъ отпустить въ трактирѣ каждому рабочему по *одному* стакану чая. „Я за пятачекъ, сколько хочу, пить буду“,

[1]) См. „Отечеств. Записки“, 1882 г., № 5. „Русская Мысль“, 1880 г., № 11. „Недѣля“, 1884 г., №№ 43, 44 и 45, 1885 г. № 21.

отвѣчали ему. Какъ мало въ поведеніи толпы рабочихъ было чего нибудь похожаго на бунтъ, видно изъ того, что при этомъ одинъ изъ рабочихъ, Максимъ Балакиревъ, вынулъ жилейку (родъ дудки) и началъ играть. Толпѣ это очень понравилось, а Хлудовъ далъ музыканту рублевую бумажку. Но, лаская съ одной стороны, рабочихъ, онъ въ то же время послалъ за урядникомъ. Толпа уже была въ Ярцевѣ-Перевозѣ, гдѣ пили и шумѣли. Явившійся урядникъ, чтобы поддержать свой авторитетъ, немедленно приступилъ къ дѣйствію и началъ стегать плетью рабочихъ, но былъ избитъ. Впрочемъ, Хлудову безъ труда удалось спрятать урядника на чердакѣ одного зданія, гдѣ онъ не терялъ даромъ времени. „Съ чердака было виднѣй, кто главные бунтовщики“, говорилъ онъ впослѣдствіи у мирового судьи. Между тѣмъ полетѣли телеграммы, вызваны были войска. Рабочіе продолжали вести себя самымъ мирнымъ образомъ. Ночью 9 сентября пріѣхалъ на фабрику смоленскій губернаторъ. Сразу понявъ, въ чемъ дѣло, онъ убѣдилъ Хлудова отмѣнить сбавку. Не довѣряя хозяину, рабочіе попросили, чтобы объ отмѣнѣ сбавки были повѣшены на фабрикѣ объявленія. По распоряженію губернатора, это было исполнено, и, считая дѣло оконченнымъ, губернаторъ уѣхалъ. Часть рабочихъ направилась было къ станкамъ, но большинство желало, чтобы за прогульные дни не было вычетовъ и чтобы были уничтожены произвольные штрафы, и оттѣснило съ фабрики соглашавшихся начать работу. Извѣщенный объ этомъ, губернаторъ снова явился на фабрику. Что онъ сдѣлалъ въ этотъ свой пріѣздъ, остается неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого явились войска, а губернаторъ возвратился въ Смоленскъ. Съ прибытіемъ войскъ Мих. Хлудовъ сразу перемѣнилъ тонъ и повелъ себя иначе. Лишь только губернаторъ уѣхалъ, Хлудовъ приказалъ сорвать объявленія объ отмѣнѣ сбавки и затѣмъ пригрозилъ рабочимъ, что онъ сбавитъ съ заработной платы вмѣсто 10—15%. Войска заняли, между тѣмъ, фабрику, размѣстились у входа, на лѣстницахъ, въ конторѣ, у кассы и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались аресты „главныхъ бунтовщиковъ“. Самымъ главнымъ оказался... тотъ самый Максимъ Балакиревъ, который забавлялъ рабочихъ и Хлудова игрою на жилейкѣ. Другой „главный бунтовщикъ“, Здоровенко, былъ арестованъ за то, что обратился къ исправнику съ заявленіемъ получить расчетъ...

Годъ былъ трудный, и мѣстные рабочіе-смольчане рѣшили смириться, за исключеніемъ пришлыхъ, подмосковныхъ крестьянъ,

которые предпочли получить расчетъ и были немедленно съ особыми поѣздами *отправлены* на родину. „Бунтъ“ былъ усмиренъ.

Арестованные рабочіе, всѣ—молодые парни, около 20 лѣтъ, просидѣли въ тюрьмѣ около 5 мѣсяцевъ, пока московская судебная палата не опредѣлила, за отсутствіемъ въ дѣяніи обвиняемыхъ противодѣйствія властямъ, передать дѣло мировому судьѣ.

Если у Хлудова, Миленча и др. оставалось до всей этой исторіи еще какое нибудь сомнѣніе, могутъ ли они дѣлать безнаказанно все, что имъ угодно, то послѣ нея всякія сомнѣнія исчезли: власти были на ихъ сторонѣ противъ рабочихъ.

23 января 1882 года Хлудовская мануфактура загорѣлась, и отъ громаднаго 5-ти этажнаго корпуса остались однѣ каменныя стѣны. Впрочемъ, Хлудовъ не оказался въ большомъ убыткѣ—онъ получилъ 1 милліонъ 700 тысячъ руб. одной страховочной суммы, а потерпѣвшими оказались тѣ же рабочіе. Послѣ пожара остались... *семь возовъ труповъ*. По распоряженію директора Миленча, *рабочіе были заперты* въ горѣвшемъ зданіи, чтобы не разбѣжались и лучше тушили пожаръ, а сторожа снаружи даже отгоняли желавшихъ помочь горѣвшимъ. „Думали народомъ огонь погасить“, —такъ объяснялъ корреспонденту „Недѣли“ одинъ рабочій [1]).

„Служа гнѣздомъ всякой заразы, милліонная фабрика Хлудова является въ то же время образцомъ безпощадной эксплоатаціи народнаго труда капиталомъ“, такъ говорится въ изслѣдованіи земской санитарной комиссіи (1880 г.), и Духовщинское земское собраніе дважды ходатайствовало объ учрежденіи на фабрикѣ купца Хлудова должности земскаго коммисара для наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ правилъ.

Работа на фабрикѣ обставлена крайне неблагопріятными условіями: рабочимъ приходится вдыхать хлопчатобумажную пыль, находиться подъ дѣйствіемъ удушливой жары—до 28,2° R.—и переносить удушливый запахъ, распространяющійся изъ дурно устроенныхъ ретирадъ. Фабричная администрація объясняла, что потому не принимается мѣръ къ ихъ (ретирадъ) улучшенію, что, въ противномъ случаѣ, съ уничтоженіемъ міазмовъ, эти мѣста превратились бы въ *мѣста отдохновеній для рабочихъ*, и

[1]) Вскорѣ послѣ этого на петербургской табачной фабрикѣ бр. Шапшалъ тоже произошла катастрофа, стоившая многихъ жизней. *Работницы были заперты во время пожара*—съ цѣлью предупредить расхищеніе хозяйскаго табаку.

ихъ пришлось бы выгонять оттуда силой. Каковы должны быть удобства жизни и работы на фабрикѣ Хлудова, если даже ретирады могутъ сдѣлаться мѣстами отдохновенія?

Работа идетъ и днемъ и ночью, каждому приходится работать 2 смѣны въ сутки, черезъ 6 часовъ дѣлая перерывъ, такъ что въ концѣ концовъ рабочій никогда не можетъ выспаться вполнѣ. При фабрикѣ рабочіе помѣщаются въ громадномъ, сыромъ корпусѣ, въ 3 этажа, раздѣленномъ, какъ гигантскій звѣринецъ, на клѣтки или каморки, грязныя, смрадныя, пропитанныя вонью отхожихъ мѣстъ. Жильцы набиты въ этихъ каморкахъ, какъ сельди въ бочкѣ. Земская комиссія приводитъ такіе факты: каморка въ 13 куб. саженъ служитъ помѣщеніемъ, во время работъ, для 17 человѣкъ, а въ праздники или во время чистки машинъ—для 35—40 человѣкъ. Вообще, по словамъ Хлудовскаго фабричнаго доктора Михайлова, въ каморкахъ приходится по 0,6 куб. саж. [1]) зараженнаго всякими испареніями и газами воздуха на человѣка. Рабочіе нанимаются на годъ. Въ рабочихъ книжкахъ, которыя рабочимъ не выдаются, точно обозначается обязанность рабочихъ не покидать фабрики до истеченія года; что касается фабричной конторы, то она можетъ всегда прогнать рабочаго, коль скоро она, какъ говорится въ книжкѣ, „недовольна“ имъ. Штрафы были такъ велики и многочисленны, что положительно отравляли всю жизнь: на нѣкоторыхъ рабочихъ насчитывалось по 10, 15 руб. въ мѣсяцъ штрафовъ и вычетовъ разнаго рода. „Иной разъ работаешь, работаешь, анъ тебя въ одной рубашкѣ выпустятъ“, жаловались рабочіе при разборѣ мировымъ судьей дѣла о „бунтѣ“. Наконецъ, нерѣдко рабочихъ гнали съ фабрики безъ всякаго расчета. Жалованье, какъ водится, получали не деньгами, а съѣстными припасами и одеждой изъ хозяйскихъ лавокъ.

Эксплоатація дѣтскаго труда производилась въ широкихъ размѣрахъ. Изъ общаго числа рабочихъ 24,6% составляли дѣти до 14 лѣтъ, другую $^1/_4$ (25,6%) составляли подростки до 18 лѣтъ. Утомленіе, сопряженное съ трудомъ на фабрикѣ, было такъ велико, что, по словамъ земскаго врача, дѣти, подвергавшіеся ка-

---

[1]) Намъ часто придется впослѣдствіи встрѣчаться съ этимъ выраженіемъ. Поэтому замѣтимъ здѣсь, что въ жилыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ человѣкъ отдыхаетъ, нормой считается $1^1/_2$ куб. саж., и въ мастерскихъ, гдѣ онъ работаетъ,—3 куб. саж. на человѣка. Это—при наличности надлежащихъ приспособленій для вентиляціи.

кому-нибудь увѣчью, засыпали во время операціи такимъ крѣпкимъ, какъ бы летаргическимъ сномъ, что не нуждались въ хлороформѣ.

Въ заключеніе можно сказать, что чистый доходъ равнялся 45% въ годъ.

Какъ много здѣсь типическаго, а не исключительнаго—это мы увидимъ ниже.

Какъ извѣстно, 1882 г. является началомъ нашего фабричнаго законодательства: былъ изданъ законъ о запрещеніи работы малолѣтнихъ и введены фабричные инспектора. Дѣйствительность этихъ мѣропріятій подлежитъ, конечно, еще большому сомнѣнію, но во всякомъ случаѣ, фабричн. инспекторамъ перваго призыва удалось собрать такимъ образомъ массу хотя и отрывочныхъ, но все же цѣнныхъ свѣдѣній, бросающихъ яркій свѣтъ на непризнанный, но тѣмъ не менѣе страшный для правящихъ сферъ *рабочій* вопросъ...

Въ нашихъ рукахъ имѣются отчеты по Владимірской и Московской г. за 1882—3 г., затѣмъ отчеты по 9 фабричнымъ округамъ и, наконецъ, 1 отчетъ главнаго фабричнаго инспектора—все это за 1885 г. Указанные 9 округовъ обнимаютъ 57 губерній и 1 область. Число промышленныхъ заведеній въ нихъ, подлежащихъ вѣдѣнію фабричной инспекціи, равнялось 24,913 съ 869,828 рабочими. Къ этимъ матеріаламъ, пополненнымъ данными изъ другихъ источниковъ, мы теперь и приступимъ.

ГЛАВА II.

Въ отчетахъ петербургскаго и варшавскаго окружныхъ инспекторовъ за 1885 г. нѣтъ свѣдѣній о санитарномъ состояніи фабрикъ и заводовъ. Но относительно послѣдняго округа имѣются данныя г. Святловскаго, который съ 1884—86 г. былъ фабричнымъ инспекторомъ въ Харьковскомъ, а съ 1886 по 1888 г.—въ Варшавскомъ округѣ, и осмотрѣлъ лично около 1500 заведеній съ 125,000 рабоч. Относительно рабочихъ помѣщеній (мастерскихъ), говоритъ онъ, можно принять за правило слѣдующее положеніе: если во вновь воздвигаемыхъ фабрикахъ далеко не всегда обращается вниманіе на требованія строительной гигіены, то въ старыхъ фабрикахъ и, особенно, въ мелкихъ заведеніяхъ эти требованія *всегда* и благополучно игнорируются, и

Московская Центральная Публичная Библиотека

нигдѣ не имѣется приспособленій ни для вентиляціи, ни для удаленія пыли.

„Наилучшимъ устройствомъ отличаются новыя фабрики (ткацкія и прядильныя) по обработкѣ прядильныхъ веществъ; ихъ теперь зачастую въ Привислинскомъ краѣ устраиваютъ въ одинъ этажъ, на бельгійскій манеръ. Все зданіе идетъ уступами, причемъ покатая крыша каждаго уступа, какъ въ оранжереѣ, состоитъ изъ стекла, что даетъ внутрь зданія массу разсѣяннаго, пріятнаго для глазъ, свѣта. Размѣры мастерскихъ въ такихъ фабрикахъ обыкновенно громадны. Такъ напр., главная ткацкая мастерская, устроенная по этому типу, на ленточно-тесемочно-кружевной фабрикѣ Гемпеля (Варшав. г.) даетъ на каждаго рабочаго до 100 куб. метровъ пространства. Къ сожалѣнію, такое устройство встрѣчается рѣдко и въ Привислинскомъ краѣ, а въ Харьковскомъ округѣ и вовсе нѣтъ ничего подобнаго“ [1]). Замѣтимъ здѣсь, что при обработкѣ волокнистыхъ веществъ на здоровьѣ рабочихъ вредно отражается не столько плохое состояніе зданій, а, главнымъ образомъ, масса пыли, вредныя испаренія, высокая температура, и т. д. какъ мы это увидимъ при описаніи Владимірско-Московскаго района.

Кожевенные заводы Харьковскаго округа, продолжаетъ Святловскій, почти не могутъ итти въ сравненіе съ таковыми же заведеніями Привислинскаго края и особенно Варшавы, гдѣ сосредоточено нѣсколько десятковъ крупныхъ кожевенныхъ заводовъ. Всѣ кожевни Харьковскаго округа—скорѣе бѣдныя ремесленныя заведенія, а въ Привислинскомъ краѣ—это крупныя фабрики, иногда освѣщенныя электричествомъ, съ нѣсколькими сотнями рабочихъ. И если въ технико-санитарномъ отношеніи кожевенное производство у насъ въ Россіи принадлежитъ къ числу самыхъ больныхъ и отсталыхъ отраслей нашей промышленности, то далеко нельзя сказать того же про подобныя заведенія Царства Польскаго. „Но отсюда еще, конечно, далеко до сколько-нибудь идеальной санитарной обстановки, и все, что можно сказать про привислинск. кожевенные заводы, это—что рабочая обстановка здѣсь лучше, чѣмъ въ Россіи *но все же очень плоха*“.

Въ мастерскихъ, правда, не спятъ, какъ у насъ, но зато эти мастерскія тоже сыры и зловонны. Особыхъ раздѣваленъ для рабочихъ, гдѣ они могли бы оставить свое верхнее платье, и

[1]) В. Святловскій. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислинскомъ краѣ и въ Малороссіи, 1889 г., 110 стр.

здѣсь не имѣется. Въ апретурныхъ и отдѣлочныхъ отдѣленіяхъ никакихъ вентиляціонныхъ приспособленій не имѣется; точно такъ же нѣтъ и спеціальныхъ приспособленій для уничтоженія вреднаго вліянія пыли.

Очень дурно устроены, далѣе, на всѣхъ Варшавскихъ кожевенныхъ заводахъ пріемники, гдѣ хранятся плотные отбросы заводовъ, какъ-то шерсть, мездра и проч. Въ качествѣ такихъ пріемниковъ служатъ или простыя ямы, или, на лучшій конецъ, плохо сколоченные ящики. Понятно, что такіе пріемники, особенно въ жаркое время года, издаютъ страшное зловоніе и пропитываютъ почву гніющими веществами.

Весьма плохо устроены рабочія помѣщенія почти на всѣхъ махорочныхъ фабрикахъ. „Всего ужаснѣе устроены сушильни, а между тѣмъ рабочимъ приходится иногда сидѣть тамъ минутъ 15 и даже $^1/_2$ часа, вслѣдствіе чего ихъ оттуда вытаскиваютъ нерѣдко въ глубокомъ обморокѣ. При входѣ въ сушильню духъ захватываетъ почти въ той же мѣрѣ, какъ и при входѣ въ то помѣщеніе химическихъ заводовъ, гдѣ добывается соляная кислота“.

„Почти повсюду машины размѣщены тѣсно, а проходы узки. Огражденіе опасныхъ частей механизмовъ или отсутствуетъ, или недостаточно“.

Въ отчетѣ виленскаго окружнаго инспектора д-ра Городкова за 1885 г. говорится, что „устройство осмотрѣнныхъ въ округѣ промышленныхъ заведеній съ санитарной точки зрѣнія представляетъ весьма значительныя несовершенства. Главныя ошибки сдѣланы были при первоначальномъ устройствѣ фабрикъ, когда, видимо, имѣлись въ виду одни соображенія, спеціально экономическія,—удобства размѣщенія станковъ, машинъ, а объ удобствахъ для рабочихъ, въ смыслѣ сохраненія ихъ здоровья, не было помышленія. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ заведеній (271) можно указать только на 5—10 фабрикъ, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ въ санитарномъ отношеніи“.

Относительно количества воздуха и простора лучше всего дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ употребляются станки и машины значительныхъ размѣровъ,—на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, механическихъ заводахъ, писчебумажныхъ, обрабатывающихъ дерево и минеральныя вещества, мукомольныхъ мельницахъ, типо-литографіяхъ и т. д. Тамъ же, гдѣ по условіямъ производства не требуется ни крупныхъ снарядовъ, ни машинъ, рабочія

помѣщенія имѣютъ обыкновенно компатный размѣръ, и кубическое содержаніе воздуха на человѣка бываетъ нерѣдко... менѣе 1 кубической сажени! Къ заведеніямъ этой категоріи принадлежатъ, прежде всего, табачныя и спичечныя фабрики, а также большинство ремесленныхъ заведеній, особенно гильзовыя фабрики. Тутъ рабочіе сидятъ обыкновенно вплотную другъ къ другу, и кубическое содержаніе воздуха на человѣка рѣдко бываетъ болѣе $^1/_2$ и даже $^1/_3$ куб. сажени".

Для возобновленія воздуха въ фабричныхъ помѣщеніяхъ почти всегда встрѣчаются какія-нибудь приспособленія. Полное отсутствіе ихъ можно встрѣтить только на самыхъ бѣдныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ и на маленькихъ спичечныхъ фабрикахъ, гдѣ для этой цѣли служитъ... постоянно открытая дверь. Итакъ, форточки или что нибудь подобное встрѣчаются почти вездѣ, но вотъ бѣда: „сѣтокъ у форточекъ обыкновенно нѣтъ, и потому послѣднія въ зимнее время почти никогда не отпираются рабочими изъ опасенія простуды". Рабочіе чаще всего или совсѣмъ не обращаютъ вниманія на нихъ, или же, какъ увѣряютъ завѣдующіе фабриками, нерѣдко умышленно портятъ вентиляторы и затыкаютъ ихъ тряпками. „Словомъ, вентиляціонныя приспособленія на фабрикахъ края, до появленія фабричной инспекціи, говоря безъ преувеличенія, существовали только для формы..." „Вопросъ о ретирадахъ,—говорится далѣе въ отчетѣ, — инспекція нашла въ довольно безобразномъ видѣ. Она настойчиво указывала на необходимость опрятности и дезинфекціи этихъ неприглядныхъ уголковъ фабричныхъ дворовъ. ...Почти нигдѣ фабричная инспекція не нашла отдѣльныхъ и находящихся на извѣстномъ разстояніи ретирадъ для женщинъ и мужчинъ или, по крайней мѣрѣ, отдѣленныхъ другъ отъ друга перегородкой съ соотвѣтствующими надписями: мужск.—женск., и съ перваго своего шага обязала фабрикантовъ устранить такое вопіющее физическое и нравственное безобразіе".—Это, конечно, похвально и дѣлаетъ честь возвышеннымъ чувствамъ д-ра Городкова. Но въ отвѣтѣ администраціи извѣстной уже намъ Хлудовской мануфактуры по этому поводу есть извѣстная логика. Прежде чѣмъ устраиваться комфортабельнымъ ретирадамъ, жилища для рабочихъ должны принять болѣе пристойный видъ и утратить свое сходство со стойлами или съ собачьими конурами А таковы, между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, квартиры для рабочихъ на большинствѣ фабрикъ и заводовъ...

Въ отчетѣ инспектора Кіевскаго округа за 1885 годъ наше вниманіе прежде всего привлекаютъ сахарные заводы, какъ главные, если не единственные представители крупной капиталистической промышленности, такъ какъ громадная часть остальныхъ заведеній мелки какъ по числу рабочихъ, такъ и по стоимости производства и даже носятъ полукустарный характеръ. Сахарные заводы представляютъ собою огромныя каменныя зданія, постройка которыхъ, со всѣми приспособленіями, обходится въ сотни тысячъ рублей. На 1 заводъ, въ среднемъ, приходится 611 челов. рабочихъ. Имѣя въ виду также и то, что заводы эти находятся въ рукахъ интеллигентныхъ лицъ и даютъ хорошій доходъ, можно было бы ожидать, что въ нихъ приняты всевозможныя мѣры къ благоустройству въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, что приняты во вниманіе всѣ строительныя правила и т. д. На дѣлѣ же это далеко не такъ. „Изъ числа 19 осмотрѣнныхъ заводовъ 5 въ санитарномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать крайне неудовлетворительными: они тѣсны и грязны; вслѣдствіе тѣсноты и температура во многихъ отдѣленіяхъ непомѣрно высокая... На всѣхъ осмотрѣнныхъ заводахъ не имѣется почти никакихъ особыхъ вентиляціонныхъ приспособленій...; нерѣдко рабочія помѣщенія бываютъ переполнены парами, а часто и рѣзкимъ запахомъ фильтрпрессной грязи. Поэтому рабочіе часто сами устраиваютъ вентиляцію, выставляя или выбивая окна, результатомъ чего являются постоянные сквозняки“ (это при высокой-то температурѣ въ 36° и выше!). На нѣкоторыхъ заводахъ „помѣщенія для мойки бураковъ отличаются крайней сыростью, темны и грязны...; рабочимъ, при общей сырости, приходится стоять босыми въ водѣ... Если помѣщенія для дефекаціонныхъ котловъ въ большинствѣ заводовъ удовлетворительны, а въ нѣкоторыхъ даже хороши, то паточныя отдѣленія въ большинствѣ заводовъ устроены весьма неудовлетворительно. Къ числу наиболѣе вредныхъ работъ на сахарныхъ заводахъ слѣдуетъ отнести работы съ известью, которыя состоятъ въ гашеніи, переноскѣ и разбалтываніи извести съ водою. Мельчайшія частицы ея носятся въ воздухѣ, покрываютъ платье и тѣло рабочихъ, дѣйствуя разрушающимъ образомъ на то и другое, разъѣдаютъ глаза и, несмотря на повязки, проникаютъ въ легкія и вызываютъ разнаго рода легочныя страданія“. Помѣщенія для всѣхъ этихъ операцій съ известью устроены крайне неудовлетворительно. Рядомъ съ помѣщеніями, гдѣ температура очень высокая, располагаются отдѣленія совершенно холодныя. Но

„еще большее. зло составляетъ отсутствіе въ самыхъ заводахъ теплыхъ отхожихъ мѣстъ. Таковыя изъ всѣхъ посѣщенныхъ заводовъ имѣются только въ двухъ; во всѣхъ же остальныхъ эти мѣста отнесены слишкомъ далеко, такъ что рабочимъ, разогрѣвшимся въ помѣщеніи (до 40°), босымъ и полуодѣтымъ приходится пробѣгать весьма значительныя разстоянія; въ нѣкоторыхъ же заводахъ эта необходимая принадлежность совсѣмъ отсутствуетъ, и рабочіе отправляютъ естественныя надобности, гдѣ попало“.

Весьма существенный недостатокъ почти всѣхъ сахарныхъ заводовъ, — продолжаетъ инспекторъ Новицкій, — это — отсутствіе огражденій при машинахъ и опасныхъ частяхъ механизмовъ; существующія огражденія крайне несовершенны и состоятъ обыкновенно изъ легкихъ деревянныхъ перилъ, поставленыхъ кое-какъ. Передаточные ремни рѣдко бываютъ закрыты футляромъ или огорожены.

Обратимся теперь къ отчету инспектора Харьковскаго округа, Святловскаго. „На большинствѣ сахарныхъ заводовъ рабочія помѣщенія просторны и хорошо освѣщены (газомъ и даже электричествомъ). Къ сожалѣнію, помѣщенія эти страдаютъ часто недостаткомъ огражденій и нѣкоторой тѣснотой въ расположеніи аппаратовъ“. Условія труда очень тяжелыя. „Просушиваніе сахарнаго песку производится при весьма высокой температурѣ—35° Реомюра... Работа въ паточной положительно вызываетъ особую, чисто-профессіональную болѣзнь, именно нарывы на ногахъ. Въ паточномъ отдѣленіи рабочій все время стоитъ въ патокѣ босикомъ, при чемъ малѣйшая ссадина или царапина разъѣдается, и дѣло доходитъ до флегмонозныхъ воспаленій. Высокая температура и господствующіе сквозняки вызываютъ ревматическія заболѣванія. Очень тяжелы и нездоровы работы также въ квасильныхъ чанахъ и при прессахъ-транспортерахъ.

Мастерскія суконныхъ фабрикъ (Клинцы, Черниг. губ.) почти всѣ въ большей или меньшей степени страдаютъ тѣснымъ расположеніемъ машинъ, что, конечно, представляетъ существенный недостатокъ съ санитарной точки зрѣнія. Особенная тѣснота замѣчается въ расположеніи прядильныхъ и крайне опасныхъ машинъ.— „Но особенно часто плохи на суконныхъ фабрикахъ „мокрыя“ отдѣленія,—это настоящіе сырые, промозглые подвалы; а, между тѣмъ, полураздѣтыя работницы постоянно ходятъ изъ нихъ въ сушильню, гдѣ температура доходитъ до 40° Ц.“. Воздухъ даже въ ткацкихъ крайне спертый и зловонный. А, между тѣмъ, это крупныя фабрики!

Существуетъ одна фабрика (Головиной), которая во время работы... ходитъ ходуномъ. Для того, чтобы попасть въ помѣщеніе, гдѣ установлены чесальныя машины, нужно пролѣзть черезъ входное отверстіе, отстоящее отъ парового двигателя съ его движущимися частями не болѣе, какъ вершковъ на 6—7; валы расположены на высотѣ ниже человѣческаго роста.

Большая часть табачныхъ фабрикъ отличается „крайней скученностью рабочихъ... Въ огромномъ большинствѣ случаевъ пространство мастерскихъ, иногда, очень обширныхъ, рѣшительно не соотвѣтствуетъ количеству помѣщающагося въ ней народа. Благодаря этому обстоятельству воздухъ въ нихъ почти всегда спертый, душный, причемъ въ порчѣ его участвуютъ не только человѣческія испаренія, но и недостатокъ вентиляціи, а также примѣсь продуктовъ горѣнія газа, керосина и свѣчей. Вентиляціи почти нигдѣ не имѣется, а гдѣ и устроено какое-либо вентиляціонное приспособленіе, то оно открывается лишь на случай пріѣзда начальства“. „Желудочныя скоропреходящія боли (гастралгіи) знакомы всѣмъ табачнымъ работникамъ. Это, можно сказать, настоящее профессіональное ихъ заболѣваніе. Вообще, нервныя страданія (отъ отравленія никотиномъ) такъ часты на табачныхъ фабрикахъ, что зачастую на вопросъ: „ну, какъ здоровье?“, получается отъ рабочихъ отвѣтъ: „да мы всѣ больны; у всѣхъ одышка, у всѣхъ головная боль“. Просторны, свѣтлы и удовлетворяютъ санитарнымъ требованіямъ только машиностроительные и чугунолитейные заводы, да шерстомойныя заведенія. Что касается кожевенныхъ заводовъ, то въ нихъ рабочія помѣщенія низки и темны; для стока жидкостей съ пола обыкновенно не имѣется никакихъ приспособленій; повсюду сырость и грязь отъ шерсти и мездры.

На перчаточной фабрикѣ Простова пахнетъ не лучше, чѣмъ въ общественныхъ и при томъ никогда не дезинфицируемыхъ писсуарахъ, потому что кожи на этой фабрикѣ вымачиваются въ открытыхъ чанахъ, наполненныхъ полусгнившей мочей. Мочу доставляютъ, конечно, сами рабочіе, для чего въ помѣщеніи въ нѣсколькихъ углахъ находятся особые чаны, ничѣмъ не прикрытые.—Въ небольшихъ кожевенныхъ заведеніяхъ люди спятъ и ѣдятъ въ тѣхъ же зловонныхъ мастерскихъ, гдѣ воздухъ не лучше, чѣмъ въ плохомъ анатомическомъ театрѣ.

Въ большинствѣ булочныхъ заведеній пекарныя помѣщенія весьма плохи. „Въ большомъ прянично-конфектномъ заведеніи Жукова я нашелъ повсюду грязь и таракановъ; рабочіе спали на

тѣхъ столахъ, гдѣ готовятся пряники и конфекты"... „Въ кондитерскомъ, пряничномъ и бараночномъ заведеніи Гладкова (Харьковъ) господствуютъ повсюду грязь, нечистоты и мусоръ... Помѣщеніе для рабочихъ найдено въ такомъ отвратительномъ видѣ, что приходилось удивляться, какимъ образомъ въ этой клоакѣ могли помѣщаться люди. Тѣми же недостатками страдаютъ булочныя Савельева и Филиппова".

„Вполнѣ удовлетворительно устроенныхъ ретирадъ мы не видали нигдѣ,—продолжаетъ авторъ.—Въ большинствѣ случаевъ это нѣчто совсѣмъ примитивное: какія-то досчатыя загородки, общія для обоихъ половъ, часто очень тѣсныя, такъ что одинъ человѣкъ съ трудомъ можетъ пошевелиться въ нихъ. На нѣкоторыхъ заводахъ „вовсе не имѣется никакихъ ретирадъ". Но неудобства еще ничего,—оказывается и здѣсь бываютъ „несчастные случаи". Такъ, напримѣръ, на варшавскомъ заводѣ эмалированной посуды ретирадное помѣщеніе было приткнуто къ стѣнкѣ котельнаго отдѣленія, при чемъ во время бывшаго на заводѣ взрыва парового котла убило работника и работницу, находившихся въ этотъ моментъ въ отхожемъ мѣстѣ.

Въ отчетѣ инспектора Воронежскаго округа Миропольскаго за 1885 г. отмѣчается разница между фабриками городскими и деревенскими. „Для городскихъ фабрикъ и заводовъ неизбѣжны (?) и характерны тѣснота, скученность фабричныхъ построекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточное освѣщеніе мастерскихъ днемъ; грязь и нечистота вслѣдствіе дороговизны и затруднительности вывоза нечистотъ и отбросовъ. Въ сельскихъ мѣстностяхъ почти всѣ заводы и фабрики расположены просторно, свѣта и воздуха здѣсь достаточно". Нѣкоторые расположены въ лѣсахъ. „Но выгодность такихъ условій съ санитарной точки зрѣнія уменьшается тѣмъ, что, нуждаясь въ водѣ для производства, въ формѣ двигателя, фабрики и заводы располагаются обыкновенно вдоль рѣкъ, озеръ или прудовъ, бываютъ сырыя, болотистыя, вслѣдствіе чего здѣсь бываютъ частые туманы, а въ жары—вредныя испаренія съ нихъ послѣдствіями для здоровья—лихорадками разныхъ видовъ". Большинство фабрично-заводскихъ построекъ—деревянныя, иногда на каменномъ фундаментѣ, „почти всѣ онѣ черны и мрачны на видъ, плохо освѣщаются и грязно содержатся. Въ санитарномъ отношеніи главный общій недостатокъ всѣхъ фабричныхъ зданій заключается въ сквозномъ вѣтрѣ, вслѣдствіе котораго рабочіе постоянно подвергаются опасности простудиться. Затѣмъ зимой эти

зданія или не отапливаются вовсе, или же, если и отапливаются, то неравномѣрность температуры въ зданіи можетъ также пагубно отразиться на здоровьѣ рабочихъ. При вечернихъ и ночныхъ работахъ освѣщеніе, преимущественно керосиновое, бываетъ обыкновенно недостаточное, что нерѣдко ведетъ къ ушибамъ и увѣчьямъ; на одномъ изъ заводовъ Воронежской губ. употребляются керосиновыя лампы, ради экономіи, безъ стекла, отчего по заводу идетъ копоть, дымъ и вонь, съ выдѣленіемъ ядовитой окиси углерода".

Инспекторъ Казанскаго округа Шидловскій въ своемъ отчетѣ за 1885 г. отмѣчаетъ, что устройство рабочихъ помѣщеній приспособлено почти исключительно къ требованіямъ производства; „удобства же рабочихъ, а тѣмъ болѣе какія-либо санитарныя требованія при этомъ большею частью не приняты въ расчетъ", при чемъ хозяева обыкновенно ссылаются на то, что „ни одинъ рабочій, въ какой бы дурной обстановкѣ ему ни приходилось работать, никогда не жалуется на нее". Но только какъ ему жаловаться, когда за жалобой слѣдуетъ расчетъ?

На рогожныхъ заведеніяхъ рабочія помѣщенія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и жилыя, „крайне тѣсны, грязны, съ низкими потолками, а если устроены въ нижнемъ этажѣ зданія, то часто и съ земляными полами. Многія изъ нихъ отличаются также и недостаткомъ свѣта и нерѣдко походятъ скорѣе на помѣщенія, устраиваемыя для домашнихъ животныхъ, чѣмъ на человѣческія жилища". На фосфорныхъ заводахъ и спичечныхъ фабрикахъ, — говоритъ помощникъ фабричнаго инспектора, — гдѣ отдѣляется масса вредныхъ газовъ, вентиляціи не существуетъ никакой или же она крайне неудовлетворительна... На двухъ заводахъ, не говоря уже о томъ, что у многихъ замѣчена порча зубовъ, я встрѣтилъ троихъ съ вынутыми челюстями, вслѣдствіе ихъ полнаго омертвѣнія (отъ паровъ фосфора). „Вслѣдъ за спичечными фабриками по своей невозможной въ санитарномъ отношеніи обстановкѣ слѣдуютъ мастерскія кожевенныхъ заводовъ, въ особенности отдѣленія зольное и дубильное. Обыкновенно эти отдѣленія помѣщаются въ нижнихъ этажахъ и почти всегда темны, чрезвычайно грязны и безъ всякой вентиляціи. Вслѣдствіе обильнаго выдѣленія амміачныхъ и другихъ газовъ въ зольныхъ, непривыкшій едва ли въ состояніи пробыть тамъ нѣсколько минутъ; такъ, при осмотрѣ подобнаго отдѣленія завода № 193, я не въ состояніи былъ пробыть и 3 минутъ вслѣдствіе сильнаго кашля, возбужденнаго удушливыми

газами, а глаза начало такъ сильно ѣсть, что я почти ровно ничего не видѣлъ. Вообще, устройство кожевенныхъ заводовъ въ санитарномъ отношеніи не выдерживаетъ самой снисходительной критики". „Крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ рабочихъ помѣщеній отличаются также фаянсовые и круподерные заводы, въ особенности послѣдніе: масса пыли, темнота помѣщеній и отсутствіе вентиляціи, чѣмъ вообще страдаютъ осмотрѣнныя мною фабрично-заводскія и ремесленныя заведенія, въ особенности тѣ изъ нихъ, гдѣ само производство обусловливаетъ выдѣленіе газовъ или пыли". „Мастерскія ваточно-писчебумажной фабрики № 129 — тѣсныя и крайне ветхія конурки, годныя развѣ къ сломкѣ, а не къ заводскому дѣйствію".

Переходимъ теперь къ Владимірско-Московскому району, центру промышленности, обрабатывающей волокнистыя вещества.

Если хлопчатобумажное производство, — говоритъ инспекторъ Владимірскаго округа д-ръ Песковъ, — по своей пыли справедливо считается очень вреднымъ, то обработка льна, по употребляемымъ при немъ способамъ и по той обстановкѣ, при которой она совершается на всѣхъ видѣнныхъ мною льняныхъ фабрикахъ, представляетъ собою еще болѣе вредное производство, въ особенности для дѣтей. ...Выдѣляющаяся при обработкѣ льна пыль содержитъ въ себѣ, кромѣ волоконъ, еще кремнекислыя соединенія, дѣйствующія весьма вредно на легкія. Затѣмъ вмѣстѣ съ пылью летитъ иногда костра, которая, попадая въ глаза, сильно раздражаетъ ихъ, вслѣдствіе чего у всѣхъ почти работающихъ при кардахъ оказываются красныя вѣки.

Обстановка представляетъ верхъ нарушенія всякихъ гигіеническихъ правилъ. „Въ то время, какъ въ Западной Европѣ давно уже всѣ чесальныя машины, отдѣляющія пыль, снабжены всевозможными вентиляторами и крышками, у насъ на льнопрядильныхъ фабрикахъ, по моимъ наблюденіямъ, только на одной всѣ карды были плотно прикрыты". Неудивительно, что всюду такая пыль, что „послѣ пребыванія на льнопрядильныхъ фабрикахъ въ теченіе только нѣсколькихъ минутъ я выходилъ оттуда, весь покрытый пылью, какъ мукой". Тамъ, гдѣ обрабатываются низшіе сорта льна, — „трудно становится не только дышать, но и видѣть; все въ какомъ-то сѣромъ туманѣ". Къ этому нужно добавить отдѣленіе гнилостныхъ испареній, которыми наполнены бываютъ мастерскія, гдѣ стоятъ такъ назыв. „мокрые ватера". Между тѣмъ только на одной фабрикѣ есть приспособленія для устраненія этихъ

испареній. „На всѣхъ же остальныхъ льнопрядильныхъ фабрикахъ мастерскія эти крайне грязны, съ липкимъ поломъ и тяжелымъ гнилымъ воздухомъ, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ, какъ, наприм., Кокина, въ мастерскихъ мокрыхъ ватеровъ атмосфера въ моментъ моего посѣщенія имѣла буквально запахъ помойной ямы".

Относительно другихъ промышленныхъ заведеній мы узнаемъ изъ отчета д-ра Пескова за 1882—3 г.[1]).

Въ механическихъ ткацкихъ „работа за станами крайне утомительна. Не говоря уже о страшномъ шумѣ, господствующемъ въ этихъ мастерскихъ, который притупляетъ чувство слуха, какъ я не разъ это наблюдалъ, ткачи обыкновенно работаютъ все время, *стоя* на одномъ мѣстѣ, и постоянно находятся въ напряженномъ состояніи духа, ибо нигдѣ не дѣлается такъ много вычетовъ всякаго рода за порчу товара, какъ у ткачей..." Между тѣмъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ приходится работать такимъ образомъ при 8-ми-часовой смѣнѣ: одну недѣлю по 8 часовъ, а другую по 16 часовъ въ сутки". Точно такъ же „на всѣхъ прядильныхъ фабрикахъ работа постоянно идетъ день и ночь; за весьма немногими исключеніями, да и то только временами,—съ 6-ти-часовыми смѣнами, а на нѣкоторыхъ фабрикахъ — съ 8-ми-часовыми смѣнами, т. е. одну недѣлю работаютъ 8 часовъ, а другую 16 час. въ сутки". На сушильныхъ, крахмальныхъ и спиртовыхъ барабанахъ температура бываетъ такъ высока, что „малолѣтніе не иначе работаютъ, какъ въ однихъ портканхъ, безъ рубашки; вспотѣвшіе и раскраснѣвшіеся, они имѣютъ видъ парящихся въ банѣ". Кромѣ того, воздухъ наполненъ испареніями, иногда далеко не безвредными, отъ сохнущихъ окрашенныхъ тканей. „Самыя нездоровыя мастерскія, гдѣ работаютъ малолѣтніе, это стригальныя, надиральныя, ворсовальныя и опальныя... Въ нихъ или совсѣмъ отсутствуютъ какія бы то ни было приспособленія для удаленія отдѣляющихся при этомъ громадной пыли и дыма, или приспособленія эти были весьма неудовлетворительны".

Ну, какъ водится, въ глазахъ фабричной инспекціи „ретирады составляютъ самое (?!) больное мѣсто огромнаго большинства осмотрѣнныхъ мною фабрикъ; изъ 71 промышленныхъ заведеній съ 53.096 рабочихъ лишь на одной Шуйской мануфактурѣ замѣчено „цѣлесообразное устройство"...

---

[1]) „Фабричный бытъ Владимірской губ.".

Что касается московскаго округа, то мы воспользуемся данными, добытыми санитарнымъ изслѣдованіемъ, предпринятымъ Московскимъ губернскимъ земствомъ за періодъ 1879—1885 гг. На бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикахъ изъ 505 мастерскихъ въ 111, т. е. 22% всего числа ихъ, приходится менѣе 3 кубическихъ саженъ воздуха на человѣка; въ этихъ 111 мастерскихъ находится 9.149 человѣкъ, т. е. безъ малаго $^2/_5$ всѣхъ рабочихъ. Кромѣ тѣсноты, присущей даже этимъ, съ виду столь просторнымъ фабрикамъ, „данныя, относящіяся къ 177 мастерскимъ, неоспоримо показываютъ, что во всѣхъ вообще мастерскихъ описываемыхъ (т. е. бумагопрядильныхъ и ткацкихъ) фабрикъ преобладаетъ чрезвычайно высокая температура, положительно вредная въ нашемъ климатѣ". Въ 52 мастерскихъ температура—отъ 17° до 20°; въ 96 мастерскихъ—отъ 21° до 25°; въ 11—отъ 25°—28°. „Очень нерѣдко въ оправданіе чрезмѣрно высокой температуры мастерскихъ фабриканты приводятъ доводъ, что это—якобы неустранимое требованіе производства, зависящее отъ свойствъ хлопка. Но это совершенно невѣрно. Дѣйствительно, при очень низкой температурѣ, ниже 13°, пряденіе затрудняется — пряжа выходитъ хуже; не если бы даже надо было держать температуру на 16°—17°, то это еще слишкомъ далеко отъ обычной температуры прядильныхъ—выше 20° и до 28° [1]).

Постоянная и единственно достаточная вентиляція путемъ искусственныхъ механическихъ приспособленій существуетъ *только на одной* Раменской мануфактурѣ. Даже форточекъ и вертушекъ въ зимнихъ рамахъ не имѣется въ 139 мастерскихъ.

На ситценабивныхъ и механическихъ красильно-отдѣлочныхъ фабрикахъ мастерскія переполнены еще болѣе, чѣмъ на бумагопрядильныхъ и бумаго-ткацкихъ. Изъ 662 мастерскихъ 167, т. е. 25,5%, имѣютъ менѣе 3 кубич. саженей воздуха на человѣка. Въ нихъ работаетъ 4.152 чел., т. е. 37,9% всего числа рабочихъ. Достаточной и цѣлесообразной вентиляціи *нигдѣ нѣтъ*, —ворсильныя машины на всѣхъ безъ исключенія фабрикахъ и стригальныя—на всѣхъ фабрикахъ, за исключеніемъ 2, не имѣютъ никакихъ приспособленій для продупрежденія выдѣленія пыли въ атмосферу мастерскихъ. „Нѣтъ такого обычая", говорятъ фаб-

---

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ., т. IV, вып. II. Общая сводка по санитарн. изслѣд. 6—18 стр.

риканты. Въ 32% всѣхъ описанныхъ красиленъ не оказалось даже форточекъ (55 стр.).

На химическихъ заводахъ „въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ рабочія помѣщенія представляютъ простые сараи, нерѣдко при томъ плохо сколоченные, такъ что благодаря полной и энергической естественной вентиляціи воздухъ въ нихъ никогда не могъ бы быть испорченнымъ, если бы не другая, гораздо болѣе серьезная небрежность въ устройствѣ и содержаніи осмотрѣнныхъ (21) заводовъ и грубость и неразумность многихъ пріемовъ производства, благодаря которымъ воздухъ отравляется различными *вредными газами, парами и пылью*. Эти газы, пары и пыль не только вредятъ рабочимъ, причиняя болѣе или менѣе тяжкія болѣзни отъ раздраженія дыхательныхъ путей и соединительной оболочки глазъ и вліяя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо ихъ отравляютъ".

На зеркальныхъ мелкихъ заводахъ рабочіе страдаютъ отъ отравленія ртутными парами. Это обнаруживается въ дрожаніи рукъ, въ общемъ упадкѣ питанія и дурномъ запахѣ изо рта. „Общій видъ рабочихъ въ высшей степени болѣзненный, худосочный, цвѣтъ лица блѣдный, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; питаніе тѣла плохое; десны опухшія [1]).

Про рогожныя заведенія нечего и говорить: „на всѣхъ фабрикахъ всѣ безъ исключенія мастерскія даютъ на каждаго рабочаго или, вѣрнѣе, живущаго менѣе принятой нами нормы въ 3 куб. саж., а $^2/_3$ изъ нихъ даютъ менѣе 1 куб. саж. на человѣка, не считая при томъ массы воздуха, вытѣсняемаго мочалой и рогожами". Грязь, сырость, зловоніе—ужаснѣйшія. „Это конюшни, а не мастерскія" (Общая сводка, ч. II, 99 стр.). На 7 кожевенныхъ заводахъ было найдено отопленіе „по черному"—безъ трубъ. Изъ 1.080 фабрикъ Московск. губ. періодическое мытье половъ существовало только на 3!

На многихъ фабрикахъ, говоритъ Янжулъ [2]), машины разставлены слишкомъ тѣсно, многіе механизмы, требующіе огражденія, въ дѣйствительности не ограждены, что грозитъ большой опасностью для работающихъ и ведетъ на нашихъ фабрикахъ къ большому количеству несчастій, начиная съ ничтожныхъ порѣзовъ и кончая изуродованіемъ и лишеніемъ жизни. „Почти полная въ настоящее время безотвѣтственность хозяевъ за несчастія съ ра-

[1]) Эрисманъ. Санитарн. изслѣдов. Клинскаго у., 200 стр.
[2]) Фабричный бытъ Московской губ. Отчетъ за 1882—3 г.

бочими ведетъ не только къ недостатку ограждений опасныхъ частей машинъ, но даже къ полнѣйшему невниманію къ нимъ, гдѣ онѣ уже существуютъ. Приведу разительный примѣръ изъ видѣннаго мною лично. На мануфактурѣ № 31 въ опальнѣ, или палильнѣ, между двумя машинами съ множествомъ зубчатыхъ колесъ, вращающихся въ разныхъ направленіяхъ, существуетъ проходъ всего, примѣрно, въ три четверти аршина, черезъ который въ теченіе сутокъ проходятъ, нѣтъ сомнѣнія, сотни рабочихъ, и въ томъ числѣ малолѣтніе; малѣйшая неосторожность, особенно при господствующемъ шумѣ и жарѣ въ этомъ отдѣленіи, одинъ нетвердый шагъ или толчокъ,—и человѣкъ въ этомъ проходѣ легко можетъ зацѣпиться за ту или другую шестерню и быть изуродованнымъ. Я обратилъ вниманіе на этотъ опасный пунктъ мастера, и онъ мнѣ хладнокровно отвѣтилъ, что для прикрытія этихъ машинъ есть у нихъ деревянные футляры; но у одного изъ нихъ, недѣли 2 тому назадъ, оторвалась крышка и что никакъ не соберутся ее исправить“...

ГЛАВА III.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію вопроса о жилищахъ для рабочихъ. Здѣсь наблюдается значительная разница въ постановкѣ дѣла у насъ въ Россіи и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Тамъ, на Западѣ, устройство и содержаніе квартиръ для промышленныхъ рабочихъ составляетъ своего рода спеціальную промышленность, и рабочій нанимаетъ ихъ сообразно съ размѣромъ своего заработка, вкусомъ и другими обстоятельствами. У насъ же большая часть фабрично-заводскихъ рабочихъ живетъ въ помѣщеніяхъ отъ хозяина. Къ описанію ихъ мы теперь и обратимся, отложивъ на конецъ этого очерка обсужденіе причинъ и значенія этого явленія.

Царство Польское, примыкая къ Западной Европѣ, и въ этомъ отношеніи отличается отъ внутренней, центральной Россіи. Въ отчетѣ фабричнаго инспектора варшавскаго округа за 1885 г. нѣтъ данныхъ по этому вопросу; но этотъ пробѣлъ восполняется изслѣдованіями Святловскаго и Янжула [1]).

[1]) Отчетъ Янжула по изслѣдованію фабр.-завод. промышленности въ Ц. Польск., 1888 г.; Святловскій.—„Фабричный рабочій. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ Привислинскомъ краѣ и въ Малороссіи“, 1889 г.

Здѣсь, если фабрики находятся въ большихъ городахъ, то рабочіе живутъ, преимущественно, въ предмѣстьяхъ города или даже въ ближайшихъ окрестностяхъ, а если въ небольшихъ, то размѣщаются по близъ лежащимъ деревнямъ. Даже во вновь возникшемъ промышленномъ центрѣ—Сосновицахъ — значительная часть рабочихъ не живетъ у своихъ хозяевъ: или нанимаютъ квартиры у мѣстныхъ жителей или живутъ у себя въ собственныхъ жилищахъ, а иностранцы, благодаря близости границы и легкости перехода, уходятъ частью ночевать къ себѣ за границу... Что касается до главнаго промышленнаго центра Польши—Лодзи, то тамъ съ давнихъ поръ путемъ иммиграціи образовался свой самостоятельный рабочій классъ, нерѣдко имѣющій свои дома и, въ большинствѣ, уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ не занимающійся земледѣліемъ. Что касается третьяго промышленнаго центра —Варшавы, то „на всѣхъ варшавскихъ городскихъ фабрикахъ (дающихъ работу 20.000 рабочимъ) рабочіе нигдѣ, безъ исключенія, не пользуются жильемъ отъ хозяевъ и такимъ образомъ переполняютъ всѣ невозможные и неприспособленные для жилья подвалы, чердаки и углы этого большого и мало опрятнаго города". Да и тамъ, гдѣ есть жилища для рабочихъ при фабрикахъ и заводахъ, они разсчитаны только на часть рабочихъ. Типъ построекъ также иной. Въ отличіе отъ русскихъ фабричныхъ жилищъ, польскія исключительно построены по коморочной системѣ: обширныя казармы, общія спальни здѣсь совершенно отсутствуютъ. В. Святловскій, бывшій фабричнымъ инспекторомъ съ 1884—1886 г. въ харьковскомъ, а съ 1886—1888 г. въ варшавскомъ округѣ и лично осмотрѣвшій за эти 5 лѣтъ около 1500 промышленныхъ заведеній съ 125.000 рабочихъ въ обоихъ округахъ, говоритъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ въ Царствѣ Польскомъ казармъ, общихъ для обоихъ половъ; жилые дома для рабочихъ чаще всего представляютъ изъ себя двухъ или трехэтажныя зданія. Среднимъ числомъ на квартиру приходится одна комната, въ ней и кухня, и спальня, и етоловая. Безплатно такое жилье отдается на очень немногихъ фабрикахъ. Въ большинствѣ случаевъ плата колеблется отъ 50 коп. до 5 руб. въ мѣсяцъ за комнату (среднимъ числомъ 2 руб. 40 коп. въ мѣсяцъ). Хозяйственныхъ приспособленій обыкновенно никакихъ не полагается. Порча воздуха особенно усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что кухня, спальня, прачечная и столовая соединены въ одной комнатѣ. Освѣщеніе сводится къ плохой керосиновой лампѣ, что

также содѣйствуетъ порчѣ воздуха въ помѣщеніяхъ, куда утромъ съ непривычки войти не представляется никакой возможности. Нары нигдѣ не встрѣчаются, взамѣнъ ихъ всюду деревянныя кровати съ соломенными тюфяками, хотя не мало людей спитъ и на полу. Нерѣдко можно встрѣтить въ такой квартирѣ койкакую меблировку, напр., стулъ, комодъ и даже шкапъ. Одѣяла и подушки составляютъ весьма распространенные предметы, въ противоположность тому, что мы видимъ на фабрикахъ внутри Россіи, гдѣ эти предметы почти не встрѣчаются. И одежда фабричнаго здѣсь безспорно лучше, чѣмъ въ Россіи.

Средневѣковой обуви Западной Европы—лаптей—совсѣмъ не видно. Не рѣдкость встрѣтить на рабочемъ нижнее бѣлье, которое у русскаго фабричнаго составляетъ такой же анахронизмъ, какъ кусокъ хорошаго бифштекса за обѣдомъ. Одѣваются по сезону: жилетки, пиджаки и сюртуки—съ одной стороны, шляпы, зонтики и ботинки—съ другой составляютъ довольно распространенныя принадлежности фабричнаго костюма.

На сахарныхъ заводахъ постоянные рабочіе—сплошь семейный народъ, въ противоположность тому, что наблюдается въ Россіи, гдѣ рабочіе сахарныхъ заводовъ живутъ безъ семьи. Для семейныхъ рабочихъ полагается квартира, а также топливо къ къ ней, зачастую кусокъ огорода подъ картофель, хлѣвъ для домашняго скота. Пришлые рабочіе, т.-е. занятые на заводѣ лишь въ періодъ сокодобыванія, въ теченіе $3^1/_2$ много $4^1/_2$ мѣсяцевъ, также зачастую пользуются безплатной квартирой и отопленіемъ и лишь изрѣдка (на 5 изъ 36 заводовъ) принято взимать плату отъ 15 коп. до 1 р. 5 к. въ недѣлю за квартиру съ отопленіемъ. Квартиры въ большинствѣ случаевъ переполнены жильцами и тѣсны. Для холостыхъ рѣдко имѣются особыя помѣщенія; типъ русскихъ казармъ для рабочихъ вовсе неизвѣстенъ [1]). Такія казармы-квартиры имѣются лишь на 2 заводахъ изъ 36. Обыкновенно же холостые живутъ у семейныхъ или же размѣщаются въ окрестныхъ деревняхъ у крестьянъ. Вся квартира семейнаго рабочаго состоитъ изъ одной комнаты съ однимъ окномъ—въ маленькой квартирѣ и двумя — въ большой. Тутъ же помѣщается небольшая печь и плита для приготовленія кушанья безъ вытяжного колпака; остальное мѣсто занято кроватями, люльками, столомъ и всевозможною рухлядью. По утрамъ воздухъ бываетъ такъ

[1]) На горныхъ промыслахъ и заводахъ, по описанію Л. Бертенсона, имѣются такъ назыв. ночлежные дома для одинокихъ рабочихъ.

спертъ, что при всемъ желаніи мы не могли, при осмотрахъ, проникнуть-дальше порога. Обыкновенно среднимъ числомъ на комнату приходится отъ 5 до 8 человѣкъ жильцовъ, считая тутъ и дѣтей.

Въ Виленскомъ округѣ, обнимающемъ губерніи Литовскія, Бѣлорусскія и Курляндію, судя по отчету инспектора Городкова за 1885 г., замѣчается въ этомъ отношеніи сходство съ Царствомъ Польскимъ. Зданій типа казарменнаго здѣсь почти нѣтъ, но вездѣ построены отдѣльные домики въ одинъ этажъ. Въ нижнемъ обыкновенно 4 квартиры для женатыхъ, а въ чердачномъ— 2—3 квартиры для холостыхъ. Но вообще помѣщенія для рабочихъ, если не считать немногихъ фабрикъ, отдаленныхъ отъ населенныхъ мѣстностей, встрѣчаются рѣдко, и они не въ обычаѣ, а рабочіе уходятъ на ночлегъ домой, нерѣдко за нѣсколько верстъ. Что касается Петербургск. губ., то здѣсь намъ придется обратиться къ даннымъ земскаго изслѣдованія [1]). На Шлиссельбургскомъ трактѣ было осмотрѣно и измѣрено болѣе 300 жилыхъ помѣщеній. „Очень рѣдко, въ видѣ исключенія, одно рабочее семейство занимаетъ отдѣльную комнату съ платой отъ 5 до 6 р. въ мѣсяцъ; обыкновенно же въ одной комнатѣ помѣщается нѣсколько семействъ“. Типомъ рабочихъ помѣщеній можетъ служить помѣщеніе въ домѣ Ратьковыхъ-Рожновыхъ въ селѣ Смоленскомъ. Въ комнатѣ, имѣющей 10 аршинъ длины, 8—ширины и $4^1/_2$ высоты, помѣщается 22 человѣка; слѣдовательно, на каждаго человѣка приходится немного болѣе $^1/_2$ кубическ. сажени воздуха.

Помѣщенія грязны, стѣны и потолокъ покрыты копотью. Вдоль комнаты въ 2 ряда идутъ койки, на каждой изъ которыхъ спятъ по 2 человѣка. Койки женатыхъ завѣшаны пологомъ. Не на всѣхъ койкахъ видны тюфяки и подушки, а если они есть, то очень грязны. О простыняхъ же нѣтъ и помину. За помѣщеніе рабочіе платятъ по 1 р. 30 к. съ человѣка. За эту сумму хозяева квартиры обязаны стирать бѣлье рабочимъ и готовить кушанье. Рабочіе изъ мастеровыхъ помѣщаются чище. У нихъ нерѣдко помѣщенія оклеены обоями, имѣется кой-какая мебель: столъ и нѣсколько стульевъ. Но чернорабочіе живутъ въ помѣщеніяхъ худшихъ, чѣмъ у Ратькова-Рожнова. Они нерѣдко спятъ на нарахъ безъ тюфяка и подушки, постелью же для нихъ служитъ всякая рухлядь, а мебель состоитъ изъ большого некрашеннаго

[1]) Отчетъ земской управы Петербургскаго у. за 1879 г. Докладъ управы о санитарномъ изслѣдованіи уѣзда въ 1878—79 г.

стола и 2—3 скамеекъ. Рабочія помѣщенія при фабрикахъ и заводахъ, въ такъ называемыхъ казармахъ для рабочихъ, въ большинствѣ случаевъ лучше вышеописанныхъ. Въ нихъ по большей части приходится не менѣе 1 куб. сажени воздуха на человѣка.

Очень хороши деревянные флигеля для рабочихъ на Обуховскомъ заводѣ и карточной фабрикѣ; *но процентъ живущихъ въ нихъ незначителенъ*. Такъ, напримѣръ, на Обуховскомъ заводѣ изъ 2.000 чел. помѣщеніемъ пользуется лишь 40 семействъ. Казармы у г. Максвелля также хороши, хотя особой комнаты для каждаго семейства и нѣтъ. Но здѣсь квартирная плата очень высока: мужъ и жена за свое помѣщеніе или, какъ здѣсь говорятъ, за свою койку платятъ $4^1/_2$ рубля, да кухаркѣ 50 коп. Холостые—за одно мѣсто на койкѣ платятъ по $2^1/_4$ р., да коп. 40 кухаркѣ, въ частныхъ же квартирахъ—1—$1^1/_2$ р. со стиркой. Въ районѣ Шлиссельбургскаго тракта расположено до 40 кирпичныхъ заводовъ. Рабочія помѣщенія на каждомъ изъ нихъ похожи другъ на друга. При всякомъ заводѣ имѣются рабочія избы, состоящія изъ помѣщенія для кухни и чердака. Этотъ послѣдній и служитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, помѣщеніемъ для рабочихъ. По обѣимъ сторонамъ его идутъ нары, или просто на полу положены доски, замѣняющія нары, покрытыя грязными рогожами съ кое-какой одежонкой въ головахъ. Впрочемъ, кое-гдѣ встрѣчаются сдѣланныя изъ обрубковъ дерева подобія кроватей... „Полы въ рабочихъ помѣщеніяхъ до того содержатся нечисто, что покрыты слоемъ глины на нѣсколько дюймовъ. Чердаки часто совершенно темны, но иногда попадаются и съ прорубленными отверстіями и, наконецъ, встрѣчаются такія, гдѣ вставлены 2—3 окна. Живя въ такой грязи, рабочіе распложаютъ такое громадное количество блохъ, клоповъ и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда послѣ 15—17 часовъ работы, не могутъ долго заснуть“. Ни на одномъ кирпичномъ заводѣ нѣтъ помойной ямы, помои выливаются около рабочихъ жилищъ; тутъ же сваливаются всевозможныя нечистоты, здѣсь же рабочіе умываются. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ заводахъ устроены вблизи свиные хлѣвы... На Петербургскомъ трактѣ квартиры для рабочихъ въ этомъ районѣ устраиваются такимъ образомъ. Какая-нибудь женщина снимаетъ у хозяина квартиру, ставитъ кругомъ стѣнъ досчатыя кровати, сколько умѣстится, и приглашаетъ къ себѣ жильцовъ, беря съ каждаго изъ нихъ по 5 к. въ день или 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. За это рабочій пользуется *половиной кро-*

вати (кровати всегда двухспальныя), водою и даровой стиркой. „Хозяйскихъ тюфяковъ не полагается и, сколько я замѣтилъ, всѣ чернорабочіе спятъ на голыхъ доскахъ, безъ подушекъ". Грязь, вонь и духота соотвѣтствуютъ убранству комнаты. Воздуха на человѣка приходится $32,_{17}$ куб. аршина.

Въ линіи пороховыхъ заводовъ живетъ очень много фабричнаго населенія. Дома здѣшніе деревянные, по большей части, одноэтажные — ихъ до 400. „Вообще домовъ сносно устроенныхъ найдется здѣсь очень немного, но зато — не мало такихъ, которые по своей ветхости и разрушенности совсѣмъ не могутъ быть терпимы даже и въ качествѣ нежилыхъ построекъ, а между тѣмъ въ нихъ еще и до сихъ поръ есть жильцы. Въ особенности ужасенъ подвалъ дома № 154: представляя изъ себя углубленіе въ землю не менѣе 2 арш., онъ постоянно заливается если не водою, то жидкостью изъ расположеннаго по сосѣдству отхожаго мѣста, такъ что сгнившія доски, составляющія полъ, буквально плаваютъ, несмотря то, что жильцы его... усердно занимаются осушкой своей квартиры, ежедневно вычерпывая по нѣсколько ведеръ. Въ такомъ то помѣщеніи, при содержаніи $5^1/_3$ куб. саженъ убійственнаго самого по себѣ воздуха, я нашелъ до 10 жильцовъ, изъ которыхъ 6 малолѣтнихъ". Болѣе, чѣмъ $^1/_4$ домовъ (118), пріютившихъ въ себѣ болѣе $^1/_3$ населенія, даетъ на каждаго менѣе 1 куб. сажени воздуха. Есть такіе примѣры, гдѣ на 3 куб. саж. 24 куб. аршинъ приходится 13 человѣкъ или на 4 куб. саж. 23 куб. арш. — 20 чел. О какой-нибудь вентиляціи въ домахъ не можетъ быть и рѣчи; форточки въ рамахъ оконъ принадлежатъ только развѣ къ счастливымъ исключеніямъ. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находятся тѣ изъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, которые принадлежатъ къ здѣшнему коренному населенію. Въ большинствѣ случаевъ они имѣютъ свои собственные дома. Заработки какъ пришлыхъ, такъ и мѣстныхъ рабочихъ — одинаковы и не превышаютъ, въ среднемъ, 20 р. въ мѣсяцъ.

Запасемся теперь мужествомъ и заглянемъ во внутрь коренной Россіи. Въ отчетѣ за 1885 г. инспекторъ Московскаго округа Янжулъ отсылаетъ за интересующими насъ свѣдѣніями въ отчетъ за 1882—3 г. по Московской губерніи, данныя которой могутъ быть распространены и на весь округъ.

Жилища для рабочихъ на московскихъ фабрикахъ, говорится въ этомъ отчетѣ, являются въ двухъ видахъ: общихъ спаленъ

или каморокъ. На немногихъ и, сравнительно, небольшихъ фабрикахъ существуютъ исключительно лишь казармы. Въ большинствѣ же фабрикъ встрѣчаются и казармы, и каморки; въ первыхъ помѣщаются холостые и, въ случаѣ недостатка мѣста, женатые, а въ каморкахъ — семейные рабочіе. Впрочемъ, на большинствѣ господствуетъ безразличное смѣшеніе половъ и возрастовъ, и сплошь и рядомъ всѣ спятъ рядомъ въ одной и той же казармѣ или каморкѣ.

„...Женатые и холостые, дѣти и взрослыя дѣвушки спятъ вповалку вмѣстѣ, безъ всякихъ перегородокъ, въ крайне тѣсной и грязной обстановкѣ“... При этомъ на одной фабрикѣ спятъ даже по два человѣка на одной кровати; на другой—два помѣщенія находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ сушильней, куда открыта постоянно дверь, съ температурой свыше 25° R.

На крупныхъ бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикахъ, если не всѣ, то часть рабочихъ имѣетъ сравнительно лучшее помѣщеніе, но въ нихъ, при 6-ти часовыхъ смѣнахъ, однимъ и тѣмъ же мѣстомъ для спанья пользуются различные рабочіе: одинъ встаетъ и уходитъ на работу, другой приходитъ и ложится на его мѣсто! Обстановка спаленъ, будь это казармы или каморки, вездѣ очень однообразна: по общему правилу въ нихъ обыкновенно помѣщаются въ нѣсколько рядовъ досчатыя, большей частью, голыя нары; желѣзныя кровати имѣются лишь на очень немногихъ фабрикахъ и заводахъ, черезъ это, пожалуй и ставшихъ извѣстными. (Раменск. мануфактура, Невскій стеариновый заводъ, Ралле).

О подстилкѣ рабочій обязанъ позаботиться уже самъ, и въ большинствѣ рабочіе спятъ на собственномъ полушубкѣ или кафтанѣ. Женскія спальни, если только онѣ существуютъ отдѣльно, гораздо нарядней и опрятнѣй мужскихъ.

На всѣхъ машиностроительныхъ и котельныхъ заводахъ рабочіе нанимаютъ квартиру на сторонѣ.

Затѣмъ „на большинствѣ фабрикъ для многихъ рабочихъ, почти по обычаю, особыхъ спаленъ не дѣлаютъ“. Это относится ко всѣмъ ручнымъ ткачамъ, что бы они ни ткали: бумагу, шерсть или шелкъ; они располагаются спать на тѣхъ же станкахъ, внизу или вверху. То же самое можно сказать о набойщикахъ и рѣзчикахъ плиса, которые почти всегда спятъ на столахъ, гдѣ работаютъ; особенно вреднымъ нужно считать этотъ обычай относительно набойщиковъ, такъ какъ рабочее помѣщеніе, которое они

занимаютъ, всегда отличается крайне удушливой атмосферой, пропитанной цѣлой массой красокъ, отчасти ядовитыхъ. Столяры точно также, по общему правилу, спятъ на верстакахъ, на которыхъ работаютъ, и о какой нибудь постели для нихъ не можетъ, конечно, быть и рѣчи. На рогожныхъ фабрикахъ рабочіе всякаго пола и возраста спятъ вмѣстѣ на тѣхъ же самыхъ, часто сырыхъ, мочалахъ и рогожахъ, которыя обрабатываютъ, и ими же прикрываются. Вся грязь, которая отмывается отъ мочалы, попадаетъ на полъ, всегда мокрый и прогнившій. „Съ закоптѣлыхъ и заплесневѣвшихъ потолковъ обыкновенно каплетъ, какъ въ банѣ, съ наружныхъ же дверей, обросшихъ толстымъ слоемъ ослизнѣлой плѣсени, текутъ буквально потоки воды. ...Здѣсь женщины рожаютъ на глазахъ всего населенія мастерской, здѣсь, захворавъ, „отлеживаются“, здѣсь же и умираютъ, хотя бы и отъ заразныхъ болѣзней“ [1]).

О томъ, что для здоровья человѣка нужно опредѣленное количество свѣжаго воздуха—по общему правилу, нигдѣ не принято заботиться. Въ казармахъ очень часто нары дѣлаются въ 2 яруса, такъ что при обычной высотѣ комнаты въ 3—4 аршина верхній ярусъ отстоитъ отъ потолка на $^3/_4$ аршина.

Семейные рабочіе всячески стараются выгородить себя отъ остальныхъ и съ этой цѣлью отдѣляютъ свои мѣста на нарахъ какъ нибудь занавѣсками, часто просто изъ разнаго грязнаго тряпья. „Иногда фабриканты идутъ навстрѣчу (?!) этому естественному стремленію рабочихъ, и на помостѣ наръ дѣлаютъ дощатыя перегородки вышиною въ $1^1/_2$ арш., такъ что на нарахъ образуется рядъ, въ полномъ смыслѣ слова, *стойлъ* на каждую пару“.

Наконецъ, если зданіе раздѣлено на каморки, ошибочно думать, что въ нихъ помѣщается по одной семьѣ. Обыкновенно, въ каждой каморкѣ помѣщается двѣ, три и до семи семей, да и одинокіе рабочіе на многихъ фабрикахъ разсовываются по каморкамъ... По многимъ фабрикамъ содержаніе воздуха на человѣка въ каморкахъ доходитъ до $^1/_2$ куб. сажени. „Переполненію ихъ какъ будто нѣтъ предѣла: по выраженію рабочихъ, они „живутъ другъ на дружкѣ“. Общія спальни до крайности грязны и зловонны. Не говоря уже о какихъ нибудь болѣе серьезныхъ вентиляціонныхъ приспособленіяхъ, въ огромномъ большинствѣ

---

[1]) Дементьевъ. Фабрика, 1897 г., 175 стр.

случаевъ нѣтъ даже простыхъ оконныхъ фортокъ, а если и есть, то маленькія, да и тѣ обыкновенно тщательно забиты и замазаны.

Въ отчетѣ инспектора Харьковскаго округа Святловскаго за 1885 г. констатируется, что многіе рабочіе не пользуются жильемъ отъ хозяина. Такой порядокъ заведенъ на всѣхъ табачныхъ фабрикахъ, на машиностроительныхъ и чугунолитейныхъ заводахъ, въ типографіяхъ, маслобойняхъ и пр. Затѣмъ, въ булочныхъ, кожевенныхъ заводахъ, овчинно-шубныхъ заведеніяхъ рабочіе помѣщаются въ самыхъ мастерскихъ. Остальная масса живетъ въ особыхъ казармахъ, которыя бываютъ двухъ типовъ: общія спальни и каморки; послѣднія отводятся семейнымъ рабочимъ или же мастерамъ, машинистамъ,—словомъ, рабочей аристократіи. Систему отдѣльныхъ домиковъ фабричный инспекторъ встрѣтилъ лишь на одномъ заводѣ Новороссійскаго о-ва и отчасти на сахарн. заводѣ Борисовскаго (Екатеринославск. г.). Къ сожалѣнію, въ отношеніи чистоты они крайне несостоятельны, внутри грязь, вонь, снаружи кучи отбросовъ и лужи помоевъ. Казармы—какъ и раньше описанныя. Нары обыкновенно деревянныя, некрашенныя и очень рѣдко желѣзныя. Щели наръ кишатъ паразитами. Одѣялъ и подушекъ ни у кого не полагается. Зачастую рабочіе спятъ, даже не снимая сапогъ, частью изъ боязни кражи. Число мѣстъ на нарахъ обыкновенно хватаетъ только для одной смѣны; рабочая смѣна, возвращаясь въ казармы, ложится на мѣста, еще влажныя отъ чужого пота. Такъ описываются казармы суконныхъ фабрикъ Черниговск. г. (Клинцы). Къ тому же „почти всюду нары устроены въ 2 яруса“. Точно такъ же на сахарныхъ заводахъ. О какихъ бы то ни было приспособленіяхъ для сушки онучъ и мокрой одежды нѣтъ и помину, почему воздухъ въ мужскихъ казармахъ бываетъ всегда болѣе или менѣе рѣзко отравленъ просушивающимися онучами, лаптями и всякимъ грязнымъ тряпьемъ. На сахарномъ заводѣ Кенигъ и почти на всѣхъ спичечныхъ фабрикахъ казармы—общія для обоихъ половъ. На спичечной фабрикѣ Осипова „рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ спятъ въ повалку на голомъ полу (зимою), прижавшись другъ къ другу“, на чердакѣ безъ оконъ!

То же самое можно сказать про помѣщенія Кіевскаго округа. На этомъ безотрадномъ фонѣ рѣзко выдѣляются однѣ казармы Кіевскаго рафинаднаго завода. „Повсемѣстно встрѣчающіяся деревянныя нары съ грязными на нихъ тюфяками замѣнены здѣсь желѣзными

кроватями; каждая кровать снабжена не только одѣяломъ, но и подушкой; у каждыхъ двухъ кроватей имѣется отдѣльный столикъ и шкапчикъ". Вентиляція строго разсчитана на постоянное доставленіе въ казармы опредѣленнаго количества свѣжаго нагрѣтаго воздуха [1]).

Въ Воронежскомъ округѣ, согласно отчету инспектора Миропольскаго за 1885 г., „въ заведеніяхъ, расположенныхъ въ городахъ и близъ селеній, большинство рабочихъ живутъ въ своихъ домахъ и по квартирамъ. Рабочіе пользуются квартирою отъ хозяина въ немногихъ заведеніяхъ, преимущественно въ тѣхъ, которыя расположены вдали отъ селеній". Въ такомъ случаѣ рабочіе помѣщаются въ казармахъ или отдѣльныхъ домикахъ. Вообще помѣщенія эти тѣсны, темны и грязны, безъ всякихъ удобствъ. Рабочіе семейные и холостые въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ отдѣльныя помѣщенія; въ большинствѣ же случаевъ всѣ рабочіе живутъ вмѣстѣ, безъ раздѣленія половъ и возрастовъ. Особыхъ спаленъ для рабочихъ нѣтъ нигдѣ; обыкновенно вдоль стѣнъ стоятъ нары, ничѣмъ не прикрытыя, т. е. просто голыя доски. Спятъ на нарахъ всѣ вповалку, кому, какъ и гдѣ пришлось. Но и нары въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ работа идетъ смѣнами непрерывно, день и ночь, разсчитаны не на все число рабочихъ, а только на половину: одна смѣна уходитъ, а другая ложится на только что покинутыя голыя доски. Приспособленія для умыванія послѣ сна существуютъ не вездѣ; большею частью рабочіе умываются у колодцевъ на дворѣ и утираются рукавами рубахи. О вентиляціи жилищъ никто не заботится; провѣтриваніе производится только само собою, напр., отворяніемъ дверей при входѣ, топкой печи, разбитымъ окномъ. Подметаются помѣщенія обыкновенно разъ въ недѣлю, рѣдко два раза, а моются передъ Рождествомъ и Пасхой, т. е. 2 раза въ годъ.

Въ Казанскомъ округѣ наиболѣе распространенный типъ жилищъ—казармы. Относительно ихъ фабричн. инспекторъ Шидловскій въ своемъ отчетѣ за 1885 г. говоритъ, что „въ большинствѣ изъ указанныхъ мною фабрично-заводск. заведеній они болѣе, чѣмъ неудовлетворительны, но на круподерныхъ заводахъ близъ Уфы и кожевенныхъ — въ слободѣ Нижегородкѣ, а также на многихъ кирпичныхъ заводахъ — это не жилища для людей, а какіе-то *скотскіе загоны*, да и тѣ въ благоустроенныхъ сельскихъ хозяйствахъ мнѣ встрѣчалось видѣть чище содержимыми.

[1]) Отчетъ инспектора Кіевскаго округа Новицкаго за 1885 г.

Такъ, на одномъ изъ круподерныхъ заводовъ, въ небольшомъ домикѣ, который отведенъ для отдыха и жилья, мнѣ при его осмотрѣ дальше порога двери не удалось пройти, такъ какъ пришлось бы ступать по ногамъ и головамъ спящихъ рабочихъ; грязь и смрадъ въ немъ были положительно невыносимы. Немногимъ описанному уступаютъ остальные круподерные, кожевенные и кирпичные заводы"...

Въ этомъ округѣ встрѣчается еще особый, такъ сказать, четвертый типъ жилыхъ помѣщеній: это землянки, которыя могутъ конкурировать развѣ съ знаменитыми „каютами" для рабочихъ на каменноугольныхъ рудникахъ юга Россіи... „Устройство ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя я видѣлъ, говоритъ Шидловскій, слѣдующее: вырывается въ землѣ яма, стѣны которой обставляются пучками хвороста, камыша и т. п., по которому дѣлается смазка глиной, потолокъ составляется изъ жердей или накатника, сверхъ коего наваливается слой земли. Подобнаго рода помѣщенія, правда, отличаются теплотой, но въ нихъ постоянно господствуетъ страшная сырость, и если они могутъ быть допустимы при временныхъ постройкахъ для жилья рабочихъ, то врядъ ли могутъ быть терпимы на заводахъ, дѣйствующихъ постоянно".

Что касается Владимірскаго округа, то здѣсь, говоритъ въ своемъ отчетѣ фабричн. инспекторъ Песковъ, въ большинствѣ случаевъ при фабрикахъ живетъ только часть рабочихъ и притомъ меньшая; а на нѣкоторыхъ изъ нихъ не имѣется никакихъ жилыхъ помѣщеній. Въ такихъ случаяхъ рабочіе живутъ или въ особыхъ квартирахъ, нанимаемыхъ ими въ тѣхъ городахъ или селеніяхъ, гдѣ находятся фабрики, или въ собственныхъ домахъ, если рабочіе изъ окрестныхъ деревень. Изъ 71 фабрики и заводовъ, осмотрѣнныхъ Песковымъ, такой порядокъ существовалъ на 9, въ 14 случаяхъ всѣ или почти всѣ рабочіе жили въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ, а въ остальныхъ — при фабрикахъ и заводахъ жила только часть. и притомъ меньшая, рабочихъ.

Отдѣльные домики для рабочихъ г. Песковъ встрѣтилъ только на хрустальныхъ и стекляныхъ заводахъ и отчасти на фабрикѣ писчебумажной Способина. У Мальцева каждый домикъ (изъ общаго числа ихъ 298) раздѣленъ глухой стѣной на 2 половины, и въ каждой половинѣ живетъ по одной семьѣ; при каждой половинѣ имѣется небольшой дворикъ, огороженный заборомъ, и на немъ устроены нѣкоторыя хозяйственныя службы: хлѣвъ для коровы, курятникъ и др.

Что касается казармъ, то онѣ не представляютъ отличій отъ подобныхъ помѣщеній въ другихъ районахъ. Обычная скученность населенія, отсутствіе вентиляціи, зловоніе и грязь, влажность воздуха, доходящая до 90%, и отсутствіе какихъ бы то ни было удобствъ. Новаго мы узнаемъ только то, что, оказывается, и на нашихъ фабрикахъ существуетъ обычай переселенія на дачи.

...„Какъ только наступитъ теплое время года, рабочіе почти повсемѣстно выселяются изъ своихъ душныхъ каморокъ на своего рода дачи“ [1]). Эти дачи — дѣйствительно „своего рода“. Онѣ устраиваются гдѣ нибудь поблизости фабрики, гдѣ есть свободное мѣсто, изъ разломанныхъ ящиковъ, жердей и тому подобнаго хлама, видами и размѣрами напоминая собою скорѣе *собачью конуру или курятникъ*. Примитивныя эти жилья тянутся длинными линіями, и на первый взглядъ постороннiй, *непосвященный*, наблюдатель не заподозритъ въ нихъ человѣческаго жилья. Въ этихъ балаганчикахъ лѣтомъ живутъ цѣлыя семьи...

Подобныя *собачьи* помѣщенія Эрисманъ и Погожевъ встрѣчали и въ Московской губерніи, изслѣдуя санитарное состояніе фабрикъ и заводовъ.

Они представляютъ собою небольшіе ящики, сколоченные изъ досокъ; длина этихъ ящиковъ — около 1 сажени, ширина менѣе $1^1/_2$ аршина, а высота—$1^1/_2$—2 аршина. Входъ въ эти конуры имѣетъ около 14 вершковъ вышины и 11 вершковъ ширины, такъ что входить въ нихъ можно только ползкомъ, на четверенькахъ. Иногда такія конуры устраиваются въ коридорахъ, и въ такомъ случаѣ служатъ жилищемъ для рабочихъ въ теченіе круглаго года. И оказывается, что въ такихъ собачьихъ помѣщеніяхъ живетъ отъ 2 до 3 рабочихъ! На фабричномъ дворѣ бываетъ иногда до 150 подобныхъ конуръ. Хороши, стало быть, самыя помѣщенія, если „эти балаганы рабочіе считаютъ для себя благодѣяніемъ [2]), потому что лѣтомъ въ кухняхъ (во многихъ казармахъ спальни служатъ и кухней) жарко, и „клопы одолѣваютъ“.

Обиліе насѣкомыхъ составляетъ прямо непреодолимое препятствіе для отдыха лѣтомъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, особенно на кирпичныхъ заводахъ, какъ и вообще при какихъ бы то ни было земляныхъ работахъ. „Оставаться въ жиломъ помѣщеніи, назна-

[1]) Свирскій. Фабрики, заводы и проч. промышленныя заведенія Владимірской губ., 65 стр., 1890 г.

[2]) Сборникъ статистическ. свѣдѣній по Московской губ., т. III, вып. I. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда, Эрисманъ, 1881 г., 105 стр.

чаемомъ собственно для ночлега, говоритъ Погожевъ [1]), нѣтъ почти никакой возможности даже для выносливой русской натуры.

...Рѣдко кто вынесетъ лѣтнюю духоту, съ одной стороны, а съ другой — такое обиліе блохъ и клоповъ, понятіе о которомъ можно составить, пробывъ лишь одну минуту въ жиломъ помѣщеніи". Не помогаетъ даже усталость отъ изнурительнаго 12—14-часового труда.

Такова обстановка, гдѣ живетъ и трудится фабрично-заводское населеніе на пространствѣ всей Россіи.

ГЛАВА IV.

По отзывамъ всѣхъ инспекторовъ и помощниковъ ихъ, отчасти провѣреннымъ мною на мѣстѣ, говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1885 г. главный фабричный инспекторъ Я. Михайловскій [2]), санитарное состояніе посѣщенныхъ ими промышленныхъ заведеній представляетъ картину довольно неприглядную, причемъ не замѣчается въ этомъ отношеніи большой разницы между фабриками и заводами Привислинскаго и Прибалтійскаго края и тѣми, которые находятся въ великорусскихъ промышленныхъ центрахъ. „Въ громадномъ большинствѣ заведеній противъ такихъ послѣдствій фабрично-заводскихъ производствъ, какъ чрезмѣрно высокая или низкая температура, сырость, пары, пыль, зловоніе, ядовитые газы и др., почти никакихъ мѣръ не принимается. Вентиляціи, а равно и другихъ приспособленій или не существуетъ, или они крайне неудовлетворительны, а потому и не достигаютъ своей цѣли. Есть, конечно, фабрики, преимущественно крупныя и принадлежащія образованнымъ фабрикантамъ, которыя въ санитарномъ, какъ и въ др. отношеніяхъ содержатся образцово; но такія блестящія исключенія еще рельефнѣе оттѣняютъ санитарную несостоятельность большинства другихъ заведеній. Точно также мало въ промышленныхъ заведеніяхъ обращается вниманія на необходимость огражденія опасныхъ механизмовъ, результатомъ чего является множество несчастныхъ случаевъ съ рабочими, и особенно съ малолѣтними. Въ этомъ легко было инспекціи убѣдиться, посѣщая фабричныя больницы, и не только при осмотрѣ больничныхъ книгъ

[1]) Кирпично-гончарное производство Московскаго уѣзда. Сборникъ статистическ. свѣд. по Московск. г., т. III, вып. II, 1881 г., 193 стр.

[2]) „О дѣятельности фабричной инспекціи", 1886 г., 63 стр.

по рубрикѣ vulnera, но и воочію: рабочіе съ забинтованными ногами или руками, а часто съ ампутированными уже, съ повязанными головами, лазящіе по полу на четверенькахъ, вслѣдствіе пораженія машиною спиннаго мозга, съ отсѣченными или сильно поврежденными пальцами, не говорю уже о менѣе опасныхъ пораженіяхъ, таковы картины, которыя представляютъ собою часто палаты фабричныхъ больницъ. Причина такихъ несчастныхъ случаевъ, по словамъ завѣдующихъ фабриками,—собственная неосторожность взрослыхъ рабочихъ, и шалости, когда рѣчь идетъ о малолѣтнихъ". Но шалости — шалостями, и пустословіе — пустословіемъ.

Наиболѣе же дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ этимъ зломъ и его послѣдствіями является установленіе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими и надлежащаго контроля за принятіемъ со стороны промышленниковъ необходимыхъ предупредительныхъ мѣръ.

Правда, еще 40 слишкомъ лѣтъ тому назадъ комиссія изъ членовъ отъ м-ва внутреннихъ дѣлъ и м-ва финансовъ (подъ предсѣдательствомъ Штакельберга) выработала въ 1862 г. проектъ устава о промышленности, гдѣ хозяевамъ вмѣняется въ обязанность, подъ страхомъ взысканія отъ 10 до 50 руб., соблюдать довольно разработанныя общія и спеціальныя правила о мѣрахъ предосторожности. §§ 121—128 VII гл. проекта гласятъ, что хозяинъ обязанъ вознаградить рабочаго, получившаго, при исполненіи порученной ему работы, ушибы или увѣчья, если они произошли не отъ неосторожности рабочаго, а отъ безпечности хозяина, отъ дурного состоянія машинъ или вообще отъ несоблюденія хозяиномъ правилъ, предписанныхъ для огражденія опасныхъ частей механизмовъ. Кромѣ того, хозяинъ подлежитъ взысканію издержекъ, употребленныхъ на леченіе работника, до его выздоровленія, и на похороны его, въ случаѣ смерти отъ увѣчья.

Но проектъ этотъ такъ и остался проектомъ. Въ своемъ отчетѣ за 1885 г. главный инспекторъ Михайловскій вновь настаиваетъ на томъ, чтобы былъ изданъ, по примѣру иностранныхъ государствъ (напр., Германіи), общій спеціальный законъ, обязывающій промышленниковъ заботиться объ огражденіи жизни и здоровья рабочихъ, съ надлежащими каратольными мѣрами, и поручить инспекціи надзоръ за точнымъ исполненіемъ такого закона. Однако не только не было издано такого закона, но и отчеты самой фабричной инспекціи перестали публиковаться...

Не принимая, такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ надлежащихъ мѣръ къ охраненію жизни и здоровья рабочихъ и не считаясь съ обязанностью вознаграждать ихъ за несчастные случаи, заводчики и фабриканты даже леченіе пострадавшихъ считали для себя тягостью непосильной. Рабочій, получившій увѣчье или подвергшійся болѣе или менѣе продолжительному заболѣванію, получалъ разсчетъ и сбывался съ фабрики, какъ предметъ, уже къ дальнѣйшей эксплоатаціи болѣе непригодный. Правда, у насъ существовалъ законъ 1866 г., обязывающій фабрикантовъ организовать медицинскую помощь. Но, какъ показали разслѣдованія фабричной инспекціи, законъ этотъ существовалъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительной жизни примѣненія не имѣлъ. „Внѣшнимъ образомъ статья эта, говоритъ въ отчетѣ за 1882—83 гг. московскій фабричный инспекторъ Янжулъ, выполняется, такъ какъ на всѣхъ почти фабрикахъ, внѣ городовъ находящихся, существуютъ больницы; въ дѣйствительности эти такъ называемыя больницы существуютъ лишь для обхода закона, и никакой дѣйствительной медицинской помощи фабричному населенію не доставляютъ. Дѣло въ томъ, что на значительномъ числѣ фабрикъ подъ именемъ больницъ разумѣются лишь пріемные покои изъ двухъ, чаще изъ одной комнаты, съ одной или двумя постелями, гдѣ въ самомъ лучшемъ случаѣ больной можетъ пролежать одинъ или два дня, пока фабрика не придумаетъ того или иного способа отъ него избавиться: отвезти его въ ближайшую больницу или разсчесть и отправить домой... Но когда даже существуетъ по обстановкѣ и настоящая больница на фабрикѣ, то случается, что все-таки медицинской помощи больной рабочій получить въ ней не можетъ. Такъ, на фабрикѣ № 95 есть больница на 35 кроватей, и по больничнымъ записямъ многочисленны случаи травматическихъ поврежденій; тѣмъ не менѣе больныхъ тамъ не лечатъ, а отправляютъ или въ Москву для излеченія, или просто отпускаютъ съ фабрики. . .При больницѣ обыкновенно имѣется фельдшеръ, хотя не всегда. ...Два раза, напр., я встрѣтилъ такой курьезный случай: обязанности фельдшеровъ исправляли фабричные лавочники, которыхъ и нужно было вызвать изъ лавки для того, чтобы показать мнѣ пріемный покой“! Изъ 147 осмотрѣнныхъ фабрикъ, гдѣ живутъ или регулярно пріѣзжаютъ доктора, *„медицинскую помощь на фабрикахъ можно считать почти отсутствующей“*... Но и гдѣ существуетъ лѣченіе, оно вовсе не безплатное. „За боль-

ницу вычеты составляютъ обыкновенно отъ копейки до двухъ копеекъ съ заработнаго рубля въ мѣсяцъ". „Врачебное дѣло и врачебная организація при фабрикахъ и заводахъ Воронежскаго округа, говорится въ отчетѣ инспектора Миропольскаго, несмотря на блестящія исключенія, находятся въ очень неудовлетворительномъ положеніи"... Изъ Казанскаго округа сообщается, что на очень многихъ заводахъ нѣтъ „ни больницъ, ни какой бы то ни было постоянной врачебной помощи". Кромѣ того, „далеко не всѣ устроенныя фабрикантами больницы заслуживаютъ этого названія", такъ какъ въ иныхъ не значится „ни одного больного". Инспекторъ Харьковскаго округа замѣчаетъ, что имъ осмотрѣно было 658 промышленныхъ заведеній съ 30.913 рабоч. Болѣе 100 рабочихъ имѣли 59 заводовъ съ 17.666 рабоч. Изъ нихъ только въ четырехъ заведеніяхъ при контингентѣ рабочихъ въ 2.011 человѣкъ медицинская организація удовлетворяла вполнѣ закону 1866 г., т. е. имѣлась больница, аптека, а также постоянный врачъ, живущій при заведеніи. Остальныя заведенія или прямо не организовали у себя ничего для поданія помощи заболѣвшему рабочему, или же имѣли вполнѣ фиктивную организацію. Однимъ словомъ, изъ отчета главнаго фабричнаго инспектора за 1885 г. мы узнаемъ, что „изъ 785 заведеній, подлежащихъ дѣйствію постановленія 26 августа 1866 г. (т. е. имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ), осмотрѣнныхъ фабричной инспекціей— врачебная. помощь существуетъ только у 38,8% заведеній"; но при этомъ еще „многіе пріемные покои существуютъ часто лишь для виду, чтобы только формально исполнить законъ: въ нихъ иногда не бываетъ даже коекъ, и вообще они остаются безъ употребленія или отдаются подъ квартиры фабричному сторожу". Про Петербургскій округъ фабричн. инспекторъ Давыдовъ сообщаетъ что на очень многихъ промышленныхъ заведеніяхъ устроены или больницы, или пріемные покои съ небольшой аптекой и фельдшеромъ, докторъ—годовой и посѣщаетъ рабочихъ 1—2 раза въ недѣлю. Но послѣ всего вышеизложеннаго мы не удивимся слѣдующему сообщенію: „Тамъ, гдѣ фабрики и заводы имѣютъ своихъ годовыхъ врачей и гдѣ нѣтъ лазаретовъ, *врачи ограничиваются только подписываніемъ вѣдомостей*, составляемыхъ фельдшерами, и отправкой увѣчныхъ или трудно больныхъ въ больницы... Мнѣ лично извѣстны 3 небольшихъ завода и фабрики, довольствующіеся только ежемѣсячнымъ представленіемъ вѣдомостей. Одинъ типографщикъ предлагалъ мнѣ за единовременный гонораръ въ 10 р. въ годъ

принять на себя почетную обязанность ежемѣсячно подписывать требуемыя вѣдомости, и предлагалось это вполнѣ серьезно, даже съ достоинствомъ“ [1]). По даннымъ, собраннымъ земскимъ изслѣдованіемъ Московскаго у. въ 1876 г., на фабрикахъ за немногими исключеніями нѣтъ ни врачей, ни фельдшеровъ, ни больницъ. Изъ 156 фабрикъ только 5 имѣютъ больницы. Но даже и эти больницы служатъ только вывѣской. Хотя врачъ или фельдшеръ и пріѣзжаютъ на эти фабрики 3—4 раза въ мѣсяцъ, *но заболѣвшіе рабочіе или отлеживаются на нарахъ, или отправляются на исцѣленіе въ деревню. Дальнихъ же везутъ въ одну изъ московскихъ больницъ.*

Такимъ образомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ медицинская помощь была фактивна, ея не существовало въ дѣйствительности. Леченіе рабочихъ считалось баловствомъ, если же болѣзнь или поврежденіе были серьезны и лишали человѣка трудоспособности—его сбывали съ рукъ. „Особенно было бы желательно, говоритъ въ своемъ отчетѣ фабричн. инспекторъ Воронежскаго округа, воспрещеніе удалять больныхъ рабочихъ изъ заведенія, когда эти рабочіе заболѣли на работѣ или вслѣдствіе работы. Въ отчетномъ году я узналъ, напр., относительно шерстомоенъ близъ г. Воронежа, что женщины и дѣвочки, нанятыя въ деревняхъ верстъ за 10 и за 12, въ случаѣ болѣзни прямо разсчитываются администраціей, причемъ онѣ вынуждены возвращаться домой пѣшкомъ, такъ какъ по бѣдности у нихъ часто нѣтъ средствъ нанять извозчика довезти ихъ“... Это было явленіе, обычное повсюду, ибо если промышленники сваливали съ своихъ плечъ вознагражденіе за увѣчья и смертные случаи, то какъ можно ждать отъ нихъ большого вниманія къ больнымъ?

„Побитые, небитые,—для насъ все равно“, такъ говорилъ при судебномъ слѣдователѣ одинъ изъ служащихъ извѣстной намъ фабрики Хлудова. „Я знаю, возразилъ слѣдователь, что для васъ даже изжаренные нипочемъ“.

Даже въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ въ виду большой культурности края, постановка медицинской помощи считалась образцовой—на самомъ дѣлѣ обстоитъ нисколько не лучше. Въ Петроковской г., самой промышленной губерніи Ц. П., находится 400—500 большихъ и среднихъ фабрикъ, на которыхъ работаютъ болѣе 50.000 рабочихъ, не считая тѣхъ, которые работаютъ на ка-

[1]) „Недѣля“ за 1879 г. Такъ пишетъ врачъ о положеніи дѣлъ въ Петербургѣ.

менноугольныхъ копяхъ въ Домбровѣ. И изъ этихъ 400—500 фабрикъ *только на* 3 существуетъ правильно организованная врачебная помощь; на остальныхъ же нѣтъ не только больницъ, но и постоянныхъ врачей, которые живутъ иной разъ за 20—30 верстъ. Въ Лодзи—этомъ русскомъ Манчестерѣ—на 230 крупныхъ фабрикъ съ 30.000 рабочихъ есть только 1 фабричная больница при фабрикахъ Шейблера. Въ Сосновицахъ—русской Силезіи—ни при одной изъ 14 крупныхъ фабрикъ съ 8—10 тысячами рабочихъ нѣтъ своей фабричной больницы, а всѣ онѣ пользуются больницами горно-промышленныхъ обществъ „графъ Ренардъ“ и Крамста. Этими 2 больницами завѣдуетъ 1 врачъ, который кромѣ того исполняетъ обязанности при 11 фабрикахъ, не считая того, что за годъ у него перебываетъ до $5^1/_2$ тысячъ амбулаторныхъ больныхъ. Вся медицинская помощь совершается какъ бы на почтовыхъ. Въ извѣстный день докторъ мчится на всѣхъ парахъ по Сосновицамъ, и если на фабричныхъ воротахъ выкинутъ флагъ, значитъ, есть больной и врачъ наскоро осматриваетъ его; нѣтъ флага—докторъ мчится далѣе. Эта система напоминаетъ того уѣзднаго врача добраго стараго времени, который по пріѣздѣ въ деревню собиралъ всѣхъ больныхъ и, не выходя изъ брички, раскидывалъ въ пользу недужныхъ заранѣе приготовленные медикаменты, порошки, пилюли и проч. Кто что поймаетъ, тѣмъ и лѣчись. И за эту-то медицину многіе сосновицкіе фабриканты взыскивали съ рабочихъ извѣстный $^0/_0$!..

Перейдемъ къ вопросу о несчастныхъ случаяхъ. Статистики ихъ у насъ не существовало для изучаемаго періода, а данныя послѣдняго времени будутъ приведены во 2-й части.

Точныхъ записей несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ не существовало, а если и существовали, то не оглашались. Одинъ крупный московскій фабрикантъ ситца откровенно сознался Янжулу, что на его фабрикѣ доводится до свѣдѣнія полиціи только о такихъ несчастіяхъ, которыхъ скрыть невозможно... И въ этомъ смыслѣ врачи всегда находятся подъ постояннымъ давленіемъ со стороны фабричной администраціи, внушающей имъ бросить ихъ затѣи со статистикой. Съ другой стороны, директоръ одной изъ самыхъ крупныхъ мануфактуръ въ Московской губ. сообщалъ д-ру Погожеву, что онъ, при содѣйствіи врача, живущаго на фабрикѣ, задумалъ было вести болѣе точно статистику всѣхъ несчастныхъ случайностей на фабрикѣ, записывая одинаково и крупныя поврежденія и ничтожныя царапины. Однако, по сло-

вамъ директора, ему скоро пришлось раскаяться въ своемъ рвеніи. Исправникъ сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ и грозилъ жаловаться губернатору, вслѣдствіе того, что на данной фабрикѣ въ короткое время было такъ много несчастныхъ случаевъ при работѣ тогда какъ на всѣхъ другихъ фабрикахъ ввѣреннаго ему уѣзда несчастія случаются гораздо *гдже* (?!).

Какъ бы то ни было, и полицейскіе протоколы, и фабричныя записи единодушны въ своемъ умалчиваніи объ этой сторонѣ фабричной жизни. Но она нашла себѣ выраженіе въ одной распространенной пѣснѣ, сочиненной фабричными рабочими Московской губерніи.

Лѣто красное проходитъ,
Зима морозна настаетъ.
Зима морозна настаетъ,
У фабричныхъ сердце мретъ.
Съ полуночи встаетъ,
На работу поспѣётъ:
На машинѣ задремалъ,
Праву ручку оторвалъ.
Праву ручку оторвалъ,
Къ отцу-матери послалъ;
Отецъ съ матерью идутъ,
Слезы въ три ручья текутъ.
А въ народѣ говорятъ,
Фабриканта все бранятъ!
Ахъ, постылый ты заводъ,
Перепортилъ весь народъ.
Перепортилъ, перегадилъ:
Никто замужъ не беретъ.
И ни баринъ, ни купецъ,
Ни фабричный молодецъ.
Тотъ лишь замужъ ихъ возьметъ.
Кто свиней въ лѣсу пасетъ...

„Несчастія съ рабочими на фабрикахъ, заводахъ, рудникахъ и копяхъ, говоритъ д-ръ Погожевъ, случаются въ Россіи несравненно чаще, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ лазаретныя воспоминанія пишущаго эти строки врача о минувшей сербской и русско-турецкой войнѣ совершенно блѣднѣютъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ тѣми катастрофами, которыя случаются почти изо-дня въ день на русскихъ фабрикахъ“ [1]). Лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія въ печать проникли свѣдѣнія, касающіяся этой, такъ сказать, членовредительной стороны фабричной жизни. Такъ, у насъ имѣются данныя за 6 лѣтъ относительно извѣстной

[1]) Погожевъ. Фабричный бытъ Германіи и Россіи, 1882 г., 53 стр.

Хлудовской фабрики. Болѣзненность среди хлудовскихъ рабочихъ была необыкновенно велика: хотя, по словамъ земской комиссіи, большинство заболѣвшихъ рабочихъ получаетъ расчетъ, не испытавъ удобствъ больницы, такъ какъ ихъ просто на просто увольняютъ въ такихъ случаяхъ, все-таки за 3 года (1879—1881 г.) въ больницѣ перебывало 700 человѣкъ, а амбулаторныхъ посѣщеній было 23.818, т. е. по 2,4 посѣщенія на каждаго рабочаго въ годъ. Въ теченіе 2 лѣтъ, 1879—1880 г., при $2^1/_2$ тыс. рабочихъ было записано 633 случая поврежденія отъ машинъ, что составляетъ за 2 года одно поврежденіе на 6,5 рабочихъ [1]). Въ 1881 году было записано 350 случаевъ такого поврежденія, при 2.596 рабочихъ, а въ слѣдующіе 3 года (1882—1884) было искалечено 1.829 чел. Такимъ образомъ число травматическихъ поврежденій по отношенію къ общему числу рабочихъ составляетъ 10,8% за 1879 г., 14,5% за 1880 и 13,5% за 1881 г. „Самыя лютыя войны, самыя отчаянныя схватки, по процентной убыли изъ строя раненыхъ, являются лишь невинной забавой обѣихъ враждующихъ сторонъ, сравнительно съ той убылью выбывшихъ изъ строя на болѣе или менѣе долгое время, какая замѣчается среди фабричныхъ рабочихъ“, замѣчаетъ по этому поводу Погожевъ. Въ русско-турецкую войну 1877—8 г. наша 300.000 дунайская армія понесла убыль ранеными изъ строя около 13,5% всего числа. Въ итальянскую войну 1859 года у французовъ число раненыхъ въ строю равнялось 9,8%. Въ франко-германскую войну 1870—71 г. число раненыхъ не превышало 10,8%. А между тѣмъ тысячи, десятки тысячъ жертвъ вырываются изъ рядовъ промышленной арміи постоянно, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, и въ размѣрахъ все возрастающихъ, по мѣрѣ того какъ промышленность втягиваетъ въ сферу своего дѣйствія все большія массы населенія.

Если въ Саксоніи, замѣчаетъ Святловскій, страдаетъ одинъ работникъ изъ *ста*, то у насъ (по крайней мѣрѣ, на сахарныхъ заводахъ) *одинъ* изъ *четырнадцати*. Разница поистинѣ громадная, ужасающая, и если принять ее нормой для всѣхъ промышленныхъ заведеній Россіи, то на ея милліонъ работниковъ окажется въ годъ 67.000 ушибленныхъ, искалѣченныхъ и ошпаренныхъ...

По наблюденіямъ Эрисмана, на фабрикахъ Московскаго уѣзда,

[1]) „Врачъ“, 1882 г., № 13.

ставильщики подвергаются травматическимъ поврежденіямъ въ 5 разъ чаще, чѣмъ рабочіе на нашихъ сахарныхъ заводахъ, именно на 1.000 чел. приходится отъ 277 до 303 случаевъ!

Благодаря отсутствію спеціальныхъ законовъ объ отвѣтственности предпринимателей, эта огромная масса получившихъ увѣчья или поврежденія рабочихъ, выбрасываясь за ворота промышленныхъ заведеній, какъ инвалиды труда, не находили достаточной защиты ихъ интересовъ. Въ основу общихъ гражданскихъ законовъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ (томъ X, ч. 1 св. закон., ст. 634—687) полагалось не объективное понятіе профессіональнаго риска, а субъективное понятіе вины. Доказательство же *вины* предпринимателя, при той особой обстановкѣ, въ какой происходятъ несчастные случаи въ промышленныхъ заведеніяхъ, не только открываетъ широкій просторъ судебной волокитѣ, но и само по себѣ представляетъ большія трудности. Если присоединить сюда бѣдность, темноту и забитость народныхъ массъ того времени, надъ чѣмъ усердно трудились и общая, и фабричная администрація, то намъ не покажется удивительнымъ, что „въ лучшемъ случаѣ—по словамъ фабричнаго инспектора Святловскаго—дѣло оканчивается полюбовной мировой сдѣлкой, съ выдачей пострадавшему калѣкѣ нѣсколькихъ рублей серебромъ“. Само собой разумѣется, конечно, что предприниматели видятъ причину несчастныхъ случаевъ въ собственной неосторожности рабочихъ или въ шалости малолѣтнихъ. Но всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя единогласно свидѣтельствуютъ о полнѣйшемъ равнодушіи промышленниковъ къ жизни и здоровью рабочихъ.

По всей Московской губерніи можно указать лишь на 1 фабрику (Раменская мануфактура),—это изъ 1.080,—гдѣ приняты надлежащія мѣры. „На всѣхъ же прочихъ фабрикахъ приспособленія для этой цѣли, т. е. огражденіе опасныхъ частей машинъ и приводовъ, огражденіе горячихъ котловъ и проч., встрѣчаются лишь изрѣдка и кое-гдѣ“ [1]). „Особенно это можно сказать, добавляетъ Владимірск. фабричн. инспекторъ Песковъ, относительно малолѣтнихъ: почти нѣтъ части машины, отъ которой бы имъ не приходилось получать какихъ-нибудь травматическихъ поврежденій“.

Приведемъ здѣсь нѣсколько конкретныхъ примѣровъ—они лучше обрисовываютъ фабрично-заводскіе нравы этого времени.

[1]) Общая сводка санитарныхъ изслѣдованій фабричныхъ заведеній Московской губ., т. IV, ч. II, 210 стр.

На Уткинскомъ заводѣ графа Стенбокъ-Фермора одинъ рабочій — Демидъ Векшинъ — проработавши 15 лѣтъ, сдѣлалъ *прогульный день*, и за это всѣ 15 лѣтъ были вычтены изъ срока на пенсію. Проработавши снова 25 лѣтъ, Векшинъ погибъ въ *турбинѣ*. Трое сыновей его проработало на томъ же заводѣ въ общей сложности 18 лѣтъ, и всѣ 3 погибли на работѣ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ итогѣ получается 58 лѣтъ работы и 4 жизни. Въ семьѣ осталась въ живыхъ старуха жена Демида Векшина, которой заводское управленіе назначило пенсію — *одинъ рубль 72 коп.* въ *годъ*! Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, на фабрикѣ у г. К. рабочему измяло руку, которую пришлось отнять. Владѣлецъ фабрики, по выздоровленіи рабочаго, *прогналъ его, не давши ему ни копѣйки* на кусокъ хлѣба. На фабрикѣ Коншина (въ Серпуховѣ) смазчикъ, стоя на лѣстницѣ, сталъ смазывать шестерню, находящуюся на верху помѣщенія; *у лѣстницы не было крючьевъ*; она выскользнула у смазчика изъ-подъ ногъ, и бѣдняга полетѣлъ въ машину, которая также *не была ничѣмъ ограждена*. Зубьями шестерни рабочему оторвало руку и отбросило въ одну сторону, а его — въ другую. Несчастный скончался въ тотъ же день въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, не переставая умолять сторожа добить его поскорѣе. Находящійся при фабрикѣ фельдшеръ, будучи пьянъ, не могъ оказать никакой помощи... Когда вдова (съ 4 дѣтьми) явилась на фабрику просить вспомоществованія, то директоръ фабрики Чернакъ далъ *3 рубля* и объявилъ, что больше не дастъ. На фабрикѣ Хлудова въ 1884 году лопнулъ цилиндръ, причемъ въ числѣ пострадавшихъ былъ одинъ рабочій, которому переломило 4 ребра и обварило обѣ руки. „Пройдя рядъ мытарствъ, бѣдняга помирился съ фабрикой, взявъ 5 рублей за каждое сломанное ребро и считая ни во что кипятокъ, обварившій ему руки“. Въ селѣ Нараевкѣ Подольской г. произошелъ взрывъ парового котла на винокуренномъ заводѣ—убито 10 и 9 раненыхъ, получившихъ ожоги. Причина взрыва—чрезмѣрное скопленіе паровъ, такъ какъ на *на одномъ почти винокуренномъ заводѣ нѣтъ манометровъ*. Около 1880 года произошелъ пожаръ на фабрикѣ Гивартовскаго въ Москвѣ. Внутри зданія 4 этажа соединялись *одной деревянной лѣстницей*, которая и сгорѣла, такъ что пришлось прыгать съ 6-ти-саженной высоты. Сгорѣло болѣе 40 рабочихъ и столько же получило увѣчья. Потерпѣвшимъ Гивартовскій выдалъ 5.470 руб., что составляетъ рублей 65 на человѣка.

Но, можетъ быть, щедрость нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ проявлялась въ другой какой-нибуда формѣ; можетъ быть, цѣня такъ низко человѣческую жизнь, они болѣе цѣнили филантропически-благотворительныя учрежденія, въ видахъ ли честолюбія или ради спасенія своей грѣшной души? Увы! Въ этотъ періодъ первоначальнаго накопленія капитала имъ было не до того.

Говоря о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ Харьковскаго округа, замѣчаетъ фабричный инспекторъ Святловскій, нельзя не отмѣтить того крайне прискорбнаго факта, что ни на одномъ изъ этихъ промышленныхъ заведеній не принимается никакихъ опредѣленныхъ мѣръ къ облегченію участи пострадавшихъ: ни о богадѣльняхъ для увѣчныхъ, ни о пенсіяхъ потерпѣвшимъ нигдѣ не было и рѣчи.—И такъ повсемѣстно въ Россіи...

Несмотря на большое количество жертвъ, говорится въ отчетѣ владимірск. фабричнаго инспектора, „только на 3 фабрикахъ... обезпечиваются до нѣкоторой степени рабочіе, потерпѣвшіе увѣчья отъ машинъ, въ видѣ кос-какихъ льготъ. Но и эти льготы существуютъ лишь частнымъ образомъ, келейно, и знаетъ ихъ только хозяинъ, который и даруетъ ихъ, по своему усмотрѣнію, въ видѣ милости“. Въ отчетѣ инспектора Казанскаго округа говорится, что пенсіи и единовременныя пособія престарѣлымъ или какимъ либо образомъ пострадавшимъ во время службы на фабрикѣ или заводѣ рабочимъ выдаются „только у Т-ва Крестовниковыхъ“. Въ Московск. г. г. Янжулъ встрѣтилъ богадѣльни для престарѣлыхъ и убогихъ рабочихъ—на 2 фабрикахъ и пенсіонный капиталъ—на одной.

ГЛАВА V.

Разсмотримъ теперь продолжительность работы. 12 часовъ въ сутки—было наиболѣе распространеннымъ рабочимъ днемъ (не считая перерывовъ); 12-ти-часовая продолжительность рабочаго дня была принята почти на всѣхъ фабрикахъ, гдѣ работа шла и день и ночь. Между тѣмъ сюда относятся наиболѣе важныя отрасли промышленности, какъ-то: обработка волокнистыхъ веществъ (бумаго-прядильн. и бумаго-ткацкое, шерсто-прядильн. и шерсто-ткацкое, суконное и др. производства), особенно въ Московско-Владимірскомъ районѣ; затѣмъ на сахарныхъ заводахъ,

лѣсопильныхъ, стеклянныхъ, писчебумажныхъ, на паровыхъ мельницахъ и маслобойняхъ, химическихъ, спичечныхъ и гвоздильныхъ фабрикахъ и такъ далѣе. На однихъ фабрикахъ и заводахъ 12-ти-часовой рабочій день является въ видѣ одной смѣны, какъ, напр., на сахарныхъ и писчебумажныхъ заводахъ, и тутъ разрушающимъ образомъ дѣйствуетъ на здоровье рабочихъ именно столь продолжительное напряженіе,—безъ отдыха,—силы или вниманія. Но еще хуже обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ рабочему приходится работать 2 смѣны въ сутки, по 6 часовъ каждая.

А почти на всѣхъ суконныхъ фабрикахъ, по словамъ Янжула, существовалъ такой распорядокъ очередей:

Дневная смѣна:	съ $4^1/_2$ ч. утра до 8 ч. утра	$= 3^1/_2$ час.
	съ $8^1/_2$ ч. утра до $12^1/_2$ ч. утра	$= 4$ час.
	съ $1^1/_2$ ч. дня до 8 ч. вечера	$= 6^1/_2$ час.
Ночная смѣна:	съ 8 ч. в. до $4^1/_2$ ч. утра	$= 8^1/_2$ час.
	съ 8 ч. у. до $8^1/_2$ ч. утра	= получасу.
	съ $12^1/_2$ ч. дня до $1^1/_2$ ч. дня	$= 1$ час.

Въ результатѣ мы видимъ, что вся жизнь рабочаго при этой системѣ очередей, въ теченіе по крайней мѣрѣ недѣли, когда на его долю приходится ночная смѣна (а очереди мѣняются по недѣлямъ), складывается крайне неестественно,—и онъ совершенно не имѣетъ возможности достаточно набираться силъ или выспаться; работая такими короткими урывками послѣ утомительной, какъ всякая ночная, работы ему дается здѣсь на сонъ лишь $3^1/_2$ ч. (предполагая, что его жилое помѣщеніе близко), и затѣмъ его будятъ на $^1/_2$ часа для того только, чтобы машина не стояла, послѣ этого онъ опять имѣетъ на сонъ всего лишь $3^1/_2$ часа, какъ въ часъ снова свистокъ призываетъ его къ работѣ, и только послѣ половины второго ему оставляется свобода въ 6 час. для ѣды, питья чая и остального сна; объ удовлетвореніи другихъ его петребностей не можетъ быть и рѣчи въ рабочій день.

Но не въ рѣдкость считается и гораздо болѣе продолжительный рабочій день. Такъ, въ Московской губ. Янжулъ наблюдалъ 12-часовой рабочій день на 55 фабрикахъ или ихъ отдѣленіяхъ. Отъ 12 до 13 часовъ работаютъ на 48 фабрикахъ; отъ 13 до 14 час.—на 34 фабрикахъ; отъ 14 до 15 час.—на 9; $15^1/_2$ час. работаютъ на 2 и 18 час.—на 3 фабрикахъ. Да, какъ

ни покажется намъ невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе это фактъ—работаютъ по 18 часовъ въ сутки, 6 часовъ оставляется на удовлетвореніе остальныхъ человѣческихъ потребностей!

Выше 16 часовъ и до 18 въ сутки (а иногда, хотя трудно повѣрить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожныхъ фабрикахъ и періодически—въ ситцевыхъ—въ отдѣленіяхъ красильномъ, на барабанахъ, въ складальной и набивномъ корпусѣ, а также изрѣдка на мануфактурѣ № 66...; а нерѣдко достигаетъ одинаковой высоты рабочее время при сдѣльной работѣ на нѣкоторыхъ фарфоровыхъ фабрикахъ"; это говорится о Московск. г. Въ Харьковскомъ округѣ „по 16—17 часовъ работаютъ мелкіе ватные и костопальные заводы, а по 18-ти ч. парусиноткацкія заведенія, овчинно-шубныя и спичечныя фабрики въ послѣднюю треть года". Въ Виленскомъ округѣ наибольшая продолжительность рабочаго дня существуетъ на винокуренныхъ заводахъ, гдѣ „работа обыкновенно начинается около 2 часовъ ночи и длится до 6—8 ч. вечера. Въ теченіе этихъ 16—18 часовъ рабочій, хотя и не занятъ непрерывно, но завода не покидаетъ до конца запора". На другихъ заводахъ работа обыкновенно продолжается отъ 5—6 ч. утра до 7—8 час. вечера, или въ 2 смѣны, поровну съ однимъ перерывомъ.

Изъ Казанскаго округа сообщается, что до примѣненія закона 1 іюня 1882 г. работа *малолѣтнихъ* продолжалась на нѣкоторыхъ льно-прядильныхъ, льно-ткацкихъ фабрикахъ и кожевенныхъ заводахъ $13^1/_2$ ч; на суконныхъ фабрикахъ—14—15 час.; въ сапожныхъ и шапочныхъ мастерскихъ, а также маслобойняхъ—14 ч.

Въ овчинно-шубныхъ заведеніяхъ работа продолжается отъ 5 ч. у. до 10 ч. в. съ перерывомъ для обѣда на 2 ч. и 3 раза пьютъ чай.

На другихъ овчинныхъ заведеніяхъ, а также на спичечныхъ фабрикахъ—„отъ утренней зари до вечерней". Въ кулеткацкихъ заведеніяхъ работа продолжается съ 1 ч. ночи отъ 14 до 18 часовъ съ перерывами. И это — для малолѣтнихъ! Какъ такая работа разрушаетъ силы организма, видно изъ того, что даже и взрослые рогожники, по выраженію одного изъ хозяевъ, передъ Пасхой и прекращеніемъ работъ на лѣто (а великимъ постомъ идетъ усиленная работа) до того ослабѣваютъ физически, что ихъ „вѣтромъ качаетъ".

Рогожники г. Рославля (Смоленск. г.), напр.. встаютъ въ часъ

полуночи и работаютъ до 6 ч. у. Затѣмъ дается $^1/_2$ часа на завтракъ и работа продолжается до 12 ч. Послѣ $^1/_2$-часового перерыва для обѣда работа возобновляется до 11 ч. ночи. Итого—для ночного отдыха 2 ч. [1])! А между тѣмъ, по словамъ Янжула, почти половина изъ работающихъ въ рогожныхъ заведеніяхъ—малолѣтніе, изъ коихъ весьма многіе не достигаютъ 10 лѣтъ, и встрѣчаются малютки, работающія около своихъ матерей, даже 3 лѣтъ. Рогожники спятъ въ праздники по цѣлымъ суткамъ, а въ лѣтніе мѣсяцы занимаются полевыми работами. Лишь благодаря этому, они переносятъ такой режимъ.

Чрезвычайной продолжительностью рабочаго дня, отсутствіемъ регулярнаго отдыха и даже праздниковъ отличается также работа въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ крупнаго типа, напр., въ большей части булочныхъ.

Здѣсь рабочіе отдыхаютъ и спятъ лишь урывками, когда и какъ придется, — и такъ какъ силъ человѣческихъ не можетъ хватить на работу при такихъ каторжныхъ условіяхъ, то выработался обычай —отпускать рабочихъ въ отпускъ и на поправку каждый годъ мѣсяца на полтора.

Правда, такія промышленныя заведенія, гдѣ трудъ человѣческій уже не просто эксплуатируется, а прямо уничтожается въ своемъ источникѣ и человѣкъ „измочаливается“ до того, что его „вѣтромъ качаетъ“ — составляютъ меньшинство, но во всякомъ случаѣ не были только исключеніемъ. По словамъ главнаго фабричнаго инспектора, въ 80% промышленныхъ заведеній число часовъ работы не превышаетъ 12. Но и 20% — цифра немалая!

Кромѣ того, нерѣдко тамъ, гдѣ работа и не превышаетъ 12 ч. въ сутки, она захватываетъ ночное время; въ Московско-Владимірскомъ районѣ сюда относится наиболѣе важная отрасль промышленности — по обработкѣ волокнистыхъ веществъ.

Въ Харьковскомъ округѣ изъ 55 производствъ ночная работа практикуется только въ 14, по наблюденіямъ фабричной инспекціи, но число рабочихъ, употребляемыхъ на ночную работу, очень велико, именно—до $^1/_3$ всѣхъ рабочихъ, что объясняется многочисленностью рабочихъ на сахарныхъ заводахъ и суконныхъ фабрикахъ. Въ Привислинскомъ краѣ—въ Лодзи и въ Варшавѣ—ночная работа почти не встрѣчается, но зато „Сосновица бле-

[1]) Недѣля, 1878 г., № 13.

ститъ всю ночь своими электрическими фонарями, и почти всѣ ея фабрики не знаютъ покоя ни днемъ, ни ночью"; то же самое— на сахарныхъ заводахъ. Въ Петербургскомъ округѣ—ночная работа рѣдко встрѣчается. Во всякомъ случаѣ, если не число производствъ и предпріятій, то число рабочихъ, которые принимаютъ участіе въ ночной работѣ,—довольно значительно.

Между тѣмъ ночная работа не только разрушаетъ силы организма, но и даетъ большее количество несчастныхъ случаевъ.

Къ тому же наши фабриканты не брезговали и тѣмъ, чтобы урвать у рабочихъ еще нѣкоторое время сверхъ 12 часовъ работы. Такъ, мы узнаемъ, что „почти на всѣхъ фабрикахъ праздничная остановка въ работѣ... означаетъ собственно остановку паровой машины, но не работы".

Такъ, если смѣны чередуются въ 6 и 12 час., то паровыя машины останавливаются въ воскресенье въ 6 ч. утра, но рабочіе не распускаются, а обязаны вычистить и привести въ порядокъ машины, что занимаетъ у нихъ сверхурочной работы не менѣе $^1/_2$ часа, обыкновенно же часъ" [1]), а иногда и болѣе.

Точно также смѣна, начинающая работу въ понедѣльникъ, является на часъ раньше назначеннаго времени, не въ 6 ч. у., напр., а въ 5. И эти обязательные сверхурочные часы никогда фабрикантами не оплачиваются. Кромѣ присвоенія капиталистами неоплаченнаго труда рабочихъ, практикуются иногда и другіе пріемы, граничащіе прямо съ мошенничествомъ даже съ точки зрѣнія капиталистической этики. Такъ, на Измайловской бумагопрядильной фабрикѣ употребляются и особые часы, которые умѣютъ въ теченіе недѣли отставать ровно на часъ. Каждое воскресенье они ставятся на часъ впередъ, и смѣна, начинающая работу въ понедѣльникъ, начинаетъ ее не въ 5, а уже въ 4 часа, такъ что общая остановка фабрики въ праздникъ равняется всего 22 часамъ.

Съ подобными же фокусами часы регулируютъ время и на бумаго-шерстопрядильной фабрикѣ купчихи Богомоловой.

Въ началѣ недѣли они ставятся на $^1/_2$ часа впередъ, а затѣмъ постепенно къ концу недѣли отстаютъ, такъ что полу-

---

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губ. Общая сводка по санитарн. изслѣдов., 339 стр. На фабрикѣ Балина и Макарова работа прекращается въ праздники въ 6 час. утра, но по окончаніи ея рабочіе обязаны чистить свои машины, что продолжается нерѣдко до 9 и даже до 10 часовъ. (Изслѣд. Клинск. у.).

чается выигрышъ въ пользу эксплуатаціи производства около $^1/_2$ часа въ теченіе цѣлой недѣли.

Какъ мелкія промышленныя заведенія ремесленнаго типа, такъ и крупно-капиталистическія предпріятія не отставали, такимъ образомъ, другъ отъ друга въ дѣлѣ выжиманія прибавочной стоимости изъ той массы оторопѣвшаго, заморенная нуждою рабочаго люда, которая съ роковою силою выбрасывалась изъ нѣдръ русской деревни и которая представляла переходную ступень отъ бродячаго земледѣльца къ постояннымъ кадрамъ промышленнаго пролетаріата...

ГЛАВА VI.

Посмотримъ теперь, какъ оплачивался этотъ рабочій день.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, что производства, въ которыхъ рабочій день наиболѣе продолжителенъ, а условія работы наиболѣе неблагопріятны или даже вредны, отнюдь не лучше оплачиваютъ трудъ, чѣмъ производства менѣе тяжелыя или вредныя, а даже хуже.

Такъ, въ Московскомъ округѣ наивысшая плата приходится на производство золотыхъ и серебряныхъ вещей (35 р. въ мѣсяцъ для взрослаго мужчины) и на машино-строительные и литейные заводы—30 р. мѣсяцъ. Наименьшая — падаетъ на позументныя фабрики—7 р. въ мѣс., шерсто-прядильн.—$9^1/_2$ р., затѣмъ спичечныя фабрики — 12 руб. Во Владимірскомъ районѣ точно также высшая плата приходится на слесарное, механическое и чугунно-литейное дѣло — около 25 р. въ мѣс. для взрослаго мужчины. На кожевенныхъ—11 р., а въ овчинно-шубныхъ—12 р. 83 к.

Въ Харьковскомъ округѣ высшій заработокъ получаютъ мужчины въ чугуно-литейныхъ, механическихъ и машиностроительныхъ заводахъ—22 р. 50 к., затѣмъ въ водочныхъ—21 р., а въ гончарномъ производствѣ—7 р. 50 к., въ химическ. заводахъ 8 р., парусино-ткацкихъ фабрикахъ — 9 р., въ сахарныхъ и винокуренныхъ заводахъ—10 р.

Злополучные рогожники зарабатываютъ на станъ изъ 4 человѣкъ [2 мужч.+женщина+малолѣтній] 28 р. 48 к. въ мѣсяцъ, т. е. мужчина зарабатываетъ всего 8 р. 89 к. Однимъ словомъ, „въ теченіе мѣсяца суточный часъ работы у рабочихъ по всѣмъ

прочимъ производствамъ оплачивается по 88,7 к., у рогожниковъ же лишь 40 к., т. е. болѣе, чѣмъ вдвое меньше, и это при совершенно невозможныхъ условіяхъ жизни въ мастерскихъ“ [1]).

Что касается территоріальныхъ различій, то само собой бросается въ глаза то обстоятельство, что по западной окраинѣ заработная плата выше, чѣмъ въ центральномъ районѣ. Такъ, въ Харьковск. округѣ, согласно отчету фабричнаго инспектора за 1885 г., средній заработокъ по 50 слишкомъ производствамъ опредѣляется цифрой: $12^1/_4$ р. для мужчины, $7^1/_2$ для женщ. и $4^1/_2$ для малолѣтнихъ въ мѣсяцъ (24 дня). Средній заработокъ по 20 производствамъ въ Московскомъ округѣ (отчетъ Янжула за 1885 г.) равнялся: $18^1/_2$ руб. для мужч., 9 р. для женщины и $6^2/_3$ р. для малолѣтняго. Въ Виленскомъ округѣ средній заработокъ по всѣмъ производствамъ (въ 1885 г.) составляетъ для мужчины 20 р. 92 к., для женщины 9 р. 20 к., но для малолѣтнихъ значительно ниже — 3 р. 44 к. Что касается Польши, то въ 7 производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ заработная плата, въ среднемъ составляетъ (въ рубляхъ):

(Имперія центр. районъ).		Царство Польск.
мужч.	15,2	20,1 т. е. на 32,2% выше.
женщ. . . .	8,8	15,3 т. е. на 73,9% выше.
малолѣтн. . .	5,5	8,8 т. е. на 60% выше [2]).

При этомъ, общее количество рабочихъ часовъ на польскихъ фабрикахъ меньше, чѣмъ на русскихъ. Отчасти это различіе объясняется тѣмъ, что въ Привислинскомъ краѣ рабочій, какъ правило, получаетъ только заработную плату и больше ничего; внутри же Россіи — сюда еще присоединяется квартира отъ хозяина для значительной части рабочихъ. Подобныя помѣщенія считаются, правда, безплатными, даровыми, но это только съ перваго взгляда, въ дѣйствительности же, несомнѣнно, стоимость ихъ учитывается путемъ пониженія заработной платы. Но это объясняетъ указанную разницу только отчасти, потому что стоимость хозяйской квартиры съ точки зрѣнія рабочаго не превышаетъ 1 р. въ Харьковскомъ и 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. въ Московскомъ округѣ.

---

[1]) Дементьевъ. Фабрика, 1897 г., 152 стр.

[2]) Янжулъ. Отчетъ по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ, 1888 г.

Притомъ, если произвести болѣе детальное расчлененіе производствъ и соединять вмѣстѣ лишь тожественныя отдѣленія, то указанная выше средняя цифра заработной платы понизится довольно значительно. Такъ, по изслѣдованіямъ Дементьева (въ 1884—85 г.), средній заработокъ рабочихъ (всегда было изслѣдовано 26,725 чел.), живущихъ на своихъ харчахъ, въ среднемъ, по 24 производствамъ и отдѣленіямъ равняется: 13 р. 75 к. для мужчины, 10 р. 27 к. для женщины и 5 р. 08 к. для малолѣтнихъ.

Для Петербургск. губерніи средній заработокъ мастеровыхъ можно принять въ 25—30 р. въ мѣсяцъ; у фабричныхъ—онъ равняется 15—17 р. въ мѣсяцъ, а чернорабочіе получаютъ отъ 50 к. въ день, а лѣтомъ и по 60 к.

Это на фабрикахъ и заводахъ, а хозяева небольшихъ промышленныхъ заведеній и подрядчики платятъ имъ иногда по 30 к. въ сутки. Женщины получаютъ отъ 8 до 12 р., среднимъ числомъ 10 р., а дѣти—отъ 5 до 9 р., въ среднемъ 7 р. въ мѣсяцъ. На кирпичныхъ заводахъ подрядчики нанимаютъ рабочихъ изъ провинціи на все лѣто (мѣсяц. 6) за 25 — 85 р. (въ среднемъ за 60 р.) на хозяйской квартирѣ и харчахъ [1])...

Въ среднемъ, для всѣхъ фабрикъ по всѣмъ производствамъ недѣльная работа можетъ быть принята въ 74 часа, тогда какъ въ Англіи она не превышаетъ 59 часовъ, а въ Америкѣ—60 ч. Поэтому, хотя рабочихъ дней у насъ въ году меньше, именно на фабрикахъ съ машиннымъ производствомъ — 276 дней (а на на фабрикахъ съ ручнымъ производствомъ — 268 дней), между тѣмъ какъ въ Англіи — 281, а въ Америкѣ (Массачузетсъ) — даже 307, все таки общее количество рабочихъ часовъ у насъ значительно больше.

	Рабочихъ часовъ въ году.	
На фабрикахъ съ машин. производствомъ въ Россіи	3588	100%.
въ Англіи	2810	78,15%.
въ Америкѣ	3070	85,5% [2]).

Средняя оплата труда за часъ работы выразится слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) См. Санитарный отчетъ за 1879 г.

[2]) Сборникъ статистическ. свѣд. по Моск. г. Общая сводка санитарн. изслѣдованій фабричн. заведеній Моск. г., т. IV, ч. II, 371—375 стр.

		Заработная плата въ копейкахъ.				
		Мужч.	Женщ.	Подростк.	Малолѣтн.	Средняя для всѣхъ.
Бумаго-прядильно-самоткацкое производство	Моск. губ.	4,69	3,82	2,49	2,02	3,97
	Англія	17,72	10,81	6,25	2,09	10,78
	Массачуз.	20,38	12,75	9,25	7,30	13,93
Отбѣльно-красильн. отдѣлочн. отдѣленіе и ситценабивное	Моск. губ.	8,87	2,28	2,38	1,92	4,15
	Англія	18,76	7,72	7,40	2,29	11,86
	Массачуз.	21,70	11,40	10,01	7,15	18,73
Шерсто-прядильно-суконное производство	Моск. губ.	5,41	2,69	2,52	1,87	4,07
	Англія	18,00	7,50	4,94	—	11,25
	Массачуз.	16,56	14,13	10,65	8,23	14,90
Машиностроительное	Моск. губ.	6,90	—	0,30	—	6,22
	Англія	19,01	—	5,94	—	17,17
	Массачуз.	26,18	11,06	12,52	11,54	25,56
Среднее для всѣхъ производствъ	Моск. губ.	5,07	2,71	2,61	1,82	4,26
	Англія	19,45	7,94	5,65	1,85	16,38
	Массачуз.	25,60	13,15	11,01	8,23	22,28

Такимъ образомъ, въ среднемъ, одинъ часъ работы у насъ оплачивается 4,26 коп.; въ Англіи—16,38 коп. и въ Америкѣ (Массачузетсъ) въ 22,28 коп., т. е. въ Англіи почти *вчетверо*, а въ Америкѣ болѣе, чѣмъ *впятеро* дороже чѣмъ у насъ [1]).

Но указанныя цифры только тогда пріобрѣтутъ полное значеніе, когда ихъ привести въ связь, съ одной стороны, съ цѣнами на необходимые предметы потребленія и жизни рабочаго класса, а съ другой стороны—съ остальными условіями фабрично-заводской жизни. Изучаемый нами періодъ—до половины 80-хъ годовъ—характеризуется именно тѣмъ, что не только изумительно низко оплачивался вообще трудъ человѣка, но и право рабочаго на свой полный заработокъ признавалось предпринимателями лишь съ не менѣе изумительными ограниченіями, т. е. подъ непремѣннымъ условіемъ его дальнѣйшей эксплуатаціи.

Начнемъ прежде всего съ уплаты рабочему заработанныхъ имъ денегъ. До закона 1886 г., урегулировавшаго взаимныя отношенія той и другой стороны, „у большинства промышленныхъ заведеній, кромѣ ремесленныхъ, говоритъ фабричный инспекторъ Янжулъ [2]), плата заработанныхъ денегъ производилась, когда хозяинъ пожелаетъ и имѣетъ нужныя для того деньги. Очень нерѣдко даже правилами фабрики воспрещалось рабочимъ, какъ это

[1]) Дементьевъ. Фабрика, 1897 г., 166—168 стр.
[2]) Вѣстникъ Европы, 1888 г., № 2.

ни странно можетъ показаться, требовать свои деньги ранѣе срока окончательнаго отхода съ фабрики, что обыкновенно совершалось къ Святой или къ 1 октября", т. е., другими словами, рабочіе ссужали капиталистамъ безпроцентно болѣе или менѣе значительную часть своей заработной платы, а тѣ на эти деньги совершали торгово-промышленныя операціи уже съ наложеніемъ процентовъ. Это явленіе, по своей распространенности, является общимъ и составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ изучаемаго нами періода такъ называемыхъ „патріархальныхъ отношеній". Почти всѣ фабрики, работающія механической силой, затѣмъ ручныя ситценабивныя, спичечные, кожевенные и химическіе заводы— расплачиваются сжемѣсячно, но „выдача всегда производилась за предшествовавшій мѣсяцъ, такъ что за конторой фабрики всегда оставалось не менѣе полумѣсячнаго заработка рабочаго". Лишь на 5 заводахъ найдены были болѣе короткіе сроки расплаты.

Но и въ перечисленныхъ производствахъ— „несравненно чаще и притомъ на фабрикахъ крупныхъ, считающихъ своихъ рабочихъ сотнями и тысячами, заработная плата выдавалась лишь подъ большіе праздники: 8 разъ въ годъ, 6 разъ въ годъ, 5 и даже 4 раза". „Наконецъ, на очень нерѣдкихъ фабрикахъ, въ особенности между суконными, вовсе не существовало опредѣленныхъ сроковъ уплаты заработковъ". Окончательный расчетъ дѣлается только разъ въ годъ, подъ Пасху, а до этого времени деньги выдаются съ большими затрудненіями, и, напр., на суконной фабрикѣ Войта (Подольск. у.) нѣсколько гривенниковъ на покупку, положимъ, шапки рабочій получаетъ лишь послѣ продолжительныхъ умаливаній. На другихъ фабрикахъ дѣйствуютъ съ большей откровенностью. До окончательнаго расчета заработанныя деньги можно получить свободно во всякое время — но только съ учетомъ 10% [1]). Процессъ накопленія совершался здѣсь, такимъ образомъ, упрощеннымъ порядкомъ, совершенно открыто, съ патріархальной простотой, прикрываясь лишь очень прозрачной оболочкой—желаніемъ хозяевъ предотвратить „растрату" заработанныхъ денегъ рабочими.

Однимъ изъ условій держать въ рукахъ рабочаго, говорится относительно Харьковскаго округа фабричн. инспекторомъ Святловскимъ, почти повсемѣстно является удержаніе со всякаго рабочаго части его заработной платы. Часть эта обыкновенно не превышаетъ двух-

[1]) Общая сводка по санитарнымъ изслѣдованіямъ фабричныхъ заведеній Моск. г. съ 1879—85 г., т. IV, ч. II, 321—322 стр.

недѣльнаго заработка. Другими словами, фабрика почти всегда открываетъ себѣ кредитъ на счетъ и безъ согласія бѣдняка-рабочаго.

Но какъ же можетъ существовать рабочій безъ заработной платы? Вотъ тутъ-то и открываются дальнѣйшія стороны нашей фабричной системы, дополняющія нарисованную въ предшествующемъ изложеніи картину патріархальныхъ отношеній. Рабочій „использовался“ предпринимателемъ не только какъ рабочая, но и какъ потребительная сила, не только внутри фабрики, но и за воротами ея. Какъ можетъ существовать рабочій безъ денегъ? Очень просто. Рабочій оставлялъ предпринимателю часть своей заработной платы, и на эти деньги предприниматель открывалъ съ своей стороны кредитъ рабочему (хотя и не безпроцентно—въ этомъ вся разница). Для этого существовали такъ назыв. фабричныя лавки, гдѣ отпускались необходимыя вещи. „Неопредѣленная расплата, въ разные сроки, составляетъ, несомнѣнно, одну изъ ближайшихъ и существенныхъ причинъ неудовлетворительнаго экономическаго положенія нашихъ рабочихъ, о чемъ неоднократно сообщалось многими изслѣдователями русскаго рабочаго быта. Весьма вѣроятно, что при правильной расплатѣ не могли бы имѣть мѣста пресловутыя фабричныя лавки, весьма вредныя дѣйствующія на карманъ рабочаго. При неопредѣленности сроковъ расплаты рабочій выпрашиваетъ часть своихъ денегъ къ большимъ годовымъ праздникамъ, и еще чаще ему удается заполучить ихъ лишь при окончательномъ расчетѣ съ заведеніемъ. Кому приходилось видѣть, какъ въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, гдѣ вполнѣ царитъ этотъ видъ расплаты, оборванный подмастерье съ картузомъ въ рукахъ, какъ нищій, вымаливаетъ хоть частицу своихъ трудовыхъ денегъ, тотъ знаетъ, какъ солоно приходится это безобразное занятіе, благодаря которому спутываются всѣ расчеты. и самая разсудительная семья при всей энергіи къ труду садится на пищу древнихъ столпниковъ и юродивыхъ. При неопредѣленной расплатѣ нельзя ничего ни разсчитать, ни предусмотрѣть: все идетъ на волю случая и на добычу процентщика, выручающаго рабочаго въ трудную минуту“ [1]). Наибольшее распространеніе фабричныя лавки получили въ центральномъ районѣ [2]).

[1]) Свитловскій. „Фабричный рабочій“, 1889 г., 36—37 стр.

[2]) Этотъ видъ эксплуатаціи, надо думать, восходитъ къ отдаленнымъ временамъ, т.-е. къ періоду самаго возникновенія промышленныхъ заведеній. „Старинная манера нашихъ заводчиковъ—заставлять рабочихъ весь заборъ дѣлать изъ конторы по высокой цѣнѣ, чтобы только держать мастеровыхъ въ неоплатномъ долгу и закабаленіи, чѣмъ такъ кичатся и хвастаются и нынѣ многіе невѣжественные заводчики...“, говорится въ

...Харчевыя лавки,—читаемъ мы въ „Общей сводкѣ санитарныхъ изслѣдованій фабричн. заведеній Москов. г. за 1879—85 г.“,—существуютъ почти на всѣхъ крупныхъ и иногда даже на мелкихъ фабрикахъ, находящихся на болѣе значительномъ разстояніи отъ Москвы, на пригородныхъ же фабрикахъ такія лавки встрѣчаются рѣдко. Заборъ въ фабричныхъ лавкахъ нерѣдко прямо обязателенъ для рабочихъ: такъ напр., на Вознесенск. мануфактурѣ заборъ провизіи производится рабочими исключительно и обязательно изъ фабричной лавки; то же самое мы встрѣчаемъ на суконной фабрикѣ Чернышевыхъ, на всѣхъ рогожныхъ фабрикахъ, на бумагопрядильн. фабрикѣ Балина и Макарова, гдѣ рабочимъ запрещается приносить на фабричный дворъ болѣе или менѣе значительныя количества съѣстныхъ припасовъ; затѣмъ на ткацкой фабрикѣ Егорова, гдѣ, по условію, артель обязана брать всѣ припасы въ лавкѣ, принадлежащей хозяину или же тамъ, „гдѣ онъ укажетъ“... На большинствѣ фабрикъ заборъ провизіи въ фабричной лавкѣ для рабочихъ оффиціально необязателенъ, но по существу онъ для нихъ почти неизбѣженъ, такъ какъ вольныя лавки, безъ ручательства конторы, въ кредитъ не отпускаютъ ничего, а расплачиваться съ лавочниками наличными деньгами рабочіе не въ состояніи. Точно также въ отчетѣ инспектора Владимірской г. Пескова за 1882—3 г. констатируется, что „только на очень немногихъ фабрикахъ и заводахъ всѣ покупки производятся на наличныя деньги, выдаваемыя на руки рабочимъ“; обыкновенно же употребляются книжки или какіе-нибудь другіе бумажные знаки, по которымъ производится заборъ товаровъ въ лавкахъ. Цѣны въ фабричныхъ лавкахъ одной и той же мѣстности и за одно и то же время разнообразятся сильно и нерѣдко отличаются отъ рыночныхъ на 20 и даже до 80%. Вотъ, напр., цѣны за іюль 1885 г. на 5 сосѣдн. фабрикахъ.

Продукты.	Подольскій у.	Сергіуховскій уѣздъ (Моск. губ.).			
	Фабр. № 135.	№ 134.	№ 139.	№ 142.	№ 143.
Хлѣбъ ржан. печеный .	1 р. 10 к. —1 р. 15 к.	1 р. 5 к. (пудъ).	80 к.	76 к.	76 к.
Соль. . . .	1 р. пудъ.	80 к.	80 к.	60 к.	50 к.
Сало топлен.	9 р. 23 к. пудъ.	10 р.	10 р.	9 р. 60 к.	8 р. 20 к.
Масло коноплян. . .	7 р. 20 к. пудъ.	8 р. 20 к.	8 р.	7 р. 20 к.	7 р. 20 к.

описаніи фабрикъ окскаго полѣсья. „Биржа“ за 1876 г., №№ 96, 97 и 98. „Все забирается отъ хозяина и все въ три-дорога, по крайней мѣрѣ на 67%, т.-е. на 2/3 противъ базарныхъ вольныхъ цѣнъ“,—на заводѣ Бармінныхъ. Ibid.

Между тѣмъ вольныя цѣны въ г. Серпуховѣ за это время были: хлѣбъ ржан. 70 к. пуд.; соль 47—55 к., масло конопл. 6 р. 80 к. пудъ и сало топлен. 23 — 24 к. (?) Какъ велики доходы отъ этихъ лавокъ, можно судить по тому, что годовой оборотъ на нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикахъ въ началѣ 80-хъ годовъ достигалъ 100, 120, 150, 160 и даже 400 тысячъ рублей. Если допустить, что такія лавки даютъ только 10% чистаго дохода, то все же въ карманѣ владѣльцевъ фабрикъ окажутся десятки тысячъ рублей, полученныхъ ими уже не въ качествѣ фабрикантовъ, а въ качествѣ торговцевъ съѣстными припасами. Такъ, недополученная рабочими заработная плата, бросавшая ихъ въ руки кабалы, превращалась въ источникъ барышей для самихъ предпринимателей.

Въ Харьковскомъ округѣ фабричныя лавки мало распространены, но тамъ, гдѣ онѣ есть, товары въ нихъ отпускаются по цѣнѣ, выше рыночной на 25 — 30 — 100%. Въ Воронежскомъ округѣ фабричная инспекція хозяйскихъ лавокъ въ осмотрѣнныхъ заведеніяхъ встрѣтила лишь 3, да и въ тѣхъ заборъ былъ необязателенъ. Впрочемъ, отсюда еще нельзя вывести заключенія, что тамъ, гдѣ нѣтъ хозяйскихъ лавокъ, не существуетъ эксплуатаціи рабочихъ, какъ потребителей. Такъ, Эрисманъ на 6-мъ губернскомъ съѣздѣ врачей Московск. земства, констатировалъ тотъ фактъ, что хозяева фабрикъ наживаютъ большія деньги на пищѣ рабочихъ, все равно, имѣются ли при фабрикѣ лавки, или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ хозяева берутъ отступное съ сосѣднихъ торговцевъ. На большихъ фабрикахъ эта статья даетъ имъ отъ 8 до 10 тысячъ чистаго барыша. Даже въ Петербургск. губ. во многихъ промышленныхъ заведеніяхъ устроены магазины, откуда рабочіе могутъ доставать все необходимое, какъ-то: пищу, одежду, обувь, бѣлье, табакъ и проч. При этомъ цѣны на все поразительно высокія, какъ говорится далѣе въ докладѣ о санитарномъ изслѣдованіи. Такъ, напримѣръ, сахаръ, который можно купить головою за 16 коп. въ Петербургѣ, здѣсь въ лавкахъ продается по 21 — 22 к. на наличныя деньги и 23 — 24 к. на книжку; масло коровье самаго худшаго сорта по 37 — 38 к. за фунтъ, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ масло хорошее стоитъ 31—33 к. Въ такой же пропорціи увеличиваются сравнительно съ Петербургомъ цѣны и на всѣ другіе продукты. Фабриканты обыкновенно сами наживаютъ барыши на этихъ лавкахъ; нѣкоторые же *сдаютъ свои лавки* въ аренду лавочникамъ съ условіемъ вы-

плачивать по забраннымъ книжкамъ изъ заработной платы арендатору, за что получаютъ, конечно, мзду... Но этимъ еще не ограничивается дѣло, такъ какъ не менѣе важны самыя условія найма. Въ разсматриваемый нами періодъ процессъ образованія спеціальнаго класса фабрично-заводскихъ рабочихъ, отъ земли совершенно оторвавшихся, еще далеко не закончился.

По даннымъ земскаго изслѣдованія 1879—85 г., почти 94% фабричныхъ рабочихъ Московской губ. состоитъ изъ крестьянъ; но въ этой массѣ крестьянъ замѣтны различныя ступени перехода отъ мужика-землевладѣльца къ фабричному рабочему. Во всякомъ случаѣ для этого періода характерно стремленіе предпринимателей обезпечить себя рабочими руками при помощи сильно дѣйствующихъ средствъ. На всѣхъ мелкихъ фабрикахъ, мало чѣмъ отличающихся отъ кустарныхъ заведеній и работающихъ исключительно руками мѣстнаго населенія, мы видимъ полное отсутствіе опредѣленныхъ сроковъ найма. На эти фабрики населеніе идетъ лишь въ свободное отъ сельскихъ полевыхъ работъ время. Благодаря отсутствію большихъ машинъ и механическихъ двигателей, подобныя фабрики такой порядокъ переносятъ свободно. Наоборотъ, на всѣхъ мелкихъ и крупныхъ фабрикахъ, ведущихъ работу исключительно или почти исключительно механическою силою, т. е. на фабрикахъ, занимающихъ наибольшее количество изъ числа всѣхъ фабричныхъ рабочихъ губерніи, простой того или другого станка, той или другой машины, въ то время какъ развивается дорого стоющая, но даромъ пропадающая механическая сила—есть прямой и крупный убытокъ.

Поэтому здѣсь существуютъ продолжительные сроки найма, большею частью годичные, а если и полугодичные (съ Пасхи по 1 октября и съ 1-го октября до Пасхи), то распредѣленные такъ, что фабричный годъ начинается именно съ наиболѣе опаснаго для предпринимателей періода: періода лѣтнихъ полевыхъ работъ. Разъ рабочіе остаются весною и лѣтомъ, то къ осени и зимѣ ихъ будетъ избытокъ. Отсюда возникла система спеціальныхъ штрафовъ и вычетовъ. Вообще условія и налагаемые вычеты, которыми хозяева стараются задержать рабочихъ отъ ухода съ фабрики, крайне разнообразны и произвольны. Приведемъ здѣсь нѣкоторые образцы. На многихъ фабрикахъ за самовольный уходъ до срока рабочій лишается 6 или 12-ти-дневнаго заработка. „На нѣкоторыхъ вычетъ доходитъ до мѣсячнаго заработка рабочаго... и, наконецъ, на Царевской ситцевой мануфактурѣ рабочій, ушедшій ранѣе срока,

лишается, во-первыхъ, мѣсячной платы, которая удерживается постоянно въ конторѣ до самаго расчета, и, во-вторыхъ, подвергается еще вычету двухнедѣльнаго заработка, т. е. лишается всѣхъ плодовъ шести-недѣльнаго труда“ [1]). Иногда этотъ штрафъ принимаетъ форму вычета извѣстнаго % изъ неуплаченнаго еще рабочему жалованья. „Такъ какъ на большинствѣ нашихъ фабрикъ опредѣленнаго срока для расплаты рабочихъ нѣтъ, то сплошь и рядомъ контора должна рабочимъ за нѣсколько мѣсяцевъ и даже за полгода, и, слѣдовательно, означенная система вычетовъ процентами изъ жалованья для рабочихъ еще чувствительнѣе и тяжелѣе“. На фабрикѣ Зимина, за требованіе расчета прежде срока, означеннаго въ книжкѣ, вычитаютъ 1 р. 50 коп. за каждый мѣсяцъ.

Правила химическаго завода Шлиппе гласятъ: „если рабочій уйдетъ раньше срока, то въ такомъ случаѣ получаетъ за все время половину договоренной платы“. На бумаго-прядильной фабрикѣ Балина и Макарова такъ строго, что дальше итти некуда: „рабочіе и мастеровые, поступившіе на фабрику съ Пасхи, всѣ обязаны жить до октября мѣсяца, а ежели кто не пожелаетъ жить до срока, то лишается всѣхъ заработныхъ денегъ [2]). Въ мастерскихъ Волжско-тверского пароходства одинъ пунктъ правилъ говоритъ: „я обязуюсь изъ своего жалованья оставлять въ конторѣ $^1/_{10}$ часть сжемѣсячно... Въ случаѣ провинности моей оставленныя въ конторѣ десятыя части изъ жалованья мнѣ не возвращаются“ [3]). Повсемѣстно, говоритъ фабричный инспекторъ Харьковскаго округа, хозяинъ предоставляетъ себѣ право лишать рабочаго заработной платы и еще подвергать законной отвѣтственности, если онъ самовольно оставитъ работу. На табачной фабрикѣ Кушнарева (Ростовъ-на-Дону) неустойка за нарушеніе рабочимъ срока договора полагается въ 100 руб.

На сахарныхъ заводахъ принято за правило, что рабочій, ушедшій ранѣе срока, теряетъ право на полученіе всей заработной платы. Затѣмъ существовали еще разные вычеты, какъ, напр., за оказаніе медицинской помощи, хотя это было воспрещено закономъ, за рабочую книжку, на содержаніе дворника и чистку ретирадъ и т. д.

---

[1]) Янжулъ. Фабричный бытъ Моск. г. Отчетъ за 1882—83 г., 78 стр.
[2]) Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Клинскаго уѣзда. Сборникъ статистич. свѣдѣній по Московской губ., т. III, вып. I, 1881 г., 80 стр.
[3]) Ibid., 277 стр.

Но, строго относясь къ нарушенію рабочими условій договора и карая ихъ по своему произволу, гг. предприниматели въ то же время очень легко относились къ своимъ обязательствамъ, вѣрнѣе сказать, ихъ не существовало. „Обязательство, налагавшееся на фабрикантовъ (св. зак. XI т. уст. пр. фабр., ст. 104)... нигдѣ, ни на одной фабрикѣ, правилами не признавалось“ [1]).

„Если контора найдетъ нужнымъ почему-либо расчесть, то рабочій обязанъ получить разсчетъ во всякое время, не спрашивая о причинѣ увольненія и не имѣя на контору претензій“ — такъ говорилось въ правилахъ на одной фабрикѣ.

На шелко-ткацкой фабрикѣ Фландена (Клинскаго у. Московской г.) одинъ § устава гласитъ: „никто отъ работы отказаться не можетъ ранѣе условленнаго срока, *контора же имѣетъ право* отказать во всякое время“. Относительно условія найма,— читаемъ мы въ изслѣдованіи Святловскаго,—не существуетъ особенно рѣзкой разницы для губерній Харьковскаго фабричнаго округа и для Привислинскаго края. Вся сущность этихъ условій можетъ быть резюмирована въ нѣсколькихъ словахъ: и тамъ, и тутъ хозяинъ, буде онъ пожелаетъ, *можетъ* прогнать во всякое время рабочаго съ фабрики, хотя ст. 54 устава о промышленности заводск. и фабр. и требуетъ обязательнаго предупрежденія работника за 2 недѣли до отпуска.—При столь откровенномъ нарушеніи существовавшаго закона о наймѣ неудивительно, что нарушались и всѣ прочіе. Вопреки закону, въ правилахъ нѣкоторыхъ фабрикъ существуетъ такое правило: „хозяинъ имѣетъ право во всякое время за работу цѣну повысить или понизить“. Вообще хозяинъ фабрики—неограниченный властитель и законодатель, котораго никакіе законы не стѣсняютъ, и онъ часто ими распоряжается по своему усмотрѣнію: рабочіе ему обязаны *безпрекословнымъ повиновеніемъ*, какъ гласятъ правила фабрики Гезенъ и Митчинсонъ Моск. г. Что касается другихъ правилъ внутренняго распорядка, за неисполненіе которыхъ грозили штрафами, то они „по безграмотству и произволу“, говорятъ составители общей сводки санитарн. изслѣдованій фабричн. заведеній Московской губ. за 1879—85 г., „доходили иногда до Геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости“.—Статья 107 устава о промышлен. фабричн. и заводск. дозволяетъ штрафовать рабочихъ лишь за прогулъ или причине-

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Общая сводка санитарнаго изслѣдованія, т. IV, ч. II, 315 стр.

ніе вреда хозяину. Но на фабрикахъ существовали свои законы. Такъ, изъ 27 пунктовъ расчетной книжки на мануфактурѣ Алафузова (въ Казани) 26 посвящены штрафамъ и очень крупнымъ— до 2—5 руб., за то, напримѣръ, что рабочій „прошелся, крадучись, по двору". На фабрикѣ Пѣшкова (Моск. губ.) на стѣнахъ — такое объявленіе: „кто поступилъ на фабрику, тотъ не имѣетъ права *выхода за ворота*; за нарушеніе правила 1 руб."; или: „такъ какъ фабричные дозволяютъ себѣ безпокоить хозяина— просить денегъ, то предупреждаю—выдача денегъ ближе 20 ноября (а срокъ расплаты—22 октября) не будетъ; осмѣлившійся спросить раньше, будетъ разочтенъ совсѣмъ". На заводѣ Мартына (въ Харьковскомъ округѣ) опоздавшій на $^1/_4$ часа послѣ свистка штрафуется за $^1/_4$ дня, а опоздавшій на 20 мин. и болѣе—какъ за цѣлый день. На писчебумажной фабрикѣ Панченко за каждый часъ опозданія вычитается какъ за 2 дня, а въ 3-хъ типографіяхъ—за каждый часъ какъ за три дня. На одной фабрикѣ— штрафъ въ 3 руб. за неприличныя слова. На московскихъ фабрикахъ встрѣчаются штрафы за нехожденіе въ церковь—10 коп. въ пользу „бѣдныхъ и больныхъ" и 5 коп. въ пользу „доказчика". На кирпичномъ заводѣ Якунчикова за опозданіе на 15 минутъ вычитается плата за цѣлый день; если рабочій ляжетъ не въ „назначенномъ для того мѣстѣ"—штрафъ отъ 50 коп. до 1 руб. Во Владимірской губ. встрѣчаются штрафы за перелѣзаніе черезъ фабричный заборъ, за охоту въ лѣсу, за сборище нѣсколькихъ человѣкъ въ одну кучу и т. д. Однимъ словомъ, поводы для наложенія штрафовъ насчитываются десятками. А на многихъ фабрикахъ встрѣчается только одна лаконическая статья—„замѣченные въ нарушеніи фабричныхъ правилъ *штрафуются по усмотрѣнію хозяина*".

Относительно системы штрафовъ на извѣстномъ заводѣ англичанина Юза (на югѣ Россіи) корреспондентъ „Одесскаго Листка" пишетъ: „Нужно цѣлую гору невзгодъ, нужно быть вполнѣ безпріютнымъ, нужно создать положеніе, при которомъ приходилось бы выбирать между жизнью и смертью, чтобы принять условія завода Юза"..

Правила этого завода представляются цѣлымъ рядомъ обязательствъ, почти невыполнимыхъ со стороны рабочихъ и въ то же время ровно ни къ чему не обязывающихъ заводовладѣльца. По нимъ вся жизнь рабочаго какъ бы соткана изъ штрафовъ: опоздалъ на 15 минутъ на работу—штрафъ въ 3 руб.; пока-

жется ли мастеру или сторожу, что рабочій вышелъ — штрафъ увеличивается; не особенно деликатно поздоровался—штрафъ, и такъ безъ конца. Намъ приходилось просматривать расчетные листки. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что значительная часть рабочихъ была оштрафована и при томъ довольно солидно. Такъ, нѣкоторые не дополучаютъ $^1/_3$ и даже большей части своего жалованья.

Если мы вспомнимъ, что до закона 1886 г. штрафныя деньги шли въ пользу хозяина, то намъ станетъ понятнымъ и разнообразіе поводовъ, и строгость взысканія штрафовъ— это служило новымъ способомъ дальнѣйшаго пониженія и безъ того уже нищенской заработной платы и повышенія предпринимательской прибыли. На Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ штрафы достигали 300.000 р. и болѣе въ годъ, составляя до 40% выдаваемой заработной платы. Періодъ торгово-промышленнаго угнетенія, которымъ характеризуется первая половина 80-хъ годовъ, былъ временемъ наибольшаго развитія предпринимательской изобрѣтательности и энергіи въ этомъ направленіи. Разрозненные способы взысканія вылились въ стройную систему дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы свалить тяжесть кризиса съ плечъ предпринимателей на рабочія массы.

Никогда еще, пишутъ изъ Шуи (Владимірской губ.), штрафы на фабрикахъ не достигали такого развитія, какъ въ зиму 1880—81 г. [1]). Напримѣръ, на одной фабрикѣ штрафовали за все,—и за то, что челнокъ вылетитъ изъ станка, и за то, что зубецъ сломается на шестернѣ, наконецъ, штрафы дошли до того, что, несмотря на безработицу, рабочіе всѣ до одного потребовали расчета. На другой мѣстной фабрикѣ, въ видахъ сохраненія рабочаго времени, фабрикантъ обязалъ рабочихъ выходить за отправленіемъ естественной надобности въ устроенныя для этого внѣ фабрики помѣщенія не иначе, какъ безъ верхней одежды.

Не довольствуясь штрафами, фабриканты стали прибѣгать къ пониженію расцѣнокъ, а если и это не помогало, то къ роспуску рабочихъ. На этой почвѣ вспыхнули крупныя рабочія волненія въ центральномъ районѣ, которыя послужили ближайшей причиной изданія закона 3-го іюня 1886 года...

Нѣкоторыя отличія представляетъ Царство Польское. Благодаря болѣе высокому уровню культуры и большей производитель-

[1]) „Дѣло", 1883 г., № 1.

ности труда рабочаго, столь грубые пріемы эксплуатаціи, которые были обычны для внутренней Россіи, здѣсь не были извѣстны или, если существовали раньше, то вышли изъ употребленія. Расплата съ рабочими производилась еженедѣльно или разъ въ 2 недѣли. „Расплата одинъ разъ въ мѣсяцъ почти нигдѣ не практикуется; расплаты же въ неопредѣленные сроки мы не встрѣтили ни разу“, замѣчаетъ по этому поводу Святловскій.

Штрафная система точно такъ же развита въ Привислинскомъ краѣ очень слабо. Такъ, напримѣръ, 40 сахарныхъ заводовъ, вмѣстѣ взятые, при контингентѣ около 17 тысячъ рабочихъ, взимаютъ съ нихъ въ годъ едва лишь $1^1/_2$ тысячи руб. штрафныхъ денегъ, кои всѣ цѣликомъ поступаютъ на дѣло вспомоществованія рабочимъ. Между тѣмъ въ центральномъ промышленномъ районѣ эти штрафы достигали очень крупной суммы, а главное—шли въ пользу самихъ предпринимателей. *„Весь первый годъ* послѣ вступленія закона 3 іюня 1886 г. въ силу, говоритъ Янжулъ [1]), прошелъ въ борьбѣ фабрикантовъ съ инспекціей главнымъ образомъ *изъ-за присвоенія себѣ* этихъ штрафовъ, съ которыми не хочется разстаться“. Кромѣ того и фабричныя лавки организованы въ Привислинскомъ краѣ или на началахъ потребительныхъ обществъ, или же фабрики, имѣющія ихъ, не только не извлекаютъ изъ этого никакой выгоды, но ежегодно, при сведеніи баланса, приплачиваютъ убытокъ лавки. Наконецъ, и помощь пострадавшимъ рабочимъ поставлена здѣсь болѣе серьезно, хотя не на счетъ, конечно, фабрикантовъ. Въ большинствѣ промышленныхъ заведеній существуютъ такъ называемыя „кассы помощи больнымъ“, въ которыя всѣ рабочіе, за исключеніемъ малолѣтнихъ, вносятъ 1—$3^0/_0$ съ заработной платы. Недостающія суммы вноситъ владѣлецъ фабрики,—обыкновенно отъ нѣсколькихъ рублей до $50^0/_0$. Отсюда больные рабочіе и ихъ семейства имѣютъ отъ фабрики медицинскую помощь, лѣкарства и т. п., на время же болѣзни рабочіе получаютъ денежное пособіе въ размѣрѣ, не превышающемъ $^3/_4$ послѣдняго ихъ заработка. Однако, нужно замѣтить, что по закону 1866 г. медицинская помощь, и при томъ безплатная, должна быть организована всецѣло на средства предпринимателей; кромѣ того, и здѣсь значительное число

---

[1]) Фабричный рабочій въ Средней Россіи и въ Царствѣ Польскомъ. „Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 2.

рабочихъ лишено врачебной помощи. Что касается несчастныхъ случаевъ, то въ Царствѣ Польскомъ нерѣдко можно встрѣтить коллективное страхованіе рабочихъ. Страховую премію уплачиваютъ сами владѣльцы, не вычитая ничего изъ заработной платы. Обыкновенно застраховка 300 рабочихъ на прядильныхъ фабрикахъ обходится въ 3 руб. въ годъ на человѣка. Страхованіе производилось въ какомъ-нибудь изъ заграничныхъ страховыхъ обществъ, а затѣмъ и въ петербургскомъ О-вѣ „Россія“. Принципы страховыхъ обществъ сводятся къ выдачѣ семьѣ рабочаго, въ случаѣ его смерти, или ему самому, въ случаѣ увѣчья (*хотя бы полученнаго по собственной неосторожности*), единовременно извѣстнаго вознагражденія въ размѣрѣ не менѣе дневного заработка, умноженнаго въ 500 и не болѣе, какъ въ 1000 разъ. Въ Виленскемъ округѣ, по отчету за 1885 г., больничныя и ссудо-сберегательныя кассы существуютъ на многихъ фабрикахъ округа, за исключеніемъ еврейскихъ, гдѣ онѣ не въ обычаѣ. Составляются онѣ изъ взносовъ рабочихъ съ каждаго заработнаго рубля отъ 1—3 коп. Владѣльцы принимаютъ всегда большее или меньшее участіе во взносахъ. Мы видѣли уже, въ какомъ положеніи находилась организація врачебной помощи въ центрѣ Россіи; что касается сберегательныхъ кассъ, то ихъ можно здѣсь перечесть всѣ по пальцамъ. Ссудо-сберегательной кассой для рабочихъ, говорилъ Погожеву директоръ одной изъ крупныхъ мануфактуръ, служитъ кабакъ. Да и изъ чего ему было дѣлать сбереженія, когда и безъ того скудная заработная плата—4,26 копейки за часъ—подвергалась еще дальнѣйшему урѣзыванію, проходя сквозь строй штрафовъ и вычетовъ, а то, что оставалось послѣ этого, служило безпроцентной ссудой для... самихъ предпринимателей?

Отдѣлъ II.

ГЛАВА 1.

Въ виду тѣхъ особенностей, которыми отличается положеніе горно-заводскихъ рабочихъ за изучаемый періодъ, мы сочли нужнымъ выдѣлить ихъ въ особый отдѣлъ.

Предварительно замѣтимъ, что къ горной промышленности относится добыча ископаемыхъ, а къ горно-заводской—выплавка металловъ изъ добытой руды или первичная ихъ переработка (таковы, напр., чугуно-плавильные, желѣзодѣлательные и сталелитейные заводы). Обѣ эти отрасли до 1905 г. находились въ вѣдѣніи м-ва земледѣлія и госуд. имуществъ и подлежали надзору горныхъ инженеровъ, отчеты коихъ никогда не опубликовывались, такъ что ничего подобнаго отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ мы здѣсь не имѣемъ и свѣдѣнія почерпать приходится изъ разнородныхъ источниковъ.

„Горныя и горно-заводскія работы представляютъ опасность для жизни и здоровья рабочихъ въ значительно большей степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто при другихъ работахъ"—такъ начинается докладъ комиссіи XXIV съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи по вопросу объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ. Это признаніе исходящее отъ лицъ, которыхъ менѣе всего можно заподозрить въ пристрастіи къ рабочимъ, побуждаетъ насъ съ самаго начала собраться съ силами и запастись мужествомъ, и недаромъ—ибо для характеристики условій труда здѣсь наиболѣе обычнымъ терминомъ является слово *„каторга"*. „Желѣзное производство есть самое легкое, самое доступное изъ 3-хъ, менѣе всѣхъ изнурительное; мѣдное самое тяжелое и для здоровья самое вредное; золотое—самое развращающее въ физическомъ и нравственномъ отношеніи",

такъ говоритъ д-ръ Португаловъ въ своей статьѣ „Работа въ рудникахъ, или гигіена рабочихъ рудокоповъ“ [1]). Рудничную добычу желѣза д-ръ Португаловъ наблюдалъ въ двухъ мѣстахъ: на Магнитной, или Высокой горѣ и на горѣ Благодать. Какъ тутъ, такъ и тамъ—работа поверхностная, надземная. Очень можетъ быть, что именно поэтому у него сложилось представленіе объ этой работѣ, какъ самой легкой и менѣе всѣхъ изнурительной. Сперва снимается болѣе или менѣе толстый слой наносной земли, непосредственно подъ которой иногда находится самая руда, или она бываетъ еще прикрыта болѣе или менѣе толстымъ слоемъ каменной породы. Затѣмъ ее добываютъ или кайломъ или порохострѣльнымъ способомъ. Несчастныхъ случаевъ при надземной работѣ бываетъ гораздо менѣе; рудокопы получаютъ задѣльную плату и работаютъ какъ имъ удобнѣй. При такихъ условіяхъ „рудничный трудъ едва ли превышаетъ по своей трудности полевыя работы“. Но не вездѣ разработка ведется такимъ образомъ. На томъ же Уралѣ, въ Пермскомъ, напримѣръ, округѣ глубина шахтъ на многихъ рудникахъ достигаетъ 25—30 саженъ, съ примѣненіемъ паровыхъ подъемовъ и водоотливныхъ устройствъ [2]).

Но даже при открытыхъ, надземныхъ работахъ—въ началѣ, когда ведутся развѣдки, копаютъ шурфы,—людямъ приходится углубляться въ землю и работать при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ узкомъ пространствѣ. Несчастные случаи здѣсь не рѣдкость: отъ отравленія при порохострѣльныхъ работахъ, отъ обрыва каната, отъ выпаденія кусковъ твердой породы и т. д.

Мѣдная руда обыкновенно находится болѣе или менѣе глубоко въ нѣдрахъ земли. Неудивительно поэтому, что по словамъ Португалова „мѣдное производство сложнѣе и тяжелѣе; оно настоящій каторжный трудъ. Мы видѣли однажды стеклянное производство и можемъ сказать, что это—адскій трудъ. Какой изъ нихъ легче—трудно сказать. Оба ужасны“. О предохранительной одеждѣ для рабочихъ заводоуправленія не имѣютъ и понятія. „На мѣдно-рудянскомъ рудникѣ въ Тагилѣ мы были удивлены“, продолжаетъ авторъ, „тѣмъ, какъ плохо одѣты рудокопы. На нихъ было все мокро, и весь костюмъ ихъ состоялъ изъ холщевыхъ портковъ, зипуна и шапки. Между тѣмъ въ рудникѣ вездѣ очень сыро,

[1]) Архивъ судебн. медицины и обществ. гигіены, 1870 г., кн. 4.

[2]) Въ Богословскомъ округѣ руды добываются подземными работами до глубины 8 саж. Въ Кыштымскомъ заводѣ разработка желѣзныхъ рудъ, ведется какъ открытыми, такъ и подземными работами и т. д. См. Горн. Журналъ, февр. 1891 г. и мартъ 1897 г.

мокро, грязно, вездѣ каплетъ, вода просачивается всюду и мѣстами довольно холодно; мѣстами же до того жарко, что рудокопы дѣйствительно работаютъ нагишомъ". „Насъ увѣряли, что г. Демидовъ, гуманность и истинно-христіанская благотворительность котораго вошли въ пословицу по всей Россіи, не знаетъ (!) [1]) о томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находятся его рабочіе. Въ противномъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что заводоуправленіе вынуждено было бы снабдить ихъ если не гуттаперчевыми то хоть кожаными куртками и кожаными передниками, фланелевыми фуфайками". Проработавъ часовъ 12 въ рудникахъ, рабочіе, усталые и промокшіе, выползаютъ на свѣтъ Божій; такъ какъ обыкновенно нигдѣ нѣтъ приспособленій, гдѣ они могли бы обсушиться и обогрѣться, то они въ такомъ видѣ спѣшатъ въ свою убогую избенку, которая отстоитъ отъ рудника въ 2 или 3 верстахъ. „Лѣтомъ еще бываетъ сносно, но зимой, и во время пермской холодной весны, когда постоянно дуютъ самые пронзительные вѣтры, бываютъ вьюги, мятели, пурга или въ 35° морозъ—каково возвращаться въ мокрой одеждѣ?"

Самый спускъ въ шахты или подъемъ нерѣдко служитъ важнымъ источникомъ утомленія и несчастныхъ случаевъ.

На Уралѣ большимъ распространеніемъ для этой цѣли пользуются *лѣстницы*. Изъ глубокихъ шахтъ подъемъ въ высшей степени изнуряетъ рабочихъ, такъ что послѣ долголѣтнихъ занятій въ шахтахъ рабочіе, хотя и могутъ еще работать, но совершенно не въ состояніи спускаться и подниматься по лѣстницамъ, вслѣдствіе болѣзненнаго расширенія легкихъ. Неудивительно также, что эти лѣстницы часто подаютъ поводъ къ несчастнымъ случаямъ, такъ какъ, особенно при подъемѣ, рабочіе, разслабленные и истощенные, легко падаютъ съ лѣстницъ, если послѣднія мокры и скользки и плохо укрѣплены. Что касается видовъ заболѣваній, *преобладающихъ между горными рабочими*, то работа въ рудникахъ и шахтахъ прежде всего вызываетъ *хроническія разстройства питанія*. Отсутствіе оживляющаго дѣйствія дневного свѣта и свѣжаго атмосфернаго воздуха сильно затрудняетъ нормальное образованіе крови, и рудокопъ становится *анемичнымъ*, даже въ томъ случаѣ, если санитарныя условія рудника,

[1]) Авторъ, очевидно, не подозрѣвалъ, что наши *гуманные* горнозаводчики предпочитали передавать въ руки полиціи тѣхъ „ходоковъ", которыхъ рабочіе посылали къ нимъ съ ходатайствами объ улучшеніи своего положенія!

въ общемъ, удовлетворительны. „Болѣзнь рудокоповъ, которую нельзя приравнять къ простой анеміи, это—такъ наз. Oligaemia montana (горное малокровіе) [1]). Признаки этого глубокаго разстройства питанія всего организма имѣютъ большое сходство съ блѣдною немочью у женщинъ. Они главнымъ образомъ слѣдующіе: поразительно блѣдный, блеклый, нерѣдко совсѣмъ восковой цвѣтъ лица и всего тѣла, смертельная блѣдность губъ и слизистой оболочки рта, анемическій шумъ въ шейныхъ венахъ, усиленная дѣятельность сердца; къ этому присоединяется общее исхуданіе, исчезаніе жира въ подкожной клѣтчаткѣ и вялость мышцъ. Больные чувствуютъ себя слабыми, показываютъ большую наклонность ко сну, жалуются на шумъ въ ушахъ, тяжесть въ ногахъ и одышку, главнымъ образомъ при вхожденіи на лѣствицы или на гору. Подъ конецъ нерѣдко является водянка нижнихъ конечностей, транссудаты въ грудную и брюшную полости, и при явленіяхъ общей водянки и ослабѣвающей силы сердца наступаетъ смерть".

Заглянемъ теперь на работы въ золотопромышленности. Золото встрѣчается или въ видѣ руды, или въ видѣ розсыпей, но рудное золото встрѣчается рѣдко и разрабатывается пока немного. На розсыпяхъ же работы ведутся поверхностныя и подземныя. Какія изъ нихъ тяжолѣе—сказать трудно: и тѣ, и другія очень вредны, особенно при чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня. На открытомъ воздухѣ, въ такъ называемыхъ „разрѣзахъ", рабочіе страдаютъ отъ холода и сырости, а въ подземныхъ шахтахъ работаютъ въ спертомъ воздухѣ и весьма нерѣдко также въ сырости. Зимой,—говорится въ запискѣ „О санитарныхъ условіяхъ труда и жизни рабочихъ на золотыхъ пріискахъ Нижнетуринской дачи Гороблагодатскаго округа" [2]),—когда разрабатываются главнымъ образомъ болѣе глубокія розсыпи, трудъ часто бываетъ обставленъ условіями, въ высшей степени разрушительными для здоровья. „Большая часть золотыхъ и платиновыхъ розсыпей, залегаютъ на глубинѣ 2 — 10 саженъ ниже русла рѣки; такъ какъ глинистые, не пропускающіе воду, пласты встрѣчаются весьма рѣдко, то обиліе проникающей въ шахту воды бываетъ такъ велико, что откачиваніе ея, даже при хорошемъ содержаніи золота, считается иногда убыточнымъ. На днѣ шахты, особенно въ забояхъ, земля превращается въ жидкую грязь, въ

[1]) Эрисманъ. Профессіональная гигіена, 1877 г., 174 стр.
[2]) Горный Журналъ, 1892 г., февраль

которой человѣкъ (забойщикъ) тонетъ обыкновенно вершка на 3—5; если же откачиваніе идетъ не особенно успѣшно или какъ либо прерывается, то вода быстро поднимается затопляя рабочихъ еще выше. Для забойщиковъ обыкновенно даются хозяйскіе сапоги, но такъ какъ кожа ихъ бываетъ чаще всего плохого качества, промокаемая, то благоразумные забойщики предпочитаютъ имѣть сапоги заказные, непромокаемые; но все-таки значительная часть ихъ пользуется сапогами хозяйскими, и несмотря на желѣзную закаленность здоровья, многіе забойщики заболѣваютъ, наконецъ, острымъ ревматизмомъ. Кромѣ низовой воды, на рабочаго, вѣдь падаетъ дождь съ потолковъ шахты; и съ этой стороны онъ защищенъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ кожаной курткой; обыкновенно же онъ промокаетъ насквозь, спасаясь отъ пронизывающаго холода лишь болѣе усердной работой. Въ среднемъ, на рабочаго полагается добыть отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ куб. саж. песку. Насквозь промокшій рабочій вылѣзаетъ прямо на 30° морозъ; быстро покрываясь ледяной корой, бѣжитъ къ сосѣднему балаганчику. гдѣ ему даютъ большую рюмку хозяйской водки отъ смертельной простуды".

Когда золотоносный пластъ найденъ, его извлекаютъ или посредствомъ открытыхъ разрѣзовъ, снимая сверху такъ называемый торфъ, или посредствомъ ортъ, проводимыхъ въ глубь отъ боковъ разрѣзовъ; иногда, при очень значительной глубинѣ, орты замѣняются шахтами, которыя отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что входъ въ нихъ идетъ не горизонтально и пески извлекаются не въ тачкахъ, а бадьями. Открытыя работы производятся только весною и лѣтомъ, а ортовыя и шахтовыя—и зимою... Забойщики, принимаясь за работу, сначала „подкайливаютъ" пластъ земли снизу; при глубокомъ подкайливаніи и при нѣкоторой рыхлости пласта иногда большая глыба вдругъ обрушивается на рабочихъ и калѣчитъ ихъ или убиваетъ до смерти. Подкайливающіе глыбу забойщики вбиваютъ въ нее сверху желѣзные ломы и ими отворачиваютъ эту глыбу; затѣмъ они разбиваютъ ее кайлами и вмѣстѣ съ возчиками складываютъ въ таратайки. Всего тяжелѣе работа забойщика, но весьма непріятна и работа галечника, котораго изъ нижняго люка машины обдаетъ грязною водою, пока онъ сваливаетъ промытую уже гальку въ таратайку для отвоза на отвалъ. За недостаткомъ свѣчей работы въ ортахъ иногда освѣщаются соломой (какъ, напр., на пріискахъ Базанова и Сибирякова), которая даетъ страшную копоть, вредную для дыхательныхъ

органовъ; и одежда, и сами рабочіе покрывались толстымъ слоемъ сажи, и даже 2 недѣли спустя по выходѣ съ работъ они продолжали выплевывать черную слюну...

Вотъ общій типъ промысловаго рабочаго, какимъ онъ рисуется по наблюденіямъ доктора Крутовскаго. „Къ 40—50 годамъ жизни, послѣ 10—16 лѣтъ пріисковой работы, рабочій представляетъ изъ себя преждевременно состарившагося субъекта съ расширенными венами, перерожденными артеріями, съ гипертрофированнымъ сердцемъ, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легкихъ, гипертрофія и перерожденіе печени, параличи и масса другихъ заболѣваній, начиная нефритами и оканчивая общимъ маразмомъ. Все это хроническія, непоправимыя нарушенія цѣлости организма, обязанныя своимъ происхожденіемъ условіямъ пріисковой жизни и работы“ [1]).

Обратимся теперь къ каменноугольнымъ копямъ. „Если представить себѣ положеніе углекопа во время работы въ нѣдрахъ, говорится въ статистическомъ изслѣдованіи Екатериносл. губ. [2]), то отъ одного представленія дѣлается страшно и жутко“... „Работа производится на большой глубинѣ,—отъ 16 до 60 саженъ,—куда дневной свѣтъ не проникаетъ: шахты освѣщаются дымящими и чадящими масляными лампочками, имѣющимися у каждаго углекопа при себѣ. Рабочій день чрезмѣрно длиненъ—отъ 14 до 20 ч.; все это время углекопы находятся въ согбенномъ положеніи, забойщику приходится отбивать уголь, стоя на корточкахъ, а когда пластъ тонокъ, то и лежа на боку; саночникъ отвозитъ уголь ползкомъ на колѣняхъ и т. д. Воздухъ въ шахтахъ сырой, такъ какъ большинство ихъ съ большимъ притокомъ воды; рабочимъ нерѣдко приходится совершать работы и передвиженія по водѣ въ костюмѣ Адама. Дышать приходится угольною пылью вмѣстѣ съ различными тяжелыми для дыханія газами, которые до такой степени вредно дѣйствуютъ на организмъ, что работа дѣлается невозможной, особенно въ лѣтнее время. Свѣча не горитъ, и рабочіе вынуждены по нѣсколько дней не работать. Несмотря на высшую оплату труда лѣтомъ, артели не могутъ вырабатывать того, что вырабатываютъ зимой. Нужно привыкнуть къ мысли о

---

[1]) „Предварительныя данныя о вліяніи условій жизни и работы на золотыхъ промыслахъ на физическое здоровье рабочихъ“, 1892 г.—Обширный матеріалъ собранъ, далѣе, у Семевскаго. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, 2 т.

[2]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губ., 1886 г., т. II и III.

смерти и не дорожить совсѣмъ жизнью, чтобы рѣшиться на рудничный трудъ, гдѣ малѣйшая оплошность рабочаго, недосмотръ администраціи и т. п. могутъ окончиться смертью или погребеніемъ заживо". „Трудъ углекопа—каторжно-тяжелый трудъ". Цѣннымъ дополненіемъ къ этимъ даннымъ земскаго изслѣдованія половины 80-хъ годовъ являются тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Верещинскій [1]) и которыя онъ почерпалъ изъ личной практики и наблюденій въ бытность управляющимъ однимъ изъ крупныхъ каменноугольныхъ рудниковъ въ области Войска Донского. Въ сырыхъ копяхъ (а сухихъ сравнительно мало) „работа сопряжена со страшными послѣдствіями для здоровья. Минеральная, сѣрно-желѣзистая, пропитанная углекислотой вода буквально съѣдаетъ организмъ рабочаго, какъ желѣзо водяныхъ ящиковъ, которыми она выкачивается и которые превращаются послѣ годовой работы изъ 3-хъ дюймовыхъ въ сквозные. Къ этому нужно прибавить испаренія земли и душный воздухъ—почему нигдѣ нельзя встрѣтить столько ревматиковъ, какъ среди шахтеровъ"... „Работа въ шахтахъ высотою въ 1—½ четверти дѣйствительно каторжная"... „Таскать на лямкѣ санки съ углемъ требуетъ много силъ. Тяжела также работа и стволоваго. Онъ находится постоянно у отверстія шахты внизу, въ сыромъ испареніи и въ водѣ. Вода снизу, души съ боковъ и тяжелый воздухъ для дыханія! Все это надо переносить въ теченіе всей работы и не зѣвать, а то бадья или клѣть отъ разныхъ случайностей легко могутъ убить". А затѣмъ обвалы, взрывы.

Вообще нужно замѣтить, что работа въ каменноугольныхъ копяхъ дѣйствуетъ очень вредно, порождаетъ извѣстныя профессіональныя заболѣванія, даже если примѣняется усовершенствованная вентиляція и принимаются мѣры къ уменьшенію пыли и газовъ. Пыль, образующаяся при добычѣ угля, вмѣстѣ съ той, какая попадаетъ въ воздухъ отъ раздробленія угля, покрываетъ одежду и тѣло рабочаго и проникаетъ не только въ дыхательные пути, начиная съ ихъ поверхности и кончая глубокой тканью легкихъ и даже плеврою, но и въ пищеварительные органы—желудокъ, кишки, печень, селезенку, почки. Кромѣ угольной пыли иногда приходится еще вдыхать и каменную, которая еще болѣе вредна. Обычныя послѣдствія воздѣйствія пыли—это катарръ дыхательныхъ путей, эмфизема легкихъ и хроническое соединительно-тканное воспаленіе

[1]) Рабочій шахтеръ въ донецкомъ бассейнѣ, 1893 г.

легкихъ. Нѣкоторыя шахты временно, а другія постоянно содержатъ большее или меньшее количество воды, и отъ промоканія одежды рабочіе простуживаются и заболѣваютъ острымъ бронхитомъ, воспаленіемъ легкихъ, плевритомъ, а главнымъ образомъ, ревматизмомъ. Вслѣдствіе неудобнаго положенія и плохого освѣщенія,—забойщикъ лежитъ на спинѣ или бокомъ, а лампа въ ногахъ,—происходятъ параличи глазныхъ мышцъ. Продолжительная работа въ копяхъ вызываетъ общій упадокъ питанія, малокровіе и общую нервную слабость [1]).

Такъ какъ санитарно-гигіеническія мѣры мало помогаютъ дѣлу, то наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ тяжелыми условіями труда въ рудникахъ и шахтахъ является сокращеніе рабочаго дня до 8 час., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и до 6 час. Гдѣ же присоединяется опасность отравленія, тамъ это время должно быть еще болѣе сокращено. „Въ ртутныхъ рудникахъ, вслѣдствіе опасности, сопряженной съ продолжительнымъ пребываніемъ въ шахтѣ, рабочіе не должны оставаться болѣе 3 или 4 час.“ [2]). Случаи отравленія часто встрѣчаются также при добычѣ въ рудникахъ и дальнѣйшей переработкѣ свинца и цинка. „Почти всѣ рабочіе, имѣющіе дѣло съ цинковымъ производствомъ,—говоритъ въ своемъ отчетѣ д-ръ Бертенсонъ,—отличаются жалкимъ, истощеннымъ видомъ, землисто-грязной или сѣрой окраской кожи... 75% литейщиковъ подвергаются острому отравленію цинкомъ, причемъ не разъ, а нѣсколько разъ... Острое отравленіе не наблюдается у рабочихъ цинковыхъ рудниковъ, но зато они *страдаютъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ, разстройствомъ пищеваренія и общимъ упадкомъ питанія.* У рудокоповъ, плавильщиковъ, чистильщиковъ муфелей и пр. послѣ продолжительной работы отъ 10 до 12 лѣтъ обнаруживаются признаки хроническаго отравленія. Происходитъ нарушеніе чувствительности въ кожѣ и мышцахъ, параличи движенія, главнымъ образомъ, въ нижнихъ конечностяхъ и пр. Кромѣ того, рабочіе подвергаются и другимъ вреднымъ

---

[1]) Рабочій углекопъ въ Германіи старится очень рано: въ среднемъ, онъ долженъ бросить работать послѣ 20-тилѣтняго пребыванія въ копяхъ и въ 40 лѣтъ уже инвалидъ. По даннымъ кассъ страхованія отъ болѣзни, среднимъ числомъ болѣетъ 35 человѣкъ въ годъ изъ 100; процентъ заболѣваемости у рудокоповъ—51 („Русскія Вѣдомости“, 1905 г., мартъ) —У насъ на югѣ Россіи „15 лѣтъ непрерывной работы на шахтахъ и заводахъ совершенно достаточно, чтобы изъ молодого, здороваго мужика сфабриковать преждевременнаго старца“. Матвѣевъ. „Очеркъ южно-русской металлургической промышленности“. Вѣстникъ Финансовъ, 1896 и 1897 г.

[2]) Эрисманъ. Профессіональная гигіена, 1877 г., 190 стр.

вліяніямъ, и предѣльная трудоспособность рабочаго при цинковомъ производствѣ падаетъ на 45-й годъ жизни“ [1]). Какія же мѣры принимаются для борьбы со зломъ?

Не говоря уже о томъ, что какихъ-либо спеціальныхъ приспособленій для ограниченія вреда, причиняемаго производствомъ, нѣтъ и въ поминѣ, но даже элементарныхъ требованій гигіены,— продолжаетъ д-ръ Бертенсонъ,—на двухъ цинковыхъ заводахъ Царства Польскаго не выполняется вовсе. Нѣтъ даже самой простой вентиляціи. При такихъ условіяхъ „здоровыхъ рабочихъ не должно быть вовсе. Оно на самомъ дѣлѣ такъ и есть“. Далѣе мы узнаемъ, что изъ всѣхъ копей Домбровскаго бассейна только на копяхъ Французско-Итальянскаго о-ва имѣется усовершенствованная вентиляція. На каменноугольныхъ копяхъ замосковнаго и средневолжскаго округовъ, говоритъ тотъ же изслѣдователь [2]), одно изъ главнѣйшихъ условій—*провѣтриваніе*—оставляетъ желать многаго: оно вездѣ только естественное.

Только на одной копи (Левинской) имѣется, и то лишь для большихъ работъ, паровой вентиляторъ.— Относительно центра нашей каменноугольной промышленности—юга Россіи—корреспондентъ изъ Луганска пишетъ [3]): „О какихъ-нибудь удобствахъ, какими пользуются, напр., рабочіе соляныхъ копей, „угольная администрація“ даже не имѣетъ и представленія; въ силу этого работа производится въ атмосферѣ, наполненной ѣдкой угольной пылью и различными вредными для дыханія газами, въ мокрой (въ нѣкоторыхъ рудникахъ воды до полуаршина), сырой почвѣ, часто прямо въ костюмѣ Адама“...

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію обстановки труда на горныхъ заводахъ. Въ 90-хъ годахъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ былъ командированъ Л. Бертенсонъ для осмотра казенныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ и промысловъ въ санитарно-врачебномъ отношеніи—для выясненія вопроса, въ какой мѣрѣ санитарная и врачебная часть на нихъ отвѣчаетъ нуждамъ горнорабочаго населенія. Относительно Урала Бертенсонъ замѣчаетъ, что на весьма многихъ заводахъ бросается въ глаза *тѣснота въ отдѣльныхъ цехахъ*. На Златоустовскомъ

---

[1]) Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго, „Горный Журналъ“ за 1893 г., т. 4.

[2]) Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ замосковно и средне-волжскаго округовъ, „Горный Журналъ“, 1895 г., май.

[3] Зинченко. „Новое Слово“ за 1896 г., кн. 7.

заводѣ, *въ точильномъ цехѣ*, гдѣ при производствѣ сухого точенія клинковъ постоянно виситъ въ воздухѣ мельчайшая пыль, *вентиляція крайне недостаточна*, и рабочіе этого цеха подвергаются въ значительной степени серьезнымъ заболѣваніямъ дыхательныхъ органовъ. На нѣкоторыхъ заводахъ, какъ, напр., на Кушвинскомъ, Баранчинскомъ и др., *доменныя печи*, снабженныя кожухами старой конструкціи, развиваютъ такую высокую температуру, особенно у фурмъ, что работа дѣлается чрезвычайно тяжелой, почти невыносимой. *Рѣдко гдѣ на заводахъ заботятся о непосредственной защитѣ рабочихъ отъ поврежденій и несчастныхъ случаевъ.* Если большихъ недочетовъ въ *обычныхъ* предохранительныхъ приборахъ у машинъ, станковъ, приводовъ и пр., по словамъ Бертенсона, не замѣчено, то зато рѣдко гдѣ приходилось наблюдать примѣненіе предохранительной одежды, наличниковъ, очковъ и т. п., даже предохранительные фартуки рѣдко гдѣ употребляются, и на самыхъ благоустроенныхъ заводахъ такіе предохранительные приборы, какъ наличники, очки, лежатъ въ кладовыхъ и въ дѣло не идутъ. На Воткинскомъ заводѣ рабочіе почти поголовно страдаютъ перемежающейся лихорадкой, такъ какъ берега рѣки Вотки представляютъ почти сплошное болото и т. д. [1]). Не лучше обстоитъ дѣло въ Польшѣ. Если въ II-мъ горномъ округѣ имѣются заводы и просторные, и тѣсные, то зато въ I-мъ округѣ благоустроенныхъ *почти вовсе нѣтъ*; всѣ заводы малопомѣстительные и даже самые благоустроенные обращаютъ на себя вниманіе тѣснотой. Желѣзо-прокатный заводъ „Пушкинъ“ „болѣе чѣмъ неудовлетворителенъ въ гигіеническомъ отношеніи“. Заводы Гута-Банкова (чугуно-и стале-литейный, рельсопрокатный и желѣзодѣлательн.) въ Домбровѣ, съ 2.000 рабочихъ, обращаютъ вниманіе скученностью и тѣснотой не только въ помѣщеніяхъ, но и на заводскихъ дворахъ. Впереди всѣхъ, по своему благоустройству, стоятъ заводы гр. Тарнинскаго въ Стомпорковѣ. Всѣ цехи — просторны и свѣтлы. „Единственный недостатокъ: въ доменной печи выпускаемые газы, при большомъ вѣтрѣ, нерѣдко проникаютъ подъ колошникъ и служатъ причиной угара рабочихъ. Такъ, во время нашего посѣщенія двое рабочихъ едва были приведены въ чувство послѣ отравленія газами“. Что касается мѣръ безопасности, то, по словамъ Л. Бер-

[1]) „Горный Журналъ“, 1892 г., февраль. Санитарно врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала.

тенсона, бьющихъ въ глаза пробѣловъ въ охранительныхъ приборахъ, загражденіяхъ вообще нѣтъ, но незамѣтно также стремленія заводовладѣльцевъ къ введенію у себя даже самыхъ простыхъ и несложныхъ *улучшеній и усовершенствованій* по части огражденія здоровья рабочихъ отъ вредныхъ вліяній производства. „Вопросомъ о предохранительной одеждѣ рабочихъ также мало занимаются владѣльцы заводовъ и рудниковъ Царства Польскаго, какъ и на Уралѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что нигдѣ не обращается вниманія на то, что рабочіе у механизмовъ, приводовъ, станковъ и проч. не позволяли (!) себѣ работать въ неподходящей одеждѣ, напримѣръ, въ пальто, въ рубахахъ съ болтающимися рукавами, въ передникахъ и т. д. *Предохранительные фартуки, наличники, очки,* за очень рѣдкими исключеніями, въ инвентарѣ заводовъ вовсе отсутствуютъ".

Существующими обязательными загражденіями и защитами шкивовъ, муфтъ паровыхъ машинъ, паровыхъ молотовъ, шестеренъ и пр., конечно, не можетъ исчерпываться заботливость о здоровьѣ и жизни рабочихъ, а болѣе широкаго и осмысленнаго отношенія къ этому вопросу со стороны заводовладѣльцевъ не замѣчается. И въ Польшѣ такъ же, какъ на Уралѣ, не только никто не утруждаетъ себя изысканіемъ средствъ для бо́льшаго обезвреженія производства или промысла, но даже не желаетъ примѣнять того, что для людского блага съ успѣхомъ примѣняется у западныхъ сосѣдей [1]).

Въ средней Россіи, по словамъ того же автора [2]), даже такіе крупные заводы, какъ, напримѣръ, Брянскій (7.000 раб.), Сормовскій (3.000 чел.) и Гусевскій, не могутъ быть названы благоустроенными: мастерскія ихъ темны и тѣсны...

Устройство хорошо вентилируемыхъ и освѣщаемыхъ рабочихъ помѣщеній и примѣненіе раціональныхъ предохранительныхъ приспособленій тѣмъ болѣе необходимо именно на горныхъ заводахъ, что здѣсь само производство въ высшей степени тяжело и даже опасно и служитъ причиною разнообразныхъ профессіональныхъ заболѣваній и несчастныхъ случаевъ. Относительно профессіональныхъ болѣзней нужно замѣтить, что матеріалы для статистики ихъ совершенно отсутствуютъ. На запросъ Л. Бертенсона большинство врачей Уральскихъ горныхъ заводовъ отвѣтило, что таковыхъ

[1]) „Горный Журналъ", 1893 г., т. 4. Врачебно-санитарное дѣло на горныхъ промыслахъ Царства Польскаго.

[2]) „Горный Журналъ" за 1895 г., май.

свѣдѣній не имѣется; на одномъ же изъ большихъ заводовъ врачъ имѣлъ даже смѣлость сообщить, что „профессіональныхъ болѣзней на ввѣренномъ его попеченію заводѣ не наблюдается“ (?!). Въ своемъ отчетѣ о санитарно-врачебномъ дѣлѣ на горныхъ заводахъ и промыслахъ замоскoвскаго и средне-волжскаго округовъ Бертенсонъ добавляетъ, что не только нѣтъ данныхъ о профессіональныхъ болѣзняхъ, но „даже представленіе о нихъ такъ смутно, что многіе заводовладѣльцы, не только изъ мелкихъ, но и изъ крупныхъ, не стѣсняются письменно заявлять, что „таковыхъ нѣтъ“, или причисляютъ къ профессіональнымъ болѣзнямъ „чесотку“. Свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ вышеуказаннымъ авторомъ, приводятъ къ тому общему и не новому заключенію, что причиной профессіональныхъ болѣзней является 1) чрезмѣрно высокая температура, напримѣръ, у сварочныхъ, кричныхъ и пудлинговыхъ печей, и 2) насыщеніе воздуха металлической пылью. Кромѣ того, очень часты заболѣванія *глазъ* у рабочихъ отъ попаданія въ нихъ раскаленнаго желѣза и шлака и *ушей* у рабочихъ кричнаго и молотобойнаго цеховъ. Достаточно представить себѣ картину—поистинѣ адскую—труда у литейныхъ, пудлингово-сварочныхъ и кричныхъ печей! „Уже по прошествіи 3-хъ минутъ рабочій, обливающійся потомъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, налитыми кровью глазами, страшно учащеннымъ пульсомъ и дыханіемъ, выбѣгаетъ на холодъ и тушитъ свой внутренній жаръ огромнымъ количествомъ воды. Учащеніе пульса весьма часто доходитъ до 160 ударовъ въ минуту, дыханіе до 60; температура повышается сплошь и рядомъ до 38°, нерѣдко до 39° и выше! Потѣніе такъ велико, что рубаха рабочаго при высыханіи дѣлается твердою отъ покрывающей ее коры поваренной соли“ [1])... Не только у самыхъ печей температура чрезвычайно высока,—настолько высока, что яйцо, подвѣшенное на шеѣ рабочаго, сваривается,—но даже на нѣкоторыхъ заводахъ, при тѣснотѣ помѣщеній, въ срединномъ пространствѣ температура достигаетъ 40° Реом.

Непривычному человѣку, попавшему на металлургическій заводъ, когда онъ въ полномъ ходу, кажется, что онъ попалъ въ адъ кромѣшный. „Здѣсь горитъ адскій огонь, обдающій васъ нестерпимымъ жаромъ, при которомъ невозможно устоять; тутъ двигаются на платформахъ отъ одного вальца къ другому громадныя

[1]) Рума. „Матеріалы для санитарнаго описанія Пермской губ.“, вып. I, 1885 г.

раскаленныя глыбы желѣза, которыми рабочіе манипулируютъ столь же быстро и свободно, какъ въ бильярдной игроки перебрасываются шарами: а тамъ, въ воздухѣ, укрѣпленный гдѣ-то высоко въ стропилахъ, двигается огромный ковшъ съ огненной жидкостью и, достигнувъ мѣста назначенія, наклоняется рабочими и опорожняется, чтобы тотчасъ же совершить путешествіе обратно, для новаго наполненія огненной жидкостью. Вотъ, наприм., вытягивается проволока: тонкая, раскаленная до-красна проволока съ быстротою 20 верстъ въ часъ летитъ отъ одного рабочаго къ другому, который, подхвативъ проволоку щипцами, передаетъ ее въ соотвѣтствующій желобокъ, чтобы, вылетѣвъ оттуда, она была подхвачена слѣдующимъ рабочимъ, передающимъ ее дальше; проволока извивается, подобно змѣѣ, и при малѣйшей оплошности рабочаго она можетъ проколоть его гдѣ нибудь"... [1]). Не говоря уже объ опасности для жизни, жаръ въ подобныхъ отдѣленіяхъ такъ великъ, что рабочимъ приходится выпивать невѣроятное количество воды: многіе выпиваютъ въ теченіе рабочей смѣны (12 час.) болѣе $8^1/_2$ литровъ (т.-е. болѣе $^2/_3$ ведра) воды, а д-ръ Рума видѣлъ случай, когда рабочій выпивалъ $16^1/_2$ литр. (т. е. болѣе $1^1/_3$ ведра) въ теченіе $11^1/_2$ рабочихъ часовъ! Изнуренный, весь въ поту, бросается заводскій рабочій въ моментъ перерыва и жадно пьетъ ледяную воду. „Мнѣ случалось видѣть.—говоритъ д-ръ Рума,—нѣсколько рабочихъ сталелитейной фабрики, у которыхъ тотчасъ послѣ выемки тиглей изъ печей Сименса шла кровь изъ носу. Вынимая тигли, рабочіе подвергаются дѣйствію страшнаго жара, подобнаго которому, кажется, не встрѣчается ни въ одной изъ другихъ отраслей горнозаводской промышленности. Несмотря на то, что операція эта продолжается только 12—15 минутъ, этого достаточно, чтобы вызвать у нѣкоторыхъ носовыя кровотеченія. Рабочіе рады имъ, такъ какъ они до нѣкоторой степени облегчаютъ ихъ отъ тупой головной боли, зависящей отъ гипереміи (т. е. переполненія кровью) мозга, которая вызывается вліяніемъ жара". Какъ великъ жаръ, можно судить по тому, что на разстояніи одного фута отъ закрытой печи Сименса ртутный термометръ показывалъ $78^1/_2{}^0$ Реом., или $97,_5{}^0$, Ц. И. это при закрытой печи!... Затѣмъ, отъ страшнаго жара рабочіе сталелитейной переходятъ часто къ внѣшней температурѣ въ 20^0, а то и ниже. „Естественно, что при та-

[1]) Брандтъ. „Иностранные капиталы", часть II, 1899 г., стр. 261, 262.

кихъ условіяхъ они имѣютъ всѣ шансы простудиться, и нельзя удивляться, что къ концу серіи литья они чуть не всѣ страдаютъ ларингитомъ", т. е. воспаленіемъ слизистой оболочки гортани. Точно такъ же пудлинговый мастеръ у печи выноситъ страшный жаръ, причемъ работаетъ въ фабрикахъ холодныхъ, вполнѣ доступныхъ для вѣтра, и нерѣдко термометры, повѣшенные одинъ на груди рабочаго, а другой на спинѣ, показываютъ разность въ 20°. Во все время смѣны (отъ 8 до 12 час.) рабочему приходится очень часто размѣшивать расплавленную массу, причемъ отъ него требуются значительныя физическія усилія. „Послѣ этого намъ часто приходилось видѣть рабочихъ, отправляющихся отдохнуть у выхода фабрики на сквозномъ вѣтру въ температурѣ 12°, а то и ниже... Рабочіе знаютъ, что этимъ они подвергаютъ себя возможности простуды, но когда имъ объ этомъ говорятъ, то они возражаютъ, что иначе нельзя было бы вынести ихъ работу" [1]). — „Фактъ несомнѣненъ,— подтверждаетъ также И. Спасскій,—что вообще всѣ работающіе у огня въ высшей степени подвержены всевозможнымъ острымъ воспалительнымъ заболѣваніямъ, начиная съ простого насморка или ангины и кончая обоюдосторонней крупозною пневмоніею и сильнѣйшимъ острымъ желудочно-кишечнымъ катарромъ, симулирующимъ настоящую холеру. Состоя въ воткинскомъ заводѣ въ качествѣ мѣстнаго заводскаго врача, я замѣтилъ, что половина всѣхъ случаевъ заболѣваній острымъ желудочно-кишечнымъ катарромъ приходится на долю пудлинговыхъ рабочихъ. Число же послѣднихъ въ общемъ составѣ заводскихъ рабочихъ не составляетъ и одной шестой доли. Крупозное воспаленіе легкихъ случается у пудлинговыхъ рабочихъ также очень часто. Въ отношеніи частыхъ заболѣваній пудлинговыхъ рабочихъ желудочно-кишечнымъ катарромъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что рабочихъ нерѣдко „схватываетъ" тотчасъ послѣ того, какъ они послѣ работы проглотятъ ковшикъ или два холодной воды. Тутъ же, на мѣстѣ, рабочій начинаетъ чувствовать сильное давленіе подъ ложкой, начинается рвота, поносъ и т. п." [2]).

Что касается пыли (металлической), то, какъ извѣстно, дѣйствіе ея наиболѣе вредно тамъ, гдѣ образуется мелкая пыль, носящаяся въ воздухѣ. За отсутствіемъ таковой, напр., кузнецы, ножевщики, гвоздари, оружейники и даже слесаря, сравнительно

[1]) Р. Рума. „Матеріалы для санитарнаго описанія Пермской губ.", вып. I, 1885 г., стр. 35, 36, 44.

[2]) „Опытъ изученія вліянія нѣкоторыхъ работъ ижевскихъ оружейниковъ на ихъ здоровье", 1888 г., 125—126 стр.

мало страдаютъ легочными болѣзнями; зато весьма подвержены этимъ страданіямъ пильные мастера, вырѣзывающіе параллельные желобки въ назначенномъ для выдѣлыванія пилы кускѣ желѣза. Богатымъ источникомъ отложенія желѣзной пыли въ легкія рабочихъ служитъ шлифовка и полировка стальныхъ издѣлій—ножей. ножницъ, вилокъ, иголокъ и т. д. Эти работы обыкновенно совершаются на сухомъ точильномъ камнѣ, приводимомъ въ весьма быстрое движеніе (2000—3000 оборотовъ въ минуту); при этомъ развивается громадное количество пыли, состоящей изъ желѣзныхъ и песчаныхъ частичекъ и непосредственно вдыхаемой рабочими. Въ селѣ Павловѣ—въ этомъ русскомъ Шеффильдѣ—занимающіеся очисткой и шлифовкой стальныхъ издѣлій рѣдко доживаютъ по свидѣтельству Эрисмана, до 45 лѣтъ, а чаще всего умираютъ отъ чахотки въ очень раннемъ возрастѣ.

По наблюденіямъ д-ра Спасскаго надъ работами Ижевскаго оружейнаго завода, вліяніе металлической и минеральной пыли при точильныхъ и полировочныхъ работахъ выражается: 1) огромнымъ % заболѣваній рабочихъ катарромъ слизистой оболочки дыхательныхъ путей, которымъ страдаетъ изъ общаго числа рабочихъ (свыше 20 лѣтъ)—35,3%; 2) большимъ % заболѣванія полировщиковъ и точильщиковъ легочною чахоткою и эмфиземою. Первою страдаютъ 14,1%, а второю 30,7% изъ всего числа рабочихъ. Катарръ дыхательныхъ путей у полировщиковъ и точильщиковъ встрѣчается почти въ 2 раза чаще, чѣмъ у рабочихъ, находящихся не на пыльныхъ работахъ, т. е. у рабочихъ машинныхъ, слесарныхъ и огневыхъ работъ. Легочная чахотка у полировщиковъ наблюдается въ 4 раза чаще, чѣмъ у рабочихъ машинныхъ и слесарныхъ цеховъ и въ 5 разъ чаще, чѣмъ у рабочихъ, занятыхъ огневыми работами... Количество пыли такъ велико въ упомянутыхъ мастерскихъ, что достаточно побыть въ нихъ, чтобы потомъ въ теченіе 2—3 дней отплевывать черноватую мокроту!

Въ заключеніе остановимся на положеніи дѣла въ нефтяной промышленности въ Бакинскомъ районѣ, гдѣ добываются и подвергаются переработкѣ ежегодно сотни милліоновъ пудовъ нефти. „При посѣщеніи и осмотрѣ Бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ и заводовъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ извѣстный уже намъ Л. Бертенсонъ [1]), я могъ убѣдиться какъ въ полномъ отсутствіи

[1]) Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи, 1897 г., 33, 41 стр.

какихъ-либо санитарныхъ мѣропріятій при нефтяномъ дѣлѣ, такъ и въ насущной и неотложной необходимости въ такихъ мѣропріятіяхъ. Достаточно уже было бѣглаго знакомства съ производствомъ и поверхностнаго осмотра рабочихъ, чтобы притти къ заключенію, что производство заключаетъ въ себѣ не мало вредныхъ вліяній на здоровье рабочихъ, и что между этими послѣдними весьма многіе носятъ на себѣ рѣзкіе отпечатки этихъ вліяній". На промыслахъ—вредное вліяніе на здоровье оказываютъ самыя работы при добычѣ нефти,—тартаніе и буреніе, а также непосредственно сама нефть и ея газы. На заводахъ же, гдѣ всѣ операціи совершаютъ дѣйствіемъ огня и пара и гдѣ производство связано съ употребленіемъ ѣдкихъ химическихъ продуктовъ, опасностью для здоровья и жизни угрожаютъ самые машины и аппараты, а во-вторыхъ—ѣдкіе щелочи и кислоты. Наиболѣе очевидно и характерно проявляется дѣйствіе нефти и ея продуктовъ въ видѣ *заболѣваній кожи*. Чернорабочіе, подвергающіеся болѣе или менѣе продолжительному вліянію сырой нефти, особенно тѣ, которые, при полномъ почти обнаженіи тѣла, работаютъ на нефтяныхъ фонтанахъ и занимаются чисткой нефтяныхъ амбаровъ и цистернъ, *поголовно страдаютъ болѣзнями кожи и подкожной клѣтчатки*. На конечностяхъ, преимущественно нижнихъ, нерѣдко на туловищѣ, а иногда и на лицѣ выступаетъ *сыпь*, состоящая изъ узелковъ, величиною отъ конопляного зерна до чечевицы. Во многихъ случаяхъ изъязвленія бываютъ настолько обширны и отеки настолько значительны, что даже выносливые и безучастные къ своимъ недугамъ рабочіе отказываются отъ работы и ищутъ госпитальной помощи. Хроническія заболѣванія кожи вызываютъ нарушенія общаго здоровья: является раздражительность, безсонница, упадокъ питанія и слабость. „На основаніи видѣннаго, говоритъ Бертенсонъ, я могу подтвердить, что рабочіе Бакинскихъ промысловъ, у которыхъ мнѣ пришлось констатировать хроническія сыпи, всѣ безъ исключенія представлялись жалкими по облику и по питанію тѣла". Болѣзни кожи у рабочихъ нефтяныхъ промысловъ и заводовъ чрезвычайно распространены, часто мучительны и тягостны, а иногда и опасны для жизни, такъ какъ бываютъ смертные случаи. Къ группѣ профессіональныхъ болѣзней необходимо отнести и *болѣзни глазъ*. Особенно страдаютъ фонтанные рабочіе. Работая подъ ливнемъ нефти, люди, снаряжающіе и надвигающіе фонтанные щиты, уже по прошествіи нѣсколькихъ минутъ бук-

вально не могутъ открывать глазъ, пока ихъ не промоютъ; не только нефть, но ея пыль и газы сильно разъѣдаютъ глаза, вызываютъ въ нихъ болѣе или менѣе сильную гиперемію, распуханіе вѣкъ и воспаленіе, съ большимъ или меньшимъ нагноеніемъ. Другимъ видомъ профессіональнаго недуга, весьма распространеннымъ, является *нервная слабость и нервное истощеніе тартальщиковъ*. По единогласному заявленію врачей и горныхъ инженеровъ, близко стоящихъ къ нефтяному дѣлу, у тартальщиковъ подъ вліяніемъ крайне однообразной работы, требущей сосредоточеннаго вниманія на одномъ предметѣ въ теченіе многихъ часовъ (12—14), является переутомленіе нервныхъ центровъ и угнетеніе мозговой дѣятельности настолько сильное, что рабочіе становятся апатичными, несообразительными и нерѣдко даже близкими къ состоянію идіотизма. Кромѣ того, тартаніе представляетъ собою манипуляцію физически трудную и неопрятную, такъ какъ расплескивается много нефти.

Вопросъ объ одеждѣ рабочихъ и приспособленіяхъ для защиты отъ вредныхъ вліяній нефти на Бакинскихъ промыслахъ и заводахъ,—продолжаетъ Л. Бертенсонъ,—совершенно еще не затронутъ. При всѣхъ производствахъ рабочіе остаются въ своемъ платьѣ, а то даже такъ и совсѣмъ обходятся безъ него: большинство персовъ работаютъ нагишемъ!

Далѣе, не только на промыслахъ, но и на заводахъ, не исключая и тѣхъ, гдѣ добывается изъ нефтяныхъ отбросовъ сѣрная кислота, не принимается никакихъ мѣропріятій для предупрежденія болѣзнетворныхъ вліяній производства. На кислотныхъ заводахъ, на которыхъ легко пріобрѣтаются весьма серьезныя болѣзни дыхательныхъ органовъ и въ самое короткое время искрашиваются зубы—кромѣ люковъ въ крышѣ, нѣтъ никакихъ приспособленій для провѣтриванія. По отзывамъ заводскихъ промысловыхъ врачей, среди рабочихъ, имѣющихъ дѣло съ регенераціей сѣрной кислоты, „тяжкія формы ларингита и бронхита съ кровохарканіемъ и одышкой не составляютъ рѣдкости; зубная же костоѣда—обычное у нихъ явленіе“. Особенно выдѣляется своей безобразной гигіенической обстановкой заводъ Теръ-Каспарова, гдѣ рабочіе „почти поголовно больны, причемъ почти у всѣхъ уничтожены зубы“.

Для оздоровленія нефтянаго производства Бертенсонъ считаетъ настоятельно необходимымъ сокращеніе рабочаго времени *до 8 часовъ* въ сутки для тартальщиковъ, рабочихъ на кислотныхъ заводахъ, кочегаровъ; обязательное употребленіе при работахъ, за

счетъ предпринимателей, особой одежды и обуви; предоставленіе рабочимъ возможности мытья [1]) и т. д.

Такова обстановка, въ которой протекаетъ половина жизни горнозаводскаго рабочаго; взглянемъ теперь на ту обстановку, въ которой онъ проводитъ остальное время послѣ изнурительнаго труда и гдѣ онъ долженъ набираться новыхъ силъ для того, чтобы снова тянуть свою лямку—во славу непрерывнаго накопленія прибавочной стоимости.

ГЛАВА II.

Жилищный вопросъ наиболѣе упрощеннымъ является на Уралѣ; здѣсь онъ, въ сущности, не составляетъ вопроса, такъ какъ рабочій классъ состоитъ изъ мѣстныхъ жителей, обладающихъ усадебной осѣдлостью. Это не относится только къ золотопромышленнымъ рабочимъ, которые какъ на Уралѣ, такъ и въ Сибири, поставлены въ этомъ отношеніи, пожалуй, въ наиболѣе скверныя условія. Золотые пріиски находятся у насъ вдали отъ населенныхъ пунктовъ, работы на нихъ производятся не круглый годъ, и составъ рабочихъ на каждомъ отдѣльномъ пріискѣ мѣняется чуть не ежегодно. Такимъ образомъ на золотыхъ пріискахъ нѣтъ ни осѣдлаго мѣстнаго рабочаго населенія, ни частныхъ квартиръ, которыми могли бы пользоваться рабочіе, и имъ поневолѣ приходится довольствоваться тѣми жилищами, которыя строятся предпринимателями. А русскіе золотопромышленники о требованіяхъ гигіены и санитаріи имѣютъ очень смутное понятіе, и что они настроили—объ этомъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже данныя.

Еще въ 1870 г. д-ръ Португаловъ оставилъ намъ описаніе золотыхъ пріисковъ на рѣчкѣ Салдѣ (Уралъ), гдѣ ихъ расположено очень много. Работы производятся здѣсь въ пустынной глуши, въ самой болотистой, лѣсной мѣстности. Пребываніе рабочихъ тутъ временное, а потому устраивается лишь временное помѣщеніе для нихъ. „Казармы большею частью низки, тѣсны, грязны и душны. Въ одной казармѣ, въ 14 саженъ длиною, 3 саж. шир.

[1]) „Нефтяное производство одно изъ тѣхъ, при которыхъ рабочіе не могутъ и не должны обходиться безъ воды“, а между тѣмъ... обходятся, такъ какъ „изъ 174 промысловъ бани имѣются только у Нобеля и Асадулаева На заводахъ бань больше, но тоже недостаточно, потому что большинство заводовъ ихъ не имѣетъ“. Бертенсонъ, I с., 13 стр.

и 1 саж. вышиною, помѣщается 40 человѣкъ, которые лежатъ въ ней буквально, какъ сельди въ боченкѣ".

„Зимой казармы переполняются до невѣроятной степени тѣсноты—говорится 20 слишкомъ лѣтъ спустя въ запискѣ лѣсничаго Дергента „О санитарныхъ условіяхъ труда и жизни рабочихъ Нижне-турпинской дачи Гороблагодатскаго округа" [1]). Это объясняется отчасти условіями самого золотопромышленнаго дѣла, но, главнымъ образомъ, конечно, инстинктами эксплоататорской бережливости золотопромышленниковъ. Такъ, при началѣ работъ на новомъ пріискѣ (большею частью поздней осенью и зимой) наскоро заводятся жилыя постройки, возможно болѣе минимальныхъ размѣровъ. По мѣрѣ расширенія работъ и возрастанія числа рабочихъ строятся новыя казармы уже вслѣдствіе почти физической невозможности вмѣстить въ прежнихъ лачужкахъ весь работающій людъ.

„Строятся помѣщенія преимущественно изъ тонкомѣрныхъ бревенъ, даже въ 3 вершка толщиною (это среди лѣсныхъ-то трущобъ!); зато при 30° и болѣе холода такая стѣна не доставляетъ много защиты". Потолокъ обыкновенно отсутствуетъ, дверь открывается прямо на дворъ, и для борьбы со страшнымъ холодомъ безпрестанно нагрѣваются до краснаго каленія желѣзныя печки. Пространства на человѣка полагается достаточнымъ въ 1 аршинъ, такъ что, принимая среднюю высоту казармы въ 1 саж., а ширину въ 3 сажени, на человѣка приходится $^1/_2$ кубическ. саж. воздуха! „Съ наступленіемъ ночи казарма быстро наполняется прозябшими и промокшими рабочими; въ печкахъ усиливается огонь; на гвоздяхъ, жердяхъ и веревкахъ, вокругъ печекъ и близъ нихъ развѣшивается мокрая одежда, сапоги, онучи. Вслѣдствіе высокой температуры верхнихъ слоевъ воздуха (разница съ температурою на полу достигаетъ до 20°) отъ сушащихся вещей поднимается густой паръ и вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимый ѣдкій запахъ прѣлаго пота. Если прибавить къ этому густой дымъ обильно раскуриваемой махорки, запахъ керосина отъ коптящихъ лампочекъ, гари отъ раскаленныхъ желѣзныхъ печей, да еще совершенно специфическій „татарскій" запахъ, то получается *до того невыносимая атмосфера, что вполнѣ здоровый, но непривычный человѣкъ съ трудомъ переноситъ ее въ теченіе лишь нѣсколькихъ минутъ*, послѣ чего чувствуется го-

[1]) „Горный Журналъ" за 1892 г., февраль.

ловная боль, стукъ въ вискахъ, тошнота... О морально разлагающихъ условіяхъ казарменной скученности людей, гдѣ тѣснятся вперемежку оба пола, можно легко судить и безъ фактическихъ данныхъ". Рабочіе на пріискахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ Томской губ. помѣщались, по словамъ „Сибирской Газеты" [1]), въ „казармахъ длиною и шириною отъ 8 до 10 арш., съ нарами кругомъ стѣнъ, съ чрезвычайно узкими окошечками и, конечно, безъ всякой вентиляціи. При этомъ полы никогда не моются, накапливается толстый слой грязи, а съ нею появляется безчисленное множество насѣкомыхъ". На пріискѣ Королева маріинскій окружный врачъ нашелъ въ 1883 г., что, не говоря уже о грязи въ рабочихъ помѣщеніяхъ, въ нихъ на каждаго человѣка не приходится даже и $^1/_2$ кубич. саж. воздуха! Въ Енисейскомъ округѣ—то же самое. Даже съ точки зрѣнія горнаго исправника Лукьянова (въ 1875 г.) оказывается, что помѣщенія для рабочихъ „лишь на немногихъ пріискахъ удовлетворяютъ потребностямъ, а большею частью состоятъ изъ тѣхъ остатковъ, которые выстроены еще до обѣднѣнія тайги золотомъ и только кое-какъ поддерживаются". Въ отчетѣ окружнаго инженера сѣверной части Енисейскаго округа за 1888 г. говорится, что помѣщенія для рабочихъ „устроены въ высшей степени плохо. Не говоря уже о томъ, что въ общей казармѣ, не раздѣленной даже перегородкою, помѣщаются мужчины, женщины, дѣти... онѣ тѣсны, отапливаются желѣзными печами, у которыхъ рабочіе сушатъ промокшую обувь и одежду, не провѣтриваются и содержатся крайне грязно, короче—помѣщенія эти невозможны и въ гигіеническомъ отношеніи". Точно также въ отчетѣ окружнаго инженера Южно-Енисейскаго округа за 1888 г. прямо указывается, что казармы, гдѣ помѣщаются рабочіе, *за немногими исключеніями устроены крайне неудовлетворительно* какъ по несоотвѣтствующему количеству заключающагося въ нихъ воздуха сравнительно съ числомъ людей, такъ и въ отношеніи опрятности. „На нѣкоторыхъ промыслахъ казарменныя зданія по своей ветхости не отвѣчали своему назначенію, доставляя рабочимъ въ дождливое время даровые души (!)".

Относительно Олекминскаго округа горный исправникъ въ донесеніи генералъ-губернатору Восточной Сибири въ 1872 г. сообщаетъ, что большая часть казармъ не отличается опрятностью.

[1]) 1882 г., № 20.

На нѣкоторыхъ пріискахъ казармы старой постройки до того низки, что приходилось стоять, наклонивъ голову; другіе же, хотя и недавно выстроены, по съ нарами въ 2 яруса, и въ нихъ, особенно на верху, въ ночное время воздухъ удушливый. Окна отчасти стекляныя, отчасти слюдяныя, а есть и обтянутыя коленкоромъ, какъ напр. на пріискахъ милліонера Базанова... Рядъ другихъ оффиціальныхъ свидѣтельствъ за 80-ые годы показываетъ, что улучшеній въ этой области не было замѣтно. Личныя наблюденія В. И. Семевскаго во время поѣздки 1891 г. на Витимскую и Олекминскую системы привели его относительно жилищъ большинства рабочихъ къ неблагопріятнымъ выводамъ [1]). Всѣ старыя казармы были въ высшей степени неудовлетворительны, не исключая и казармъ на главномъ стану такихъ богатыхъ компаній, какъ К°К°. Промышленности и Прибрежно-Витемская. Новыя казармы выше и лучше, но это только отдѣльныя попытки, также не вполнѣ удовлетворительныя (хотя бы, напр., по отсутствію особыхъ помѣщеній для сушки одежды); огромное же большинство казармъ по тѣснотѣ помѣщенія, по размѣщенію вмѣстѣ холостыхъ и женатыхъ, по грязи и обилію клоповъ и другихъ насѣкомыхъ, представляли весьма печальное зрѣлище. Никакого освѣщенія въ казармахъ не полагалось, поэтому желающіе имѣть вечеромъ освѣщеніе должны были сами покупать свѣчи...

Относительно помѣщенія для рабочаго люда на нефтяныхъ промыслахъ и заводахъ въ отчетѣ горнаго департамента за 1893 г. говорится: почти всѣ рабочіе, за исключеніемъ мѣстныхъ жителей, живутъ въ помѣщеніяхъ (казармахъ), даваемыхъ имъ нефтепромышленными фирмами, и, хотя вслѣдствіе холеры предшествовавшаго года и цѣлаго ряда протоколовъ санитарныхъ комиссій, землянки, нерѣдко служившія до того жильемъ для рабочихъ, почти вышли изъ употребленія, но все-таки и нынѣ существующія казармы мало удовлетворяютъ своему назначенію. Свѣта въ нихъ почти всегда очень мало, вентиляціи никакой, онѣ сплошь заставлены нарами, на которыхъ вповалку спятъ рабочіе; отопленіе почти во всѣхъ казармахъ нефтяное. производящее вслѣдствіе первобытнаго устройства печей, грязь и угаръ, и грозящее постоянно пожаромъ, не говоря уже о той копоти, которую подобные печи выдѣляютъ изъ трубъ. Есть и такія фирмы, которыя, въ видахъ экономіи, держатъ казарму на половинное количество

[1]) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ, т. 2, стр. 367.

своихъ рабочихъ, которые, въ такихъ случаяхъ, отдыхаютъ въ нихъ посмѣнно... Л. Бертенсонъ, командированный въ Баку въ концѣ 1896 г., замѣчаетъ, что эта общая характеристика остается вѣрной „и по сейчасъ“; можно еще добавить, что сплошь и рядомъ въ казармахъ, предназначенныхъ для спанья, приготовляется кушанье и печется хлѣбъ; кромѣ того встрѣчаются помѣщенія, въ которыхъ холостые рабочіе живутъ бокъ о бокъ съ женатыми; вслѣдствіе грязи, потому что прислуги для уборки помѣщеній почти нигдѣ нѣтъ, они представляются въ отвратительномъ видѣ.

Помѣщеній, которыя могли бы назваться удовлетворительными въ полномъ смыслѣ этого слова, вовсе нѣтъ; такихъ же, которыя, при тѣхъ или другихъ недостаткахъ, въ общемъ недурны — весьма немного: нѣкоторыя казармы т-ва бр. Нобель, Каспійско-Черноморскаго о-ва, т-ва Бенкендорфъ и К° и Шибаева. ...Помѣщеній, не выдерживающихъ и самой снисходительной критики, — огромное большинство [1]). На Балаханской площади — въ помѣщеніяхъ 6 промысловъ отмѣчено всего лишь 0,5 куб. саж. воздуха на человѣка! На Сабунчинской площади „много имѣется казармъ съ такимъ минимумомъ, что приходится удивляться, какъ въ нихъ могутъ жить люди; къ этой категоріи принадлежатъ казармы на промыслахъ: Мнацаканова, Аллавердова, Туманьянца (0,25—0,4 куб. саж.), бр. Мирзоевыхъ, Манташева“ и цѣлый рядъ другихъ. Къ тому же „всѣ эти казармы темны и содержатся до-нельзя неряшливо“. На Биби-Эйбатской площади у Тагіева большинство помѣщеній содержатъ до 0,5 куб. саж. воздуха. Это — на промыслахъ; что же касается заводовъ, то большинство владѣльцевъ даетъ квартиры только холостымъ рабочимъ, предоставляя семейнымъ людямъ нанимать помѣщеніе гдѣ либо на сторонѣ, на свой счетъ, или отпуская на это въ видѣ прибавки къ жалованью отъ 2 до 5 р. въ мѣс. Нѣкоторые же заводовладѣльцы даже и холостымъ не даютъ у себя помѣщенія, а есть заводы, на которыхъ, кромѣ приказчиковъ и машинистовъ, никто изъ рабочихъ не живетъ. По словамъ представителя горной инспекціи, „имѣющіяся при заводахъ жилыя помѣщенія для рабочихъ почти всѣ безъ исключенія не соотвѣтствуютъ элементарнымъ требованіямъ гигіены и понятіямъ объ удобствахъ жизни“. Кромѣ того, что они тѣсны, содержатся въ высшей степени неряшливо (огромное большинство казармъ, по словамъ Бертенсона,

[1]) Л. Бертенсонъ. „Бакинскіе нефтяные промыслы и заводы въ санитарно-врачебномъ отношеніи“, 1897 г., 17 стр.

остаются по годамъ нечищенными),—нерѣдко помѣщенія для рабочихъ находятся въ такомъ близкомъ разстояніи отъ заводскихъ перегонныхъ приборовъ или открытыхъ резервуаровъ съ нефтяными отбросами, что удушливые и вредные пары или зловонные газы легко проникаютъ въ нихъ.

Нѣтъ нужды добавлять, что настоящихъ ассенизаціонныхъ учрежденій на промыслахъ нѣтъ, а потому улица служитъ мѣстомъ свалки нечистотъ, и первобытнаго устройства отхожія мѣста, содержащіяся въ крайне неряшливомъ видѣ, до-нельзя переполняются[1]). Еще хуже приходится тѣмъ рабочимъ, которые не получаютъ квартиръ отъ заводовладѣльцевъ, а принуждены нанимать ихъ на сторонѣ. Такъ называемыя частныя квартиры во всѣхъ отношеніяхъ плохи: крохотныя комнаты, до-нельзя переполненныя жильцами, темныя, сырыя и необыкновенно грязныя; отхожія мѣста и выгребныя ямы при нихъ крайне запущены; при этомъ наемная плата чрезвычайно высокая: за комнату съ кухней отъ 4 до 8 р. въ мѣсяцъ. „Въ наихудшемъ видѣ, говоритъ губернскій механикъ Абрамовичъ, представляются наемныя помѣщенія Чернаго городка, которыми вынуждена пользоваться добрая половина работающихъ на нефтегонныхъ заводахъ людей. Помѣщенія эти не только не даютъ никакихъ удобствъ для нанимателей, но еще сплошь и рядомъ представляютъ собою такія лачуги, въ которыхъ можетъ заставить жить только крайняя и безвыходная нужда. Помимо тѣсноты, обусловливаемой наймомъ одной комнаты двумя, а иногда и тремя семьями, изъ коихъ во многихъ еще имѣются нахлѣбники, большинство помѣщеній сыры, темны и въ высшей степени загрязнены. Плата за худшія комнаты 3—5 р. въ мѣсяцъ, а лучшія отдаются отъ 6 до 10 р. въ мѣсяцъ“.

Что все это не являлось тайной для гг. бакинскихъ милліонеровъ и что относительно безобразія жилищныхъ условій не могло быть двухъ мнѣній даже у самихъ предпринимателей—объ этомъ свидѣтельствуетъ докладъ нефтепромышленника Бенкендорфа на XIII съѣздѣ въ Баку. „Безъ ужаса и содроганія, говорится тамъ, нельзя пройти мимо рабочихъ казармъ. Рабочіе, всѣ въ засаленныхъ, закопченныхъ лохмотьяхъ, покрытые толстымъ слоемъ копоти и пыли, кишатъ, какъ пчелы, въ своихъ необычайно гряз-

[1]) Одинъ изъ владѣльцевъ нефтегонныхъ заводовъ, которому надоѣли преслѣдованія полиціи за неопрятное содержаніе отхожихъ мѣстъ и расходы по очисткѣ послѣднихъ—вовсе упразднилъ ихъ и послѣ того ужъ нанималъ рабочихъ съ условіемъ, чтобы они не требовали этихъ службъ и отправляли свои естественныя надобности, гдѣ имъ заблагоразсудится!

ныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Отвратительная вонь ударитъ вамъ въ носъ, какъ только вы попробуете подойти близко къ окну. Такое жалкое существованіе влачатъ почти 40.000 трудящагося люда, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Г. Бенкендорфомъ изслѣдовано 1.437 квартиръ, въ которыхъ помѣщается 11.365 человѣкъ. По закону требуется, чтобы отношеніе свѣтовой поверхности къ поверхности пола было въ казармахъ не менѣе 1 : 5, а въ квартирахъ—1 : 6. А между тѣмъ въ осмотрѣнныхъ квартирахъ это отношеніе нигдѣ не соблюдается. Въ 40 помѣщеніяхъ это отношеніе равняется 1 : 20, въ 40—1 : 15, въ 28—1 : 12, въ 38—1 : 10, въ 37—1 : 8.

Кромѣ того изъ осмотрѣнныхъ помѣщеній (квартиръ) 17 подваловъ оказалось совершенно безъ оконъ, причемъ нелишне замѣтить, что часть этихъ подваловъ принадлежитъ самимъ нефтепромышленникамъ...

Но, безспорно, первое мѣсто по безобразію и зловредности жилищныхъ условій занимаетъ Югъ Россіи — нынѣшній центръ нашей каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности. Какъ обнаружили земскія статистическія изслѣдованія половины 80-хъ годовъ, рабочіе живутъ здѣсь въ землянкахъ, ими же самими вырытыхъ. Съ поверхности этихъ жилищъ и не видно, такъ какъ они покрыты землею же. „Размѣры, воздухъ, нечистота такихъ помѣщеній поистинѣ ужасны, даже лѣтомъ. На Голубовскомъ рудникѣ, въ землянкѣ въ 10 саж. длиною и 9 арш. шириною, лѣтомъ помѣщается 18 человѣкъ; въ той же землянкѣ, по словамъ рабочихъ, зимою бываетъ до 60 человѣкъ". Есть землянки гораздо меньше описанной. Оконъ или совсѣмъ не полагается или, если они имѣются, то не болѣе $1^1/_2$ четвертей величиною. Въ самый жаркій лѣтній день въ этихъ помѣщеніяхъ царитъ полумракъ: въ нихъ едва можно писать, да и то лишь при самомъ окнѣ. Во время дождей внутреннія стѣны протекаютъ, воздухъ постоянно сырой, съ запахомъ гнили. Просидѣвши въ такомъ помѣщеніи одинъ часъ, выходишь изъ него почти одурѣлый, съ головными болями. Это въ Славяносербскомъ уѣздѣ, но то же самое и въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Бахмутскомъ уѣздѣ и въ Міусскомъ округѣ Донской области. Жилища здѣшнихъ рабочихъ — землянки, два — три „балагана" для помѣщенія артелей, вводятъ въ заблужденіе подъѣзжающихъ къ шахтамъ,— такъ говорится про Семеновскія и Александровскія шахты Новороссійскаго О-ва. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь

работы производятся въ ничтожныхъ размѣрахъ, потому что жилищъ для рабочихъ виднѣется очень мало, но заблужденіе скоро обнаруживается: оказывается, что въ шахтахъ постоянно работаетъ 100—150 человѣкъ. Едва замѣтныя возвышенія надъ поверхностью земли вокругъ шахты указываютъ на жилища рабочихъ... Дверь низка, пройти въ нее можно только согнувшись... Полъ земляной, потолка нѣтъ, его замѣняетъ крыша подземелья на стропилахъ; кровати попадаются, какъ исключенія... Сквозь крышу и стѣну проникаютъ въ подземелье сырость и влага, и отъ всего этого въ жилищѣ постоянно, даже лѣтомъ, воздухъ затхлый и гнилой. Крошечныя окошечки съ нечисто содержимыми стеклами пропускаютъ внутрь жилища тусклый полусвѣтъ. Такимъ образомъ рабочіе, задыхаясь въ спертой и тяжелой атмосферѣ подземныхъ галлерей во время своихъ ночныхъ и дневныхъ работъ и портя зрѣніе при тускломъ мерцаніи чадящей масляной лампы, лишены возможности пользоваться достаточнымъ свѣтомъ и чистымъ свѣжимъ воздухомъ даже во время своего отдыха.

Посѣщая для опросовъ землянки въ Корсунскомъ рудникѣ, земскіе статистики не могли, по ихъ собственнымъ словамъ, пробыть въ нихъ болѣе 2—3 минутъ—до того непріятенъ и тяжелъ въ нихъ воздухъ даже при открытыхъ дверяхъ, но въ этой смрадной обстановкѣ живутъ не только взрослые, но и дѣти. Нерѣдко приходилось въ землянкахъ заставать бѣдныхъ женщинъ, кое-какъ покрытыхъ грязными лохмотьями, сидящихъ на голомъ земляномъ полу съ штопаньемъ въ рукахъ, съ грудным ребенкомъ, валяющимся около, на кучѣ нечистаго вонючаго рванья, и окруженныхъ другими дѣтьми, чумазыми, корявыми и полунагими малютками, высохшими, какъ спички, съ сине-блѣдными, до-нельзя болѣзненными личиками... Въ одной такой землянкѣ въ углу лежалъ больной мальчикъ, едва было оправившійся отъ оспы, но снова заболѣвшій горячкой. Тутъ же кругомъ ходили и кудахтали куры и хрюкали поросята.

Очень печальную картину представляютъ также жилища для рабочаго населенія въ мѣстечкѣ Юзовкѣ, гдѣ расположенъ извѣстный заводъ Юза. Заводскія сооруженія окружены принадлежащими заводу жилыми домами,—„балаганами“ и „каютами“. Служащіе—англичане живутъ въ домахъ, въ „балаганахъ“ помѣщаются служащіе изъ русскихъ и рабочіе, а въ „каютахъ“—исключительно рабочіе. Балаганы представляютъ изъ себя довольно длинныя зданія съ нѣсколькими жилыми отдѣленіями, большими и малыми;

но внутри ихъ грязно и они до тѣсноты наполнены жильцами. Каюты лѣпятся по окраинамъ, по берегу рѣки Кальміуса и вообще въ отдаленіи; это — просто землянки, низкія, невзрачныя; есть изъ нихъ такія, что сразу ихъ и не замѣтишь, — такъ не велико возвышеніе надъ поверхностью земли, представляемое ихъ крышами, состоящими изъ земли и мусора. Проникнуть въ „каюту“ можно только спустившись въ землю по нѣсколькимъ ступенямъ земляной лѣстницы; каюты темны и тѣсны, воздухъ въ нихъ сырой, затхлый и удушливый; вообще обстановка этого жилья вполнѣ антигигіенична, а между тѣмъ въ нихъ нерѣдко живутъ семейные рабочіе съ грудными дѣтьми...

Благодаря невозможнымъ условіямъ работы и отдыха, углекопъ представляетъ изъ себя изможденную, малосильную фигуру съ болѣзненно-блѣднымъ цвѣтомъ лица и плохимъ зрѣніемъ.

Даже спустя 10 лѣтъ послѣ изслѣдованія земскихъ статистиковъ Е. Рогозинъ [1]) могъ еще наблюдать подобныя помѣщенія— „нѣчто въ родѣ звѣриныхъ логовищъ, въ которыя войти было не только нравственно тяжело, но даже страшно“... Правда, чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе (къ чему удручать читателей!) благонамѣренный авторъ предусмотрительно добавлялъ, что эти дома имѣютъ въ настоящее время лишь историческое значеніе, но мы должны поправить его: они не исчезли и теперь, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ и фабричные инспектора!..

ГЛАВА III.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію продолжительности рабочаго дня. Мы видѣли уже выше, насколько тяжелы условія труда на горныхъ промыслахъ и заводахъ; наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ вредными условіями производства, разрушительно дѣйствующими на здоровье или опасными для жизни рабочихъ, является сокращеніе рабочаго времени до извѣстной нормы; этой нормой современной наукою и практикою признается 8-часовой рабочій день.

Какъ далека была русская дѣйствительность отъ этой нормы, объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя. На золотыхъ промыслахъ по закону 1838 г. опредѣлено было работать съ

[1]) Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. 1895 г., 102 стр.

5 часовъ утра до 8 ч. вечера, *т. е. 15 час.* включая сюда время на обѣдъ и отдыхъ. Какъ ни велика была эта норма, однако и она показалась предпринимателямъ стѣснительной... Дѣло въ томъ, что съ распространеніемъ въ 40-хъ — 60-хъ годахъ золотопромывательныхъ машинъ прежнія такъ назыв. старательскія работы сливаются окончательно съ урочными и становятся обязательными уже для всѣхъ, а самый урокъ былъ увеличенъ *раза въ три*; поэтому рабочій день въ дѣйствительности доходилъ иногда до 17—18 час. въ сутки!.. Уступая давленію золотопромышленниковъ, новый уставъ 1870 г. вычеркнулъ всѣ статьи, защищающія интересы рабочихъ, т. е. не только тѣ, которыми разрѣшалось работать лишь съ перерывами отъ 5 ч. у. до 8 ч., но и тѣ, которыми запрещались ночныя и праздничныя работы.

По контрактамъ 70-хъ—90-хъ годовъ на промыслахъ Маріинскаго и Алтайскаго округовъ продолжительность рабочаго дня устанавливалась въ 13—15 ч.

Въ Олекминскомъ округѣ зимою—$10^1/_2$—$13^1/_2$ час., а лѣтомъ 12 — $13^1/_2$; въ дѣйствительности же максимумъ доходилъ до 15 час.

Контракты Амурской области опредѣляютъ рабочій день въ 13—14 ч., и только на промыслахъ киргизской степи онъ не болѣе 11—12 ч. [1]).

Относительно Енисейскаго округа горн. инж. Ячевскій пишетъ [2]), что время работъ на пріискахъ крайне продолжительно. Становой „выгоняетъ“ рабочихъ до свѣту—въ 3—4 часа, и они, не позавтракавши, сейчасъ отправляются по своимъ мѣстамъ; затѣмъ, около 7—8 ч. утра они пьютъ чай, т. е. завтракаютъ. На это уходитъ $^1/_2$ ч. времени. Въ 12 ч.—обѣдъ, на который дается 1 — $1^1/_4$ ч.; около 5 часовъ — $^1/_2$ ч. на второй чай, а послѣ окончанія работъ, около 9 часовъ вечера, — ужинъ. На самомъ дѣлѣ, въ лѣтнее время на отдыхъ рабочему приходится не болѣе 6 часовъ: съ 9 ч. вечера до 3 ч. утра. Во всякомъ случаѣ, за вычетомъ всѣхъ перерывовъ, лѣтній рабочій день не менѣе 14—15 ч...

Неудивительно, поэтому, что и новыя правила 1895 г. о

---

[1]) Семевскій. Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, т. I, XXXVIII стр.; т. 2, стр. 92.

[2]) „Очеркъ современнаго состоянія енисейской золотопромышленности“, 1892 г.

наймѣ рабочихъ на золотые и платиновые промыслы, изданныя бюрократіей въ согласіи съ заявленіями промышленниковъ, оставили безъ измѣненія старый порядокъ, т. е. предоставили опредѣленіе продолжительности рабочаго дня *свободному* соглашенію сторонъ!

При выработкѣ проекта 1892 г. горный совѣтъ принялъ слѣдующее постановленіе, которое Семевскій назвалъ „чудовищнымъ“: „вмѣсто ограниченія числа рабочихъ часовъ 12-ю въ сутки, не включая въ это число времени на чай, обѣдъ и ужинъ, совѣтъ полагалъ *достаточнымъ*, а для промышленника болѣе *удобнымъ* назначить *не болѣе 16 час.*, включая въ это число время на чай, обѣдъ и ужинъ“. Въ сущности, не менѣе чудовищнымъ нужно считать и постановленіе закона 1895 г., предоставлявшаго опредѣленіе продолжительности труда свободному соглашенію сторонъ и санкціонировавшаго, такимъ образомъ, практику 13, 14 и 15 часового рабочаго дня!

Томскій окружной инсп. Реутовскій и Семевскій высказались за 8 часовой рабочій день.

Но это еще не все: пріисковые рабочіе не знаютъ, далѣе, что такое праздничный отдыхъ; контракты обязываютъ ихъ работать по *воскресеньямъ*, и въ лѣтнее время имъ дается только *одинъ или два свободныхъ дня въ мѣсяцъ*...

Согласно закону 2 іюня 1897 г., было установлено обязательное празднованіе всѣхъ воскресныхъ дней, но именно частные золотые и платиновые пріиски были отсюда исключены: для нихъ оставался въ силѣ законъ 1895 г., 28 § котораго гласилъ, что съ 1 апрѣля по 1 октября каждый рабочій на промыслахъ имѣетъ право быть уволеннымъ отъ работъ на два дня въ мѣсяцъ. Какимъ сильнымъ языкомъ говорятъ у насъ иногда въ канцеляріяхъ! Вмѣсто того, чтобы сказать: рабочіе на золотыхъ и платиновыхъ промыслахъ *обязаны* работать и по воскресеньямъ, за исключеніемъ 2 въ мѣсяцъ,—вдругъ провозглашается *право* рабочаго *быть уволеннымъ* на 2 дня въ мѣсяцъ!

Послѣ такой усиленной эксплуатаціи немудрено, что пріисковый рабочій изнашивается очень скоро. Лѣтъ 10 онъ работаетъ, какъ забойщикъ, на высшемъ окладѣ, затѣмъ онъ уже радъ, если попадетъ въ возчики, а потомъ счастливцы изъ нихъ добиваются должности караульщика, большинство же пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ и неизвѣстно, чѣмъ кормитъ свое изможденное тѣло... Тайга быстро выбрасываетъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ замѣтны признаки физической слабости. На резиденціяхъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ компаній такимъ выслужившимся рабочимъ владѣльцы выдаютъ содержаніе и небольшую пенсію на старости лѣтъ. Трудно повѣрить, глядя на этихъ дряхлыхъ, еле волочащихъ ноги ста-

риковъ, тому, что они разсказываютъ про себя, что другіе разсказываютъ про нихъ. Оказывается, что лѣтъ 15 тому назадъ это были геркулесы, дивившіе тайгу своей богатырской силой и выносливостью... Но немногіе и у немногихъ лучшихъ хозяевъ находятъ пріютъ и кусокъ хлѣба на старости.

Относительно нефтяныхъ работъ въ отчетѣ горнаго департамента за 1894 г. говорится: „Хотя условія производства работъ и добычи нефти на промыслахъ отчасти и являются причиною того, что рабочій лишается отдыха въ праздники, но тѣмъ не менѣе большая доля вины въ этомъ отношеніи лежитъ и на нефтепромышленникахъ, которые, стремясь возможно болѣе сократить расходы на эксплуатацію промысловъ, доводятъ штаты служащихъ до ненормально ограниченнаго числа, заставляя послѣднихъ работать съ крайнимъ напряженіемъ“.

Такъ называемыя вечернія и даже ночныя работы въ промысловыхъ мастерскихъ представляютъ собою довольно заурядное явленіе, и число рабочихъ часовъ достигаетъ иногда *18 въ сутки*... Проработавши напряженно и при неблагопріятныхъ условіяхъ, сколько позволяютъ силы,—лѣто, годъ, два и больше,—рабочій уже спѣшитъ уйти на родину, для отдыха.

Оффиціальное изданіе министерства финансовъ „Россія въ концѣ XIX вѣка“ констатируетъ, что на нефтяныхъ промыслахъ работа производится непрерывно, днемъ и ночью, *въ будни и праздники* (кромѣ немногихъ очень большихъ праздниковъ), въ 2 смѣны по 12 час. каждая, съ двумя часами отдыха. „Работа и ея условія слишкомъ тяжелы, и по силамъ она только молодымъ (до 30 лѣтъ); перешедшіе же этотъ возрастъ принуждены искать примѣненія своимъ силамъ въ другихъ отрасляхъ труда, а инвалиды чаще всего возвращаются на родину“... Еще Л. Бертенсонъ, командированный министерствомъ зем. и гос. имущ. въ 1896 г. на бакинскіе промыслы и заводы, настаивалъ на необходимости введенія 8-ми-часового рабочаго дня, хотя бы для нѣкоторыхъ категорій, напр., тартальщиковъ, кочегаровъ, рабочихъ на кислотныхъ заводахъ.

Точно также Эрисманъ еще въ 70-хъ годахъ настаивалъ на томъ, что при подземныхъ работахъ въ шахтахъ и рудникахъ рабочій день не долженъ превышать для взрослыхъ 8 час.; ночныя же работы могутъ допускаться лишь въ исключительныхъ

---

[1]) Эрисманъ. Профессіональная гигіена, 1877 г., стр. 223—224.

случаяхъ, напр., для предотвращенія какого-нибудь несчастья спасенія рабочихъ и т. д.

Въ дѣйствительности же у насъ дѣло обстоитъ такъ, что, напр., на югѣ Россіи ночныя работы существуютъ, какъ правило, на всѣхъ копяхъ. Работы обыкновенно ведутся въ 2 смѣны, напр., съ 6 ч. утра до 6 ч. вечера и съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра, т. е. по 12 часовъ.

„Для крестьянъ-земледѣльцевъ, говорится въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской г.“, вообще рудничныя работы, вслѣдствіе непривычки (?!), являются крайне изнурительными, 12-ти-часовая тяжелая работа въ полутьмѣ и при недостаткѣ чистаго воздуха въ шахтахъ быстро подрываетъ ихъ силы. Изъ 9 мѣсяцевъ въ году, въ теченіе которыхъ пѣшіе рабочіе бываютъ на шахтахъ, рабочаго времени у самыхъ усердныхъ выходитъ не болѣе 6 мѣсяцевъ; по изнурительности рудничныхъ занятій, послѣ мѣсяца работы въ шахтахъ каждому рабочему-крестьянину необходимъ двухнедѣльный отдыхъ“...

Такимъ образомъ и въ горно-заводской промышленности, подобно фабричной, нормальнымъ считался въ періодъ, такъ назыв., свободнаго договора 12-ти-часовой рабочій день, причемъ нерѣдки были уклоненія въ сторону еще большей продолжительности—до 13, 15 и даже болѣе часовъ!

ГЛАВА IV.

Приступая къ изученію экономическаго положенія горно-заводскаго населенія, мы остановимся прежде всего на Уралѣ, который занимаетъ въ этомъ отношеніи особенное положеніе. Начиная съ Петра I и вплоть до второй половины XIX вѣка правительство употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить какъ казенные, такъ и частные заводы необходимыми рабочими руками. Съ этой цѣлью къ заводамъ приписывались селенія государственныхъ крестьянъ, заводчики насильственно переселяли крѣпостныхъ людей на Уралъ изъ внутреннихъ губерній, и давалось разрѣшеніе заводовладѣльцамъ изъ недворянскаго сословія покупать крѣпостныхъ и поселять ихъ на заводахъ. Такъ образовалось здѣсь осѣдлое населеніе, занимавшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе горнозаводскимъ трудомъ. Но это былъ трудъ принудительный, трудъ изъ-подъ палки. Не разбѣжится ли горнозаводское населеніе, когда будутъ

сброшены, наконецъ, оковы крѣпостного права? — Вотъ вопросъ, подъ давленіемъ котораго намѣчались и проводились въ жизнь реформы 1861 г. Насколько сильно было это давленіе—это мы увидимъ сейчасъ.

Закономъ 19 февраля и 8 марта 1861 г. все населеніе казенныхъ, посессіонныхъ и частныхъ уральскихъ заводовъ было раздѣлено на 2 категоріи: мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ. Въ первую категорію входятъ лица, занимающіяся техническими горнозаводскими работами; во вторую — тѣ, которыя выполняютъ различныя вспомогательныя, преимущественно конныя работы и кромѣ того занимаются хлѣбопашествомъ.

Сельскіе работники въ отношеніи поземельнаго устройства ставились въ то же положеніе, въ какое — большинство крестьянъ населенія Россіи. „Не то съ мастеровыми: земельнаго надѣла, за исключеніемъ усадебной осѣдлости и 1 десятины покосовъ, они по закону не получали. Стремясь прикрѣпить населеніе къ горнозаводскимъ работамъ, заводовладѣльцы всѣ усилія направили къ тому, чтобы сократить число лицъ, имѣющихъ право на полный земельный надѣлъ. И если на Уралѣ, даже *послѣ* освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, замѣчается избытокъ рабочихъ рукъ въ противоположность, напр., югу Россіи, то это имѣетъ своимъ источникомъ ту, такъ сказать, экспропріацію, которая была произведена заводовладѣльцами по отношенію къ части горнозаводскаго населенія. Командированный въ началѣ 60-хъ годовъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ чиновникъ Мордвиновъ прямо указывалъ въ своей докладной запискѣ, что „почти все горнозаводское населеніе Уральскаго хребта отнесено по уставнымъ грамотамъ къ сословію мастеровыхъ, тогда какъ этимъ населеніемъ исполнялись всѣ заводскія работы, какъ техническія, такъ и вспомогательныя: послѣднія, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, составляли $^3/_4$ или $^4/_5$ всѣхъ заводскихъ работъ“. На почвѣ земельнаго вопроса отношенія между заводовладѣльцами (которые въ то же время и землевладѣльцы) и рабочими крайне обострились; Флеровскій писалъ въ 1866 г., что „фабричное населеніе недовольно и ожесточено и для удержанія порядка въ Пермской губерніи необходимо держать тамъ на каждыхъ 2 фабричныхъ (заводскихъ К. П.) рабочихъ по одному солдату или казаку“.

При прочтеніи грамотъ, продолжаетъ Мордвиновъ, заводскіе люди не могли согласиться на надѣленіе ихъ по 1 только десятинѣ покосовъ, тогда какъ для отправленія обычныхъ работъ имъ

необходимо до 3 лошадей на каждаго работника и, по свойству мѣстности, до 3 десятинъ покосовъ на душу; не могли они также признать справедливой установленную статьей 14 дополнительныхъ правилъ за покосы повинность, которая далеко не соразмѣрна съ наемной цѣной земли въ сосѣднихъ съ заводами мѣстностяхъ. Къ этому нужно добавить, что покосы издавна расчищались мастеровыми безъ всякаго препятствія со стороны заводоуправленія: по понятію народа трудъ, употребленный на расчистку, давалъ неоспоримое право на владѣніе покосами; продажа ихъ отъ одного хозяина другому совершалась постоянно и часто этотъ переходъ записывался и укрѣплялся въ заводскихъ книгахъ... „Заводскіе люди не только не соглашались подписывать грамотъ (уставныхъ), но энергически протестовали противъ нихъ; одни при этомъ случаѣ дѣлали такія заявленія, которыя не могли быть записываемы въ протоколъ и замѣнялись общепринятымъ выраженіемъ „законныхъ возраженій не предъявлено“; другіе отказывались отъ покосовъ по предоставленному имъ праву, а иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ усадебной осѣдлости. Въ немногихъ протоколахъ обозначено, что мастеровые отказываются отъ покосовъ вслѣдствіе недостаточности размѣра ихъ и тяжести повинностей“. Не желая лишать себя рабочей силы (конной), заводчики должны были сдѣлать нѣкоторыя уступки: по дополнительнымъ условіямъ они большею частью предоставляли всѣ прежніе покосы въ безвозмездное пользованіе тѣхъ изъ мастеровыхъ, которые продолжали работать при заводахъ...

„Повѣрка и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ для сельскихъ работниковъ и крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, сопровождались по большей части тѣми же явленіями, какъ и въ заводскихъ селеніяхъ. Сознательно подписанныхъ крестьянами грамотъ самое незначительное число. Въ составленныхъ при повѣркѣ протоколахъ или заявлено требованіе крестьянъ о пониженіи повинностей или, какъ удостовѣряютъ многіе изъ мировыхъ посредниковъ, при уклоненіи крестьянъ отъ слушанія грамотъ, отъ выбора уполномоченныхъ и при болѣе рѣзкихъ протестахъ — значится, что „законныхъ возраженій не предъявлено“. При этомъ нужно замѣтить, что первоначальный отводъ надѣла былъ произведенъ безъ предварительнаго измѣренія земли и повѣрки надѣла мировымъ посредникомъ для исключенія неудобной земли. Если такимъ образомъ значительная часть населенія была оттерта отъ полнаго земельнаго надѣла, то, съ дру-

гой стороны, тѣ клочки земли и усадебная осѣдлость, которые этому населенію достались, стѣсняли его въ свободѣ передвиженія, прикрѣпляли къ данной мѣстности. Благодаря этому получилось то, что и послѣ реформы 1861 г. „громадное количество уральскихъ заводовъ располагаетъ устойчивымъ контингентомъ рабочихъ рукъ, *навсегда прикрѣпленныхъ* (!) къ данному заводу земельною собственностью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заводы располагаютъ рабочими даже въ избыткѣ, такъ что иногда одновременно работы на всѣхъ желающихъ и способныхъ работать не хватаетъ. Въ такихъ случаяхъ раздѣляютъ рабочихъ на партіи, которыя поочередно на 2 надѣли въ мѣсяцъ *допускаются* (!) къ заводскимъ работамъ... Общимъ признакомъ для массы заводовъ Урала (кромѣ очень немногихъ 7—8 новыхъ заводовъ) надо считать наличность коренного населенія, удовлетворяющаго въ избыткѣ надобность въ рабочихъ рукахъ для каждаго даннаго завода“ [1]).

Но уральскіе горнопромышленники вели борьбу на два фронта: освобождая горнозаводское населеніе отъ земли, они въ то же время старались и промысловыя занятія его свести къ наемной работѣ въ крупныхъ заводахъ и промыслахъ, препятствуя развитію мелкаго производства. Съ этою цѣлью особенно настаивали они, при освобожденіи крестьянъ, на сохраненіи закона, запрещающаго открытіе въ заводскихъ округахъ огнедѣйствующихъ заведеній. Ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ. Мало того, горнозаводское населеніе даже на своей землѣ не имѣетъ права пользованія на руду и различные ископаемые предметы.

... „Если бы принципы освобожденія крестьянъ, говоритъ П. Лохтинъ [2]), отъ крѣпостной зависимости были проведены на Уралѣ со всею послѣдовательностью и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ быта и природы, то населеніе слѣдовало бы надѣлить частью заводскихъ дачъ, съ правомъ отыскивать и добывать руду и другія минеральныя богатства, обжигать уголь, выплавлять и добывать металлы, отдавать лѣса и рудники въ аренду, продавать уголь, руду и ископаемыя вещества и т. п. Такое надѣленіе было бы вполнѣ сообразно и съ условіями мѣстности, и съ основными началами великой реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости... Освободивъ уральскихъ крестьянъ, прави-

---

[1]) Е. Рагозинъ. Желѣзо и уголь на Уралѣ, 1903 г., 8—9 стр. Курсивъ нашъ.

[2]) Горнозаводское хозяйство на Уралѣ. „Вѣстникъ Европы“, 1876 г., № 7.

тельство не дало имъ прочной и обезпеченной возможности, какъ это сдѣлано для земледѣльческой Россіи, заниматься и пропитываться тѣмъ же, чѣмъ они занимались и пропитывались раньше освобожденія... Съ уничтоженіемъ крѣпостного права матеріальное положеніе населенія круто измѣнилось и, если въ земледѣльческой Россіи жаловаться на уничтоженіе этого права имѣли нѣкоторое основаніе помѣщики, то на Уралѣ, наоборотъ, крестьяне оказались въ худшемъ положеніи сравнительно съ прежнимъ. У нихъ были отняты и готовое пропитаніе, и постоянное занятіе, и взамѣнъ этого имъ не дано почти ничего въ смыслѣ правильнаго, постояннаго заработка".

Такими средствами поддерживалась прежняя связь рабочаго съ заводомъ. Немудрено, что въ результатѣ явилась—нищенская заработная плата. „Южный рабочій стоитъ вдвое и даже втрое дороже, чѣмъ, напр., на Уралѣ. Днѣпровскій заводъ (на югѣ) 4.000 человѣкъ въ $189^4/_5$ г. заплатилъ 1.795.000 р., а Сысертскимъ заводамъ (на Уралѣ) 7.000 человѣкъ стоятъ 1.037.000 р. Въ первомъ случаѣ каждый рабочій, въ среднемъ, обходится около 450 р. въ годъ, а во второмъ—177 р." [1]). Столь значительная разница объясняется не вполнѣ правильнымъ расчетомъ, но все же мы можемъ признать, что поденная плата на Уралѣ по крайней мѣрѣ раза въ $1^1/_2$ ниже, чѣмъ на югѣ.

Въ 1900 г. Пермская губернская земская управа выпустила „Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Пермской губ. въ продовольственномъ отношеніи", гдѣ собраны очень цѣнныя свѣдѣнія. Общее число горнозаводскаго населенія этой губерніи равняется приблизительно 663.000 человѣкъ: изъ нихъ 562.801 (84,8%), т. е. подавляющая часть, принадлежитъ къ бывшимъ горнозаводскимъ мастеровымъ и только 100.578 (15,2%)—къ бывшимъ сельскимъ работникамъ горныхъ заводовъ.

361 тыс. душъ, или 64,2% горнозаводскихъ мастеровыхъ совсѣмъ не имѣетъ пашни, а изъ имѣющихъ пашню—болѣе половины населенія владѣетъ ею въ размѣрѣ менѣе $^1/_2$ десятины на наличную душу мужского пола. Что касается сельскихъ работниковъ, то 53,6% ихъ имѣетъ менѣе 1 десятины на душу, тогда

---

[1]) Матвѣевъ. Очерки южно-русской металлургической промышленности. Вѣстникъ Финансовъ, 1897 г., № 17.

какъ для полнаго обезпеченія нужно 6,5 десятинъ на мужск. душу. 22,4% (22.686 душъ) совсѣмъ не имѣютъ пашни. Но если хлѣбопашество, такимъ образомъ, не имѣетъ значенія для огромнаго большинства горнозаводскаго населенія, то спрашивается, насколько оно можетъ быть обезпечено *горнозаводскими* работами?

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ въ 1897 г. Пермской управой отъ заводоуправленій (изъ 88 дѣйствующихъ въ Пермской г. заводовъ дали отвѣтъ 81) можно приблизительно сказать, что на всѣхъ горнозаводскихъ работахъ, какъ цеховыхъ, такъ и вспомогательныхъ, занято изъ бывшихъ мастеровыхъ только 49,1% мужчинъ рабочаго возраста (отъ 18 до 55 лѣтъ), или 72.327 изъ 147.426.

При этомъ оказывается, что на 9 заводахъ работами занято или все мужское населеніе въ рабочемъ возрастѣ, или количество свободныхъ рукъ не превышаетъ 10%. На 14 заводахъ рабочія руки, не занятыя заводскими работами, составляютъ уже до 20%; на 9 заводахъ до—30%; на 7 заводахъ—до 40%; на 8 заводахъ—до 50%, на 16 заводахъ до 60%; на 4 заводахъ—до 70%, на 7—до 80%, на 6—до 90% и наконецъ на 29 заводахъ, вслѣдствіе прекращенія производства, число рабочихъ рукъ, *свободныхъ отъ работъ*, равняется 100%!!

Но это еще не все. Занятія занятіямъ рознь. Вслѣдствіе избытка рабочихъ рукъ приходится дожидаться очереди, когда можно будетъ стать на работу, а до тѣхъ поръ—предаваться вынужденному бездѣйствію. „Гулевыхъ дней“ не существуетъ на 22 заводахъ (полный рабочій мѣсяцъ при этомъ принимается въ 24 дня). На 2 заводахъ число гулевыхъ дней на нѣкоторыхъ цеховыхъ работахъ—10%, на 20 заводахъ — число гулевыхъ дней доходитъ уже до 25%, на 24 заводахъ—до 50% и на 13 заводахъ—до 75%! Кромѣ гулевыхъ дней на нѣкоторыхъ заводахъ вслѣдствіе той же причины, т. е. избытка рабочихъ рукъ, существуютъ частыя смѣны цеховыхъ рабочихъ въ теченіе дня и они вмѣсто обычныхъ 10—12 часовъ отрабатываютъ только по 8 и даже по 6 часовъ въ сутки.

Такимъ образомъ положеніе горнозаводскаго населенія Урала характеризуется тѣмъ, что земля не кормитъ, а заводы—не даютъ работы. Отсюда неизбѣжная дешевизна рабочихъ рукъ. По словамъ Е. Рагозина, рудокопы довольствуются поденщиной

(на собственныхъ харчахъ) отъ 40 до 60 коп., углекопы отъ 50 до 60 коп., т. е. въ среднемъ 12—13 р. въ мѣсяцъ. Такую же плату, говоритъ онъ, получаютъ чернорабочіе при заводахъ и мѣстныхъ заготовкахъ. Женская поденщина на 15 коп. ниже мужской. Конная поденщина составляетъ отъ 65 до 80 коп. Въ „Матеріалахъ же къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Пермской губ. въ продовольственномъ отношеніи“ указывается, что конному рабочему платится 60—70 коп., чернорабочему 25—35 коп., подростку 15—20 коп. и женщинѣ 15—20 коп. въ день. Однимъ словомъ, выше 75 коп. получаютъ только квалифицированные рабочіе, да еще въ большинствѣ случаевъ и какую бы то ни было плату приходится получать не болѣе какъ за 12 дней въ мѣсяцъ. Но и трудъ спеціалистовъ-рабочихъ оплачивается очень дешёво: напр., по доменному цеху—подмастеръ получаетъ 92 к., рабочій—75 к., засыпка—92 к., нагребщикъ—67 к., рудобой—25 к. Машинистъ при машинахъ получаетъ 60 к., при котлахъ—50 к. Шуралямъ платится: при котлахъ 30 к., при печахъ 25 к., при генераторахъ 35 к., будильщику 15 к. Въ кузнечномъ цехѣ—кузнецъ получаетъ 50—60 к., молотобоецъ—30 к. По слесарно-механическому цеху: слесарь и токарь получаетъ 35—60 к. Столяры, плотники и каменщики—отъ 35 до 60 к.

Особое мѣсто среди горнорабочихъ занимаютъ золотопромышленные рабочіе: здѣсь всѣ темныя стороны, всѣ ненормальности извращенныхъ духомъ эксплуатаціи отношеній выступаютъ съ наибольшей рѣзкостью и силой. Работа на пріискахъ—это замкнутый, совершенно обособленный отъ остальной жизни міръ, гдѣ рабочій, подчиняясь особымъ правиламъ, и до настоящаго времени является какъ бы крѣпостнымъ человѣкомъ.

Это тѣмъ болѣе удивительно, что Сибирь не знала крѣпостного права, и въ противоположность коренной Россіи, гдѣ на фабрикахъ и заводахъ примѣнялся подневольный трудъ крѣпостныхъ, поссессіонныхъ или „приписныхъ“ государственныхъ крестьянъ, сибирскіе золотопромышленники должны были съ самаго начала (т. е. съ 20-хъ—30-хъ годовъ XIX ст.) прибѣгать къ вольному найму. Но такъ какъ контингентъ рабочихъ рукъ составлялся изъ ссыльно-поселенцевъ и бѣглыхъ, которые были мало избалованы судьбой, то порядки на пріискахъ установились очень суровые.

Отсюда проистекало то, что, тяготясь тяжелой обстановкой,

значительный % нанявшихся не являлся совсѣмъ или ударялся „въ бѣга“... Золотопромышленники же, вмѣсто того, чтобы удѣлить часть своихъ баснословныхъ барышей на улучшеніе условій жизни для рабочихъ, предпочитали конечно обращаться къ правительству съ проектами о введеніи *принудительнаго труда и въ Сибири*. Такъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ неоднократно дѣлались предложенія о томъ, чтобы прикрѣпить къ золотымъ промысламъ ссыльныхъ поселенцевъ, переселить крѣпостныхъ изъ Европейской Россіи или, по крайней мѣрѣ, образовать изъ поселенцевъ особыя „рабочія команды“ съ воинской дисциплиной и т. д...

Всѣ эти проекты были оставлены безъ послѣдствій, но администрація предоставляла одно время ссыльно-каторжныхъ въ распоряженіе промышленниковъ Якутской и Амурской области,— такъ какъ *подземныя работы*, писалъ генералъ-губернаторъ Синельниковъ, *нисколько не легче здѣсь работы въ рудникахъ*...

Притокъ свободныхъ рукъ изъ внутренней Россіи на пріиски Сибири сталъ замѣчаться очень рано, такъ что всѣ жалобы золотопромышленниковъ на недостатокъ ихъ нужно понимать лишь въ очень условномъ смыслѣ, т. е. съ той оговоркой, что бы образованію постоянныхъ кадровъ золотопромышленныхъ рабочихъ мѣшаютъ здѣсь прежде всего каторжный трудъ и неприглядная жизненная обстановка.

Въ 1834 г. ссыльно-поселенцы составляли 82% всѣхъ сибирскихъ пріисковыхъ рабочихъ, въ 1847 г. на промыслахъ Енисейской губерніи ихъ было только 68%, а въ 1850 г.—53%. Въ 80-хъ годахъ ссыльно-поселенцы составляли уже меньшинство а въ послѣднее время предложеніе труда даже со стороны „полноправныхъ“, если такъ можно выразиться, рабочихъ превышаетъ спросъ. Когда рабочихъ приходилось завербовывать, и притомъ иногда въ мѣстностяхъ отдаленныхъ, то чтобы приманить ихъ промышленники выработали систему выдачи задатка, который простирался отъ 10 до 70 и болѣе рублей. Подъ вліяніемъ наплыва рабочихъ размѣръ задатковъ понижался, а въ настоящее время бываютъ случаи, когда рабочіе сами уже оставляютъ денежный залогъ!

Варварскія условія жизни на пріискахъ лучше всего, пожалуй, характеризуются широкимъ распространеніемъ здѣсь тѣлесныхъ наказаній. Хозяева добивались даже, чтобы за сопротивленіе при-

казчикамъ на промыслахъ рабочихъ судили военнымъ судомъ! Имъ было въ этомъ отказано, но зато на Алтайскихъ и Нерчинскихъ промыслахъ, принадлежащихъ кабинету его величества, мастеровые дѣйствительно подлежали ему, и за первый побѣгъ (а иногда за кражу) военный судъ приговаривалъ ихъ къ наказанію розгами, за второй же побѣгъ и болѣе серьезныя преступленія—къ *шпицрутенамъ отъ 500 до 5.000 ударовъ*, а позднѣе—къ 200 и болѣе ударамъ. „Подобныя ужасныя наказанія,—замѣчаетъ Семевскій,—сплошь и рядомъ бывали лишь медленною и мучительною смертною казнью".

На частныхъ промыслахъ въ первое время приказчики по своему усмотрѣнію подвергали рабочихъ тѣлесному наказанію до 100 ударовъ, но законъ 1838 г. лишилъ ихъ этого права: для сохраненія порядка хозяину дозволялось лишь, раздѣляя рабочихъ на артели, назначать въ каждую изъ нихъ отъ себя старосту, а рабочіе выбирали двухъ предоставителей. Налагать штрафъ или наказывать розгами представлялось лишь этой артельной расправѣ, на отказъ которой хозяинъ впрочемъ могъ жаловаться... *горному исправнику* (состоящему, большей частью, у него же на содержаніи)! Поэтому гарантіей противъ произвола законъ 1838 года рабочимъ служить не могъ, и золотопромышленники,—говоритъ г. Саввиныхъ, самъ принадлежащій къ нимъ,—„въ страшное и темное время 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ не знали себѣ границъ въ жестокостяхъ и деспотизмѣ къ рабочимъ. Сейчасъ хоть и рѣдко, но встрѣчаются на пріискахъ дряхлые старики, жизнь свою пробывшіе на пріискахъ,—эти могикане, служащіе намъ живой лѣтописью давно минувшихъ дней, вынесшіе на своихъ плечахъ весь ужасъ того страшнаго времени, когда на бортахъ разрѣзовъ лежали вороха приготовленныхъ розогъ, когда рабочій не могъ пикнуть безнаказанно даже въ томъ случаѣ, когда онъ въ изнеможеніи не могъ работать".

По уставу 1870 г. партіонныя расправы были сохранены, и горный исправникъ могъ подвергать полноправныхъ рабочихъ тѣлесному наказанію только съ ея согласія; ссыльно же поселенцевъ онъ могъ по-прежнему наказывать собственной властью. Въ контрактахъ золотопромышленниковъ Енисейсгаго округа съ рабочими 70-хъ годовъ, въ противоположность предшествовавшему времени, очень рѣдко встрѣчаются упоминанія о тѣлесномъ наказаніи, но пріисковые правы оставались все-таки очень суровыми, и мѣстные представители полиціи, по просьбѣ владѣльцевъ, жестоко истязали

ссыльно-поселенцевъ, противозаконно доводя число ударовъ до нѣсколькихъ сотъ. Случалось, они не останавливались даже и передъ полноправными рабочими, какъ это напр. продѣлывалось въ Витимской системѣ еще въ 90-хъ годахъ. Правилами 1895 года артельныя расправы уничтожены и о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ нихъ вовсе не упоминается, но *горные исправники сохранили право подвергать имъ ссыльно-поселенцевъ на основаніи особыхъ узаконеній объ этихъ послѣднихъ*. Кулачная расправа не вывелась еще и теперь, и лишь все учащающіеся случаи отпора со стороны рабочихъ, подъ вліяніемъ выросшаго чувства собственнаго достоинства, заставляютъ промышленниковъ казаться болѣе вѣжливыми.

Очень выразительно изображается жизнь пріисковыхъ рабочихъ въ одной пѣснѣ, которая до сихъ поръ распѣвается на золотыхъ пріискахъ.

Мы по собственной охотѣ
Были въ каторжной работѣ
Въ сѣверной тайгѣ.
Тамъ пески мы промывали,
Людямъ золото искали,
Себѣ не нашли.
Пріисковые порядки
Для однихъ хозяевъ сладки,
А для насъ—бѣда!
Какъ исправникъ съ ревизоромъ
По тайгѣ пойдутъ дозоромъ,
Ну, тогда смотри!
Одинъ съ пьяна, другой съ дуру
Такъ отдуплятъ тебѣ шкуру,
Что только держись.
Тамъ не любятъ шутить шутки,
Тамъ работали мы въ сутки
Двадцать два часа!
Щи хлебали съ тухлымъ мясомъ,
Запивали жидкимъ квасомъ—
Мутною водой.
А, бывало хлѣба корка
Станетъ въ горлѣ, какъ распорка
Ничѣмъ не прошибешь.
Много денегъ намъ сулили,
Только мало получили;
Вычетъ одолѣлъ.
Выпьемъ съ горя на остатки,
Поберемъ мы всѣ заплатки—
И опять въ тайгу!..

Мы уже знакомы съ продолжительностью рабочаго времени; перейдемъ теперь къ заработной платѣ. По своему юридическому по-

ложенію рабочіе дѣлятся на *контрактовыхъ и вольныхъ*. Контрактовые нанимаются или при окончаніи работъ т. е. по истеченіи срока предыдущаго договора, или на рынкахъ найма, куда золотопромышленники командируютъ для этой цѣли особыхъ лицъ, или наконецъ являются въ городскія конторы промышленниковъ.

Вольными называются рабочіе, явившіеся на пріиски по личному желанію въ поискахъ за работой, т. е. не заключившіе предварительнаго договора. Они дѣлятся на два разряда: одни получаютъ помѣсячную плату и называются *окладными рабочими*, а другіе работающіе артелью и получающіе сдѣльную плату, называются *отрядными*. Окладные и отрядные рабочіе приходятъ обыкновенно къ началу промыслового сезона, на свой собственный счетъ; такъ какъ въ это время оказывается нужда въ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ, то они нанимаются на условіяхъ, болѣе выгодныхъ, чѣмъ общеконтрактные рабочіе. Дѣло въ томъ, что хотя контракты—въ теоріи—должны охранять интересы обѣихъ сторонъ, но въ дѣйствительности они обыкновенно заключаютъ въ себѣ условія, которыя предоставляютъ рабочимъ только обязанности и почти никакихъ правъ. Но если стремленіе оградить контрактомъ рабочихъ отъ произвола хозяевъ—призрачно, то вытекающія отсюда послѣдствія вполнѣ реальны: рабочіе оказываются какъ бы прикрѣпощенными къ мѣсту и не могутъ оставить работу, если найдутъ выгоднымъ для себя продолжать ее, до окончанія срока найма. Намъ станетъ понятнымъ отсюда, что когда предложеніе труда едва удовлетворяло спросъ, золотопромышленники изъ опасенія ухода рабочихъ съ пріисковъ составляли контракты. Когда же предложеніе превышаетъ спросъ, тогда промышленники, чтобы развязать себѣ вполнѣ руки, предпочитаютъ вольныхъ рабочихъ контрактнымъ [1]). По роду занятій пріисковыхъ рабочихъ можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ: 1) горныхъ работниковъ; 2) мастеровыхъ, куда относятся плотники, кузнецы, слесаря, шорники.

---

1) Кромѣ контрактныхъ и вольныхъ рабочихъ, получающихъ поденную, помѣсячную или сдѣльную плату, есть еще рабочіе, которые работаютъ съ золотника добытаго золота. Они нанимаются частью по контрактамъ, частью „вольно“ и называются „*золотничниками*“. За плату съ золотника работаютъ также окладные и отрядные рабочіе, употребляя для этого свободное отъ работъ время: дни отдыха, праздники, а также нѣсколько часовъ по окончаніи урока. Такимъ путемъ эти рабочіе—*старатели*—стремятся увеличить свой скудный бюджетъ, такъ какъ заработной платы едва хватаетъ на удовлетвореніе насущнѣйшихъ потребностей.

печники и пр.; 3) надворные—конюха, хлѣбопеки, кашевары, прислуга и т. д., и 4) отрядные рабочіе, которые занимаются рубкой и распилкой лѣса, дровъ и перевозкой ихъ. Собственно горными работами бываетъ занято отъ 40 до 60% общаго числа рабочихъ; напр., въ 1889 г. изъ 1160 общеконтрактныхъ рабочихъ Мариинскаго округа только на горныя работы употребляется половина т. е. 580 человѣкъ, причемъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: $^1/_3$ забойщиковъ, $^1/_3$ возчиковъ и $^1/_3$ состоящихъ при машинахъ, отвальщиковъ, галечниковъ и машинистовъ.

Какъ правило, золотопромышленные рабочіе живутъ на хозяйскомъ содержаніи. Вопросъ о продовольствіи рабочихъ на пріискахъ потому пріобрѣтаетъ особую остроту, что перейти на свое содержаніе рабочимъ очень затруднительно, такъ какъ провизія отпускается изъ хозяйскихъ лавокъ, въ силу монополіи, по очень высокимъ цѣнамъ.

Въ заключаемыхъ съ рабочими контрактахъ о пищѣ обыкновенно или ничего не говорится, или упоминается лишь вскользь, при томъ настолько неопредѣленно, что можно придавать сказанному какое угодно толкованіе, и ужъ, конечно, не въ пользу рабочихъ. По причинѣ плохой пищи между рабочими и администраціей происходятъ иногда столкновенія, послѣ чего наступаетъ временное улучшеніе пищи, но какъ только страсти улягутся, все вступаетъ въ прежнюю колею. Не говоря уже о недостаточности или однообразіи пищи, на пріискахъ время отъ времени постоянно повторяются случаи, когда пускаются въ дѣло совершенно недоброкачественные продукты. Въ виду этого въ отличіе отъ законовъ 1838 и 1870 гг., первый иркутскій проектъ (1887 г.) правилъ найма рабочихъ на золотые промыслы вноситъ попытку урегулировать пищевое довольствіе рабочихъ.

„Ежедневная выдача рабочему, говорится тамъ, [1]) не должна быть менѣе слѣдующаго количества: 4 фунта печенаго хлѣба, $1^1/_2$ ф. свѣжаго мяса, $^1/_2$ ф. крупы, $^1/_{16}$ ф. коровьяго мяса, $^1/_8$ ф. соли, $3^1/_2$ з. кирпичнаго чая“. Этотъ пунктъ вызвалъ многочисленныя возраженія, и нѣкоторые томскіе и енисейскіе золотопромышленники отнеслись къ нему съ крайнимъ озлобленіемъ. „Установляемая регламентація въ выдачѣ пищевого довольствія, писалъ изъ Томска г. Иваницкій, ни въ какомъ за-

[1]) Семевскій. Рабочіе на Сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. т. II, 1898 г., 747 стр.

конодательствѣ не существуетъ... Назначеніе размѣра продовольствія составляетъ... насильственное вторженіе законодательства въ экономическія условія производства и не можетъ привести къ благопріятнымъ для промысла результатамъ, во-первыхъ, потому, что не вызывается рѣшительно никакою необходимостью и, во вторыхъ, искусственное вздорожаніе продовольствія въ размѣрѣ, непосильномъ (?!) для большей части пріисковъ, на первый разъ уменьшитъ требованія въ рабочихъ, а затѣмъ равновѣсіе возстановится черезъ уменьшеніе заработной платы“ [1]).

Конечно, намъ кажутся нелѣпыми и смѣшными всѣ эти благожелательныя бюрократическія затѣи—разрѣшить продовольственный вопросъ путемъ предписаній, издаваемыхъ административнымъ или законодательнымъ порядкомъ (подобные циркуляры неоднократно издавались генералъ-губернаторами Восточн. Сибири).

Задача экономической политики заключается въ томъ, чтобы поставить рабочій классъ на ноги, чтобы онъ самъ могъ защищать свои интересы. Тогда уже каждый рабочій самъ опредѣлитъ, что ему ѣсть, въ какомъ количествѣ и въ какомъ видѣ...

Но столь же нелѣпыми и еще вдобавокъ лицемѣрными являются возраженія на этотъ проектъ со стороны золотопромышленниковъ, ссылающихся на то, что назначеніе размѣра продовольствія „ни въ какомъ законодательствѣ не существуетъ и составляетъ насильственное вторженіе въ экономическія условія производства“... Неужели они не знаютъ, что монопольная продажа предпринимателями съѣстныхъ припасовъ и другихъ товаровъ рабочимъ точно также представляетъ явленіе, нигдѣ уже болѣе не встрѣчающееся?.. Далѣе, организаціи тѣхъ же, напр., золотопромышленниковъ у насъ разрѣшаются, а стачки, соглашенія и союзы рабочихъ подавляются... Развѣ это допускается какимъ-нибудь

---

[1]) Другой идеологъ, съ позволенія сказать, золотопромышленности горн. инж. В. Кулибинъ, старался доказать невозможность требованій, поставленныхъ иркутскимъ проектомъ, высчитываетъ, какой % вѣса рабочаго составляетъ опредѣленный ему паекъ, сравниваетъ его съ размѣромъ фуража, получаемаго *лошадью*, и выражаетъ опасеніе, что рабочіе избалуются отъ хорошей пищи. Даже болѣе: „Сколько катарровъ, ипохондрій, а вслѣдствіе того и преступленій происходитъ отъ переѣденія... мѣра необходима во всемъ“, прибавляетъ Кулибинъ. Дѣйствительно, мѣра необходима во всемъ... даже или, вѣрнѣе, въ особенности—въ безстыдствѣ!

Катарры и ипохондріи отъ *переѣденія* среди рабочихъ что-то не приходится наблюдать, а вотъ среди золотопромышленниковъ и у инженеровъ, дѣйствительно, встрѣчаются.

законодательствомъ другихъ культурныхъ странъ? И развѣ это усиленіе сильнѣйшаго и ослабленіе слабѣйшаго не составляетъ „насильственнаго вторженія въ экономическія условія производства?...“

Но обратимся къ заработной платѣ.

При *поурочной* работѣ, по отчетамъ окружн. инженера Томскаго горнаго округа за 1889—1890 гг., плата равняется съ 1 октября по 1 марта—въ будни 30 коп., въ праздники 45 коп., съ 1 марта по 1 мая—въ будни 40 коп., а въ праздники 60 к., съ 1 мая по 1 окт. на торфахъ въ будни 60 к. и въ праздн. 90 к., на пескахъ—въ будни 60—65 к., а въ праздники 1 р. 5 к.—1 р. 20 к. Въ зимнее время обыкновенно, а нерѣдко и лѣтомъ, вознагражденіе за исполненіе хозяйскаго урока горнорабочіе получаютъ въ видѣ мѣсячнаго жалованья. На нѣкоторыхъ пріискахъ и лѣтомъ горные рабочіе получали мѣсячное жалованье, напр., въ 1888—89 гг. отъ 10 до 23—25 р., въ 1891 г. отъ 12 до 23 р. на хозяйскомъ, какъ всегда, содержаніи. Мастеровые какъ раньше, такъ и теперь получаютъ мѣсячное жалованье.

Ва Енисейскомъ округѣ въ 60-хъ годахъ мѣсячное вознагражденіе для горныхъ рабочихъ было въ обычаѣ лишь въ зимнюю операцію. Но послѣ того, какъ прежнія „старательскія“ работы окончательно слились съ „хозяйскими“, эта форма вознагражденія стала обычной и въ лѣтній сезонъ. Вознагражденіе съ сажени добытаго торфа или добытаго и промытаго песка стало менѣе распространеннымъ. Въ Южно-Енисейскомъ округѣ, по отчету горнаго исправника за 1880 г., чернорабочіе (т. е. горнорабочіе) получали зимою 6—9 р. въ мѣсяцъ, а лѣтомъ, т. е. со времени промывки, 9—24 р.; по отчетамъ 1883—85 г., зимою—7—14 р., а лѣтомъ за 30 будничъ дней отъ 15 до 25 р., а въ праздничные дни—повышенную плату отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ день. По отчету 1888 г., чернорабочіе получали зимою 6—10 р., лѣтомъ 12—22 р.; по отчету 1889 г., зимою—8—10 р., лѣтомъ 15—22 р., а по отчету 1890 г., средняя заработная плата чернорабочихъ зимою—8—10 р., лѣтомъ 18—22 р.

Мѣстный золотопромышленникъ г. Саввиныхъ, сравнивая вознагражденіе за трудъ въ 50-ыхъ и 80-ыхъ годахъ, говоритъ: „какъ могъ быть довольнымъ своимъ положеніемъ въ то время (въ первой половинѣ 50-ыхъ гг.) рабочій на пріискахъ, когда

онъ получалъ зимой и лѣтомъ плату отъ 3 до 4 р. 50 к., въ мѣсяцъ? Есть ли что-нибудь схожее въ положеніи прежняго рабочаго съ положеніемъ нынѣшняго, получающаго въ мѣсяцъ зимою отъ 9 до 15 р. и лѣтомъ отъ 18 до 34 р.?" Но дѣло въ томъ, что прежнее жалованье въ 3—4 р. 50 к. въ мѣсяцъ представляло лишь вознагражденіе за такъ назыв. хозяйскую или урочную работу; дополненіемъ къ нему служила плата за старательскій трудъ; а жалованье, указываемое г. Саввиныхъ для конца 80-хъ годовъ и притомъ преувеличенное, заключаетъ въ себѣ и прежнюю старательскую плату.

По уставу о золотопромышленности 1870 г. прежній обязательный срокъ окончанія промывки золота былъ уничтоженъ. Продолжительность операціи, т. е. количество рабочихъ дней должно было увеличиться, и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду, когда говорятъ о возвышеніи заработной платы.

Средній годовой заработокъ главнѣйшихъ золотопромышленныхъ компаній Южно-Енисейской системы за 1860—1863 гг. В. Семевскій, на основаніи имѣющихся данныхъ, выводитъ въ 80 р.; между тѣмъ для всѣхъ промысловъ Южно-Енисейской системы въ 1883—85 гг. этотъ средній заработокъ равнялся 146 р., т. е. увеличился на 80%. Однако заключать отсюда объ увеличеніи вознагражденія за трудъ, по расчету напр. за день, за часъ—было бы очень необдуманно!

На пріискахъ Олекминскаго округа плата за горныя работы была преимущественно поурочная, т. е. за исполненіе извѣстнаго урока въ день. Лишь въ немногихъ договорахъ встрѣчается зимой поденная плата на торфахъ въ будни 15—20 к., въ праздники 50—60 к.; обыкновенно же зимой и лѣтомъ полагается поурочная плата,—или одинаковая въ будни и праздники, или въ праздники повышенная. Въ первомъ случаѣ, плата за исполненіе урока въ день равнялась 50—90 к.; во второмъ случаѣ рабочій получалъ въ будни 50 к.—1 р. 20 к., а въ праздники отъ 1 р. до 2 р. 10 к. При добычѣ песковъ изъ открытыхъ разрѣзовъ плата за исполненіе урока колебалась отъ 60 к. до 90 к. на каждаго рабочаго въ случаѣ, если она была одинаковая для будней и для праздниковъ; въ противномъ же случаѣ—платилось въ будни отъ 52 к. до 1 р. 10 к., а въ праздники отъ 1 р. до 2 р. 20 к.

Мѣсячное жалованіе мастеровыхъ и разночинцевъ въ 70-ыхъ годахъ колебалось для взрослыхъ рабочихъ мужск. пола между

6 и 30 р,. а лѣтомъ—между 15 и 40 р.; въ 80-хъ годахъ оно равнялось зимою 9—40 р., а лѣтомъ 15—50 р.

Что касается пріисковъ Амурской области, то на промыслахъ, напр., Верхне-Амурской К° средній заработокъ въ день вмѣстѣ съ подъемнымъ и старательскимъ золотомъ (на хозяйскихъ харчахъ) равнялся въ 1880 г.—1 р. 3 к., въ 1881—84 гг.—1 р. 12 к.—1 р. 29 к. Въ Ниманской К° въ 1877 г.—68 к., въ 1878—79 гг.—83 к., въ 1880—81 гг.—91 к., а затѣмъ съ увеличеніемъ уроковъ заработокъ увеличился и въ 1882—86 гг. равнялся 1 р. 9 к.—1 р. 31 к. Въ Зейскихъ К° К° въ 1888 г. 96 к., въ 90-хъ годахъ—въ среднемъ 1 р. 31 к.; но въ другихъ компаніяхъ заработки были ниже и падали въ 1885—86 гг. на пріискахъ Бутиныхъ до 81 к., Тетюкова до 68—69 к. въ день.

При вычисленіи размѣра заработка нужно принять во вниманіе, что работы на золотыхъ пріискахъ ведутся главнымъ образомъ лѣтомъ, т. е. съ апрѣля по октябрь, и лишь въ немногихъ случаяхъ онѣ продолжаются и зимой, т. е. ведутся круглый годъ.

Такъ, на промыслахъ всего Томскаго горнаго округа на *весь* годъ въ 1889 г. оставалось 19%, а въ 1890 г. 14% *мѣстнаго пріискового населенія*. Въ Сѣверно-Енисейскомъ округѣ *рабочіе, пробывшіе на промыслахъ весь годъ*, составляли въ 1881 г. лишь 8% всего числа рабочихъ, а въ 1888 г., по отчету окружнаго инженера, еще менѣе—5%. Напротивъ того, въ Южно-Енисейскомъ округѣ, благодаря болѣе мягкому климату и большему распространенію ортовыхъ и шахтовыхъ (т. е. подземныхъ) работъ, они составляли, по отчетамъ горныхъ исправниковъ, въ 1883 г.—35%, въ 1884 г.—33% и въ 1885 г.—34%.

Въ Олекминскомъ округѣ ортовыя и шахтовыя работы очень распространены, и въ 1883 г. изъ 47 дѣйствовавшихъ промысловъ онѣ производились на 20. Въ 1896 г. $^5/_6$ всего золота было добыто здѣсь подземными работами. Въ Амурской области подземныя работы мало распространены, и большинство рабочихъ остаются лишь на лѣто, т. е. 4—6 мѣсяцевъ.

Благодаря тому, что работа въ теченіе круглаго года является удѣломъ меньшинства, средній заработокъ рабочихъ на золотыхъ пріискахъ незначителенъ. По отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири, въ 1885 г. рабочіе мужск. пола получали *годовой* платы въ сложности, кромѣ безплатныхъ помѣщенія и продовольствія, въ Маріинскомъ и Алтайскомъ округахъ до 180 р. Въ сѣверной части Енисейскаго округа средній годовой заработокъ за 9 лѣтъ съ 1881 по 1889 г. В. Семевскій опредѣляетъ въ 118 р., а въ южной части—за 3 года съ 1883 по 1885 г.—въ 146 р. Въ Олекминскомъ округѣ по отчетамъ

горныхъ исправниковъ средній заработокъ равнялся: въ 1885 г.—189 р., въ 1887 г.—195 р., въ 1888 г.—161 и въ 1889 г.—187 р. Наконецъ, на амурскихъ промыслахъ средній заработокъ равнялся въ 1885 г.—245 р., въ 1886 г.—233 р.

„По расчетнымъ листкамъ рабочихъ (Олекминск. округа),—говоритъ въ своемъ донесеніи генералъ-губернатору г. Калагеорги въ 1882 г.—видно, что сравнительно незначительное число ихъ зарабатываетъ 300 р. въ годъ, большинство же около 200 р. Сумма эта, при полномъ хозяйскомъ содержаніи, можетъ показаться и не особенно малой, но, принимая во вниманіе расходы рабочихъ на дорогу, на одежду и обувь, на улучшеніе своей пищи и на уплату податей по произвольному требованію волостного начальства, нельзя признать заработокъ въ 300 р. достаточнымъ“.

Разстоянія, которыя приходится преодолѣвать рабочимъ—съ мѣста жительства до пріисковъ—дѣйствительно очень серьезны: они измѣряются 300—500 верстъ въ Енисейской г., а для сѣверной ея части—500—1.000 верстъ! Если работы на пріискахъ начинаются въ первыхъ числахъ апрѣля, то рабочіе должны явиться въ опредѣленные при наймѣ сборные пункты еще въ половинѣ февраля. Въ пути до сборнаго пункта и отсюда до пріиска они проводятъ мѣсяцъ и болѣе, но заработной платы за это время не получаютъ.

Отъ Иркутска до Бодайбинской резиденціи (Олекминск. окр.)—1.700 верстъ, да еще до пріиска нѣсколько десятковъ, а то и болѣе сотни верстъ; если же рабочій шелъ, напр., изъ Томской губ., то ему приходилось путешествовать и болѣе 3.000 верстъ!

Рабочіе, нанятые для Верхне-Амурской К° въ Забайкальской области, слѣдуютъ въ мартѣ и апрѣлѣ до Срѣтенска, затѣмъ продолжаютъ путь на пароходахъ К° до Благовѣщенска и далѣе вверхъ по Зеѣ до Зейской пристани или Дамбукинскаго склада (650 и 740 в.), откуда уже слѣдуютъ на пріиски пѣшкомъ: отъ пристани 140 и отъ склада около 35 верстъ. Рабочіе для Ниманскихъ пріисковъ нанимаются въ Благовѣщенскѣ; нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ на лошадяхъ до деревни Бахиревой (200 верстъ отъ Благовѣщенска), а затѣмъ 450 в. идутъ пѣшкомъ до пріисковъ по льду р. Буреи и около 100 верстъ тайгою; другіе дѣлаютъ весь путь пѣшкомъ...

Изъ Сибирской тайги перенесемся теперь на югъ Россіи, центръ каменноугольной и металлургической промышленности. Изъ какихъ элементовъ слагалось рабочее населеніе въ этомъ пустын-

номъ еще недавно краѣ?—Тяжелыя и непривычныя условія труда въ подземельи, естественно, не могли привлекать хорошихъ рабочихъ, а потому неудивительно, что въ числѣ первыхъ рабочихъ на рудникахъ значительный % составляли бѣглые и безпаспортные, издавна находившіе себѣ пріютъ въ Новороссіи. Они-то, можно сказать, и составили ядро горнорабочихъ южной Россіи.

Постепенно, съ увеличеніемъ числа рудниковъ и ихъ развитіемъ начали появляться новые элементы, въ видѣ крестьянъ изъ захудалыхъ уѣздовъ разныхъ губерній. Но рабочіе эти появлялись уже съ паспортомъ и, слѣдовательно, на законномъ положеніи.

Появилась ряда, опредѣленное жалованье, и срочный расчетъ, разъ или много два-три раза въ годъ. Одно удерживалось всего дольше—это выдача въ счетъ жалованья, вмѣсто денегъ, товара.

Распроклятая жизнь шахтера!
День и ночь мы работаемъ,
Ровно въ каторгѣ сидимъ.
День и ночь мы со свѣчами
Смерть таскаемъ за плечами.

Такъ поется въ одной рабочей пѣснѣ на югѣ, и неудивительно,—при взглядѣ рабочихъ на свой трудъ, какъ на каторжный,—что недостатокъ постоянныхъ и опытныхъ рукъ является здѣсь хроническимъ зломъ. Въ виду этого нѣкоторые шахтовладѣльцы напали на мысль о выпискѣ постоянныхъ рабочихъ изъ-за границы, причемъ, конечно, расписали грушевскіе рудники въ самомъ розовомъ свѣтѣ: хлѣбъ, мясо, овощи были выставлены по самымъ дешевымъ цѣнамъ, обѣщаны просторныя каменныя помѣщенія—отдѣльно для женатыхъ и холостыхъ—и плата назначена по 3 коп. съ выработаннаго пуда угля... Около 1.000 человѣкъ горнорабочихъ изъ Пруссіи соблазнились рекламою и въ іюнѣ 1860 г. явились въ г. Новочеркаскъ. Уже здѣсь на нихъ напало сомнѣніе, при первомъ знакомствѣ съ пустынымъ краемъ—мясо стоило 10 коп. фунтъ, а овощей нельзя было достать и за дорогую цѣну... Когда же прибыли они въ Грушевку и увидѣли грязныя землянки мѣстныхъ рабочихъ, увидѣли мѣстность, лишенную на пространствѣ десятковъ верстъ какой бы то ни было растительности; когда, наконецъ, имъ пришлось начать работу своими инструментами, приспособленными къ мягкому каменному углю, а не твердому антрациту—тогда... заграничные пришельцы потребовали возвращенія на родину!

Вслѣдствіе ихъ жалобъ прусское правительство выхлопотало имъ возвращеніе, и только человѣкъ 30 осталось на шахтахъ... Въ 1869 г. рабочія руки на югѣ Россіи вздорожали такъ сильно, что въ Петербургъ было сдѣлано даже предложеніе примѣнить къ добычѣ каменнаго угля ссыльно-каторжныхъ. На VI съѣздѣ въ 1881 г. углепромышленниковъ юга Россіи — углепромышленникъ и инженеръ Даниловъ убѣждалъ собраніе, что въ настоящее время есть единственный способъ обезпечить угольныя работы рабочими; это — размѣщеніе въ центрѣ копей... арестантовъ.

Не согласившись съ этимъ, VI съѣздъ однако постановилъ ходатайствовать о переселеніи на рудники крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, и по 9 пункту ихъ ходатайства переселенцы обязывались въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ служить у владѣльца, ихъ переселившаго, по цѣнѣ, опредѣленной условіями, а если оставятъ новое мѣстожительство, то обязаны въ теченіе 5 лѣтъ платить удвоенную плату...

Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, т. е. недостатка и дороговизны рабочихъ, осенью 1899 г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія Саломонъ предложилъ углепромышленникамъ предоставить въ ихъ распоряженіе 10.000 арестантовъ. Цѣль, которую съ своей стороны преслѣдовало при этомъ главное тюремное управленіе, заключалась въ томъ, чтобы „компенсировать проектируемую въ будущемъ отмѣну ссылки въ Сибирь распредѣленіемъ ссыльныхъ въ другихъ районахъ государства“. Работы на каменно-угольныхъ копяхъ, дѣйствительно, могли бы служить хорошей компенсаціей отмѣны ссылка въ Сибирь, но углепромышленники сочли неудобнымъ столь очевидное приравненіе своихъ предпріятій къ „мѣстамъ не столь отдаленнымъ“ и отклонили предложеніе тюремнаго управленія на томъ основаніи, что развитіе продуктивности труда можетъ происходить лишь при свободѣ его.

Нѣтъ нужды, конечно, доказывать справедливость этой точки зрѣнія. Но въ 1900 г., въ виду рабочаго кризиса г. Штейнфельдъ вновь сталъ предлагать привлечь изъ внутреннихъ губерній „часть голодающаго населенія, какъ недорогихъ рабочихъ, въ промышленные центры“. Это бы еще ничего. „Необходимо только,—продолжалъ Штейнфельдъ,—чтобы мѣры эти (т. е. мѣры привлеченія рабочихъ) были рѣшительно проводимы въ жизнь, а гдѣ нужно, не останавливались бы даже передъ принужденіемъ, потому что этого одновременно требуютъ интересы промышленности, общества и самихъ принуждаемыхъ!“.

Не такъ ужъ, очевидно, сладко жить и работать въ копяхъ, если даже голодающихъ нужно водворять туда силой!

Какъ видно отсюда, обѣ стороны соперничали другъ передъ другомъ въ изобрѣтательности! Имъ и въ голову не приходила серьезно мысль, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ привлеченія и удержанія на мѣстѣ достаточнаго контингента опытныхъ рабочихъ является улучшеніе условій труда, сокращеніе рабочаго дня и повышеніе заработка...

Въ этомъ направленіи творчество оффиціальныхъ сферъ было и остается очень скуднымъ. И не мудрено: это было еще то время, когда рабочій классъ молчалъ, страдалъ и ждалъ своей поры!..

Общія условія работъ на Славяно-сербскихъ и Міусскихъ шахтахъ, читаемъ мы въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославск. губ., [1]) одинаковы съ условіями на бахмутскихъ рудникахъ: тѣ же двѣнадцати-часовыя (поденныя и ночныя) смѣны рабочихъ, то же время на ѣду, безъ отдыха послѣ обѣда, тотъ же порядокъ пользованія инструментами отъ рудниковъ, тѣ же артели общежитія, для удешевленія „харчей“ помѣщающіяся въ казармахъ, гдѣ, какъ и въ Бахмутск. уѣздѣ, рабочіе спятъ на нарахъ. Только кое-гдѣ въ лампахъ рабочихъ горитъ не масло, а рыбій жиръ, но отъ этого воздухъ въ подземельяхъ чище не бываетъ. Для постоянныхъ работъ шахтовладѣльцы нанимаютъ *артели*, составляющіяся изъ рабочихъ, приходящихъ изъ великорусскихъ губерній. Эти артели нанимаются съ *залогомъ* въ исправности работъ; кромѣ того администраціи рудниковъ и потому еще дорожатъ артелями, что разсчитываются съ ними не деньгами, а марками, которыя мѣстные торговцы принимаютъ за отпускаемые рабочимъ товары со скидкой извѣстнаго % съ суммы, обозначенной въ маркахъ. Мѣстные рабочіе изъ Бахмутскаго у. не составляютъ артелей по непривычкѣ къ артельнымъ работамъ, неимѣнію средствъ на залогъ въ обезпеченіе аккуратности и своевременности въ исполненіи работъ и, наконецъ, потому еще, что въ лѣтнее время большинство изъ нихъ уходитъ домой на полевыя работы и, стало быть, не можетъ обязываться постоянною работою на рудникахъ. Въ виду всего этого мѣстные крестьяне земледѣльцы нанимаются на шахты лишь временно и по-одиночкѣ, требуютъ аккуратной расплаты деньгами, а не марками; поэтому

[1]) Т. II. Бахмутскій уѣздъ, 1886 г., 327 стр.

они являются для рудниковъ менѣе выгодными, нежели великорусскіе артельные рабочіе, принимаются на работы менѣе охотно и по болѣе низкой цѣнѣ, причемъ нерѣдко оттягивается выдача заработка. Обыкновенная плата на хозяйскихъ харчахъ: при урочной работѣ 12 р. въ мѣсяцъ или 50 коп. въ день, при задѣльной— 1 р. отъ аршина выбитаго угля. Но вслѣдствіе объясненныхъ неблагопріятныхъ для мѣстныхъ рабочихъ условій, многіе изъ нихъ нанимаются по нуждѣ и за болѣе низкія цѣны: на своемъ продовольствіи помѣсячно 8—12 р., поденно 40—50 коп., издѣльно 7—8 (лѣтомъ 10) рублей за одну куб. саж. угля, вынутую на поверхность. На рудникахъ Міусскаго округа гг. Иловайскаго, Юза, Рыковскаго и др. работаютъ, главнымъ образомъ изъ Скотоводской и Авдѣевской волостей, съ Покрова до Пасхи, и до Троицы. О заработной платѣ можно судить по даннымъ, собраннымъ отъ работавшихъ на рудникѣ Иловайскаго. Помѣсячно получаютъ отъ подрядчика:

	На хозяйск. продовольствіи.	На своемъ продовольствіи.
Забойщики.	12—15 р.	17—20 р.
Саночники.	8—10 „	13—15 „
Вагонщики	10—12 „	15—17 „

При мѣсячной работѣ полагается урокъ: забойщику вырубить въ упряжку пластъ $^1/_2$ арш. въ длину и ширину, въ 2 арш. толщиною, а саночнику и вагонщику—прибрать уголь, т. е. доставить къ стволу. Издѣльная плата забойщикамъ—отъ аршина 50—60 коп.

Большая часть рабочихъ на хозяйскомъ содержаніи, на своемъ же только тѣ немногіе, которые находятся на шахтахъ болѣе продолжительное время. Цѣны продуктамъ тѣ же, что и въ Бахмутскомъ уѣздѣ, а стало быть, и расходы рабочихъ одинаковы: свои харчи съ чаемъ, сахаромъ и табакомъ обходятся не дешевле $8^1/_2$ р. на человѣка въ мѣсяцъ. Хотя подрядчиковы харчи (безъ чаю, сахару и табаку) оцѣниваются дешевле на 2 р., но зато и рабочіе пользующіеся ими, живутъ постоянно впроголодь, питаясь недостаточной и крайне неудовлетворительной въ качественномъ отношеніи пищей.

Обратимся теперь къ другимъ категоріямъ рабочихъ. Работы по добычѣ каменнаго угля ведутся *хозяйственнымъ и подрядными* способами.

Главная часть горнорабочихъ вообще на всѣхъ шахтахъ нанимается по одиночкѣ, причемъ каждый рабочій самостоятельно получаетъ свой заработокъ по расчету поденной, мѣсячной или задѣльной платы, и только меньшинство состоитъ изъ артельныхъ рабочихъ, которые нанимаются черезъ выборнаго артельщика („старосту"), черезъ него ведутъ расчетъ съ конторой или подрядчикомъ и дѣлятъ заработокъ поровну или соотвѣтственно числу „упряжекъ", количеству и свойству произведенной работы. Артели составляются для подземныхъ и, отдѣльно, для наружныхъ работъ и состоятъ изъ 3—15 человѣкъ каждая.

Такимъ образомъ, заработная плата горнорабочихъ измѣняется сообразно съ системой оплаты труда (поденная, мѣсячная или издѣльная) и въ зависимости отъ того, ведутся ли работы хозяйственнымъ или подряднымъ способомъ, артелями или въ одиночку нанимающимися рабочими.

Первоначально уголь отбивается *забойщикомъ*; затѣмъ его доставляютъ ползкомъ, на тачкахъ, къ продольнымъ штрекамъ *саночники*; отсюда уголь отвозится въ вагончикахъ рабочими—вагонщиками—или лошадьми (рабочіе *конюхи* или *коноводы*) къ стволу; здѣсь *стволовые* ставятъ его на клѣтки или высыпаютъ въ бадьи и поднимаютъ на верхъ, гдѣ уголь принимаютъ и откатываютъ для ссыпки *верховые*. Послѣдняя работа по добычѣ угля—очистка его отъ „глея".

Глевщиками обыкновенно бываютъ мальчики, которые иногда нанимаются и для чистки котловъ, получая по 30—40 коп. въ день, а взрослые 70—80 коп.

Приводимъ здѣсь таблицу, показывающую размѣръ годового заработка для разныхъ категорій рабочихъ въ крупно-капиталистическомъ предпріятіи.

РАБОЧІЕ.	Число рабочихъ.	Общая сумма заработка.	Приходится на 1 рабочаго.
Глеевщики	19	3.012 р.	159 р.
Саночники	206	40.580 „	197 „
Разные рабочіе — отчасти стволовые и верховые . . .	161	33.908 „	211 „
Молотобойцы. . . .	11	2.476 „	225 „
Вагонщики	272	61.806 „	227 „

РАБОЧІЕ.	Число рабочихъ.	Общая сумма заработка.	Приходится на 1 рабочаго.
Стволовые и верховые.	50	11.466 р.	229 р.
Крѣпильщики и бутчики	78	17.855 „	229 „
Кочегары.	29	6.677 „	230 „
Забойщики	940	235.549 „	251 „
Итого . .	1.766	413.329 р.	234 р.

МАСТЕРОВЫЕ.			
Плотники.	81	23.431 р.	289 р.
Слесаря	20	7.038 „	352 „
Кузнецы	23	8.115 „	353 „
Машинисты	33	12.721 „	386 „
Итого . .	157	51.305 р.	327 р.

СЛУЖАЩІЕ.			
Штейгера.	28	12.420 р.	444 р.
Вѣсовщики, кладовщики, десятскіе, конторщики и т. д.	61	27.512 „	451 „
Итого . .	89	39.932 р.	449 р.

АДМИНИСТРАЦІЯ.			
Директора, управляющіе, инженеры, кассиры, чертежники .	23	34.440 р.	1.497 р.

Какъ видно отсюда, годовой заработокъ рудничнаго *рабочаго* несравненно выше заработка сельскохозяйственнаго рабочаго, хотя несравненно же ниже заработка *служащихъ* на рудникахъ.

Уклоненія отъ выведенныхъ среднихъ величинъ заработной платы, особенно въ сторону пониженія, довольно значительны, вслѣдствіе временныхъ пріостановокъ работъ, (по случаю заваловъ, залитія шахтъ водою и др.) вычетовъ и штрафовъ за время болѣзни и за прогулы и другихъ, болѣе случайныхъ причинъ. Кромѣ того, на мелкихъ шахтахъ рабочая плата вообще ниже, чѣмъ на большихъ рудникахъ и притомъ чаще всего производится не издѣльно, а помѣсячно и отъ упряжки. Тамъ забойщики получаютъ отъ 12 до 20 р., саночники 8—12 р., вагонщики 12—15 р., верховые и стволовые по 12 р., погонцы 3—6 р. въ мѣсяцъ, на *хозяйскихъ харчахъ*, стоимость которыхъ 20 к. въ день, такъ что даже и съ ними мѣсячный заработокъ взрослаго рабочаго составляетъ: зимою отъ 14 до 18 р., лѣтомъ отъ 18 до 26 р., стало быть, въ среднемъ вообще не болѣе 19 р. въ мѣсяцъ, а подростка—около 9 р.

Одинокіе рабочіе живутъ и продовольствуются артелями, а семейные отдѣльно. Мѣсячный расходъ артельнаго рабочаго на продовольствіе колеблется между 8 и 11 руб., а семейнаго 4—5 руб. на душу. На основаніи записей дѣйствительныхъ расходовъ артельныхъ рабочихъ минимальная трата на продовольствіе одного человѣка въ мѣсяцъ опредѣляется въ 8 руб. 20 коп. Кромѣ того—чай $^1/_2$ ф. 50 коп.; сахаръ—3—4 ф. 74 коп., табакъ $^1/_2$ ф.—12 коп., освѣщеніе 6 коп. Такимъ образомъ средній расходъ въ мѣсяцъ на продовольствіе и освѣщеніе жилища 9 руб. 62 коп. Затѣмъ расходъ на инструменты и на масло въ лампу при подземныхъ работахъ и ночью на поверхности опредѣлится въ 2—3 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ на одежду, обувь, бѣлье и уплату податей у рабочихъ—одиночекъ или малосемейныхъ остается, и то не у всякаго, не болѣе 7—8 руб. въ мѣсяцъ: у нѣкоторыхъ получаемой за трудъ платы хватаетъ лишь на прокормленіе себя и семьи и на покупку и ремонтъ инструментовъ, а у другихъ заработокъ не покрываетъ и этихъ крайне ограниченныхъ расходовъ.

Подобныя же цифры заработка приводитъ и Верещинскій [1]), бывшій управляющимъ на одномъ изъ крупныхъ рудниковъ области войска Донского. Забойщикъ получаетъ отъ 2 р. 50 к. до 4 р. 50 к. за погонную сажень; въ среднемъ болѣе 5—6 четвертей даже хорошій опытный работникъ выработать въ смѣну не можетъ; обыкновенно вырабатываетъ отъ $3^1/_2$ до 4 четвертей. Саночники зарабатываютъ отъ 80 коп. до 1 руб.; вагонщики 1 руб.—1 руб.

---

[1]) Верещинскій. Рабочій шахтеръ въ Донецкомъ бассейнѣ, 1892 г.

10 коп.; стволовые и верховые—90 коп.—1 руб. 10 коп. Это за 12 часовой трудъ. Въ среднемъ у трудолюбивыхъ заработокъ *не превышаетъ 25 руб. въ мѣсяцъ; обыкновенно же отъ 18 до 20 руб.*

Что же удивительнаго, поэтому, что рабочіе бѣгутъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ?!

...„Что можетъ сдѣлать управленіе рудника для людей, для которыхъ рудникъ представляетъ собою часто лишь какой-то постоялый дворъ на ихъ пути вѣчнаго шатанья съ мѣста на мѣсто, на которомъ они задерживаются на болѣе или менѣе короткое, но всегда не продолжительное время“,—такъ восклицаетъ на XII съѣздѣ (въ 1887 г.) горнопромышленниковъ юга Россіи инженеръ Завадскій въ объясненіе печальнаго положенія быта рабочихъ.

Нашимъ горнопромышленникамъ, повидимому, никакъ не можетъ прійти въ голову мысль, что именно каторжныя условія труда въ рудникахъ и копяхъ и низкая оплата его заставляютъ рабочаго предпочитать кочующій образъ жизни осѣдлому!

Что касается металлургической промышленности, то земское статистическое изслѣдованіе половины 80-хъ годовъ коснулось только Юзовскаго завода. При обыкновенномъ теченіи дѣлъ заводъ обходится наличными рабочими силами и приходящими изъ селеній Бахмутскаго уѣзда, при чрезвычайномъ же поступленіи заказовъ въ прежнее время приходилось посылать агентовъ для найма недостающаго числа рабочихъ въ Харьковской, Воронежской и Черниговской губерніи. Въ послѣдніе годы нерѣдко бываетъ, что размѣры заказовъ не только не требуютъ добавленія рабочихъ силъ со стороны, но не занимаютъ всего времени и у наличныхъ рабочихъ. Такъ было, напр., зимою 1883—4 гг., когда вальцовщики вмѣсто полнаго мѣсячнаго заработка въ 25—30 р., могли заработать лишь 7—10 р. въ мѣсяцъ, а иные не болѣе 3 р. Нѣкоторые кочегары и простые рабочіе на заводѣ по той же причинѣ вовсе не имѣли работы и всю зиму проживали въ долгъ, который и должны были выплачивать изъ лѣтняго заработка.

Заводскія работы производятся днемъ и ночью; дневная смѣна рабочихъ становится на мѣсто въ 6 ч. утра и уступаетъ его ночной смѣнѣ въ 6 ч. вечера. На завтракъ рабочимъ полагается $^1/_2$ часа и на обѣдъ часъ.

Мастера, мастеровые и рабочіе распредѣляются по занятіямъ и получаемой заработной платѣ слѣдующимъ образомъ:

	Количество трудящихся.	Плата въ день отъ:		Средняя сумма заработка на одного человѣка въ мѣс.	въ годъ.
1) Мастера и машинисты	69	90 к.	до 3 р. 70 к.	60 р.	720 р.
2) Литейщики и вальцовщики	317	40 „	„ 3 „ 70 „	40 „	480 „
3) Слесаря, токари, мѣдники и обжимщики .	68	80 „	„ 3 „ 70 „	30 „	360 „
4) Столяры, плотники, кузнецы, печники, колесники и пр. . .	171	40 „	„ 3 „ — „	25 „	300 „
5) Котельщики, сварочники и костыльщики.	94	30 „	„ 1 „ 70 „	23 „	250 „
6) Рабочіе подъ доменными печами, кочегары и проч.	184	70 „	„ 1 „ 90 „	20 „	240 „
7) Заводскіе рабочіе при производствѣ, для подвозки матеріаловъ и т. п.	419	20 „	„ 1 „ 40 „	17 „	200 „
8) Модельщики, правельщики (рельсовъ), горновые и т. п. . .	54	35 „	„ 1 „ 80 „	15 „	180 „
9) Помощники машинистовъ, молотобойцы и т. п.	29	40 „	„ 1 „ — „	12 „	140 „

Колебанія въ размѣрѣ поденной платы, какъ видно отсюда, очень значительны. Большая часть мастеровыхъ и рабочихъ получаетъ въ теченіе года и поденную, и издѣльную плату, и мѣсячное окладное жалованье. Всѣ эти перемѣны (и пониженіе заработной платы) контора завода производитъ по своему усмотрѣнію, нисколько не стѣсняясь съ заключенными съ рабочими условіями. Вслѣдствіе превышенія предложенія рабочихъ рукъ надъ спросомъ заработная плата зимой понижается. Затѣмъ лишь немногіе могутъ работать въ теченіе мѣсяца болѣе 20 дней, большинство же работаетъ дней 15—20, потому что на остальные дни на заводѣ не оказывается дѣла. И это не только зимою, но и лѣтомъ. Наконецъ существуютъ особыя условія, благодаря которымъ и при высокой задѣльной платѣ получается низкій мѣсячный заработокъ, какъ, напр., у пудлинговщиковъ, получающихъ по 5 к. отъ пуда и выгоняющихъ въ день 50—70 пудовъ, но зарабатывающихъ въ мѣсяцъ иногда не больше 18—20 р., вслѣдствіе неодинаковаго качества чугуна.

Артельныхъ работъ на заводѣ нѣтъ; всѣ работаютъ въ одиночку, самостоятельно. Подрядныя работы бываютъ, но занимаютъ незначительное число лицъ.

Изъ приведенной выше таблицы видно, что только первыя

3 группы,—мастера, машинисты, литейщики, вальцовщики, слесаря, токари, мѣдники,—составляющіе въ суммѣ 454 человѣка, зарабатываютъ отъ 30 до 60 руб. въ мѣсяцъ, остальныя же 6 группъ въ 951 человѣкъ получаютъ отъ 12 до 25 руб. въ мѣсяцъ, или отъ 140 до 300 р. въ годъ. При этомъ почти всѣ наивысшія цѣны даются иностранцамъ...

Но установленіемъ уровня заработной платы не оканчивается борьба двухъ враждебныхъ сторонъ—рабочихъ и предпринимателей; эксплуатація лишь принимаетъ новую форму.

Мало установить норму вознагражденія,—необходимо, чтобы оно было выплачиваемо своевременно. Но тутъ-то и открываются предъ нами тайны капиталистической системы на зарѣ ея юности.

Въ нашей золотопромышленности на основаніи контрактовъ выдача рабочимъ денегъ во время операцій до расчета вполнѣ зависѣла отъ усмотрѣнія пріискового управленія... Въ нѣкоторыхъ договорахъ (енисейскаго окр.) включено условіе, что рабочіе могутъ требовать заработанныхъ денегъ только при расчетѣ (какъ, напр., по договору Кытманова 1884 г.), по другимъ же—выдача денегъ до расчета предоставлялась усмотрѣнію пріисковой администраціи. Случалось, что золотопромышленникъ выдавалъ рабочимъ на пріискахъ вмѣсто денегъ квитанціи, по которымъ расплата производилась не всегда аккуратно. Расплата квитанціями бываетъ и въ настоящее время, и притомъ по нимъ вмѣсто денегъ рабочимъ иной разъ вручаютъ разную рухлядь изъ лавки владѣльца пріиска. По контракту Акапакъ-Накатамипскаго т-ва 1886 г. рабочіе не имѣли права требовать денегъ, числящихся за конторой „впредь до общаго расчета 10-го сентября, *хотя бы и были ранѣе этого разсчитаны*“, и до 10 сентября должны были довольствоваться квитанціями. Это, очевидно, лишало ихъ возможности оставить пріисковый районъ, а между тѣмъ разсчитанныхъ рабочихъ исправники выселяли съ промысловъ.

И такіе контракты скрѣплялись соотвѣтствующимъ начальствомъ!

И по настоящее время золотопромышленные рабочіе получаютъ расчетъ при окончаніи лѣтней операціи,—тутъ имъ выдается деньгами то, что осталось у нихъ отъ заработка за вычетомъ задатка, забора въ пріисковыхъ лавкахъ вещами и припасами и случайныхъ денежныхъ выдачъ. 1-е октября — день расчета на пріискахъ—великій праздникъ тайги. „Это день, когда, по убѣжденію рабочихъ, вся имперія гуляетъ“. Этимъ праздникомъ

начинается для рабочаго „и отдыхъ, и разгулъ до самозабвенія, и обираніе его всѣми и каждымъ, кому только не лѣнь“...

Одежду, обувь, разныя вещи и съѣстные припасы въ дополненіе къ хозяйскому порціону рабочіе должны были въ силу необходимости получать изъ пріисковыхъ лавокъ. На мѣстную администрацію возлагалась обязанность не допускать торговли предметами роскоши, чтобы оградить рабочихъ отъ эксплуатаціи золотопромышленниковъ. Въ 30—40-хъ годахъ ограниченія въ этомъ смыслѣ были очень строги, но затѣмъ стали постепенно ослабѣвать. Золотопромышленники, съ своей стороны, стремились къ тому, чтобы рабочіе, въ предѣлахъ своего заработка, забирали у нихъ въ лавкахъ какъ можно болѣе припасовъ и товаровъ, такъ какъ это приносило имъ значительную прибыль, и на нѣкоторыхъ небогатыхъ промыслахъ доходъ отъ лавокъ превышалъ даже доходъ отъ самаго промысла. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ сибирскими газетами, хозяева пріисковъ маріинскаго и алтайскаго округовъ получили въ 1880 г. на разныхъ вещахъ и припасахъ отъ 50 до 112% барыша, въ 1881 г.—отъ 26% до 92% и въ 1882 г.—отъ 48 до 180%. Окружный инженеръ Реутовскій въ своемъ отчетѣ за 1889 г. писалъ, что таксы составляются въ широкихъ размѣрахъ; цѣны въ нихъ „настолько высоки, что даже солидныя компаніи, повидимому, не гоняющіяся за барышомъ отъ продажи товара, имѣютъ 15—20 тысячъ чистаго дохода на 600—700 человѣкъ команды“. „Года четыре тому назадъ,—добавлялъ онъ 1892 г.,—въ таксахъ, утверждаемыхъ горнымъ исправникомъ, былъ крайній произволъ, и доходъ съ пріисковыхъ товаровъ и припасовъ давалъ мѣстами 80—100%, но всегда не ниже 50—60%...“ Такъ пускали въ оборотъ заработную плату своихъ рабочихъ наши золотопромышленники и получали 50, 100, 150 и болѣе %... съ этихъ же самыхъ рабочихъ. Это ли не геній капитализма!

На основаніи циркуляровъ высшей администраціи, таксы товаровъ должны были утверждаться горными исправниками и, дѣйствительно, утверждались ими, но въ контрактахъ, особенно первой половины 70-хъ годовъ, о цѣнахъ товаровъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто онѣ исключительно зависѣли отъ самихъ золотопромышленниковъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ положеніе дѣла мало измѣняется. „Утвержденіе таксъ,—писалъ иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ въ замѣчаніяхъ на проектъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые про-

мыслы,—дѣйствующими нынѣ правилами предоставляется горнымъ исправникамъ, однако же такой порядокъ не представляетъ никакой гарантіи къ устраненію вкоренившихся съ давняго времени злоупотребленій по продажѣ рабочимъ товаровъ и припасовъ. При обозрѣніи въ 1890 г. золотыхъ пріисковъ олекминской и витимской системъ, я лично убѣдился, что участіе горныхъ исправниковъ въ данномъ случаѣ ограничивается одною формальною стороной, безъ всякаго отношенія къ существу дѣла. Обыкновенно таксы составляются пріисковыми управленіями и утверждаются исправниками безъ всякихъ соображеній и провѣрки стоимости товаровъ, вслѣдствіе чего является значительное разнообразіе цѣнъ, установленныхъ для пріисковъ не только одной системы, но и расположенныхъ одинъ отъ другого на весьма близкихъ разстояніяхъ, нисколько не вліяющихъ на увеличеніе или уменьшеніе провозной платы. Такъ, напримѣръ, на пріискахъ витимской системы, расположенныхъ въ районѣ 20 верстъ, установлены слѣдующія цѣны: за фунтъ масла на одномъ пріискѣ 38 к., на другомъ 40 к., на третьемъ 45 к. и на четвертомъ 50 к., фунтъ сахара—34, 40, 45 и 50 к.; азямъ—5 р. 20 к., 5 р. 75 к. и 6 р. и т. д. При сравненіи же нѣкоторыхъ пріисковыхъ цѣнъ на товары съ дѣйствительными продажными цѣнами иркутскаго рынка получаются выводы, свидѣтельствующіе о непомѣрно высокихъ цѣнахъ, устанавливаемыхъ пріисковыми таксами; такъ, напримѣръ, сахаръ продается въ Иркутскѣ по цѣнѣ 8—10 р. за пудъ, провозъ до витимскихъ пріисковъ обходится отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ пуда, на пріискахъ же продажная цѣна достигаетъ 20 р., что составляетъ болѣе 70% надбавки (до 92%)“.

По отчетамъ о пріискахъ Ѳ. Базилевскаго (олекминск. округа), прибыли „отъ продажи и расцѣпки“ получено было въ 1878 г.—70,059 р., въ 1879 г.—56,949 р,, въ 1880 г.—33,117 р., въ 1881 г.—33,943 р., въ 1882 г.—29,947 р.—У многихъ мелкихъ золотопромышленниковъ „все дѣло носитъ характеръ мелочной лавочки, а не горнаго промысла“... Нерѣдко можно встрѣтить любопытное явленіе, что пріиски, признанные негодными въ промышленномъ отношеніи, въ виду незначительнаго содержанія золота, въ соединеніи съ торговлей начинаютъ приносить барышъ!

Что контроль администраціи мало или совсѣмъ недѣйствителенъ—это понятно. Въ 70 и 80-хъ годахъ до 1889 г. всѣми частными промыслами, напр., Томской губ., завѣдывалъ одинъ горный исправникъ. До 1881 г. онъ получалъ ничтожное жалованье

(280 р. въ годъ), а съ этого времени содержаніе его было увеличено. Но горный исправникъ этимъ не довольствовался и получалъ еще нѣсколько тысячъ рублей отъ золотопромышленниковъ. Въ 1889 г., когда въ томскомъ горномъ округѣ было уже 2 горныхъ исправника, все-таки районъ, находящійся въ ихъ завѣдываніи, былъ слишкомъ великъ,—въ вѣдѣніи одного исправника состояло 118 пріисковъ, а другого— 70, на разстояніи въ тысячи верстъ по отвратительной дорогѣ. Но не въ этомъ одномъ дѣло, а въ томъ еще, что вообще въ полицейскомъ надзорѣ толку мало. Само министерство внутреннихъ дѣлъ признало еще въ 1872 г., что горные исправники находятся въ полной зависимости отъ золотопромышленниковъ. Оно указало при этомъ, что „подкупъ чиновниковъ, поставленныхъ закономъ для надзора за золотыми промыслами, обращенъ въ Сибири въ строгую и послѣдовательную систему, которая, дѣйствуя въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, утратила, наконецъ, и въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи, и въ глазахъ самого начальства законопреступный характеръ и признана явленіемъ какъ бы нормальнымъ и естественнымъ“, „что, подобною системой дѣйствій золотопромышленники уничтожаютъ *всякое значеніе* состоящихъ на пріискахъ и наблюдающихъ за ними горныхъ ревизоровъ и жандармскихъ офицеровъ. Начальникъ енисейскаго жандармскаго управленія въ отчетѣ 1882 г. писалъ, что жалованье горныхъ исправниковъ, по крайней мѣрѣ, въ 30 разъ меньше получаемаго ими вознагражденія отъ золотопромышленниковъ“. Ревизія олекминскихъ промысловъ въ 1890 г. выяснила цѣлый рядъ незаконныхъ дѣйствій горныхъ исправниковъ: медленность дѣлопроизводства, бездѣйствія, превышенія власти, оставленіе многихъ просьбъ безъ вниманія и потворство различнымъ неправильнымъ поступкамъ пріисковыхъ дѣятелей.

Одинъ изъ исправниковъ, совершенно не исполняя правилъ инструкціи, утвержденной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1874 г., во-первыхъ, допускаетъ тѣлесныя наказанія рабочихъ безъ разбирательства вины и безъ различія сословія; во-вторыхъ, разрѣшаетъ ввозъ на пріиски спирта безъ разрѣшенія на то губернатора и въ количествѣ, превышающемъ опредѣленную закономъ норму, и, въ-третьихъ, индифферентно относится къ столь важному дѣлу, какъ утвержденіе таксъ на припасы и товары, выдаваемые рабочимъ въ счетъ платы, и вполнѣ безучастно къ случаямъ увѣчья рабочихъ. Собранными на пріискахъ свѣдѣніями выяснено, что горный исправникъ (витимской системы) получаетъ дополнительнаго

содержанія отъ пріисковъ, кромѣ квартиры, 18,000 р. въ годъ, а олекминскій—12,000 р. Эти данныя подтверждаются отчетами пріисковыхъ конторъ [1]).

Рядомъ или вслѣдъ за сибирской золотопромышленностью стоитъ каменноугольная промышленность юга Россіи, гдѣ задолженность хозяевъ своимъ рабочимъ достигала маловѣроятныхъ на первый взглядъ размѣровъ. Расчетъ по правиламъ долженъ былъ производиться ежемѣсячно. Но на дѣлѣ администрація постоянно задерживала выдачу заработанныхъ денегъ за нѣсколько мѣсяцевъ—отъ 2 до 6 мѣсяцевъ.

Такъ, на Голубовскомъ рудникѣ, одномъ изъ самыхъ богатыхъ, по свидѣтельству земскаго статистическаго изслѣдованія половины 80-хъ годовъ, задолженность рабочимъ достигала нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Изъ 26 частновладѣльческихъ рудниковъ славяносербскаго у. только на двухъ, по словамъ рабочихъ, заработная плата не задерживается *очень ужъ подолгу*. На заводѣ Юза (бахмутск. у.) заработная плата за прошедшій мѣсяцъ выдается около второй субботы слѣдующаго мѣсяца (около 15—20 числа), и такимъ образомъ полумѣсячный заработокъ рабочаго всегда остается за конторой. При этомъ случалось, что заработка прошлаго мѣсяца хватало лишь на покрытіе штрафовъ. Про каменноугольныхъ рабочихъ бахмутскаго у. говорится, что въ зимнее время заработокъ они получаютъ отъ подрядчика не ежемѣсячно, а въ 3 раза: передъ Рождествомъ, масляной и Пасхой, ежемѣсячно же могутъ брать нѣкоторые, наиболѣе надежные рабочіе авансомъ въ счетъ заработка отъ 3 до 5 р. Благодаря такой системѣ оплаты труда, большинство рабочихъ забираетъ свой заработокъ мукой и пшеномъ для семьи, деньги же выдаются рѣдко и мало.

Лисичанскимъ (на мѣстѣ) рабочимъ навязываютъ провизію по установленной на шахтѣ цѣнѣ, причемъ очень часто бываетъ, что доставленная домой рудничная провизія продается на базарѣ

---

[1]) Въ „Сибирской газетѣ“ былъ напечатанъ въ 1884 г. расчетъ того, какое содержаніе отъ золотопромышленниковъ получали представители правительственной администраціи на пріискахъ Сѣверно-Енисейской системы. Всѣхъ рабочихъ было 4,062 человѣка. Съ каждаго рабочаго золотопромышленники платятъ исправнику 2 р. 20 к. на содержаніе канцеляріи и 3 казаковъ, помощнику исправника по 50 к., окружному ревизору по 1 р. и жандармскому офицеру по 1 р., итого 19,091 р.... Отсылаемъ читателей, желающихъ подробнѣе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ золотопромышленности, къ обстоятельному изслѣдованію В. И. Семевскаго „Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ“, 2 т., гдѣ собранъ огромный фактическій матеріалъ.

гораздо дешевле, чѣмъ рабочіе должны были принять ее отъ рудника.

Лавки и кладовыя, гдѣ рабочіе въ счетъ заработка могутъ брать въ долгъ необходимые предметы, устраиваются какъ хозяевами, такъ и подрядчиками.

Верещинскій, самъ бывшій управляющимъ крупнымъ рудникомъ въ области Войска Донского, говоритъ, что „за пищевые продукты и одежду дерутъ съ рабочаго немилосердно. Весь товаръ самаго послѣдняго качества". За плохую необдѣланную пшеничную муку шахтеръ платитъ отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. за пудъ. Отвратительный чай — 2 р. Сахаръ 18—20 к. за фунтъ — въ 500 верстахъ отъ сахарнаго завода. Тарань покупается не выше 7—9 р. за тысячу, а продается 30—50 к. за десятокъ. На одеждѣ и сапогахъ шахтовладѣльцы наживаютъ до 100%. Система выдачи изъ кладовыхъ ордерная. Сами шахтовладѣльцы держатъ кабаки за свой счетъ на имя сидѣльца, и контора выдаетъ бланки на свой же кабакъ вмѣсто слѣдуемыхъ денегъ, хотя это и запрещается. ...„Въ работѣ его (рабочаго) обмѣрили, въ кладовой обвѣсили, въ конторѣ обсчитали, а все вѣрно". Задержка заработной платы констатируется и здѣсь. Мало того, при постройкѣ извѣстныхъ уже намъ землянокъ, за весь матеріалъ, идущій на подобную помойную яму, гдѣ обитаетъ человѣческое существо, шахтовладѣльцы дерутъ съ него наличными, при томъ условіи, что при отъѣздѣ шахтеръ можетъ продать свое помѣщеніе другому [1]).

Но заводскія и промысловыя лавки, задержка платы это еще не все; далѣе слѣдуютъ штрафы.

Изъ 28 пунктовъ „Правилъ" Юзовскаго завода большая часть, т. е. вѣрнѣе почти всѣ состоятъ въ перечисленіи случаевъ и поводовъ, когда рабочій штрафуется, лишается заработка или увольняется съ завода. За опозданіе, т. е. неявку (въ пудлинговкѣ и вальцовкахъ) въ $5^1/_2$ ч., хотя работы должны начинаться ровно въ 6 ч.,—вычетъ изъ жалованья: за 5 минутъ 5 к., свыше 15 минутъ—дневная плата, за прогулъ же цѣлаго дня—трехдневная плата. Болѣзнь должна быть засвидѣтельствована „заводскимъ врачемъ"; въ противномъ случаѣ—штрафъ, какъ за неявку, при свидѣтельствѣ же только не выдается плата за время болѣзни. За

---

[1]) Рабочій шахтеръ въ Донецкомъ бассейнѣ 1892 г. Какъ бы боясь что читатель не повѣритъ приводимымъ имъ свѣдѣніямъ, Верещинскій прибавляетъ: „если понадобятся доказательства, могу привести и имена".

употребленіе въ дѣло инструментовъ, принадлежащихъ другому, безъ дозволенія начальства штрафъ за всякій разъ по 3 р. За недобропорядочное поведеніе, ослушаніе и грубости противъ начальства—штрафъ 3 р. и увольненіе. Если рабочій, назначенный по случаю остановки работъ на заводѣ „куда бы то ни было", откажется отъ назначенія, то штрафуется 10 рублями (!!) и удаляется съ завода. Безъ дозволенія управленія завода рабочій, если живетъ въ заводскомъ зданіи, не можетъ принять къ себѣ постороннихъ, знакомыхъ и родныхъ ни днемъ, ни ночью, „на время, болѣе чѣмъ для обыкновеннаго свиданія нужное", въ противномъ случаѣ—штрафъ въ размѣрѣ трехдневной платы и т. д. и т. д. Рабочіе заявляли, да это было видно и изъ ихъ расчетныхъ листовъ, что „Правила" эти примѣнялись неукоснительно и значительно понижали размѣръ ихъ заработка. Бывало, что мѣсячнаго заработка хватаетъ лишь на покрытіе штрафовъ и рабочему выдается одинъ только листъ для свѣдѣнія.

Мало того, въ правилахъ завода Юза существовалъ еще пунктъ, что, кто обижается штрафами за порчу и трату издѣлій и инструментовъ и желаетъ жаловаться мировому судьѣ, тотъ долженъ подать жалобу въ теченіе недѣли по объявленіи штрафа; *по миновеніи недѣли никакая жалоба не принимается*!

На золотыхъ пріискахъ штрафы чаще всего назначаются за уклоненіе отъ работъ, а также за дурное поведеніе рабочихъ (пьянство, игру въ карты, ссоры и драки, пріемъ постороннихъ лицъ и т. д.). За утраченный инструментъ полагалась, напр. въ договорахъ Асташева (Енисейск. окр.) 1875 г. и 1887 г. уплата или отработка *двойной его стоимости*. Бывало и такъ, что тѣмъ изъ оштрафованныхъ, которые вновь нанимались на работу на слѣдующую операцію, штрафъ слагался со счета. По словамъ окружного инженера Сѣверо-Енисейскаго округа Внуковскаго, рабочіе бывали въ такомъ долгу у хозяевъ, что писать штрафы было бы безполезно: все равно ничего не получишь. Но тамъ, гдѣ можно было взыскать, постановленія контрактовъ о штрафахъ не оставались мертвою буквой.

Такъ въ 1890-хъ годахъ въ Ниманской К° (Амурск. обл.) взыскивались штрафы за прогулы отъ 3 до 5 р., въ Зейскихъ К° К° отъ 1 р. до 5 р. Губернаторъ Амурской области въ запискѣ 1894 г. свидѣтельствуетъ, что штрафы на мѣстныхъ пріискахъ взимаются въ размѣрѣ 3 — 10 руб. За каждый часъ, просроченный при явкѣ на работу, Зейская К° по договору 80-хъ г.г.

могла налагать штрафъ по 30 к., Нииманская К° по договору 1883 г.—по 40 к. и болѣе, Верхне-Амурск. К° въ 1895 г.—20 к.

Если въ отдѣльности всѣ эти способы пониженія и безъ того скудной заработной платы,—задерживаніе денегъ, уплата товарами, марками, затѣмъ штрафы и вычеты,—бьютъ сильно рабочаго по карману, то что же бываетъ, когда все это соединяется вмѣстѣ? Создается какъ бы сѣть, проскользнуть сквозь которую невозможно.

Нельзя не упомянуть еще объ эксплуатаціи рабочихъ въ видѣ *спаиванія* ихъ: торговля виномъ и понынѣ составляетъ одну изъ доходныхъ статей золотопромышленниковъ; не такъ давно это занятіе было популярнымъ и среди горно-промышленниковъ юга Россіи.

ГЛАВА V.

Выше намъ уже приходилось говорить о состояніи медицинской помощи и объ обезпеченіи пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ. Не лучше обстоитъ это дѣло и въ горно-заводской промышленности. Даже болѣе того. Въ виду особыхъ условій, напр., отдаленности отъ населенныхъ мѣстъ, громадныхъ разстояній,—въ какія поставлены у насъ горные промыслы и заводы, оставленіе на произволъ судьбы больныхъ или увѣчныхъ рабочихъ представляется явленіемъ еще болѣе пагубнымъ и возмутительнымъ.

Состояніе больницъ на золотыхъ промыслахъ Томскаго округа въ началѣ 80-хъ годовъ „Сибирская газета“ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. „Что предлагаетъ большинство пріисковыхъ управленій для больныхъ? Нѣчто похожее на больницу съ голыми нарами и фельдшера съ его универсальными и неизмѣнными лѣкарствами: слабительнымъ и рвотнымъ. При этомъ, заподазривая каждаго рабочаго въ отлынваніи отъ работъ, ему даютъ уменьшенную порцію съѣстного, вполнѣ надѣясь, что голодъ скорѣе всего принудитъ больного возвратиться къ работамъ и такимъ образомъ заполучить обыкновенную порцію“. А вотъ оффиціальное описаніе больницы на пріискѣ Королева, сдѣланное маріинскимъ окружнымъ врачемъ въ 1883 г. „Больница представляетъ собою какую-то отвратительную трущобу. Въ ней я засталъ 20 человѣкъ рабочихъ въ грязномъ оборванномъ отрепьѣ, валяющихся безъ всякой подстилки, частью на грязныхъ нарахъ, частью на голомъ полу.

Пища, даваемая больнымъ, не сообразуется съ родомъ болѣзни и скорѣе способствуетъ окончательной потерѣ силъ, чѣмъ ихъ возстановленію и укрѣпленію. Такъ, напр., рабочій, получившій ушибъ или одержимый другою какою-нибудь наружною болѣзнью, долженъ довольствоваться $^1/_4$ фунта мяса, что въ совокупности съ отсутствіемъ всего другого, кромѣ воды и ограниченнаго количества ржаного хлѣба, при удушливой и зловонной атмосферѣ норы, называемой больницей, вполнѣ здороваго человѣка можетъ истощить, сдѣлать слабосильнымъ и повергнуть въ болѣзнь". Окружной инженеръ Реутовскій въ докладѣ (1894 г.) о бытѣ рабочихъ въ пріискахъ Томской г. говоритъ, что при разсмотрѣніи устройства 30 имѣющихся на пріискахъ больницъ установлено, что въ большинствѣ случаевъ онѣ совсѣмъ не удовлетворяютъ требованіямъ гигіены: помѣщенія не имѣютъ правильной вентиляціи и отапливаются желѣзными печами, обусловливающими значительныя и рѣзкія колебанія температуры, по количеству воздуха недостаточны для наличнаго числа людей, не всегда содержатся въ должной чистотѣ. Большинство такихъ помѣщеній имѣетъ характеръ временныхъ построекъ, плохо приспособленныхъ для зимы!

Въ Енисейскомъ округѣ врачъ, служившій въ первой половинѣ 70 годовъ, такъ описываетъ положеніе дѣлъ въ южной части округа. На каждомъ пріискѣ или существуетъ своя больница, или же имѣется одна общая для нѣсколькихъ сосѣднихъ промысловъ, но есть и такіе, гдѣ ничего не предпринимается для лѣченія рабочихъ... „Промысловыя больницы въ большинствѣ случаевъ малы, тѣсны, грязны, зимою холодны, безъ всякой вентиляціи или съ крайне недостаточной". Нѣкоторыя изъ нихъ прямо ужасны. Входная дверь затворяется не плотно, и въ самомъ низу ея находится нѣсколько довольно большихъ, ничѣмъ не заколоченныхъ щелей, черезъ которыя несетъ страшный холодъ, рамы ординарныя, сверху до низу покрытыя льдомъ, со множествомъ щелей, по срединѣ стѣны стоитъ большая желѣзная печь. Такимъ образомъ больные, съ одной стороны, находятся подъ дѣйствіемъ жара желѣзной печи, съ другой—подъ вліяніемъ холода, имѣющаго свободный доступъ черезъ множество щелей въ окнахъ, дверяхъ и полу. Кровати разставлены тѣсно, тюфяки на нихъ грязные, ничѣмъ не прикрытые, а на нѣкоторыхъ кроватяхъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Больные ходятъ въ тѣхъ же грязныхъ рубахахъ и штанахъ, въ которыхъ они были на работѣ. Ни одѣялъ, ни простынь ничего нѣтъ".

Только въ очень немногихъ больницахъ имѣется постельное бѣлье и бѣлье для больныхъ, да и тамъ они употребляются только въ экстренныхъ случаяхъ, когда ожидается посѣщеніе какого-нибудь начальствующаго лица. „Чистый бинтъ на больномъ—большая рѣдкость, потомучто онъ употребляется большею частью до тѣхъ поръ, пока совершенно не загрязнится и не пропитается разными отдѣленіями раны или язвы. Бываетъ и такъ, что грязный бинтъ, служившій одному больному, тотчасъ же употребляется для другого". Пищу больные, по свидѣтельству того же врача, получаютъ такую же, какъ и здоровые рабочіе съ тою только разницей, что она отпускается имъ въ значительно меньшемъ количествѣ. Разницы между больными относительно количества пищи не дѣлается и всѣ одинаково подвергаются голодной діэтѣ [1])... Нельзя сказать, чтобы послѣдующія десятилѣтія внесли большія измѣненія въ столь печальное положеніе дѣлъ. Говоря о пріискахъ Томской горной области, Колычевъ [2]) приходитъ къ заключенію, что до 1898 г. *врачебной помощи почти не существовало.* Въ самомъ дѣлѣ, въ 1895 г., напр., на 129 пріискахъ Сѣверно-Енисейскаго округа, при 3917 рабочихъ было 11 больницъ съ 145 кроватями. При каждой больницѣ находится фельдшеръ и имѣется небольшая аптечка. Надзоръ за состояніемъ больницы и ходомъ лѣченія лежитъ на обязанности врача, содержавшагося на общій счетъ золотопромышленниковъ. На первый взглядъ, какъ будто бы ничего, но нужно вспомнить, что территорія округа равняется почти 120,000 кв. верстъ, что больница съ фельдшеромъ приходится на 12 разбросанныхъ въ тайгѣ пріисковъ и что одному врачу всѣ 11 больницъ трудно посѣтить даже 2 раза въ теченіе промысловой операціи! На пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа и киргизской степи въ 1896 г. не было ни больницъ, ни пріемныхъ покоевъ, но почти на каждомъ пріискѣ былъ фельдшеръ. Относительно нихъ окружн. инж. Сборовскій сообщаетъ, что большинство фельдшеровъ киргизской степи „изъ какихъ-то солдатъ, якобы исполнявшихъ въ полку обязанности фельдшеровъ и имѣющихъ очень слабое представленіе о медицинѣ. Рабочіе изъ киргизовъ какъ-то недовѣрчиво (еще бы!) относятся къ русской медицинѣ"...

Произведенный въ 1896 г. осмотръ 30 пріисковыхъ больницъ Томскаго округа показалъ, что большинство ихъ совершенно не

---

[1]) Н. Д. „Санитарный очеркъ золотыхъ промысловъ". Сборн. соч. по судебн. мед., 1875 г., т. I.

[2]) Рабочіе на пріискахъ Сибири, 1904 г.

удовлетворяетъ требованіямъ гигіены. Фельдшера „по большей части люди безъ всякаго спеціальнаго образованія и съ недостаточной практической подготовкой. Обыкновенно они несутъ много разныхъ обязанностей (конторщика, смотрителя работъ, иногда даже управляющаго) и только въ исключительныхъ случаяхъ заняты исполненіемъ своихъ обязанностей"...

Что касается другихъ отраслей и районовъ горнозаводской промышленности, то, чтобы избѣжать повторенія, мы приведемъ заключеніе извѣстнаго уже намъ д-ра Л. Бертенсона, къ какому онъ пришелъ, познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ. Санитарно-врачебное дѣло, по его словамъ, на горныхъ промыслахъ и заводахъ Замосковнаго и Средневолжскаго округовъ поставлено не лучше, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Имперіи: та же, такъ сказать, случайность въ постановкѣ дѣла, при исключительной зависимости его отъ доброй воли заводовладѣльцевъ, то же отсутствіе надзора за врачебными учрежденіями и тѣ же въ нихъ недостатки и недочеты, какіе уже были отмѣчены раньше на Уралѣ, въ Царствѣ Польскомъ и на югѣ Россіи.

Относительно Бакинскихъ нефтяныхъ промысловъ Л. Бертенсонъ сообщаетъ, что коренной недостатокъ въ дѣлѣ оказанія врачебной помощи на промыслахъ и заводахъ—это отсутствіе въ ближайшемъ разстояніи отъ мѣста работъ *не только какихъ-либо помѣщеній для того, чтобы временно пріютить увѣчнаго или тяжко заболѣвшаго рабочаго* (до отправленія его въ больницу или въ пріемный покой), *но даже чулановъ для храненія пособій первой помощи; нѣтъ, конечно, и самыхъ пособій, нѣтъ ни рессорныхъ возковъ, ни носилокъ.* Все это отсутствуетъ не только на мелкихъ заводахъ и промыслахъ, но и на крупныхъ. Нѣкоторые промыслы отстоятъ отъ больницы не только на 2—3 версты, а даже на 5—6 верстъ, и рабочимъ съ распухшими ногами (а такихъ весьма много) и другими тяжелыми недугами, въ лѣтній африканскій зной, ходить далеко за амбулаторной помощью физически и вслѣдствіе потери времени тяжело и даже невозможно.

При заводѣ Каспійско-Черноморскаго Общества имѣется „пріемный покой", но, по словамъ Бертенсона, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на такое названіе: запыленная комнатка, и въ ней неряшливо содержимый незапирающійся шкафъ, съ нѣсколькими откупоренными стклянками и коробками, содержащими лѣкарства и гигроскопическую вату.

Врачи и фельдшера на отдѣльныхъ промыслахъ отсутствуютъ, и о своевременной, правильно поставленной первой помощи не можетъ быть и рѣчи.

Положеніе 8 марта 1861 г. о горно-заводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, освободившее рабочихъ отъ обязательныхъ къ заводамъ отношеній, отмѣнило прежній порядокъ производства имъ пенсій, но не установило новаго и только указало принципіально, что лицамъ, лишившимся возможности продолжать заводскія или рудничныя работы отъ увѣчья, полученнаго на этихъ работахъ, а также вдовамъ и сиротамъ умершихъ, должны производиться за счетъ завода пенсіи. Горный совѣтъ 16 ноября 1863 г. предложилъ руководиться *прежними правилами*, впредь до изданія особаго закона, на что послѣдовало согласіе министра финансовъ. Нормы пенсій были таковы: самимъ пострадавшимъ рабочимъ выдавалось отъ 1 р. 87 к. до 72 р. въ годъ и провіантъ—женатымъ по 4 пуда и на дѣтей по 1 п. на каждаго; вдовамъ рабочихъ выдавалось отъ 1 р. 72 к. до 21 р. въ годъ и провіанта 2 п. въ мѣсяцъ; дочерямъ рабочихъ—деньгами отъ 1 р. 72 к. до 10 р. въ годъ. Въ 1894 г. одинъ рабочій, получившій увѣчье на казенномъ горномъ заводѣ, предъявилъ въ мѣстномъ окружномъ судѣ къ заводоуправленію искъ о выдачѣ ему взамѣнъ назначеннаго горнымъ начальствомъ пособія въ размѣрѣ 3 р. 75 к. *въ годъ* и 5 пуд. муки въ мѣсяцъ—вознагражденія въ суммѣ, необходимой для полнаго обезпеченія его. Окружный судъ призналъ, что положеніе Горнаго Совѣта 16 ноября 1863 г. для суда необязательно и обязалъ заводоуправленіе выдавать означенному рабочему по 200 р. въ годъ деньгами—пожизненно. Это былъ первый случай, а за нимъ послѣдовали и другіе. Можетъ быть, это обстоятельство ускорило нѣсколько изданіе того закона, котораго рекомендовалъ дожидаться Горный Совѣтъ въ 1863 г. и который появился лишь черезъ 38 лѣтъ въ видѣ временныхъ правилъ 15 мая 1901 г.

Если ужъ казенныя предпріятія не стыдились выдавать такое, хуже, чѣмъ нищенское, вознагражденіе увѣчнымъ, то чего же можно было ожидать отъ частныхъ!.. Изъ 118 золотыхъ пріисковъ Пермской г., которымъ Г. Земская Управа разослала программы въ 1897 г., доставили свѣдѣнія о пенсіяхъ и пособіяхъ только 11. Изъ нихъ 8 конторъ сообщаютъ, что пенсіи и пособія или не выдаются за отсутствіемъ надобности въ томъ, такъ какъ

„престарѣлыхъ и увѣчныхъ рабочихъ на пріискахъ не имѣется“ (!), а золотопромышленникъ Ивановъ указываетъ въ объясненіе этого обстоятельства на то, что въ законѣ нѣтъ требованія о выдачѣ рабочимъ пенсіи или пособія. Относительно Олекминскаго округа Семевскій сообщаетъ, что за первую половину 70-хъ годовъ онъ не встрѣтилъ ни одного упоминанія о вознагражденіи за увѣчья.

Что они были не въ обычаѣ, видно и изъ того, что мѣстная администрація даже указывала, что слѣдовало бы установить такія вознагражденія. Между тѣмъ уже правилами 1870 г. (§ 14) о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы предписывалась выдача тройной за весь наемный срокъ платы въ случаѣ смерти или тяжелаго увѣчья вслѣдствіе непринятія золотопромышленникомъ предписанныхъ въ законѣ мѣръ предосторожности. Эту статью правилъ 1870 г. рѣшено было оставить и при пересмотрѣ въ половинѣ 90-хъ годовъ правилъ о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы, несмотря на возраженія. Такъ, напр., начальникъ Томскаго Горн. управленія Денисовъ указывалъ, что вознагражденіе рабочаго за увѣчье въ размѣрѣ тройной годовой платы слишкомъ недостаточно. По словамъ окружн. инж. Семипалатинско-Семирѣченск. округа, тройная плата за годъ по контракту составитъ не болѣе 90 р. для степныхъ округовъ, что не можетъ обезпечить даже кочевника, получившаго такое вознагражденіе за увѣчье. Но какъ ни скромна сама по себѣ эта статья правилъ 1870 г., однако и она обыкновенно игнорировалась; даже нѣкоторые окружные инженеры не знали про ея существованіе...

Достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы выяснить, въ какой мѣрѣ страдаютъ рабочіе при отсутствіи спеціальной отвѣтственности предпринимателей и общаго обязательнаго страхованія. На рудникѣ Вейермана въ 1892 г. убиты на повалъ 2 рабочихъ. Послѣ продолжительнаго торга страховое общество выдало отцу одного—30 р., а женѣ другого съ двумя малолѣтними тоже 30 р. и отправило на родину! На рудникѣ Панченко въ 1886 г., при работахъ, ударомъ полнаго съ углемъ вагона въ животъ убитъ молодой вагонщикъ. Родные получили за смерть убитаго 100 р. отъ страхов. о-ва, что далеко ниже цѣнъ крупнаго скота на ярмаркахъ въ хорошій годъ. На заводѣ Юза убило на машинѣ рабочаго; его женѣ съ 3 малолѣтними дѣтьми контора выдала единовременное пособіе въ размѣрѣ 50 р., и т. д.!

Вообще наши предприниматели просто на просто спускали рабочаго съ рукъ, разъ онъ переставалъ быть пригоднымъ въ качествѣ матеріала для эксплуатаціи. „Чуть заболѣлъ рабочій, сообщаетъ знакомый намъ Верещинскій, ему сейчасъ расчетъ и чрезъ гору“. Умираютъ на дорогѣ или на родинѣ. Такая система практикуется по вполнѣ понятнымъ основаніямъ: „расходовъ меньше, да и статистики нѣтъ“! Съ больными рабочими, сообщаетъ другой авторъ [1]), золотопромышленники поступаютъ гораздо хуже, чѣмъ самый жестокосердый человѣкъ съ своей собакой. Боясь, чтобы рабочій не умеръ на пріискѣ, ему отдаютъ паспортъ и выводятъ его подальше отъ пріисковъ въ тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодною смертью. Бываютъ ужасные случаи. Отъ очевидцевъ слышалъ, напр., что одного рабочаго съ гангреной на ногѣ, истомленнаго болѣзнью и голодомъ, нашли живого еще на муравейникѣ, объѣдаемаго муравьями: онъ дико вылъ и стоналъ неистовымъ голосомъ передъ смертью. Другого чахоточнаго отбили отъ волка, который обкусывалъ и глодалъ ему руку въ то время, какъ онъ былъ еще живъ, но не могъ уже подняться съ мѣста въ окончательной потерѣ силъ отъ усталости, истомленія и голода...—„Разсчитанъ за болѣзнью; остался долженъ столько-то рублей, почему при выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операціи будущаго года“—вотъ обычная формула, которая употреблялась въ такихъ случаяхъ въ Енисейской губ.

Мы видѣли уже тѣ тяжелыя, потрясающія душу условія, въ которыя было поставлено фабрично-заводское населеніе, при господствѣ *свободнаго договора*. Тѣ же черты эксплуатаціи и зависимости наблюдаемъ мы и при разсмотрѣніи положенія рабочихъ въ горнозаводской промышленности за этотъ періодъ, ибо вездѣ и всюду, на зарѣ капиталистической эры, свободный договоръ, свободное соглашеніе являлось той идеологической оболочкой, подъ покровомъ которой, на мѣстѣ упраздненнаго крѣпостного права, создавались отношенія новаго рабства подъ видомъ сохраненія патріархальныхъ связей стараго строя. На почвѣ свободнаго договора создавались контракты, которые за капиталистами обезпечивали права, а на рабочихъ налагали однѣ только обязанности. Въ своихъ замѣчаніяхъ (1893 г.) на проэктъ правилъ о наймѣ рабочихъ иркутскій генералъ-губернаторъ

[1]) „Отечественныя записки“, 1875 г., № 7.

Горемыкинъ констатируетъ, что контракты „заключались съ полнымъ нарушеніемъ интересовъ рабочихъ, создавая для нихъ, такъ сказать, кабальное положеніе. Обыкновенно составляется одинъ общій контрактъ для значительной массы рабочихъ, нанимающихся на одинъ или нѣсколько пріисковъ промышленника или К°, которымъ опредѣляется, что рабочіе обязуются безпрекословно исполнять всѣ работы, какія будутъ назначены пріисковымъ управленіемъ, быть въ полномъ повиновеніи этого управленія, увольненія и расчета до истеченія контрактнаго срока не просить; пріисковому же управленію предоставляется полное право, во всякое время года, всѣхъ вмѣстѣ или каждаго порознь изъ нанявшихся передавать для работъ въ другія компаніи, или же вовсе отъ работъ увольнять, на что претензій и жалобъ рабочіе приносить не должны и объясненій о причинѣ расчета требовать ни отъ кого права не имѣютъ... При заключеніи такого контракта рабочій, особенно нанимающійся въ первый разъ, не можетъ уяснить себѣ самыхъ главнѣйшихъ условій, какимъ онъ будетъ подчиняться въ продолженіе срока найма: онъ не можетъ составить точнаго представленія, какую долженъ отбывать работу, насколько та или другая работа соотвѣтствуетъ его физическимъ силамъ и на какой онъ можетъ разсчитывать заработокъ, ибо все это зависитъ отъ усмотрѣнія пріискового управленія, имѣющаго единственной цѣлью соблюдать только интересы промышленниковъ. Только такими кабальными отношеніями, продолжаетъ Горемыкинъ, можно объяснить часто повторяющіяся въ пріисковой сибирской жизни обоюдныя жалобы сторонъ, неповиновенія рабочихъ, нерѣдко цѣлыми массами отказывающихся отъ работъ и создающихъ такъ называемые бунты, а отсюда возникаетъ необходимость (?) высылать на пріиски воинскія команды и подвергать виновныхъ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ“. Система передачи рабочихъ съ одного пріиска на другой широко практиковалась на золотыхъ промыслахъ, и съ самаго начала 60-хъ годовъ печать не переставала указывать на это явленіе, какъ на вопіющее беззаконіе. Крѣпостное право было уничтожено, а крѣпостныя отношенія между „свободными сторонами“ сохранились! Лишь по закону 1895 г. въ договорахъ запрещено было включать условія о правѣ завѣдующаго промысломъ передавать рабочихъ другому нанимателю.

Вотъ, для образчика, договоръ К° Промышленности 1878 и 1883 г.г. примѣнительно къ данному пункту: „Если управленіе

найдетъ нужнымъ передать кого-либо изъ насъ или всѣхъ, по излишеству нанятыхъ для работъ или по невыгодности промысловъ, къ работамъ въ другія К° К°, но только въ здѣшней Олекминской системѣ, то мы не должны въ томъ спорить и обязуемся перейти безотговорочно и исполнять работы и у другихъ владѣльцевъ также съ должнымъ стараніемъ, но получать плату и содержаніе согласно сего контракта". Въ нѣкоторыхъ договорахъ устанавливается лишь сохраненіе обязанностей рабочихъ, а объ обязанностяхъ новой К° не упоминается. На ряду съ упоминаніемъ о правѣ К° передавать рабочихъ другимъ золотопромышленникамъ всегда устанавливается и право управленія разсчитать рабочихъ, когда ему вздумается, между тѣмъ какъ рабочіе обязаны непремѣнно оставаться до окончанія срока найма. По договору К° Промышленности 1870 г., если бы рабочіе „почему-либо (!) оказались безполезными (!) для пріиска", то промысловое управленіе въ правѣ уволить ихъ „во всякое время съ отнесеніемъ на счетъ ихъ убытковъ, какіе отъ того произойти могутъ". Въ контрактѣ золотопромышленника Плетюхина 1889 г. заключается 4 совершенно несходныхъ одинъ съ другимъ договора, причемъ рабочіе обязываются исполнять тотъ изъ нихъ, какой будетъ угодно выбрать хозяину.

Контракты, говорится въ донесеніи 1872 г. олекминскаго горнаго исправника Лукьянова, по общему сознанію требуютъ измѣненія съ непремѣннымъ уравненіемъ, по возможности, правъ и обязанностей нанимателей и нанимающихся. *Доселѣ права на сторонѣ капитала и силы, которые эксплуатируютъ трудъ.* Не разъ приходилось слышать, что если хозяинъ исполнилъ относительно рабочаго обѣщанное имъ (по контракту), то послѣдній долженъ итти на работу, если бы пришлось ему и умереть на другой день...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такимъ образомъ переходъ отъ подневольнаго труда къ „свободному“ не оправдалъ тѣхъ восторженныхъ надеждъ, которыя возлагало на актъ 19 февраля наше такъ назыв. либеральное общество того времени. Крѣпостное право было уничтожено, но крѣпостническія отношенія остались и продолжали существовать еще очень долго. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что уничтоженіе крѣпостного права было событіемъ малозначащимъ для судебъ рабочаго класса,—отсюда слѣдуетъ лишь, что оно было совершенно недостаточнымъ... *Мало освободить трудъ, нужно его организовать.* Организація же рабочаго класса стоитъ въ тѣсной связи съ уровнемъ его классоваго самосознанія, а послѣднее создается въ процессѣ борьбы. Прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ началась, шла и развивалась эта борьба рабочаго класса съ враждебными ему силами, какъ повышался уровень его самосознанія и укрѣплялись его организаціи—не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Для нашихъ цѣлей будетъ вполнѣ достаточнымъ установить главнѣйшіе моменты этого сложнаго процесса и прослѣдить ихъ вліяніе на положеніе рабочаго класса.

„Освобожденіе“ крестьянъ въ 1861 г. дало сильный толчокъ развитію капитализма въ Россіи, но темпъ его оставался первыя десятилѣтія еще очень медленнымъ, ибо ни кредита, ни путей сообщенія дореформенный строй не зналъ. Такимъ образомъ періодъ свободнаго договора приходится на то время, когда капитализмъ еще только становился на ноги въ Россіи. Неудивительно поэтому, что и рабочій классъ находился у насъ пока лишь въ младенческомъ состояніи. Онъ былъ не только малочисленъ, но и не успѣлъ еще совершенно опредѣлиться въ качествѣ самостоятельной категоріи: фабрика не въ силахъ еще была стереть съ него той печати, которую оставила на немъ земля. Правда, нѣкоторое время послѣ объявленія „воли“ часть бывшихъ посессіонныхъ и крѣпостныхъ рабочихъ отхлынула въ деревню, чтобы осѣсть тамъ, но надежды очень скоро смѣнились разочарованіемъ и вмѣсто этого теченія усилилось другое—противоположное, которое въ настоящее время достигло такихъ внушительныхъ размѣровъ: бѣгство изъ деревни въ городъ... Однако населеніе, занимающееся промышленнымъ трудомъ, еще совершенно не обособилось

въ разсматриваемый періодъ отъ земледѣльческаго. Большинство рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ продолжали сохранять связь съ земледѣліемъ; на время полевыхъ работъ они покидаютъ городъ и затѣмъ снова возвращаются въ него... „У насъ фабричными работами, — писалъ въ 1841 г. органъ славянофильства „Москвитянинъ", — занимаются крестьяне, имѣющіе землю для пашни и сѣнокосовъ... Работники изъ большихъ семействъ идутъ въ свободное время на фабрики. Одинокіе, устроивъ хозяйство, берутъ отъ фабрикантовъ основы по домамъ".

Многіе публицисты не только славянофильскаго, но и болѣе радикальнаго направленія восхищались подобнымъ положеніемъ вещей, находя, что занятіе земледѣльческимъ трудомъ уничтожаетъ тѣ вредныя послѣдствія, какія проистекаютъ изъ фабричной системы. Это, конечно, хорошо. Но при существующемъ строѣ и хорошія сами по себѣ вещи превращаются въ свою противоположность!

Населеніе, которое, не находя себѣ постояннаго источника существованія въ деревнѣ, все же никакъ не можетъ порвать съ нею, а на работу въ городѣ смотритъ какъ на подспорье — не выигрываетъ, но теряетъ отъ такой многосторонности, ибо представляетъ изъ себя наиболѣе благопріятный матеріалъ для эксплуатаціи.

Духъ солидарности и объединенія, сознательности и протеста съ большимъ трудомъ проникаетъ въ такую среду. Нашъ рабочій классъ долгое время носилъ на себѣ слѣды своего „деревенскаго" происхожденія, и это многое объясняетъ намъ въ тѣхъ порядкахъ, которые господствовали на фабрикахъ и заводахъ...

Недаромъ „Москвитянинъ" въ вышеупомянутой статьѣ считалъ нужнымъ добавить, что „наши фабричные мастеровые ведутъ себя удовлетворительно и даже хорошо"! А гр. Канкринъ въ своей запискѣ Николаю I (1834 г.) доказывалъ, что въ Россіи дѣло обстоитъ совершенно иначе, чѣмъ на Западѣ: „у насъ... работники на городскихъ фабрикахъ почти исключительно состоятъ изъ приходящихъ крестьянъ, или имѣютъ дома у себя хлѣбопашество и при остановкѣ работъ возвращаются домой"; поэтому-то они и „не составляютъ опаснаго цѣлаго"!..

Мнѣніе о томъ, что у насъ нѣтъ рабочаго класса въ западноевропейскомъ смыслѣ, съ особыми присущими лишь ему стремленіями и міросозерцаніемъ, было исключительно-господствующимъ въ то время, и до извѣстной степени оно находилось въ соотвѣт-

ствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Однако уже и въ то время накоплялись изъ года въ годъ факты, свидѣтельствующіе съ несомнѣнностью, что въ русскомъ рабочемъ просыпается *пролетарская душа*...

Какъ ни мало были развиты капиталистическія отношенія въ Россіи, однако внутреннія противорѣчія, присущія капиталистическому строю, мало по малу проникали въ сознаніе трудящихся массъ и давали себя знать. Показателемъ этого пробуждающагося сознанія и духа протеста среди рабочихъ являются стачки.

Наше общественное мнѣніе въ лицѣ печати обратило вниманіе на это новое явленіе впервые въ 1870 году. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ нѣкоторыхъ мастерскихъ петербургскихъ портныхъ, а затѣмъ на Невской бумагопрядильнѣ произошли стачки, которыя были зарегистрированы органами печати, какъ „первыя“ въ Россіи. Однако, на судебномъ разбирательствѣ одинъ изъ свидѣтелей заявилъ, что на Невской мануфактурѣ бывали и раньше забастовки, совершенно подобныя той, какая имѣла мѣсто въ 1870 г., и онъ помнитъ такихъ 5 или 6 стачекъ, но только до суда дѣло не доходило.

И такъ какъ стачки считались тогда явленіемъ „противоправительственнымъ“, то, понятно, свѣдѣнія о нихъ, проникавшія въ подцензурную печать, являются далеко неполными...

На Невской бумагопрядильнѣ 22 мая 62 прядильщика предъявили главному мастеру Беку требованіе повысить заработную плату (задѣльную). Бекъ приказалъ сторожу отпереть двери фабрики и заявилъ, что тѣ изъ рабочихъ, которые не согласны работать за прежнюю плату, могутъ итти домой. Рабочіе такъ и сдѣлали: какъ только дверь была отворена, они спокойно вышли и безъ шуму разошлись по домамъ. Но наслѣдующій день уже не стали на работу всѣ 240 прядильщиковъ, и вслѣдствіе забастовки прядильнаго отдѣленія стала вся фабрика. По внутреннимъ правиламъ фабрики, рабочій, желавшій прекратить работу, обязанъ былъ предупредить контору за мѣсяцъ, въ противномъ случаѣ—лишается мѣсячнаго заработка. *Когда же фабрика отказывала рабочему, расчетъ производился тотчасъ же, безъ предупрежденія за мѣсяцъ.* Хороша равноправность сторонъ при свободномъ договорѣ!

Когда мастеръ Бекъ выгналъ рабочихъ съ фабрики, они обратились съ своими требованіями въ контору фабрики и съ жалобами—въ полицію. Чтобы не нарушать „общественной тишины“,

они отправились въ участокъ не всей толпой, а послали туда 3 выборныхъ. Потомъ подавали оберъ-полицеймейстеру прошеніе, отъ имени 800 рабочихъ, въ которомъ жаловались на администрацію фабрики.

Для объясненій съ директоромъ фабрики и полиціей, по ихъ требованію, они выбрали изъ своей среды 5 депутатовъ. Что же въ результатѣ? Стачечники были преданы суду, который въ своемъ приговорѣ положилъ, что „наказуемость стачекъ по 1358 ст. Улож. о наказ. обусловливается требованіями общественнаго благоустройства и благочинія“, и *посадилъ 53 человѣка подъ арестъ на 3 дня, а 4 выборныхъ и депутатовъ — на 7 дней, какъ зачинщиковъ...*

Въ 1871 г. въ Одессѣ произошла стачка извозчиковъ. Городская дума установила таксу за проѣздъ безъ предварительнаго соглашенія съ извозчиками. Тогда послѣдніе, въ количествѣ до 4000 дрожекъ и другихъ экипажей, 9-го августа забастовали. Часовъ въ 11 около 200 извозчиковъ явились къ думѣ для переговоровъ, но *были разогнаны полиціей; нѣкоторые изъ нихъ были арестованы...*

Эти факты, подчеркнутые мною, вовсе не случайны; наоборотъ—они въ высшей степени характерны и вполнѣ типичны: въ нихъ выражается самая сущность дѣла. „Свобода договора“ имѣетъ, оказывается, очень условный и относительный смыслъ: *она означаетъ, что государственная власть не стѣсняетъ только капиталистовъ въ эксплуатаціи рабочихъ, но безусловно стѣсняетъ рабочихъ въ борьбѣ съ капиталистами.* Самодержавіе съ самаго начала заняло позицію, враждебную рабочему движенію, и оставалось на ней до конца своихъ дней.

Первое упоминаніе о стачкахъ мы находимъ въ Уложеніи о наказаніяхъ 1845 г. Ст. 1791 этого Уложенія гласитъ, что „въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему заводомъ, оказаннаго цѣлой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ противъ властей, правительствомъ установленнымъ“, т. е. отъ ареста до каторжныхъ работъ. Въ то время волненія рабочихъ на посессіонныхъ и вотчинныхъ фабрикахъ были явленіемъ обычнымъ; нѣкоторыя изъ нихъ продолжались по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, какъ, напримѣръ, 50-лѣтняя борьба рабочихъ на фабрикѣ Осокина въ Казани. Это приравненіе стачекъ къ возстанію оправдывалось въ правящихъ сферахъ тѣмъ, что въ то время существовали обязательныя отношенія фабричныхъ людей къ владѣль-

цамъ. Съ прекращеніемъ крѣпостного и поссессіоннаго права владѣнія людьми и это „оправданіе“ не могло уже имѣть мѣсто, такъ что въ новомъ изданіи Уложенія (1866 г.) эта статья была выпущена. Но зато осталась по прежнему другая статья (теперь 1358), гласившая, что „за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истеченія установленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются аресту, зачинщики— на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а прочіе—отъ 7 дней до 3 недѣль“. Постановленіе сей статьи,—говорится въ примѣчаніи, — заимствовано изъ законодательства иностраннаго (французскаго); необходимость или, по крайней мѣрѣ, пользу онаго, кажется, не нужно доказывать [1])...

Недовольствуясь однако сохраненіемъ этой дореформенной статьи, правительство царя—освободителя пустило въ ходъ и другія мѣры, въ которыхъ по прежнему приводился взглядъ на стачки, какъ на *бунтъ*, хотя бы онѣ протекали вполнѣ мирно и не выходили изъ рамокъ закона.

Едва прекратилась первая привлекшая общественное вниманіе стачка—на Невской бумагопрядильнѣ, какъ 6 іюня того же 1870 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи губернаторамъ права при первомъ извѣстіи о стачкѣ, *не допуская дѣла до судебнаго разбирательства*, немедленно по обнаруженіи главныхъ зачинщиковъ между фабричными высылать таковыхъ въ одну изъ назначенныхъ для того губерній. Такъ и было поступлено съ „зачинщиками“ стачки на Невской мануфактурѣ, которые были высланы изъ Петербурга...

Послѣ стачки извозчиковъ въ Одессѣ 9 августа 1871 г. послѣдовалъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 сентября того же года, который распространялъ право губернаторовъ высылать главныхъ виновниковъ за всякаго рода стачки—не только фабричныхъ рабочихъ, но и ремесленниковъ.

Такъ нарождался у насъ рабочій вопросъ, встрѣчая столь

---

[1]) Русское правительство, отстаивая обыкновенно ту точку зрѣнія, что Западная Европа намъ не указъ, не прочь однако ссылаться, для оправданія своихъ реакціонныхъ затѣй, и на авторитетъ Запада, извлекая оттуда, нерѣдко съ значительными передержками, всякіе архаическіе остатки. Замѣтимъ здѣсь для справки, что запрещеніе рабочихъ коалицій было отмѣнено: въ Англіи въ 1824 г., Саксоніи—1861 г. Франціи—1864 г., Бельгіи—1866 г., Германіи—1869 г. и Австріи—въ 1870 г.

лестное вниманіе со стороны правительства, хотя ни оно, ни общественное мнѣніе, въ лицѣ печати, и не могли еще оцѣнить этого явленія надлежащимъ образомъ. — „И у насъ случилась стачка рабочихъ, и насъ не оберегъ Богъ“,—такими словами не то сокрушенія, не то растерянности начиналась передовая статья „Новаго Времени“. „Отечественныя Записки“ подчеркиваютъ, что рабочихъ стачекъ въ томъ видѣ, какъ онѣ нерѣдко случаются за границей, у насъ еще никогда не было...

Стачки за-границей дѣлаются съ заранѣе опредѣленною цѣлью, напр., съ цѣлью уменьшенія числа рабочихъ часовъ и т. д., а у насъ, на Невской фабрикѣ, рабочіе трудились въ сутки 15 часовъ, да сверхъ того исполняли разныя сторонніе работы, но они не требовали сокращенія срока работы, а просили только, чтобы ихъ не обижали при расчетахъ. Наши рабочіе до такой степени смирны и безотвѣтны, что готовы работать безъ счета часовъ, сколько влѣзетъ, какъ крѣпостные помѣщику, лишь бы ихъ не обижали...

„Настоящее значеніе стачки,—повторяетъ радикальный журналъ народническаго направленія,—у насъ неизвѣстно и неподходяще къ характеру русскихъ рабочихъ“ [1]).

Несомнѣнно, что въ Западной Европѣ стачки носятъ болѣе организованный характеръ, но и тамъ далеко не всегда онѣ бываютъ наступательными: часто ими преслѣдуется цѣль лишь удержать отъ посягательства со стороны предпринимателей на то, что уже достигнуто. Стачка не перестаетъ отъ этого быть тѣмъ, что она есть, т.-е. острымъ оружіемъ въ рукахъ рабочихъ для защиты своихъ правъ и интересовъ; она есть не только показатель пробуждающагося сознанія и духа протеста, но и могучее орудіе ихъ дальнѣйшаго развитія. И если общественное мнѣніе, равно какъ и правительство,—обратили усиленное вниманіе на это явленіе, то именно потому, что, несмотря на всѣ разсужденія объ особомъ характерѣ русскаго рабочаго, они чувствовали, что здѣсь есть дѣйствительно что-то новое, обѣщающее послѣдствія глубокой важности...

Въ 1872 г. происходили рабочія волненія на огромной Кренгольмской мануфактурѣ, причемъ выставлены были слѣдующія требованія: 1) продлить обѣденный роздыхъ на $^1/_2$ часа, такъ какъ одного часа недостаточно, чтобы пообѣдать, какъ слѣдуетъ, и за-

[1]) „Отечеств. Записки“, 1870 г., № 8.

пастись новыми силами, 2) вечеромъ раньше прекращать работу дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, 3) удалить изъ больницы одного фельдшера, сдѣлавшагося предметомъ общей ненависти; такъ какъ на содержаніе больницы вычитается 2% изъ заработка рабочихъ, то они имѣютъ право на нѣкоторое вмѣшательство въ больничные порядки, 4) уменьшить размѣръ штрафовъ и 5) установить болѣе точныя расцѣнки при поштучной работѣ. Мѣстный губернаторъ 21 августа уладилъ несогласія, повліявъ на удовлетвореніе требованій рабочихъ. Но 9 сентября, во время получки жалованья, среди рабочихъ стала вестись агитація въ пользу подписанія адреса ревельскому губернатору *о возстановленіи прежнихъ порядковъ*; съ этой цѣлью въ изобиліи выдавалась водка, и удалось собрать не малое количество подписей. Тогда депутаты отъ рабочихъ, которые принимали участіе въ заключеніи полюбовной сдѣлки 21 августа, выбрали изъ своей среды 6 человѣкъ и отправили ихъ ходатайствовать передъ властями о защитѣ. Эти депутаты явились въ Нарву къ жандарскому маіору Андріанову съ просьбой о заступничествѣ противъ продѣлокъ фабричной администраціи. Но въ это время правленіе Нарвской мануфактуры дало знать становому, что рабочіе *бунтуютъ* (!), и просило арестовать депутатовъ. Не трудно догадаться, на чью сторону преклонило свое ухо начальство... Узнавъ объ арестѣ своихъ депутатовъ, рабочіе 11 сентября прекратили работы и потребовали освобожденія выборныхъ. Когда часть рабочихъ, пообѣдавши, направилась къ мосту, чтобы итти на работу, стачечники загородили доступъ къ нему. Хотѣвшіе приняться за работу попытались силой пробиться, но въ нихъ полетѣли камни, и они отступили. Забастовщики, въ числѣ 5000 человѣкъ, продолжали волноваться около фабрики, а одна группа человѣкъ въ 500 двинулась въ Нарву съ цѣлью освободить арестованныхъ. Власти встрѣтили ее, успокоили и уговорили вернуться на фабрику... Тѣмъ временемъ былъ вызванъ полкъ солдатъ, который и разогналъ рабочихъ. 12-го рабочіе опять собрались и снова требовали освобожденія депутатовъ. Опять явились солдаты; одному батальону было приказано оцѣпить рабочихъ, но тѣ стали отступать въ поле и, хватая по дорогѣ грязь и камни, бросали ими въ солдатъ,—тѣ отступили. Потомъ нѣсколько рабочихъ было арестовано, остальные разбѣжались. Войска и послѣ возстановленія спокойствія продолжали занимать мануфактуру, работы возобновились только 18 сентября...

Даже на отдаленныхъ пріискахъ Сибири, затерявшихся среди

безлюдной тайги, началъ мало-по-малу пробуждаться рабочій народъ. За 60-е годы печатью отмѣченъ былъ лишь одинъ случай коллективнаго протеста, но въ слѣдующее десятилѣтіе количество ихъ ужъ увеличивается до десяти...

Такъ, напр., въ 1873 г. на пріискѣ К° Сабашникова (Нерчинскаго округа) 90 челов. бросили работы и отправились въ г. Читу принести жалобу областному начальству на неправильныя дѣйствія промысловаго управленія относительно продовольствія, работъ и платъ за нихъ. *Въ Читѣ ихъ посадили въ острогъ*, а затѣмъ приказали возвратиться на пріискъ, но они не захотѣли итти и, разломавъ печь, встрѣтили конвой кирпичами и досками отъ наръ. Начальникъ штаба войскъ Забайкальск. области, явившись съ добавочнымъ конвоемъ, кое-какъ препроводилъ ихъ обратно. Но по прибытіи на пріискъ они вновь отказались работать, и къ нимъ присоединилось еще 128 челов. Когда на пріискъ явились слѣдователи, рабочіе окружили ихъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ въ грудь акшинскаго исправника, а другой сказалъ капитану Вишневскому, командированному генералъ-губернаторомъ: „покажи-ка намъ бумагу, что ты присланъ отъ генералъ-губернатора“. Такъ какъ такой бумаги не оказалось, то рабочіе заявили, что словамъ его не вѣрятъ, и слѣдователи должны были уѣхать съ пріиска безъ результата...

Самое введеніе новаго устава о золотопромышленности 1870 г. дало поводъ къ цѣлому ряду волненій, и съ этого времени пріиски становятся ареной непрекращающейся борьбы, на которую промышленники отзывались тѣмъ, что требовали присылки *постоянныхъ* воинскихъ командъ!

Въ 1874 г. случилась стачка и въ Москвѣ, на суконной фабрикѣ Лазарева. Въ ткацкомъ отдѣлѣ ея на „угаръ“ (усушку) ткани полагалось 3—4 золотника на фунтъ. Въ октябрѣ Лазаревъ измѣнилъ систему сушки, и когда судебный слѣдователь, производившій слѣдствіе по дѣлу, потребовалъ провѣрки угара, оказалось, что онъ теперь достигаетъ 12 золотниковъ на фунтъ. Такъ какъ за недовѣсъ ткачи платили по 50 коп. съ фунта, то, съ перемѣной системы сушки, въ конторскихъ книгахъ и расчетныхъ книжкахъ оказались записанными огромные штрафы: они доходили до 6 р. со штуки сукна, тогда какъ заработокъ со штуки доходилъ только до 5 р. Рабочіе, у большинства изъ которыхъ срокъ найма истекъ 26 окт. и которые составляли одну отвѣтственную передъ хозяиномъ артель, отказались работать на

новыхъ началахъ и требовали возстановленія „старыхъ правъ“. Когда 29 окт. началась стачка, рабочимъ былъ прекращенъ отпускъ харчей изъ хозяйскихъ кладовыхъ и выдача денегъ на покупку припасовъ... Одновременно былъ отданъ приказъ закрыть ворота (!) и выпускать ткачей съ фабричнаго двора только по особымъ ярлыкамъ, выдаваемымъ по произволу конторщиковъ. *Такъ просидѣли рабочіе 4 дня.* Воспользовавшись моментомъ, когда ворота были открыты для проѣзда хозяина, рабочіе толпой вырвались изъ мѣста своего невольнаго заточенія, причемъ сваливши съ ногъ сторожа. Лазаревъ призвалъ полицію и обратился въ судъ съ жалобой, *обвиняя рабочихъ въ стачкѣ и безпорядкахъ.* Это вмѣсто того, чтобы самому быть привлеченнымъ къ отвѣтственности!

Мировой судья призналъ обвиненіе рабочихъ въ стачкѣ недобросовѣстнымъ.

Въ 1875 г., въ первыхъ числахъ мая, на извѣстномъ заводѣ Юза произошло — это уже въ третій разъ — „прискорбное событіе“, какъ выражаются газетные корреспонденты. Причиной была несвоевременная выдача заработанныхъ денегъ и полное отсутствіе человѣческихъ условій существованія. Рабочіе разгромили лавки и трактиры. Были вызваны войска и арестовано около 30 главарей. Передъ Троицей безпорядки повторились вслѣдствіе тѣхъ же причинъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ произошли стачки на строющейся Оренбургской жел. дорогѣ. Подрядчики наняли рабочихъ на земляныя работы, обѣщавъ плату въ 120 р., 95 и 70 р. за лѣто, принявъ путевыя издержки на свой счетъ и т. д. Но когда нанятые рабочіе прибыли на мѣсто, тутъ имъ объявили новыя условія: всѣмъ по 70 р. за лѣто, проѣздъ и харчи въ пути на счетъ рабочихъ. Около 800 человѣкъ забастовало. 8 іюня явились войска и „усмирили бунтарей“, причемъ примѣнены были *тѣлесныя наказанія.* Зачинщики, въ числѣ 15 человѣкъ, административнымъ порядкомъ, были сосланы въ Архангельскую губ.

1-го іюля забастовала ткацкая фабрика Коншина въ Серпуховѣ. На этой фабрикѣ съ 4.000 рабочихъ, сверхъ обычной и широко практиковавшейся системы штрафовъ, практиковался слѣдующій расчетъ рабочихъ: они получали плату за 50 аршинъ въ кускѣ, тогда какъ кусокъ принимался только тогда, когда въ немъ было 60 и болѣе аршинъ. Кромѣ того по праздникамъ, даже самымъ большимъ, работа кончалась лишь въ 8 ч. утра — и церкви по-

сѣщать нельзя было. Стачки привели къ тому, что всѣ штрафы были „прощены“, была обѣщана уплата за все количество сработанныхъ аршинъ и отмѣна ночной работы наканунѣ праздниковъ. Вмѣстѣ съ этимъ бдительное начальство не замедлило, конечно, отыскать 5 „наиболѣе“ виновныхъ рабочихъ, которые были арестованы и отправлены въ Москву!

✓ Въ 1876 г. забастовало около 500 прядильщиковъ на Никольской фабрикѣ Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ (Владимірск. губ.). 1 марта здѣсь было вывѣшено новое лаконическое объявленіе: „на прядильщиковъ за бракованную пряжу будетъ штрафъ 50 к. съ фунта“. Между тѣмъ и старые штрафы были здѣсь непомѣрны. Черезъ чиновника особыхъ порученій и жандармскаго офицера удостовѣрено, что у нѣкоторыхъ рабочихъ штрафы доходили *до 300 р.* по записямъ въ расчетныхъ книжкахъ. Заработной платы нерѣдко не хватало для ихъ покрытія, и въ такихъ случаяхъ вычеты дѣлались съ родныхъ, служащихъ на той же фабрикѣ. Стачка продолжалась недѣлю; 170 человѣкъ получили расчетъ, съ другихъ были сложены всѣ штрафы.

Въ Петербургѣ были стачки на суконной мануфактурѣ Штиглица, на механическомъ заводѣ Курикина и, наконецъ, на Новой бумагопрядильнѣ. Здѣсь въ 1878 г. новый директоръ распорядился сбавить ткачамъ задѣльную плату на 3—5 к. съ куска. Сбавка эта была введена безъ предупрежденія за 2 недѣли. Рабочіе, въ числѣ 2.000 человѣкъ, 27 февраля отказались работать. Они требовали возстановленія старыхъ расцѣнокъ, введенія расчетныхъ книжекъ, отмѣны платы за кипятокъ, сбавки рабочихъ часовъ и др. 3 марта дирекція согласилась сократить число часовъ съ 14 до 12, сохранить прежнюю плату и кипятокъ отпускать даромъ. Но затѣмъ были введены „новыя правила“, отъ которыхъ въ тотъ же день (15 марта) забастовала вся фабрика. Въ концѣ мѣсяца, когда былъ смѣненъ директоръ и главный мастеръ, вызывавшіе сильное раздраженіе въ рабочей средѣ, рабочіе вернулись къ работамъ. Они добились сохраненія старыхъ расцѣнокъ, проведенія невской воды, вмѣсто вонючей изъ Обводнаго канала, была выдана заработная плата за все время забастовки и даже обѣщано вычистить отхожія мѣста! Какъ водится, нѣсколько человѣкъ было арестовано... Интересно отмѣтить, что, устроивъ стачку, рабочіе рѣшили обратиться къ наслѣднику престола съ жалобой. Прошеніе было торжественно отнесено къ Аничкову дворцу и принято градоначальникомъ. Отвѣтъ, хотя и былъ обѣщанъ, но не былъ данъ. Полиціи пришлось много поработать...

Въ концѣ того же года были стачки на фабрикахъ Кенига, Бекера и Мичри. Въ первомъ случаѣ Кенигу, не желавшему уступить, пришлось разсчитать всѣхъ рабочихъ, а на остальныхъ фабрикахъ побѣда осталась за рабочими и работницами. Въ 1879 г. въ стачечномъ движеніи (Петербурга) появляются новыя черты: проблески классоваго самосознанія. На Новой бумагопрядильнѣ снова вспыхнула стачка и перешла тотчасъ же на фабрику Шау за Невской заставой. Между рабочими обѣихъ фабрикъ установились постоянныя сношенія при посредствѣ выборныхъ, и были выработаны общія требованія, предъявленныя хозяевамъ. Объединенные стачечники по собственной иниціативѣ обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, сущность котораго заключалась въ словахъ: „будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго“. Надежды на помощь не осталисъ напрасными: сборы дѣлались почти повсемѣстно, и возбужденіе рабочихъ во время этихъ сборовъ было подчасъ такъ велико, что грозило перейти, а мѣстами и переходило въ забастовку. Стачечники держались спокойно, но полиція арестовывала „зачинщиковъ“—6 человѣкъ изъ рабочихъ Шау, 20 чел. съ Новой бумагопрядильни и т. д. На слѣдующій день толпа человѣкъ около 200 двинулась къ дому градоначальника съ требованіемъ освободить арестованныхъ. Вѣра въ „прошеніе“ уже исчезла. „Мы, рабочіе Новой бумагопрядильни, симъ заявляемъ, что не пойдемъ на работу, пока не будутъ уважены всѣ наши заявленныя хозяину требованія. Что же касается полиціи, то мы отказываемся отъ всякаго вмѣшательства съ ея стороны для примиренія насъ съ хозяиномъ, пока не будутъ освобождены наши товарищи...“ Полиція и жандармы отрѣзали путь и произошла схватка: безоружные были разбиты вооруженными. Аресты и высылки приняли массовый характеръ, *лавочникамъ запрещено было выдавать продукты въ долгъ стачечникамъ и пр.*

Продержавшись двѣ недѣли, рабочіе вынуждены были сдаться, получивъ лишь самыя незначительныя уступки. Но, несмотря на видимую неудачу, эта стачка была огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія сознанія и солидарности среди рабочихъ.

Въ Костромѣ, на заводѣ Шипова и въ Москвѣ въ вагонныхъ мастерскихъ Курск. ж. д., рабочіе, не получая во-время заработной платы, устраивали — въ 1878 г. — своеобразныя манифестаціи: надѣвая на длинныя палки рогожные флаги, являлись къ конторамъ и громко требовали удовлетворенія своихъ требованій...

Въ 1879 г. въ Кіевѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ

было увеличено время работы въ субботу на 1 часъ, съ 10 до 11 ч. Въ ближайшую субботу всѣ стали работать 11 час., но 17 человѣкъ ушло часомъ раньше. Въ понедѣльникъ (19 марта) въ мастерскихъ было вывѣшено объявленіе объ увольненіи этихъ 17 человѣкъ. Тогда всѣ 2.000 рабочихъ выразили свое неудовольствіе по поводу прибавки лишняго часа работы и забастовали. Это заставило жел.-дорожн. начальство отмѣнить свое распоряженіе—и рабочіе стали на работу. Въ Серпуховѣ было въ этомъ году уже нѣсколько стачекъ. На фабрикѣ Коншина были понижены расцѣнки; тогда рабочіе въ числѣ около 4.000 бросили работы — и прежняя плата была возстановлена. Затѣмъ были одновременно забастовки на 2 фабрикахъ — Третьяковыхъ (3.500 челов.) и Ильиной (400 чел.). Рабочіе требовали уже надбавки заработной платы, ихъ требованія были удовлетворены. Въ іюнѣ этого же года на 2 фабрикахъ въ Иваново-Вознесенскѣ 1.500 рабочихъ потребовали повышенія платы, на одной—на 10% и на другой—на 8%, на годъ, до Пасхи. На одной фабрикѣ это требованіе рабочихъ было удовлетворено, на другой—они получили прибавку въ 10% до Покрова.

Половина рабочихъ согласилась на эти условія, другая прекратила работу. Дѣло окончилось арестомъ нѣсколькихъ человѣкъ. Нѣсколько раньше подобный случай имѣлъ мѣсто въ уѣздѣ, около Иваново-Вознесенска.

На фабрикѣ Диля (Моск. у.) 5 человѣкъ рабочихъ потребовали, чтобы имъ была обозначена плата въ расцѣночныхъ таблицахъ; это законное ихъ желаніе не было удовлетворено; тогда они заявили еще болѣе законное требованіе—дать имъ въ такомъ случаѣ расчетъ, но и въ этомъ получили отказъ. Они отказались итти на работу. Директоръ фабрики поспѣшилъ увѣдомить начальство о „бунтѣ“. Немедленно, конечно, прискакалъ становой и урядникъ. Бунтовщиковъ повели въ станъ, затѣмъ въ полицейское управленіе, гдѣ ихъ заарестовали. Между тѣмъ бумага объ усмиреніи цѣлаго „бунта“ и о захватѣ „зачинщиковъ“ уже шла, куда слѣдуетъ, и недѣли черезъ три вышла резолюція: отправить по этапу 2 въ Архангельскъ и 3 въ Вологодск. губ..!.

Такъ мало-по-малу распространялось движеніе изъ одного конца въ другой, и тамъ, гдѣ хоть разъ побывала стачка—все равно, успѣшная или неудачная—уже невозможно было искоренить посѣянную ею „смуту“... И не въ 90-хъ, а ужъ къ концу 70-хъ годовъ въ глазахъ правительства установился взглядъ на фа-

брику, какъ на разсадникъ неблагонадежности и всяческихъ безпорядковъ. Такъ въ 1878 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе— предоставить общей полиціи и жандармскимъ чинамъ *свободный доступъ на всѣ фабрики и заводы во всякое время*, съ тѣмъ, чтобы обыски на нихъ или аресты кого-либо были производимы въ присутствіи завѣдующаго фабрикою или заводомъ (!) Въ 1880 г. заводчикамъ и фабрикантамъ дано право учреждать при промышленныхъ заведеніяхъ спеціальныя *полицейскія должности за свой счетъ*. Мѣстныя власти, конечно, не отставали отъ центральной. За годъ до этого, въ 1879 г., обязательнымъ постановленіемъ генералъ-губернатора юго-западнаго края на хозяевъ, директоровъ и управляющихъ фабрикъ и заводовъ возложена была новая обязанность—именно: *„неуклонно наблюдать за недопущеніемъ въ среду рабочихъ распространителей вредныхъ политическихъ ученій*. Въ случаѣ же появленія такихъ лицъ, управленіе фабрики обязано немедленно задерживать ихъ и доносить о томъ въ полицію". *Донось* не только поощрялся, но прямо вынуждался... подъ страхомъ взысканія въ административномъ порядкѣ штрафа до 500 р.!

Какими же чертами характеризуются первые шаги рабочаго движенія въ разсматриваемое время?—За ничтожными исключеніями, стачки носятъ, въ общемъ, *характеръ оборонительный*: большею частью онѣ вызываются пониженіемъ расцѣнокъ, увеличеніемъ штрафовъ, невыдачей заработной платы, сокращеніемъ числа рабочихъ дней и т. п. Злоупотребленія и произволъ, эксплуатація и надругательство надъ человѣческой личностью со стороны нашихъ предпринимателей-капиталистовъ были такъ велики, часто прямо чудовищны, что по истинѣ не рабочимъ, выведеннымъ изъ послѣдняго терпѣнія, а имъ должно было быть мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ... Но намъ неизвѣстно ни одного такого примѣра, между тѣмъ, какъ тысячи рабочихъ прошли черезъ различныя мытарства, начиная отъ отправленія по этапу на мѣсто жительства и казацкой нагайки вплоть до тюремнаго заключенія и ссылки въ „мѣста не столь отдаленныя"...

Другою особенностью стачечнаго движенія даннаго времени является его *экономическій характеръ*: возникая на почвѣ злоупотребленій и притѣсненій со стороны хозяевъ-предпринимателей, стачки служили средствомъ самозащиты; рабочіе не шли далѣе требованія освобожденія арестованныхъ товарищей и политическихъ лозунговъ не выставляли. Какъ мало было еще въ то время *по-*

литическаго элемента въ настроеніи рабочихъ, видно изъ того, что очень часто во время стачекъ они обращались съ ходатайствомъ о заступничествѣ къ той самой власти, отъ которой исходили отмѣченныя выше исключительныя мѣры строгости и репрессіи... Полицеймейстеры, градоначальники, губернаторы и т. д. то и дѣло выступаютъ въ роли верховнаго трибунала, къ которому они обращаются со своими нуждами. Даже въ Петербургѣ масса еще состояла исключительно изъ „сѣрыхъ“ людей, недавно попавшихъ въ столицу и въ цѣлости сохранившихъ свои деревенскіе предразсудки. Это прекрасно иллюстрируется на примѣрѣ стачки на Новой бумагопрядильнѣ (1878 г.), гдѣ работало болѣе 2.000 человѣкъ. Рабочіе были вполнѣ увѣрены, что „начальство“ немедленно вступится за нихъ, какъ только ознакомится со смысломъ „новыхъ правилъ“. Разубѣдить ихъ въ этомъ до поры до времени было дѣломъ совершенно невозможнымъ. Ближайшимъ представителемъ власти былъ мѣстный полицейскій приставъ; къ нему стачечники и обратились со своими жалобами. Приставъ оказался большимъ дипломатомъ; чтобы выиграть время, онъ ласково принялъ „ходоковъ“ и обѣщалъ имъ переговорить съ управляющимъ фабрики. Простодушные рабочіе заранѣе торжествовали свою побѣду. Но прошелъ день, другой,—мелочныя лавки начали отказывать стачечникамъ въ кредитѣ, а управляющій не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ уступкамъ. Снова отправились ходоки въ участокъ, но на этотъ разъ ихъ тамъ приняли иначе: приставъ заявилъ, что рабочіе обязаны подчиниться новымъ правиламъ, „бунтовщикамъ“ же грозилъ строгимъ наказаніемъ. Стачечники усмотрѣли изъ этого, что онъ „снюхался“ съ управляющимъ, и рѣшили „итти выше“, т. е. къ градоначальнику. Ничего не вышло и изъ этого. Тогда поднялись толки о подачѣ прошенія наслѣднику, что и было потомъ исполнено съ тѣмъ же—для стачки, но не для стачечниковъ—результатомъ.

Обращенія къ „начальству“ были обычнымъ явленіемъ, но они становятся рѣже къ концу разсматриваемаго періода: опытъ не замедлилъ сказаться на психологіи борющихся. Когда въ слѣдующемъ году вновь вспыхнула стачка на Новой бумагопрядильнѣ, то никто уже теперь не думалъ о подачѣ какихъ бы то ни было „претензій“. Рабочіе только смѣялись, когда имъ напоминали о прошлогоднемъ хожденіи къ Аничкову дворцу: „то-то дураки были“!—говорили они.

Это отсутствіе „политики“ въ рабочихъ стачкахъ и „бунтахъ“ не является случайностью.

Революціонныя организаціи того времени—„Земля и Воля“ и „Народная Воля“ — главною своею опорой считали крестьянство, а цѣлью — соціальную революцію. Къ рабочему же движенію въ западно-европейскомъ смыслѣ онѣ относились враждебно, и въ то время какъ рабочій классъ выдвинулъ изъ своей среды рядъ выдающихся личностей,—какъ напр. Петръ Алексѣевъ и др.,— для революціонной интеллигенціи народническаго направленія, послѣдняя не дала ему взамѣнъ ни одного, кто занялся бы организаціей его силъ и развитіемъ классоваго самосознанія...

Лишь въ концѣ 1878 г. въ Петербургѣ образовался „Сѣверный союзъ русскихъ рабочихъ“, который открыто заявилъ, что онъ „тѣсно примыкаетъ по своимъ задачамъ къ соціально-демократической партіи Запада“. Основателями его были рабочій Ст. Халтуринъ и слесарь В. Обнорскій, въ члены по уставу могли приниматься только рабочіе. Уже въ самомъ началѣ въ „Союзъ“ записалось около 200 членовъ, посвященныхъ въ дѣло, да столько же было кандидатовъ въ члены. Мечтою Халтурина было изданіе чисто рабочей газеты; ему удалось поставить типографію, набрать и отпечатать одинъ № „Зари Рабочаго“, но и типографія, и газета были арестованы правительствомъ. Долго мечталъ Халтуринъ также объ одновременной стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ,—что осуществилось только черезъ 25 лѣтъ!—и о всероссійской рабочей организаціи...

Но недолго просуществовалъ союзъ. Онъ скоро подвергся разгрому, а Халтуринъ уклонился въ сторону террористической дѣятельности; въ 1882 г. онъ былъ повѣшенъ. Сѣмена, посѣянныя имъ, не заглохли, но они выросли уже позднѣе...

Противъ стачечнаго движенія, какъ мы уже видѣли, жестокія репрессіи самодержавія оказались безсильны, но по отношенію къ профессіональному движенію дѣйствіе ихъ было болѣе успѣшно: послѣднее было задушено при самомъ рожденіи! Само собой разумѣется, что при отсутствіи политической свободы профессіональные рабочіе союзы существовать не могли; но даже и такія невинныя и узкоограниченныя средства къ улучшенію матеріальнаго положенія, какъ напр. потребительныя общества и кассы взаимопомощи, не уживались въ нѣдрахъ полицейско-бюрократическаго строя. Въ какомъ жалкомъ положеніи находилось дѣло, можно видѣть изъ того, что съ 1866 по 1880 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было утверждено лишь

15 потребительныхъ обществъ. Когда же въ 1870 г. въ среди Харьковскаго потребительнаго общества возникла мысль созвать съѣздъ представителей отъ подобныхъ организацій съ цѣлью самой мирной-именно „выработки основаній совмѣстной закупки товаровъ прямо отъ производителей и вообще изысканія средствъ къ лучшему устройству дѣла“, то онъ не былъ разрѣшенъ на томъ основаніи, что „дѣятельность для потребительныхъ обществъ разрѣшена лишь въ предѣлахъ своего города, общей связи между ними нѣтъ и не должно быть“...

Въ столь же жалкомъ положеніи находились и общества взаимной помощи. Если на Западѣ они нерѣдко служили зародышемъ профессіональныхъ союзовъ, то у насъ для нихъ вообще не было мѣста въ старомъ строѣ. До 1862 г. уставы кассъ взаимопомощи требовали Высочайшаго утвержденія; потомъ это право было передано министерствамъ, за исключеніемъ Царства Польскаго, гдѣ по прежнему должно было испрашиваться Высочайшее разрѣшеніе черезъ комитетъ министровъ!.. При такихъ условіяхъ могли, конечно, существовать... тотализаторы, клубы картежныхъ и др. игръ, но учрежденія, ставящія себѣ цѣлью борьбу съ эксплуатаціей, оказывались совершенно несовмѣстимыми съ исконными, истинно—русскими началами...

Въ центральной Россіи до 90-хъ годовъ насчитывалось всего *три* общества взаимопомощи среди фабрично-заводскихъ рабочихъ—на фарфоровомъ и стекляномъ заводѣ въ Петербургѣ (1861 г.), на Благовѣщенскомъ заводѣ Уфимской губ. (1868 г.) и при Тульскомъ патронномъ заводѣ; очень мало было здѣсь и фабричныхъ кассъ вспомоществованія рабочимъ, и губернаторы могли свободно доносить, что у нихъ „все обстоитъ благополучно“.

Иначе обстояло дѣло въ Западномъ краѣ и на казенныхъ горныхъ заводахъ Урала. Въ Царствѣ Польскомъ, Прибалтійскомъ краѣ и губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской были очень распространены кассы вспомоществованія рабочимъ при отдѣльныхъ фабрикахъ.

Доходы этихъ кассъ составлялись изъ взносовъ рабочихъ, въ размѣрѣ 1—3%, штрафовъ и приплатъ со стороны фабрикантовъ, которые вносили приблизительно % 30—50 или—сколько недостаетъ на покрытіе расходовъ. На средства кассы рабочіе получали медицинскую помощь, лекарства, пособія на похороны и т. д.

Организація кассъ была неудовлетворительна, такъ какъ за-

вѣдывала ими администрація фабрики; кромѣ того, расходы на медицинскую помощь должны ложиться цѣликомъ на предпринимателей, а они, между тѣмъ, перекладывали ихъ въ значительной мѣрѣ на самихъ рабочихъ... Тѣмъ не менѣе рабочіе были до извѣстной степени обезпечены, тогда какъ въ чисто русскихъ губерніяхъ они оставлялись на произволъ судьбы или на милость хозяевъ, что въ сущности одно и то же.

Такъ какъ кассы не были разрѣшены законнымъ путемъ, то фактъ существованія утаивался отъ русскихъ властей. Въ 1891 году въ Западномъ краѣ былъ введенъ законъ 3 іюня 1886 года, вычеты изъ заработной платы были воспрещены, и фабричная инспекція закрыла всѣ эти кассы.

Конечно, въ нихъ существовали, какъ мы видѣли, недостатки; но эти недостатки могли служить лишь предлогомъ, а не основаніемъ для ихъ закрытія! Просто правительство хотѣло сказать этимъ и западнымъ рабочимъ, что оно само заботится о нихъ, имъ же безпокоиться не о чемъ... — Спите! Богъ не спитъ за васъ!

Въ эпоху либерализма, на казенныхъ горныхъ заводахъ Урала по закону 8 марта 1861 г. были основаны такъ назыв. горнозаводскія товарищества, въ члены которыхъ вступаютъ всѣ мастеровые и рабочіе, заключающіе договоръ не менѣе какъ на годъ. Во главѣ каждаго товарищества стоитъ попечительный приказъ, состоящій изъ предсѣдателя, назначаемаго заводскимъ управленіемъ, и четырехъ членовъ, избираемыхъ всѣми участниками товарищества изъ своей среды, притомъ изъ мѣстныхъ домохозяевъ—для благонадежности. Вѣдѣнію приказа подлежитъ: 1) разсмотрѣніе и обсужденіе споровъ и недоразумѣній, могущихъ возникнуть между заводоуправленіемъ и рабочими относительно исполненія работъ, удовлетворенія за оныя жалованьемъ или задѣльною платою, слѣдующихъ на основаніи договора вычетовъ и штрафовъ и соблюденія общепринятаго по заводу порядка; 2) завѣдываніе вспомогательной кассой. Средства кассъ составляютъ: 2 — 3% вычеты изъ заработной платы, равные имъ взносы отъ заводоуправленія и штрафы. Пособія изъ нихъ выдаются: 1) больнымъ, 2) пенсіи инвалидамъ, 3) вдовамъ и дѣтямъ, 4) временныя пособія инвалидамъ, не получившимъ пенсіи, и 5) въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ несчастіяхъ. Въ 1881 г. такихъ кассъ насчитывалось 14 съ 5.946 членами.

Согласно правиламъ 4 іюня 1862 г. и закону 9 марта 1892 г.,

подобныя товарищества *могутъ быть* учреждаемы и на частныхъ горныхъ заводахъ, по обоюдному согласію обѣихъ сторонъ. Едва ли нужно добавлять, что эти статьи остались мертвой буквой, и ни однимъ изъ предпринимателей горнозаводскихъ товариществъ учреждено не было.

Какъ видно изъ вышеприведеннаго, задачи вспомогательныхъ кассъ были очень скромны. Точно также и въ выработкѣ условій найма такъ назыв. попечительные приказы участія не принимали: они только разбирали разногласія, возникшія между рабочими и заводоуправленіемъ на почвѣ уже заключеннаго договора. Но даже и эта, очень ограниченная, ихъ роль показалась опасной и неподходящей для русскихъ условій...

Конфликты въ Златоустѣ вскрываютъ предъ нами эту закулисную сторону дѣла. Лѣтомъ 1896 г. заводоуправленіе сдѣлало здѣсь распоряженіе объ удлиненіи рабочаго дня на одинъ часъ и перенесеніи времени обѣда. Вслѣдствіе протеста представителей товарищества это распоряженіе было отмѣнено. Въ сентябрѣ управленіе потребовало отъ рабочихъ, чтобы они приняли новыя расчетныя книжки съ новыми условіями найма, и тамъ уже не было упомянуто, что всѣ недоразумѣнія по вопросамъ найма должны разбираться горнозаводскимъ приказомъ.

Когда же рабочіе запротестовали, заводоуправленіе объявило, что до тѣхъ поръ не выдастъ уже заработанныхъ (!) денегъ, пока рабочіе не возьмутъ расчетныхъ книжекъ, такъ какъ „дѣло рабочихъ не разсуждать, а исполнять то, что велитъ начальство“.

Лишь послѣ жалобы рабочихъ министру земледѣлія и госуд. имущ. имъ было выдано жалованье. 8 февраля 1897 г. состоялось общее собраніе, гдѣ присутствовало болѣе 1.000 членовъ товарищества; оно началось съ того, что предсѣдатель попечительн. приказа вычеркнулъ изъ программы нѣсколько вопросовъ, внесенныхъ рабочими. Рабочіе запротестовали и добились внесенія этихъ вопросовъ въ программу. На собраніи былъ отмѣненъ и опротестованъ неправильный расходъ денегъ изъ кассы товарищества по единоличному распоряженію предсѣдателя попечительнаго приказа. Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ начальство давало уклончивые отвѣты, рабочіе поставили вопросъ ребромъ: могутъ ли они пользоваться всѣми правами, предоставленными имъ положеніемъ 8 марта 1861 г. и если не могутъ, то почему? Отвѣтъ опять получился уклончивый. Тогда рабочіе послали телеграмму съ тѣмъ же вопросомъ на имя главнаго начальника уральск.

горныхъ заводовъ. На это полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: „такіе вопросы неумѣстны, противозаконны. Если выходки продолжатся, закрою товарищество"!..

Въ мартѣ главный начальникъ пріѣхалъ самъ на заводъ. Спорный вопросъ о томъ, должны ли всѣ возникающіе между управленіемъ и рабочими споры разрѣшаться попечительными приказами—онъ разрѣшилъ въ томъ смыслѣ, что параграфъ этотъ слѣдуетъ примѣнять лишь тогда, когда заводоуправленіе, по собственнымъ соображеніямъ, предложитъ приказу разсмотрѣть какой-нибудь отдѣльный случай. Такое рѣшеніе является совершенно произвольнымъ, противорѣча и смыслу и буквѣ положенія 8 марта 1861 г. Пришлось подкрѣпить ихъ „свыше". Позднѣйшими узаконеніями задачи горнозаводскихъ приказовъ ограничиваются разборомъ несогласій не между заводоуправленіемъ и рабочими, а лишь между послѣдними; кромѣ того ограничено было и право общаго собранія возбуждать нежелательные для управленія вопросы. Такимъ образомъ не только не было сдѣлано за 40 лѣтъ дальнѣйшихъ шаговъ впередъ, но и робкія попытки начала 60-хъ оказались черезчуръ „либеральными" для приблизившагося уже къ своему крушенію строя.

Выдача новыхъ расчетныхъ книжекъ на основаніи закона 11 марта 1902 г. привела къ безпорядкамъ на златоустовскомъ заводѣ въ мартѣ 1903 г. Рабочіе настаивали на отмѣнѣ новыхъ книжекъ, видя въ нихъ стремленіе правительства ограничить льготы и права, обезпеченныя заводскому населенію предшествующими узаконеніями. Переговоры толпы рабочихъ съ губернаторомъ Богдановичемъ кончились тѣмъ, что по распоряженію послѣдняго войска дали въ безоружную толпу нѣсколько залповъ, которыми 48 человѣкъ убито и болѣе 80 ранено...

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ первыя 2 десятилѣтія послѣ 19 февраля 1861 г., несмотря на слабость капитализма въ Россіи, рабочій *классъ* все же энергичнѣе, чѣмъ какой либо другой, проявлялъ стремленіе къ организаціи своихъ силъ и къ борьбѣ за улучшеніе своего положенія; и если эти попытки не приняли тогда широкихъ размѣровъ, то причинъ этого нужно искать не только въ немъ самомъ, но и *внѣ его*...

Рабочее движеніе только лишь начиналось.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что періодъ „свободнаго договора" былъ полонъ весь пережитками крѣпостничества.

И не только труды многочисленныхъ комиссій по рабочему

вопросу обречены были на лежаніе подъ сукномъ, но и уже изданные законы оставались безъ примѣненія!

Въ самомъ дѣлѣ, первыя попытки къ урегулированію отношеній между трудомъ и капиталомъ относятся еще къ дореформенному времени,—таковы напр. правила 24 мая 1835 г. и 7 авг. 1845 г. Первыми устанавливался, между прочимъ, 2-хъ недѣльный срокъ предупрежденія въ случаѣ увольненія рабочаго, а вторыми—запрещалась ночная работа дѣтей до 12-лѣтняго возраста. Уложеніе о наказаніи 1845 г. запретило также предпринимателямъ самовольно до срока понижать заработную плату и расплачиваться вмѣсто денегъ товарами, хлѣбомъ или другими продуктами. Для золотыхъ промысловъ первый опытъ законодательнаго урегулированія относится къ 1838 г., когда воспрещены были обязательныя работы по воскресеньямъ и въ большіе праздники; затѣмъ, въ виду суровости сибирскаго климата, опредѣленъ срокъ осенней промывки золота—10 сентября—и дальнѣйшую промывку дозволялось производить лишь въ теплыхъ помѣщеніяхъ; урочныя работы ночью уничтожались, а для дневныхъ установленъ maximum въ 15 часовъ со включеніемъ времени на обѣденный отдыхъ и т. д. Эти стѣсненія очень не нравились предпринимателямъ, и они добились ихъ пересмотра. Въ томъ отдѣлѣ вырабатывавшей новый уставъ комиссіи, которому поручено было составленіе правилъ о наймѣ рабочихъ, видную роль играли нѣкоторые золотопромышленники или лица, состоявшіе на службѣ у золотопромышленныхъ компаній и экономистъ Вернадскій, извѣстный защитникъ системы невмѣшательства государства во взаимныя отношенія труда и капитала. Неудивительно, послѣ такого давленія съ двухъ сторонъ (а третью сторону, т.-е. рабочихъ, конечно, не спрашивали), что система „свободнаго договора“ восторжествовала: *въ правилахъ 1870 г. уже нѣтъ ни одного изъ указанныхъ постановленій 1838, имѣющихъ въ виду защиту интересовъ труда!*

И нѣтъ сомнѣнія, что именно отсутствіе рабочихъ волненій на пріискахъ въ 50-ые и 60-ые годы облегчило золотопромышленникамъ осуществленіе ихъ намѣренія.—Что касается правилъ 1835 и 1845 г.г., то они вовсе не были отмѣнены съ уничтоженіемъ крѣпостного права, но г.г. фабриканты просто-на-просто игнорировали ихъ, какъ будто бы они и не существовали...

КОНЕЦЪ I ЧАСТИ.

Часть II.

ГЛАВА I.

Въ экономической жизни Россіи послѣднія $1^1/_2$ десятилѣтія XIX вѣка характеризуются быстрымъ ростомъ промышленнаго капитализма. Это нашло себѣ отраженіе и въ возрастаніи числа фабрично-заводскихъ рабочихъ: въ 1886 г.—837,382 челов., въ 1890 г.—959,345, въ 1893 г.—1,118,000 и къ 1 января 1902 г.—1,710,773 рабочихъ. Въ 1860 г. числилось, по свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, въ Европейской и Азіатской Россіи, кромѣ Финляндіи и Царства Польскаго, 15,388 фабрикъ и заводовъ съ 565,142 рабочими. Что касается Польши, то въ ней насчитывалось въ 1857 г. 12,542 фабрики съ 56,364 рабоч.

Такимъ образомъ, число фабрично-заводскихъ рабочихъ за 40 лѣтъ—съ 1860 по 1900 г.—возросло, по оффиціальнымъ даннымъ, немногимъ менѣе, чѣмъ въ *3 раза*. Однако данныя эти не вполнѣ сравнимы, такъ какъ въ отчеты 60-хъ и 70-хъ годовъ въ большомъ количествѣ входили такія мелкія предпріятія, которыя въ позднѣйшее время не регистрировались. Такъ, въ Царствѣ Польскомъ въ 1857 г. считалось 12,542 фабрикъ и заводовъ съ 56,364 рабочихъ, а въ 1890 г. около 150,000 раб. приходилось всего на 3,380 завед. Въ Архангельской губерніи въ 1860 г. попало въ отчетъ 569 заведеній съ 1416 рабочихъ, а въ 1902 г. подъ надзоромъ фабричной инспекціи состояло лишь 48 заведеній (съ 9614 рабоч.)...

Въ виду этого можно сказать, что количество рабочихъ, занятыхъ въ фабрично-заводской промышленности, увеличилось съ 1860 по 1900 г. болѣе, чѣмъ въ 3 раза, но въ $3^1/_2$ или

въ 4, а можетъ быть и болѣе—у насъ нѣтъ данныхъ сказать опредѣленно.

Видное мѣсто принадлежитъ въ настоящее время и горнозаводской промышленности. Такъ какъ *минеральное топливо и чугунъ* являются главнымъ жизненнымъ нервомъ современной крупно-капиталистической промышленности, и развитіе этихъ отраслей промышленной дѣятельности составляетъ необходимое предварительное условіе развитія всей вообще промышленности, то мы заранѣе должны были бы ожидать здѣсь крупныхъ успѣховъ.

И дѣйствительно, количество рабочихъ, занятыхъ при горныхъ, заводскихъ и вспомогательныхъ работахъ,—на рудникахъ, заводахъ и промыслахъ—за послѣднія 40 лѣтъ возросло болѣе, чѣмъ въ 4 раза. Такъ число ихъ по официальнымъ свѣдѣніямъ равнялось въ 1861 г.—170,792, въ 1865 г.—173,301, 1870 г.—223,000, въ 1875 г.—267,990, въ 1880 г.—283,414, въ 1885 г.—349,319, въ 1890 г.—435,668, въ 1895 г.—498,351 и въ 1900 г.—715,497 челов. [1]).

Какъ же распредѣляется эта огромная масса рабочаго населенія по районамъ и отраслямъ производства?

Первое мѣсто по числу рабочихъ занимаетъ промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: въ 1900 г. здѣсь насчитывалось 621,500 рабочихъ, при чемъ при обработкѣ хлопка было занято 372,136 челов., при обработкѣ шерсти—127,796, при обработкѣ льна—71,515, шелка—24,774 и смѣшанныхъ веществъ—25,320 челов. Второе мѣсто занимаетъ промышленность по обработкѣ металловъ: въ 1900 г. 235,785 рабочихъ.

Обработка минеральныхъ веществъ занимала 127,970 челов. На свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ—118,000. Промышленность по механической обработкѣ дерева привлекала 73,964 челов., по обработкѣ питательныхъ продуктовъ—71,042 и т. д. [2]).

Промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ сосредоточена въ 3 районахъ,—центральномъ (Московск., Владимірск., Костромск., Тверск., Ярослав. гг.) во главѣ съ Москвою, При-

[1]) Вслѣдствіе кризиса и отчасти перехода нѣкоторыхъ заводовъ въ вѣдѣніе м-ва финансовъ количество горнозаводскихъ рабочихъ стало потомъ сокращаться: 683,150 въ 1901 г. и 609,911 въ 1903 г.

[2]) См. Статистич. свѣд. о фабрик. и завод. по производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ, за 1900 г. и по производствамъ, обложеннымъ акцизомъ, за тотъ же годъ.

балтійскомъ во главѣ съ Петербургомъ и Польскомъ во главѣ съ Лодзью и Варшавой. За послѣднее время стали возникать крупныя мануфактуры и на югѣ,—въ Петровскѣ, Баку, Тифлисѣ и другихъ мѣстахъ съ цѣлью перерабатывать хлопокъ туземнаго происхожденія и приготовлять товаръ для сбыта въ Персію, Китай, Бухару и прилегающія области. Металлообрабатывающая промышленность естественно тяготѣетъ къ тѣмъ районамъ, гдѣ укоренилась горнозаводская промышленность, доставляющая ей основные матеріалы для переработки; наибольшее развитіе получила она на югѣ Россіи, въ Прибалтійскомъ и Привислинскомъ краѣ.

Свеклосахарное производство ограничивается въ настоящее время 5 юго-западными и южными губерніями, 9 центральными и всѣми привислинскими, кромѣ Сувалкской. Раньше посѣвы свекловицы производились и дальше на сѣверъ во многихъ губерніяхъ. Въ 1901—1902 г. числилось 277 сахарныхъ заводовъ съ 109,778 рабочими и 23 рафинадныхъ завода съ 13,205 рабочихъ.

Кіевская, Подольская и Харьковская губ. являются главнымъ центромъ, такъ какъ здѣсь сосредоточено 154 сахарныхъ завода съ 63,600 рабочихъ и 8 рафинадныхъ завода съ 6,900 рабоч. Затѣмъ идетъ Привислинскій край.

Стеклянные заводы почти до 70-хъ годовъ возникали и развивались исключительно въ мѣстностяхъ особо богатыхъ лѣсомъ. Вслѣдствіе этого наибольшее развитіе эта отрасль промышленности получила по отдѣльнымъ районамъ: средне-восточному съ Владимірск. и Рязанск. губ., средне-западному съ Орловск. и Смоленск. губ. и сѣверному съ Тверск., Новгородск. и Петербург. г. Всѣ эти районы, заключая въ себѣ значительныя лѣсныя пространства, находятся на небольшомъ разстояніи отъ главнѣйшихъ рынковъ Россіи: Москвы, Нижняго-Новгорода и Петербурга. Только съ 70-хъ годовъ къ этимъ главнѣйшимъ районамъ русскаго стеклодѣлія присоединились еще два района съ каменноугольнымъ топливомъ—Донецкій бассейнъ и группа губерній Царства Польскаго, а также за послѣднее время районъ съ нефтянымъ топливомъ—южная часть Россіи близъ Каспійскаго моря.

Писчебумажное производство стало развиваться главнымъ образомъ съ 80-хъ годовъ, когда на рынкѣ появился новый продуктъ, суррогатъ тряпья, подъ именемъ древесной массы и

целлулозы. Главными районами писчебумажнаго производства нужно считать Финляндію, Петербургско-Балтійскія губерніи, Царство Польское и юго-западныя губерніи—Могилевскую, Виленскую, Кіевскую, Волынскую.

Цѣлый рядъ другихъ отраслей промышленности разсѣянъ болѣе или менѣе по всей странѣ, концентрируясь лишь въ главныхъ промышленныхъ и населенныхъ центрахъ. Такъ напр., кожевенная промышленность получила распространеніе болѣе, чѣмъ въ 80 губерніяхъ, но Варшава, Петербургъ, Москва являются ея средоточіями. Эти города составляютъ центръ и для химической промышленности, для производства издѣлій изъ золота и серебра и т. д. Лѣсопильные заводы, будучи распространены и во внутреннихъ губерніяхъ, сосредоточены главнымъ образомъ въ Лифляндской, Потербургской и Архангельской губерніяхъ ($^1/_3$ всей производительности Россіи).

Рабочіе занятые на горныхъ промыслахъ и заводахъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Уралъ	251,976	челов.
Южн. и Юго-Западн. Россія . . .	169,665	„
Средняя Россія	62,581	„
Царство Польское	47,287	„
Кавказъ	45,227	„
Сѣверная Россія	33,266	„

Наибольшее количество рабочихъ рукъ занимаетъ первичная обработка желѣзной руды. Такъ, на заводахъ чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ было занято въ 1901 г. (по приблизительному расчету) 307,941 человѣкъ; изъ нихъ 172,870 горнозаводскихъ и 135,071 вспомогательныхъ рабочихъ. Добычей каменнаго угля было занято 118,180 человѣкъ. На золотыхъ пріискахъ работало въ 1901 г. 86,720 человѣкъ; изъ нихъ на Уралѣ 37 тысячъ, въ Зап. Сибири 12,710 и Вост. Сибири 36,960 человѣкъ.

На желѣзныхъ рудникахъ было занято 46,381, на нефтяныхъ промыслахъ Кавказа 30,683 человѣка и т. д. [1]). Изъ приведенныхъ цифръ видно, что добыча и первоначальная обра-

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности въ Россіи за 1901 г.

ботка желѣзной руды занимаетъ болѣе половины (около 52%) всего числа рабочихъ; если присоединить сюда рабочихъ, занятыхъ добычей каменнаго угля, то окажется, что *желѣзо и уголь* занимаютъ около 70% всѣхъ горно-заводскихъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ ростомъ капитализма побѣда крупнаго производства надъ мелкимъ становится у насъ все болѣе замѣтной, и если раньше процессъ концентраціи русской промышленности подвергался большому сомнѣнію, то теперь его отрицать уже никто не можетъ, ибо въ этомъ отношеніи Россія можетъ поспорить даже съ болѣе развитыми странами.

Въ 1860 г. въ Европейской и Азіатской Россіи, по свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и внутр. торговли, считалось 15,388 фабрикъ и заводовъ съ 565,142 рабочихъ, да кромѣ того въ Царствѣ Польскомъ насчитывалось 12,542 (!) промышленныхъ предпріятія съ 56,364 рабоч. Въ 1885 г. вѣдѣнію фабричной инспекціи подлежало 24,913 предпріятій съ 869,828 раб., а къ 1 январю 1902 года—17,819, въ которыхъ работало 1,710,773 человѣка...

Эти послѣдніе разпредѣляются слѣдующимъ образомъ:

236 фабрикъ (т. е. 1,3% всего ихъ числа) насчитывающихъ свыше 1000 человѣкъ каждая, занимаютъ 513,800 рабочихъ, т. е. 30% общаго ихъ количества...

440 заведеній, съ числомъ отъ 501 до 1000 рабочихъ каждое, занимаютъ 291,460 ч. 2,327 заведеній—отъ 101 до 500 рабоч.—насчитываютъ 497,662 челов.

2,403 заведенія—отъ 51 до 100 рабочихъ—занимаютъ 167,720 челов.

5,671 заведеніе—отъ 21 до 50 рабочихъ—занимаютъ 171,938 челов. и, наконецъ, въ 6,647 предпріятіяхъ—до 20 рабоч. на каждое—находится 68,141 челов.

Эти цифры говорятъ сами за себя: 676 наиболѣе крупныхъ предпріятій, т. е. менѣе чѣмъ 4% общаго числа фабрикъ и заводовъ, сосредоточиваютъ въ себѣ 800 слишкомъ тысячъ человѣкъ, т. е. около 50% всѣхъ рабочихъ!..

Въ томъ же направленіи совершалось развитіе и горнозаводской промышленности [1]).

---

[1]) Такъ, напр., въ главномъ центрѣ нашей каменноугольной промышленности,—югѣ Россіи,—на долю крупныхъ предпріятій съ годовымъ производствомъ не менѣе 3 милл. пуд. приходилось изъ общей добычи:

въ 1876 г.	25%	въ 1894 г.	80%
„ 1880 „	44%	„ 1902 „ . . .	около 85%...

Численное увеличеніе рабочаго класса, сосредоточеніе его въ густо населенныхъ промышленныхъ районахъ и вытѣсненіе мелкаго производства крупно-капиталистическимъ—вотъ тѣ объективные факторы, которые могущественно содѣйствовали росту нашего рабочаго движенія за второй періодъ. Населеніе, занятое промышленнымъ трудомъ. все болѣе дифференцировалось и обособлялось по мѣрѣ того, какъ создавалась и увеличивалась разница между растущими и богатѣющими городскими центрами и оскудѣвающей деревней. Работа на фабрикахъ, заводахъ и въ другихъ отрасляхъ переставала быть занятіемъ временнымъ, чередующимся съ земледѣліемъ; все болѣе значительными становились тѣ массы рабочаго населенія, которыя съ дѣтства порвали уже связь съ деревенскимъ хозяйствомъ, или которыхъ отцы еще работали въ отходѣ. Такъ постепенно, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и труда, складывался и у насъ, въ Россіи, типъ городского рабочаго-пролетарія въ отличіе отъ мужика-крестьянина; существованіе его долгое время отрицалось въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи, но въ разсматриваемый періодъ сомнѣваться въ этомъ уже было трудно...

Еще 10 лѣтъ тому назадъ, въ докладѣ, читанномъ инж. Голгофскимъ, на торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 г., мы находимъ слѣдующія характерныя строки:

„Проѣзжая по любой нашей желѣзной дорогѣ и окидывая взглядомъ публику на станціяхъ, на многихъ изъ этихъ послѣднихъ невольно обращаетъ на себя ваше вниманіе группа людей, выдѣляющихся изъ обычной станціонной публики и носящихъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Это—люди, одѣтые на свой особый ладъ; брюки по-европейски, рубашки цвѣтныя на выпускъ, поверхъ рубашки жилетка и неизмѣнный пиджакъ; на головѣ—суконная фуражка; затѣмъ—это люди по большей части тощіе, со слаборазвитой грудью, съ безкровнымъ цвѣтомъ лица, съ нервно бѣгающими глазами, съ безпечно ироническимъ на все взглядомъ и манерами людей, которымъ море по колѣно и нраву которыхъ не препятствуй... Незнакомый съ окрестностью мѣста и не зная его этнографіи, вы безошибочно заключите, что гдѣ-нибудь вблизи есть фабрика. И гдѣ бы вы ни путешествовали по нашей необъятной Россіи, вездѣ, гдѣ существуетъ фабрика, вы встрѣтите одинъ и тотъ же типъ людей—типъ фабричнаго рабочаго. Онъ, этотъ фабричный рабочій, такъ сформировался и обособился въ средѣ другихъ классовъ населенія Россіи, что вы сразу узнаете

его между сотнями и тысячами людей, вы узнаете его на сѣверѣ и западѣ, на югѣ и востокѣ Россіи"...

Эта характеристика, конечно, далеко не полна, ибо касается лишь *внѣшняго облика*, но она показываетъ во всякомъ случаѣ, что тѣ крупныя измѣненія, которыя испыталъ рабочій классъ, не остались не замѣченными въ нашемъ общественномъ сознаніи, и только невѣжественнореакціонная печать, да правительственныя сферы упорствовали въ своемъ взглядѣ, который могъ считаться умѣстнымъ только развѣ 50 лѣтъ тому назадъ [1]).

Среди рабочаго класса появляется уже болѣе или менѣе значительный процентъ своей *рабочей* интеллигенціи, которая служила проводникомъ новыхъ потребностей и новыхъ идей въ безсознательную сѣрую массу.

Для пропаганды „разрушительныхъ"—съ точки зрѣнія стараго строя—ученій такимъ образомъ создавалась благопріятная почва, и вотъ въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда реакція снова одержала побѣду надъ либерально-конституціонными стремленіями и самодержавіе, казалось, не видѣло уже конца своему торжеству,—было положено начало соціалъ-демократической рабочей партіи, его заклятому врагу... Уже вскорѣ послѣ распаденія сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ изъ русскихъ эмигрантовъ за-границей образовалась въ 1883 г. группа „освобожденія труда"; организаторомъ ея былъ Левъ Дейчъ, а главнымъ теоретикомъ Г. Плехановъ, кромѣ того, въ нее входили В. Засуличъ, Аксельродъ и Игнатовъ.

Эта группа на первыхъ порахъ занималась разработкой теоретическихъ вопросовъ въ духѣ марксизма, подготовкой интеллигенціи и изданіемъ литературы для рабочихъ; вмѣстѣ съ сѣвернымъ союзомъ она является родоначальницей русской соціалъ-демократіи. Необходимость политической борьбы, образованіе самостоятельной рабочей партіи и развитіе классоваго самосознанія—вотъ ихъ главныя идеи.

Въ концѣ 80 годовъ и самомъ началѣ 90 образуются отдѣльные кружки уже внутри самой Россіи и постепенно распространяются по всѣмъ болѣе или менѣе значительнымъ промышленнымъ уголкамъ

---

[1]) Россія донынѣ свободна отъ пролетаріата, и нѣтъ крестьянина, который могъ бы плакаться на то, что онъ лишенъ крова и куска хлѣба, какъ то сплошь и рядомъ бываетъ въ культурной Европѣ",—такъ писали „Московскія Вѣдомости" еще въ 1900 г. № 56.

страны. Дѣятельность тогдашнихъ соціалъ-демократовъ направлялась къ тому, чтобы выработать изъ среды рабочихъ сознательныхъ и вліятельныхъ личностей; сгруппировать изъ нѣсколькихъ подающихъ надежды рабочихъ кружки и путемъ систематическихъ занятій сообщить имъ необходимый запасъ знаній для того, чтобы они могли въ свою очередь воздѣйствовать въ соотвѣтствующемъ духѣ на окружающую ихъ малосознательную массу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлались также попытки издавать—нелегальнымъ, конечно, образомъ—газеты для рабочихъ.

Какъ ни узки были рамки такой „кружковой“ пропаганды, она распространялась настолько успѣшно, что въ половинѣ 90-хъ годовъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ на мѣсто кружковъ появляются уже болѣе сложныя организаціи,—„союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, превратившіеся затѣмъ въ комитеты р. с.-д. р. партіи. Подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи борьба рабочаго класса еще болѣе усилилась, принимая новыя формы по мѣрѣ того, какъ поднимался уровень его сознательности и сплоченности.

Результатомъ этой борьбы и явилась цѣлая система правительственныхъ мѣропріятій по рабочему вопросу, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и переходимъ.

Начало 80-хъ годовъ ознаменовалось цѣлымъ рядомъ крупныхъ стачекъ ясно показывавшихъ, что „патріархальность“ отношеній и былая забитость русскихъ рабочихъ отходятъ уже въ область преданій. Осенью 1880 г. вспыхнула описанная нами выше стачка на фабрикѣ Хлудова, гдѣ бастовало до 2,600 ч., изъ нихъ около 800 были отправлены этапнымъ порядкомъ на мѣсто жительства, а 11 арестованы въ качествѣ „зачинщиковъ“... Затѣмъ—въ Иваново-Вознесенскѣ, на Кренгольмской мануфактурѣ близъ Нарвы, въ Жирардовѣ около Варшавы, на пушечномъ заводѣ въ Перми, въ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на Вознесенской-мануфактурѣ Москов. губ. и т. д. Общественная тишина и спокойствіе были поколеблены, и вотъ въ 1880 г. государственный совѣтъ находитъ, „что нынѣшнія узаконенія о наймѣ рабочихъ дѣйствительно представляютъ болѣе или менѣе существенныя неудобства... Руководясь сими соображеніями, госуд. совѣтъ мнѣніемъ положилъ: предоставить министрамъ, по мѣрѣ обнаруженія на опытѣ потребности, входить съ представленіями объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ о рабочихъ узаконеній“.

Рабочія волненія заставляли торопиться, и 1-го іюня 1882 г. уже былъ изготовленъ законъ, воспрещающій пріемъ на фабрики

малолѣтнихъ ниже 12 лѣтъ и ограничивающій работу подростковъ (отъ 12 до 15 л.) 8 часами при полномъ уничтоженіи для нихъ ночной работы; вмѣстѣ съ тѣмъ были введены фабричные инспектора для надзора за выполненіемъ этихъ правилъ.

Какую цѣль преслѣдовалъ этотъ законъ — объ этомъ совершенно откровенно говорилось въ государственномъ совѣтѣ. „Дѣти недостаточныхъ классовъ привлекались въ огромномъ числѣ къ преждевременнымъ по ихъ возрасту и утомительнымъ по своей продолжительности работамъ въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Разрушая физическія силы этихъ дѣтей, подобныя работы лишали ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможности усваивать въ школѣ твердыя начала религіи и нравственности и пріобрѣтать необходимыя для осмысленной жизни, а также для техническихъ производствъ, познанія. *Надломленныя физически и нравственно, они оказывались впослѣдствіи неспособными быть полезными гражданами и легко поддавались воспріятію революціонныхъ ученій*“...

Но будучи изданъ 1882 г., законъ вступилъ въ силу лишь черезъ 2 года, ибо предприниматели объявили, что они *неподготовлены* и добились отсрочки!

Да и въ дальнѣйшемъ надзоръ фабричной инспекціи за выполненіемъ какъ этого, такъ и другихъ законовъ былъ имъ мало страшенъ, такъ какъ долгое время оставался совершенно призрачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ Харьковскій фабричн. округъ занималъ 400,000 кв. километровъ, или 35 мил. дес., т. е. болѣе Великобританіи, а самый маленькій — Варшавскій—занималъ пространство въ 111,875 кв. верстъ... И на такую территорію назначался одинъ инспекторъ съ 1—2 помощниками!

На одного фабр. инспектора приходилось въ 1885 г. 1295 промышленныхъ заведеній съ 43,491 раб., такъ что въ лучшемъ случаѣ онъ могъ побывать на каждомъ изъ нихъ 1 разъ въ нѣсколько лѣтъ!..

Неудивительно поэтому, что предприниматели не спѣшили не только примѣнять законъ о малолѣтнихъ, но даже и познакомиться съ нимъ.

Между тѣмъ, 7 января 1885 г. разразилась историческая забастовка на Никольской мануфактурѣ С. Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ, гдѣ въ ней принимало участіе 7—8,000 человѣкъ.

Рабочіе разгромили квартиру мастера Шорина, особенно допекавшаго ихъ штрафами (которые доходили здѣсь до 300.000

и болѣе рублей въ годъ, составляя иногда до 40% заработной платы), фабричную контору и харчевой магазинъ. Несмотря на прибытіе войскъ, 9-го янв. были разгромлены также красильное отдѣленіе и квартиры мастеровъ-красильщиковъ за то, что они не примкнули къ забастовкѣ. Главную роль въ организаціи послѣдней играли рабочіе Мойсеенко и Волковъ. Первый принималъ участіе въ стачкѣ на Новой бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ (1878 г.), былъ арестованъ, 17 мѣсяцевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и высланъ административнымъ порядкомъ въ Енисейскую губернію на $1^1/_2$ года за „принадлежность къ тайному политическому обществу“. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ, и рабочіе называли его „студентомъ“. Волковъ съ краснымъ флагомъ въ рукахъ предводительствовалъ толпою; рабочіе называли его „адвокатомъ“. Оба они удерживали рабочихъ отъ буйствъ, стараясь придать стачкѣ организованный видъ, вырабатывали общія требованія и т. д. 11-го января во время объясненія губернатора съ толпою Волковъ передалъ ему тетрадь съ требованіями рабочихъ; онъ тутъ же былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими выборными. Потомъ казаки окружили первые ряды толпы и арестовали еще 51 человѣка. Рабочіе бросились отбивать арестованныхъ, разбили помѣщеніе, въ которомъ они были заключены, и освободили большинство арестованныхъ. Толпа требовала также освобожденія остальныхъ, особенно Волкова, „нашего человѣка“, но безуспѣшно. Послѣ этого 12 января прибыли еще войска, и началась высылка рабочихъ этапнымъ порядкомъ на родину, черезъ пересыльную тюрьму въ Москвѣ. Всего было выслано около 800 человѣкъ; 33 было арестовано и посажено во Владимірскую тюрьму. Виновныхъ въ стачкѣ судили 2 раза. По обвиненію въ стачкѣ—17 человѣкъ было приговорено къ аресту отъ 10 дней до 3 мѣсяцевъ. Другой разъ—33 человѣка обвинялись въ грабежѣ, сопротивленіи властямъ и нападеніи на военный караулъ; всѣ обвиняемые были *по суду оправданы*, но Мойсеенко *административнымъ порядкомъ былъ сосланъ* въ Шенкурскъ на 5 лѣтъ, Волковъ въ Вологодскую губернію, Шкуринъ и Гулинъ въ Сольвычегодскъ...

„Вчера, въ старомъ богоспасаемомъ градѣ Владимірѣ, раздался 101 салютаціонный выстрѣлъ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса,—такъ писалъ Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ на другой день послѣ оправдательнаго вердикта присяжныхъ засѣдателей.—Въ сценахъ, происходившихъ на Никольской фабрикѣ, было уже все необходимое, чтобы придать имъ

характеръ такихъ же рабочихъ движеній, какія вспыхиваютъ отъ времени до времени во Франціи и Бельгіи, *какъ будто* (!) и Россія подобно имъ страдаетъ недугомъ пролетаріата и рабочаго вопроса, какъ будто и наша промышленность представляетъ готовое поле для борьбы труда съ капиталомъ"... (№№ 146 за 1886 и 30 за 1887 гг.).

Послѣ стачки мастеръ Шоринъ былъ уволенъ и дирекція фабрики съ 21 января начала выдавать обратно штрафныя деньги, взятыя съ рабочихъ съ Пасхи; но значеніе ея заключается не въ этомъ, а въ томъ, что морозовская стачка заставила правительство обобщить и закрѣпить въ видѣ закона (3-го іюня 1886 г.) нѣкоторыя изъ требованій рабочихъ, выставленныя ими для защиты отъ произвола и эксплуатаціи предпринимателей. Въ тетради, переданной Волковымъ губернатору, заключались, между прочимъ, слѣдующія требованія: 1) чтобы имъ былъ возвращенъ штрафъ съ Пасхи 1884 г., 2) чтобы штрафы не превышали 5% съ заработаннаго рубля, 3) чтобы вычеты за прогулъ не превышали одного рубля и чтобы хозяинъ самъ платилъ за прогульные по его винѣ дни, 4) измѣнены были условія найма по законамъ, 5) полный расчетъ производился по заявленію за 15 дней, причемъ хозяинъ тоже долженъ предупредить за 15 дней о расчетѣ, 6) чтобы опредѣленіе доброкачественности товара происходило при свидѣтеляхъ изъ рабочихъ, 7) учрежденъ былъ контроль для уравненія платы, 8) жалованье выдавалось не позже 15 числа или въ первую по немъ субботу, 9) допущенъ былъ свободный выборъ старостъ, 10) уволены были непріятные для рабочихъ служащіе и рабочіе и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ событій министръ вн. дѣлъ уже 4 февр. 1885 г. сообщаетъ министру финансовъ о настоятельной необходимости „приступить къ составленію такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ".—Бюрократическая машина заработала съ необычной быстротой... Временнымъ закономъ 3 іюня 1885 г. была воспрещена ночная работа подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ и женщинъ въ хлопчатобумажномъ, полотняномъ и шерстяномъ производствахъ, а 3 іюня 1886 г. вышелъ законъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы; 1 октября того же года къ нимъ присоединились еще особыя правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикан-

товъ и рабочихъ. Права рабочихъ и предпринимателей при этомъ значительно ограничивались, а большинству постановленій закона 1886 г. былъ приданъ публично-правовой характеръ путемъ установленія уголовной отвѣтственности за нарушеніе этихъ постановленій и подчиненія взаимныхъ отношеній сторонъ надзору административной власти. Озабочиваясь „изысканіемъ способовъ къ возможному устраненію на будущее время фабричныхъ забастовокъ и безпорядковъ“, правительство придало закону исключительно административно-полицейскій характеръ. „Издаваемыя правила,—гласитъ опредѣленіе общаго собранія Госуд. Совѣта,—имѣя цѣлью водвореніе должнаго благоустройства и порядка на фабрикахъ, касались такихъ предметовъ, которые всецѣло относятся къ кругу вѣдѣнія полиціи“... Съ этимъ вполнѣ, конечно, гармонируетъ и то обстоятельство, что наказанія за стачки въ этомъ же году были значительно повышены: по ст. 1358[1] за прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ, съ цѣлью принужденія къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: зачинщики—заключенію въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣс., а прочіе участники — отъ 2 до 4 мѣс. Въ сравненіи съ дореформеннымъ закономъ 1845 г. наказаніе увеличилось отъ 3 до 6 разъ, кромѣ того нужно замѣтить, что прежде преступной объявлялась лишь стачка, направленная къ повышенію заработной платы, если же рабочіе требовали, напр., сокращенія рабочаго дня, то они не могли быть преслѣдуемы. По закону же 1886 г. уголовныя кары обрушивались на *всякую* стачку, направленную къ измѣненію условій найма до истеченія срока договора!..

На этотъ разъ правительство не могло уже сослаться на иностранное законодательство даже самыхъ отсталыхъ странъ и вынуждено было прибѣгнуть къ юридическимъ аргументамъ собственнаго, такъ сказать, измышленія: въ стачкахъ „было признано существованіе признаковъ принужденія и вымогательства“... Удивительное дѣло! Когда гг. крупные заводчики и фабриканты занимаются „вымогательствомъ“ сотенъ милліоновъ ежегодно подъ видомъ казенныхъ заказовъ и таможенныхъ пошлинъ или устраиваютъ синдикаты, „вымогая“ у потребителей повышенныя цѣны, то это ничего: они спокойно набиваютъ себѣ карманы, не опасаясь подвергнуться преслѣдованію.

Но когда рабочіе, изнывая въ тяжеломъ трудѣ подъ гнетомъ эксплуатаціи, пытаются хоть сколько нибудь улучшить свое поло-

женіе, то за подобный „признакъ“ (!) вымогательства имъ грозитъ тюремное заключеніе отъ 2 до 8 мѣсяцевъ. И кто же, въ концѣ концовъ, кого угнетаетъ: рабочій ли фабриканта, или фабрикантъ рабочаго?—Правительственные юрисконсульты высказались за первое мнѣніе, и было признано необходимымъ „оградить“ несчастныхъ капиталистовъ отъ угнетенія со стороны рабочихъ...

Подъ вліяніемъ сдѣланныхъ уступокъ и начавшагося оживленія въ промышленности стачечное движеніе затѣмъ до начала 90-хъ годовъ какъ бы стихаетъ, хотя и не прекращается совсѣмъ. Воспользовавшись этимъ, предприниматели стали отбирать назадъ завоеванныя у нихъ позиціи. Въ многочисленныхъ заявленіяхъ и даже прямо доносахъ, устно и печатно, они обрушиваются какъ на фабричное законодательство, такъ и на фабричную инспекцію, обвиняя первое—въ противорѣчіи истинно-русскимъ началамъ, а вторую—въ неблагонадежности и склонности къ соціализму... Они де считаютъ себя обиженными всѣмъ этимъ новшествомъ, такъ какъ всегда были вѣрны престолу и отечеству и считались „столпами“... Какъ ни невѣжественны и несообразны были эти заявленія, но они попадали въ чувствительное мѣсто и... увѣнчались успѣхомъ! Законъ 24 апрѣля 1890 г., который замѣнилъ собою ранѣе изданныя постановленія о работѣ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ, поворачиваетъ теперь уже назадъ вмѣсто того, чтобы итти впередъ. Имъ узаконялась *ночная* работа малолѣтнихъ 12—15-ти-лѣтняго возраста въ теченіе *шести часовъ* (законъ 1882 г. допускалъ для нихъ лишь дневныя работы и не болѣе 4 ч. сряду) въ одномъ изъ самыхъ вредныхъ производствъ — стекляномъ; точно также разрѣшенъ былъ *шестичасовой непрерывный трудъ* малолѣтнихъ и *девятичасовой*, по $4^1/_2$ ч. сряду, въ заведеніяхъ, работающихъ 18 ч. двумя смѣнами. Затѣмъ административной власти (фабричнымъ присутствіямъ и губернатору) предоставлено было право дѣлать отступленія отъ закона 1885 г., т. е. разрѣшать въ особо уважительныхъ случаяхъ ночную работу подростковъ до 17 л. и женщинъ въ хлопчатобумажномъ и др. производствахъ. При этомъ самое понятіе ночного времени въ интересахъ предпринимателей было сужено и ночь стали считать не съ 9 ч. вечера до 5 ч. утра, какъ раньше, а съ 10 до 4 ч. Наконецъ, изъ запрещенія работать малолѣтнимъ въ праздничные и высокоторжественные дни опять-таки администраціи предоставлялось право дѣлать изъятія...

Отчеты фабричныхъ инспекторовъ, во избѣжаніе превратныхъ

толкованій, уже болѣе не появлялись на свѣтъ, а ихъ самихъ Вышнеградскій обѣщалъ фабрикантамъ превратить въ „становыхъ приставовъ“, что и было въ значительной степени достигнуто...

Но не таковъ былъ рабочій классъ, чтобы двусмысленными уступками или угрозами можно было пріостановить его поступательное движеніе. Голодъ 1891—1892 гг., выбросившій изъ деревни массу крестьянъ на заработки, далъ поводъ предпринимателямъ къ ухудшенію условій труда, а это подлило лишь масло въ огонь.

Въ Западномъ краѣ на первое мѣсто нужно поставить знаменитую Лодзинскую стачку 1892 г., гдѣ по официальному сообщенію принимало участіе 30.000 человѣкъ; она закончилась кровавымъ столкновеніемъ рабочихъ съ войсками... Въ томъ же году заводъ Юза на Югѣ Россіи опять сдѣлался ареной безпорядковъ и погрома: были сильно повреждены домашнія печи и казармы; виновные, а можетъ быть и невинные, подверглись *военному суду*, и нѣсколько рабочихъ были приговорены къ *смертной казни*...

Въ 1893 г. стачки и безпорядки захватили Шую, Егорьевскъ, Петербургъ, Харьковъ и Ростовъ на-Дону, а въ 1894 г.— Минскъ, Вильну, Тифлисъ и опять Петербургъ. Для фабричнаго законодательства начало 90-хъ годовъ ознаменовалось лишь однимъ актомъ—9 марта 1892 г., которымъ были распространены и на горнозаводскую промышленность (за исключеніемъ золотыхъ пріисковъ) правила о наймѣ 3 іюня 1886 г. и запрещалась работа: малолѣтнимъ до 12 лѣтъ совсѣмъ, а отъ 12 до 15 лѣтъ и женщинамъ—ночная и внутри рудниковъ.

Что касается позднѣйшаго стачечнаго движенія, то по свѣдѣніямъ министерства финансовъ оно представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ГОДЫ.	Число заведеній.	Число участниковъ.
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897	145	59.870
1898	215	43.150
1899	189	57.498
1900	125	29.389
1901	164	32.218
1902	123	36.671
1903	550	86.832
1904	68	24.904

Общее количество стачекъ за это десятилѣтіе равнялось 1.765, и въ нихъ принимало участіе 431.254 рабочихъ.

Ими потеряно при этомъ 2.079.408 дней; въ среднемъ на одного стачечника приходится 4,8 дня. Эта цифра на взглядъ западно-европейскаго рабочаго покажется очень скромной, но если мы вспомнимъ, что у насъ не было профессіональныхъ союзовъ, а боевыя кассы и другія организаціи могли быть только нелегальными, то значеніе ея, какъ аттестата стойкости русскихъ рабочихъ должно сильно возрасти. Но оно станетъ еще выше, если принять во вниманіе тѣ специфическія условія, при которыхъ протекали наши стачки. Изъ 1.765 обслѣдованныхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ 46% сопровождались особыми обстоятельствами, имѣющими цѣлью оказать давленіе на бастующихъ. Таковы: призывы войскъ (269 случаевъ), расчетъ бастующихъ (190), аресты и высылки (164), поголовный расчетъ (137), разрушительныя дѣйствія (44), судебныя преслѣдованія (31); тутъ не указаны еще выселеніе съ квартиръ, прекращеніе отпуска продуктовъ въ кредитъ и т. д.

Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, познакомиться съ тѣмъ, въ какой обстановкѣ приходилось рабочимъ бороться? На Р-ской мануфактурѣ (Московской губ.) въ 1895 г. 2.000 человѣкъ бросило работу, жалуясь на то, что ихъ заставляютъ работать на $^1/_2$ часа больше противъ правилъ, не платя за этотъ излишекъ — причина, кажется основательная... Но вмѣсто того, чтобы удовлетворить ихъ требованіе, а фабриканта привлечь къ отвѣтственности—тѣ, отъ кого это зависѣло, прибѣгнули къ устрашенію рабочихъ.

Пріѣхалъ самъ губернаторъ, за нимъ казаки, а еще сзади—владѣлецъ фабрики и вся администрація, бѣжавшіе ранѣе въ Москву. При въѣздѣ во дворъ губернаторъ остановилъ коляску у первой большой толпы и приказалъ всѣмъ рабочимъ уходить по казармамъ, но они отказались сдѣлать это. Тогда былъ отданъ приказъ казакамъ водворить рабочихъ въ казармы, дѣйствуя при этомъ слегка нагайками. Казаки быстро прогнали всѣ толпы по казармамъ при помощи нагаекъ. При этомъ рабочіе бросали въ нихъ камнями. Губернаторъ приказалъ исправнику, въ сопровожденіи 2 казаковъ, поочередно подъѣзжать къ каждой изъ 4 казармъ и объявлять рабочимъ, что въ 4 часа утра губернаторъ будетъ говорить съ ними, а теперь де приказываетъ имъ спать. При этомъ было брошено изъ оконъ въ исправника нѣсколько камней и бутылка, но въ него не попали. Въ 4 часа утра сотня казаковъ выстроилась

ередъ казармой, и губернаторъ объявилъ столпившимся „безъ шапокъ“ рабочимъ, что требованія о прибавкѣ жалованья не будутъ уважены, а остальныя претензіи будутъ разсмотрѣны; затѣмъ велѣлъ стать на работу, а теперь уйти въ казармы и т. д. Въ казарму рабочіе ушли, но работать на прежнихъ условіяхъ отказались... Тогда на слѣдующій день казаки опять окружили ихъ и повели въ контору. Здѣсь каждый рабочій опрашивался отдѣльно, желаетъ ли онъ работать на прежнихъ условіяхъ; оказалось, что всѣ желаютъ работать, кромѣ 18, но администрація сама отказалась принять 51. Послѣ этого 130 человѣкъ были отправлены въ московскій тюремный замокъ съ тѣмъ, чтобы 61 человѣкъ, заподозрѣнныхъ въ „бунтѣ“, бросаніи камней и бутылки, предать суду, а остальныхъ выслать по этапу на родину...

Водворивъ порядокъ, администрація устраиваетъ пиръ, причемъ, какъ истинные побѣдители, организуютъ хоры пѣсельниковъ отъ бывшихъ на мануфактурѣ частей войскъ, которые поютъ во время обѣда по просьбѣ вице-губернатора „съ цѣлью нѣсколько оживить мрачность обстановки на мануфактурѣ,, обнаружившуюся послѣ возстановленія порядка“. При этомъ такъ перепиваются, что сынъ директора „въ растерзанномъ видѣ“ скачетъ по фабричному двору на казацкой лошади на глазахъ усмиренныхъ рабочихъ. Военные чины тоже не отставали — одинъ казацкій офицеръ забрелъ въ помѣщеніе урядника и, не сознавая, что дѣлаетъ, отстегалъ спавшаго нагайкой, а другой бѣгалъ съ обнаженной шашкою...

Въ томъ же году случилась забастовка на Прохоровской мануфактурѣ въ Москвѣ. Немедленно пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и пригналъ 400 городовыхъ, 200 пожарныхъ, 200 казаковъ и жандармскій дивизіонъ! Изъ толпы были вызваны 40 человѣкъ и сейчасъ же арестованы, а остальнымъ было предложено работать безъ прибавки, объявленной наканунѣ и т. д.

Несмотря на столь неблагопріятныя условія, созданныя открытымъ союзомъ самодержавія съ капиталомъ, до 50% всѣхъ стачекъ все же оканчивались полной или частичной побѣдой рабочихъ противъ 45%, окончившихся въ пользу хозяевъ. И если за второй періодъ можно говорить о какомъ нибудь прогрессѣ (а имъ можно считать не только завоеванныя частичныя улучшенія, но и развитіе самосознанія и солидарности среди рабочаго класса, подготовляющее почву для будущаго), то все это было достигнуто упорной стачечной борьбой, которая наполняла все двадцатипятилѣтіе нашего фабричнаго законодательства.

Интересно отмѣтить, что болѣе крупныя заведенія подвергаются стачкамъ значительно чаще, чѣмъ мелкія, т. е. другими словами концентрація производства усиливаетъ способность и наклонность рабочихъ къ сопротивленію эксплуатаціи, такъ что въ то время какъ изъ 10 мелкихъ заведеній (до 20 ч.) затронуто стачками (въ 1895—1904 гг.) только одно, въ разрядѣ фабрикъ съ 1.000 и болѣе рабочими бастовали почти всѣ.

Приведенныя выше статистическія данныя относятся только къ стачкамъ на фабрикахъ и заводахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи м-ва финансовъ; такимъ образомъ рабочіе горнозаводскіе, желѣзнодорожные служащіе и др. остались совершенно внѣ регистраціи. Благодаря этому оффиціальная статистика показывала дѣйствительность лишь въ уменьшенномъ видѣ: напр., во время всеобщей стачки 1903 г. на Югѣ Россіи число стачечниковъ доходило до 200.000 а между тѣмъ въ указанной таблицѣ ихъ зарегистровано, по всей странѣ, 86.832 человѣка! Если широкой публикѣ всѣ эти факты и цифры были еще неизвѣстны, въ виду запрещенія касаться этого вопроса въ печати, то правительство во всякомъ случаѣ знало о нихъ очень хорошо, и какой насмѣшкой и лицемѣріемъ звучатъ слова секретнаго циркуляра, разосланнаго фабричной инспекціи отъ 5 декабря 1895 г.

„Въ нашей промышленности, — говорится здѣсь, — преобладаетъ патріархальный складъ отношеній между хозяиномъ и работникомъ. Эта патріархальность во многихъ случаяхъ выражается заботами фабриканта о нуждахъ рабочихъ и служащихъ на его фабрикѣ, въ попеченіяхъ о сохраненіи ладу и согласія, въ простотѣ и справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ.

Когда въ основѣ такихъ отношеній лежитъ законъ нравственности и христіанскаго чувства, тогда не приходится прибѣгать къ писаному закону.

Въ Россіи, къ счастью, не существуетъ рабочаго класса въ томъ смыслѣ и значеніи, какъ на Западѣ, и потому не существуетъ и рабочаго вопроса, и тотъ и другой не будутъ и не могутъ имѣть у насъ почвы для своего рожденія, если рядомъ съ проведеніемъ заботливости фабрикантомъ къ благополучію рабочихъ вы приложите съ своей стороны всѣ старанія къ утвержденію законности и нравственнаго долга среди рабочихъ“.

Уничтожающей критикой этихъ архаическихъ разсужденій, приличныхъ еще въ устахъ Канкрина, но никакъ не Витте, послужило широкое движеніе рабочихъ массъ въ самомъ Петер-

бургѣ, подъ носомъ такъ сказать у центральной правительственной власти!

Послѣ цѣлаго ряда стачекъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ въ теченіе 1894—1895 гг. здѣсь вспыхиваетъ весною 1896 г. массовая стачка, охватившая почти всѣ ткацко-прядильныя заведенія и притомъ уже не оборонительнаго, а наступательнаго характера. Она продолжалась съ 24 мая по 17 іюня, причемъ въ іюнѣ одновременно бастовало болѣе 30,000 ткачей.

Главнымъ пунктомъ въ требованіяхъ рабочихъ, которыя были выработаны собраніемъ представителей (около 100 человѣкъ) отъ фабрикъ и напечатаны въ особомъ листкѣ, является сокращеніе рабочаго дня съ 12—14 час. до $10^1/_2$.

Эта стачка получила широкую извѣстность не только въ Россіи, но и за-границей, откуда поступали пожертвованія въ пользу рабочихъ, и правительство рѣшило выступить съ особымъ сообщеніемъ, напечатаннымъ въ № 158 „Правительств. Вѣстника“, гдѣ *впервые* указывается, что появилась и стала дѣйствовать у насъ какая-то неслыханная до сихъ поръ *соціалъ-демократическая* организація.

„За подписями „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, „Рабочаго союза“ и „Московскаго рабочаго союза“,— говорится тамъ,—появилось 25 различнаго содержанія подметныхъ листковъ... Съ достовѣрностью можно предположить, что сочинители этихъ листковъ пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, съ цѣлью придать имъ соціальный характеръ и въ этомъ смыслѣ руководить забастовщиками. Обращаясь къ рабочимъ, агитаторы въ болѣе раннихъ листкахъ повторяютъ тѣ требованія, которыя уже были заявлены рабочими; указываютъ на цѣли, преслѣдуемыя западно-европейскими рабочими, убѣждаютъ упорствовать въ стачкѣ, обѣщаютъ даже денежную помощь, уже будто бы идущую отъ германскихъ рабочихъ, и преподаютъ совѣты благоразумнаго поведенія, котораго рабочіе уже держались до появленія листковъ, съ самаго начала забастовки; но затѣмъ листки наполняются возмутительными наущеніями противъ капиталистовъ, правительственныхъ установленій и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листковъ обращаются къ обществу, приглашая примкнуть къ русскимъ соціалъ-демократамъ...“.

Небрежный тонъ правительственнаго сообщенія однако плохо гармонировалъ съ дѣйствительнымъ настроеніемъ заинтересован-

ныхъ сферъ; по крайней мѣрѣ въ *закрытомъ* засѣданіи 20 дек. 1896 г., происходившемъ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Витте, фабриканты и фабричные инспектора уже, оказывается, „единогласно“ признавали, что причины (?) безпорядковъ—не въ продолжительности рабочаго дня, а въ подстрекательствѣ пропагандистовъ, нарушившихъ и нарушающихъ съ поразительной дерзостью спокойное теченіе промышленной жизни...

Что касается министра финансовъ, то онъ съ какимъ-то раздраженіемъ напиралъ на то, что на Западѣ пропаганда ведется исключительно (?) на экономической почвѣ и тамъ въ движеніи принимаютъ участіе ученые государственные дѣятели, члены парламентовъ и др., у насъ же „пропагандисты принадлежатъ къ подонкамъ анархизма и нигилизма“...

Увы! Г. Витте еще не предвидѣлъ тогда, что эти подонки скоро поднимутся на поверхность русской общественной жизни и займутъ тамъ почетное мѣсто, тогда какъ многіе изъ сидѣвшихъ наверху будутъ сброшены внизъ!

Вопреки его утвержденію нужно замѣтить также, что въ движеніи принимали главное участіе не анархисты и нигилисты, а соціалъ-демократы, которые, въ противоположность соціалистамъ-революціонерамъ, старались по возможности предотвращать кровавые конфликты съ войсками и полиціей. Ставя себѣ задачей развитіе классоваго сознанія и организаціи рабочихъ массъ, они не имѣли причины желать ненужнаго кровопролитія, которое, можетъ быть, и обостряетъ чувство недовольства администраціей, но не освѣщаетъ этого недовольства свѣтомъ классоваго сознанія, вноситъ дезорганизацію въ ряды рабочаго движенія, истощая преждевременно его силы. Поэтому вездѣ при стачкахъ соціалъ-демократы рекомендовали рабочимъ вести борьбу въ болѣе выдержанныхъ и спокойныхъ формахъ, не поддаваясь на провокацію полиціи и удерживая болѣе неразвитыхъ или очень пылкихъ товарищей отъ проявленія своего законнаго гнѣва въ насильственныхъ дѣйствіяхъ.

И въ указанномъ выше засѣданіи министръ вн. дѣлъ Горемыкинъ замѣчаетъ, что стачки рабочихъ въ послѣднее время, принявъ болѣе острый характеръ, стали гораздо тактичнѣе; стачечники стараются не подавать поводовъ къ преслѣдованію за явное нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія и вынуждаютъ къ принятію мѣръ, тяжелыхъ по ихъ послѣдствіямъ и все же, повидимому, недостаточныхъ: лѣтомъ прошлаго года (т. е.

1895 г.) за стачки на петербургскихъ мануфактурахъ арестовано около 1000 рабочихъ...

Итакъ, стачечники ведутъ себя тихо, не нарушаютъ общественной тишины и спокойствія, и вдругъ... правительство *вынуждено* прибѣгнуть къ мѣрамъ тяжелымъ и въ то же время недостаточнымъ!.. Но кто же его *вынуждаетъ*, — вотъ вопросъ? Въ этихъ разсужденіяхъ или ужъ совсѣмъ нѣтъ логики, т. е. это глупость, или уже слишкомъ много смысла...—мы предоставляемъ читателю рѣшить этотъ вопросъ самому.

Результатомъ петербургскихъ стачекъ было изданіе закона 2 іюня 1897 г., которымъ продолжительность рабочаго дня во всѣхъ отрасляхъ фабричной и горнозаводской промышленности ограничивалась $11^1/_2$ часами. Хотя мысль о томъ, что рабочіе посмотрятъ на эту мѣру, какъ на вынужденную уступку, положительно отравляла воображеніе бюрократіи, однако въ интересахъ полицейскихъ признано было необходимымъ положить предѣлъ эксплуатаціи предпринимателей. Послѣднимъ впрочемъ вскорѣ же удалось подорвать въ значительной степени значеніе новаго закона, такъ какъ, по ихъ настояніямъ, министерство финансовъ циркулярами отъ 5 января и 14 марта 1898 г. отмѣнило установленную ранѣе норму сверхурочныхъ работъ (120 час. въ годъ) и предоставило заключеніе ихъ „свободному“ соглашенію сторонъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ 12 августа 1897 г. министръ вн. дѣлъ разослалъ циркуляръ губернаторамъ, гдѣ указывалось, что „укорененіе въ рабочей средѣ ложнаго представленія о цѣлесообразности всякаго рода дѣйствій скопомъ, самоуправства и насилія какъ по отношенію къ правительственной власти, такъ и въ отношеніи фабрикантовъ и товарищей — представляется весьма опаснымъ для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ и предлагалось *всѣхъ прекратившихъ работу съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ удалять безотлагательно въ мѣста родины, а тѣхъ, которые забастуютъ съ нарушеніемъ срока, удалять по этапу...*

„Во всѣхъ случаяхъ стачекъ и забастовокъ, — говорилось далѣе,—я рекомендую преимущественное направленіе дѣлъ въ порядкѣ положенія объ охранѣ въ томъ соображеніи, что *судебное преслѣдованіе не всегда бываетъ возможно въ виду весьма частаго отсутствія всѣхъ признаковъ преступленія*, предусмотрѣннаго ст. 1358 и послѣд. улож. о нак., а также въ виду того, что означенныя статьи закона, налагая на виновныхъ

наказанія, не сопряженныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, не обязываютъ судебнаго слѣдователя подвергать обвиняемыхъ содержанію подъ стражей, между тѣмъ какъ при тревожномъ настроеніи рабочаго населенія данной мѣстности освобожденіе наиболѣе энергичныхъ вожаковъ изъ-подъ стражи до полнаго успокоенія умовъ представляется весьма часто вреднымъ и влечетъ за собой возобновленіе безпорядковъ"!..

Не довольствуясь этимъ, 1 февраля 1899 г. минист. вн. дѣлъ провело законъ объ учрежденіи особой фабричной полиціи, по расчету: 1 городовой на 250 рабочихъ, независимо отъ того—мужского или женскаго пола, живущихъ на фабрикѣ или внѣ ея...

Въ свою очередь министерство финансовъ для лучшаго же надзора за фабриками увеличило штатъ фабричныхъ инспекторовъ, такъ что на каждаго изъ нихъ приходилось въ 1901 г. лишь 82 заведенія съ 7.638 рабочими. Однако да не подумаетъ читатель, что это увеличеніе штатовъ имѣло своей цѣлью неослабное проведеніе въ жизнь законовъ по охранѣ труда, ранѣе очень свободно игнорировавшихся предпринимателями—вовсе нѣтъ!

Дѣло объясняется тѣмъ, что „волненія между рабочими принялиеще болѣе обостренную форму и сопровождались усиленной пропагандой соціалъ-демократическаго характера. Необходимо было устранить благодарную почву для этой пропаганды среди недовольныхъ элементовъ рабочаго класса, а администрація не имѣла возможности и времени *слѣдить, какъ слѣдуетъ, ни за упорядоченіемъ рабочаго вопроса, ни тѣмъ болѣе за пропагандою при отсутствіи въ Тифлисѣ сыскной полиціи, адреснаго стола и института дворниковъ.*

Эти прискорбныя явленія убѣждали въ неотложной необходимости приступить къ упорядоченію рабочаго вопроса, что, въ свою очередь, могло быть достигнуто лишь возможно скорымъ введеніемъ здѣсь фабричной инспекціи, органа, „призваннаго вѣдать спеціально рабочій вопросъ". Такъ гласитъ отчетъ по дѣлопроизводству госуд. совѣта за 1901—1902 г., и эти слова не нуждаются, конечно, ни въ какихъ комментаріяхъ!..

Изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, совершившаго спеціальную поѣздку въ промышленныя губерніи, мы узнаемъ также, что фабриканты отпускаютъ иногда непосредственно въ распоряженіе полиціи нѣкоторыя суммы для содержанія тайныхъ агентовъ на фабрикахъ, иногда же содержатъ ихъ непосредственно

отъ себя, и тогда полиція нерѣдко пользуется ими для своихъ цѣлей... Но такъ какъ подобные субъекты содержались еще и жандармскимъ управленіемъ, то бывали случаи, что, не зная другъ друга, *одинъ агентъ задерживалъ другого*!!

Чтобы слѣдить за настроеніемъ рабочихъ, сообщаетъ далѣе Сипягинъ, иногда помѣщаютъ расторопныхъ городовыхъ на фабрику въ качествѣ рабочихъ, гдѣ они, ознакомившись съ настроеніемъ послѣднихъ, находятъ въ заработной платѣ дополнительное вознагражденіе за исполненіе своихъ *трудныхъ и нерѣдко связанныхъ съ личной опасностью обязанностей*...

Ободренные столь внимательнымъ и сочувственнымъ отношеніемъ власти къ своимъ нуждамъ, наши заводчики и фабриканты самыя кутузки для безпокойныхъ элементовъ стали строить прямо ужъ у себя дома! Такъ, владимірскій губернаторъ въ своемъ циркулярѣ исправникамъ отъ 8 февраля 1902 г. указываетъ, что „устроенныя при нѣкоторыхъ фабрикахъ *арестантскія* (?) *помѣщенія* находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, представляя собою часто маленькую компату *безъ оконъ и печей, съ землянымъ или каменнымъ поломъ, не снабжены кроватями или нарами*. Принимая во вниманіе, что существованіе такихъ помѣщеній на фабрикахъ, куда могли бы быть помѣщаемы пьяные до вытрезвленія или задержанные полиціей по другимъ законнымъ основаніямъ фабричные рабочіе, вызывается практической необходимостью, *хотя они и не относятся къ числу установленныхъ закономъ мѣстъ заключенія*,—тѣмъ не менѣе нельзя допустить, чтобы арестуемые подвергались такимъ неудобствамъ, которыя могутъ вредно отозваться на ихъ здоровьѣ".

Такимъ образомъ все у нихъ было *свое*: и законодательство [1]), и полиція, и тайные агенты, и клоповники... Недоставало еще, чтобы и судъ былъ *свой*, но такъ какъ ему, по министерскимъ циркулярамъ, дѣлать тамъ было нечего, то выходило, что фабричная территорія была особой, такъ сказать, областью, въ которой самоуправно властвовалъ капиталъ.

Едва ли нужно добавлять, что всѣ эти уродливыя порожденія извращеннаго творчества, выросшія въ зловонной атмосферѣ разлагающагося стараго строя, были предвѣстниками его гибели, но не торжества. Рабочее движеніе разросталось съ неудержимой си-

[1]) При обсужденіи или выработкѣ фабричныхъ законовъ непремѣнно приглашались представители промышленности какъ въ 1882—1886, такъ и въ 1897—1903 гг.

лой. Въ отвѣтъ на секретный циркуляръ отъ 5 декабря 1895 г., внушающій фабричнымъ инспекторамъ, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть рабочаго вопроса и что патріархальность отношеній останется неизмѣннымъ достояніемъ русской промышленности, особое совѣщаніе 1896 г., образованное по поводу извѣстныхъ уже намъ волненій на петербургскихъ фабрикахъ, сочло нужнымъ напомнить, что увы! „нынѣшніе фабричные рабочіе уже далеко не тѣ, какими они были 10—20 лѣтъ тому назадъ". А черезъ 5 лѣтъ шефъ жандармовъ Святополкъ-Мирскій въ своей запискѣ по поводу новыхъ рабочихъ волненій выражается уже гораздо опредѣленнѣе: „Признавая главной причиной безпорядковъ на заводахъ въ Петербургѣ противоправительственную агитацію, я не могу не отмѣтить, что въ самой жизни рабочихъ есть не мало условій, облегчающихъ пропагандистамъ ихъ разрушительную дѣятельность. Главнѣйшимъ изъ такихъ условій представляется совершенная необезпеченность мастеровыхъ съ наступленіемъ старости или за неспособностью къ работѣ по болѣзни. Поставивъ себѣ конечной цѣлью создать изъ рабочихъ организованныя массы для борьбы съ правительствомъ за осуществленіе своихъ идей, агитаторы, къ сожалѣнію, значительно успѣли въ этомъ. Въ послѣдніе 3—4 года изъ добродушнаго русскаго парня выработался своеобразный типъ полуграмотнаго интеллигента, почитающаго своимъ долгомъ отрицать религію и семью, пренебрегать закономъ, не повиноваться власти и глумиться надъ нею. Такой молодежи, къ счастью, имѣется еще немного, но эта ничтожная горсть террористически (?) руководитъ всей инертной массой рабочихъ"...

Стачечное движеніе, вспыхивающее во всѣхъ концахъ Россіи и съ каждымъ годомъ все учащающееся, не переставало, конечно, быть стихійнымъ, но проявленія солидарности и организованности все увеличивались въ немъ. Темныя массы еще далеко не усвоили себѣ того, что называется классовымъ самосознаніемъ, — это сдѣлалъ только 1905 годъ,—но элементъ сознательности все возросталъ въ нихъ.

Хожденіе въ полицію съ прошеніями, бросаніе въ толпу орѣховъ и пряниковъ, какъ дѣлалъ, напримѣръ, Хлудовъ, все это уже отходитъ въ область преданія, какъ отголосокъ пережитаго прошлаго. Своими прокламаціями соціалдемократія прочищала мозги у покорныхъ и забитыхъ людей, разъясняя то, что было еще темно для нихъ, и зовя къ лучшей долѣ, въ которую они уже

переставали вѣрить, а въ своихъ кружкахъ готовила имъ новыхъ руководителей.

И было дѣйствіе ихъ подобно искрѣ, упавшей на долго тлѣвшій костеръ...

По мѣрѣ же роста сознательности и сплоченности среди рабочихъ массъ измѣнялся постепенно и самый характеръ движенія.

Возникая на почвѣ повседневныхъ интересовъ и столкновеній между трудомъ и капиталомъ, стачки продолжали, конечно, носить характеръ экономическій; но, при большей интенсивности стачечнаго движенія разсматриваемаго періода и при ростѣ классоваго самосознанія рабочихъ, отсутствіе того, что называется „политической свободой“, такъ остро ощущалось участниками стачекъ, что продъ политической агитаціей развернулось широкое поприще. И дѣйствительно, какъ только прекращеніе работъ или безпорядки охватываютъ болѣе или менѣе значительное количество рабочихъ, распространяются на обширный районъ,—такъ тотчасъ они принимаютъ „антиправительственный“ характеръ.

Встревоженное этими новыми зловѣщими признаками, которые особенно ярко проявились во время стачекъ на Обуховскомъ заводѣ (1901 г.), въ Ростовѣ на Дону (1902 г.) и въ Златоустѣ (1903 г.), правительство вынуждено было сдѣлать еще шагъ впередъ въ дѣлѣ фабричнаго законодательства. 15 мая 1901 г. были изданы временныя правила, которыми для рабочихъ на казенныхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ устанавливались пенсіи во всѣхъ случаяхъ, когда они лишались возможности продолжать работы отъ увѣчья или профессіональныхъ болѣзней, а 2 іюня 1903 г. вышелъ общій законъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ, но только грубо изуродованный рукою предпринимателей. Какъ указывалось въ государственномъ совѣтѣ, „осуществленіе предположеннаго узаконенія о вознагражденіи фабрикантами рабочихъ, лишившихся трудоспособности, несомнѣнно, послужитъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ способовъ къ успокоенію рабочаго населенія Имперіи. Предоставленіе же этого рода вопросовъ естественному ихъ теченію, какъ тому бывали примѣры и въ исторіи другихъ государствъ, нерѣдко приводило къ серьезнымъ потрясеніямъ общественнаго строя... Конечно, въ Россіи не имѣется соціально-демократической партіи (какъ въ Германіи), но тѣмъ не менѣе правительству все же приходится считаться съ подпольной дѣятельностью лицъ, которыя избрали рабочихъ орудіемъ для противоправительственной агитаціи. Изданіе обсуждаемаго узако-

ненія, предоставляющаго рабочимъ справедливое обезпеченіе, можетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе успѣха упомянутой пропаганды. Достиженіе же подобнаго результата мѣрами исключительно полицейской репрессіи представляется вообще сомнительнымъ".

10 іюня того же (1903) г. былъ изданъ также законъ о такъ называемыхъ фабричныхъ старостахъ. По своей нелѣпости онъ превосходитъ все, сдѣланное нашей бюрократіей въ этой области, и распространенія не получилъ, но интересно отмѣтить, что въ мотивировкѣ его звучитъ все тотъ же припѣвъ: „въ интересахъ предупрежденія и пресѣченія волненій среди фабрично-заводскихъ рабочихъ представлялось бы весьма желательнымъ, сколько можно болѣе, обезпечить фабричной инспекціи удобные способы ознакомиться съ пожеланіями рабочихъ и ихъ нуждами".

Но если рабочее движеніе, несомнѣнно, являлось движущей пружиной нашего фабричнаго законодательства, то, съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что на данной ступени своего развитія рабочій классъ не могъ еще наложить свою печать на это законодательство. Правительство вынуждено было вступить на путь „охраны труда", такъ какъ голыми репрессіями невозможно уже было удержать рабочихъ отъ борьбы съ эксплуатаціей, но самые эти „охранительные" законы составляли бюрократія и капиталисты: о представительствѣ рабочихъ тамъ не было и рѣчи. При такихъ условіяхъ неудивительно, что вмѣшательство государства во взаимныя отношенія между трудомъ и капиталомъ не внесло существенныхъ измѣненій къ лучшему въ положеніе нашего рабочаго класса. Оно и понятно. Фабричное законодательство только тогда можетъ играть роль важнаго фактора въ соціальной жизни страны, когда оно опирается на активныя силы самихъ трудящихся массъ, дополняя и закрѣпляя ихъ работу, направленную къ подъему своего классоваго положенія. У насъ же, въ Россіи, фабричное законодательство создано именно въ цѣляхъ предупрежденія рабочаго движенія; активная дѣятельность самихъ трудящихся отрицалась и подавлялась бюрократіей какъ въ первомъ, такъ и во второмъ періодѣ. Опека шла у насъ рука объ руку съ репрессіей: попеченіе нужно было для того, чтобы, поддерживая вѣру въ заботливость „начальства", сдѣлать ненужной для рабочихъ ихъ собственную самодѣятельность; мѣры строгости — для того, чтобы подавить недовольные элементы. Оба же вмѣстѣ эти средства были направлены къ тому, чтобы не допустить у насъ рабо-

чаго движенія, какъ несогласнаго съ основами существовавшаго государственнаго строя, т. е. съ самодержавіемъ.

Но, проникнутое насквозь полицейскимъ духомъ и желаніемъ „не обидѣть“ капиталистовъ, наше фабричное законодательство совершенно было неспособно удовлетворить рабочихъ; репрессіи же страшны только для того, что слабо, и оказались, какъ всегда, безсильными противъ движенія, которому принадлежитъ великая будущность.

И едва вышли іюньскіе законы 1903 г., долженствовавшіе отнять, по мнѣнію бюрократіи, почву у пропаганды, какъ ужъ въ іюлѣ, въ насмѣшку надъ нею, поднялась и прокатилась по югу Россіи отъ Баку до Одессы огромная волна всеобщаго стачечнаго движенія, захватившая въ своемъ потокѣ не менѣе 200.000 человѣкъ и явившаяся какъ бы прологомъ къ революціонному 1905 году.

И хотя въ 1904 г. движеніе стихаетъ, но это было ужъ только... затишьемъ передъ грозой!

Литература: Труды всероссійск. торгово-промышленнаго съѣзда въ 1896 г.—Русская фабрика въ прошломъ и въ настоящемъ. Туганъ-Барановскій, 1898 г.—Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи, 1905 г.—Сообщенія о стачкахъ и безпорядкахъ въ газетахъ и журналахъ за время съ 1870 по 1900 г.г. Имѣется библіографическій указатель, составленный Прокоповичемъ и напечатанный въ журн. Вольн. Экон. О-ва за 1903 г.—Варзаръ. Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895—1904 гг. — Матеріалы по изданію закона 1897 г. Изд. М-ва Ф., 1905 г.—Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, 1902 г.—Лядовъ. Исторія р. с.-д. р. партіи, 1906 г.—Своды отчетовъ фабричн. инспекторовъ за 1900—1903 гг.—Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ, 1903 г.—Его же. Фабричное законодательство въ Россіи.—Озеровъ. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы, 1905 г.—Микулинъ. Фабричная инспекція въ Россіи, 1905 г.—Пажитновъ. Рабочее движеніе въ Россіи, 1906 г.—Лунцъ. Фабричное законодательство въ Россіи, „Образованіе“ за 1906 г.; его же. Полицейскій соціализмъ въ Россіи.—Лнжулъ Изъ воспоминаній фабричнаго инспектора перваго призыва, 1906 г.

ГЛАВА II.

Теперь намъ предстоитъ отмѣтить, какія измѣненія произошли въ положеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ за послѣднія 15—20 лѣтъ, что принесло съ собой государственное вмѣшательство для смягченія того мрачнаго фона, на какомъ вырисовывается предшествовавшій, уже разсмотрѣнный нами періодъ.

Прежде чѣмъ сдѣлать общее заключеніе, приведемъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи факты. Начнемъ съ разсмотрѣнія санитарнаго положенія самихъ фабрично-заводскихъ заведеній съ ихъ мастерскими, а затѣмъ—жилыхъ помѣщеній для рабочихъ. Здѣсь прежде всего приходится констатировать, что на эту очень важную область фабричное законодательство наше не распространяется. Спеціальныхъ санитарныхъ законовъ нѣтъ у насъ, какъ не было ихъ и въ первомъ періодѣ. Все дѣло ограничилось одними лишь проектами. Въ 1859 г. учреждена была комиссія Штакельберга, въ 1870 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ Игнатьева для выработки мѣръ по охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, въ 1874 г. комиссія Валуева, выработавшая проектъ положенія о наймѣ на работы, гдѣ нашли себѣ мѣсто и санитарныя постановленія.

Исписаны были груды бумаги, собраны томы матеріаловъ, но утвержденія выработанные проекты не получили. Наконецъ, въ 1892 г. при медицинскомъ совѣтѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Ольхина, „для выработки нормальныхъ правилъ о врачебной помощи рабочимъ и санитарныхъ—для фабрикъ и заводовъ“. Въ трудахъ этой комиссіи былъ изложенъ проектъ инструкцій по санитарному благоустройству нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній, но дальнѣйшаго движенія также не имѣлъ... Если велика была потребность, заставлявшая даже нашу бюрократію выступать съ проектами защиты рабочихъ, то не менѣе велика была, очевидно, и сила сопротивленія со стороны заинтересованныхъ сферъ, о которую непрестанно разбивались всѣ эти попытки. Точно также въ горномъ уставѣ 1857 г. мы не находимъ ни одной статьи относительно предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Въ законѣ 1881 г. о порядкѣ производства подземныхъ работъ и затѣмъ въ инструкціяхъ окружнымъ инженерамъ и горнымъ исправникамъ (въ золотопромышленности), правда, уже появляются указанія на то, чтобы работы производились безъ вреда для здоровья и

опасности для жизни, но въ чемъ должны заключаться эти мѣры предосторожности и какой отвѣтственности подлежатъ горнопромышленники за неисполненіе ихъ—обо всемъ этомъ ничего не говорилось... И до сихъ поръ нашъ законъ не предъявляетъ никакихъ требованій къ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній относительно огражденія здоровья и жизни рабочихъ. Взамѣнъ этого губернскимъ фабричнымъ присутствіямъ статьей 52 Устава промышл. предоставлено было, между прочимъ, право издавать обязательныя постановленія о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ во время работъ и при помѣщеніи ихъ въ фабричныхъ зданіяхъ. Эти присутствія были учреждены закономъ 3 іюня 1886 г. сперва въ наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ. Членами присутствія состоятъ: губернаторъ, вице-губернаторъ, представители фабричной и горной инспекціи, прокуроръ окружнаго суда, начальникъ жандармскаго управленія и представители промышленности! При такомъ составѣ ихъ неудивительно, что даже, по мнѣнію г. Литвинова-Фалинскаго, присяжнаго защитника нашей правительственной политики, „то, что до настоящаго времени сдѣлано фабричными присутствіями, является лишь нерѣшительнымъ опытомъ и весьма слабой попыткой къ улучшенію положенія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ“ [1]). Да они и не особенно торопились воспользоваться предоставленнымъ имъ, между прочимъ, правомъ. Такъ, московское фабричное присутствіе за первыя 8 лѣтъ своего существованія не издало никакихъ постановленій; большинство же приступило къ изданію ихъ только въ 1892 г. Съ 1 іюля 1897 г. фабричныя присутствія открыты во всѣхъ 60 губерніяхъ Европейской Россіи, а по закону 9 марта 1892 г. открыты подобныя учрежденія и для горно-заводской промышленности, но уже въ 1899 г. право издавать общія правила о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни и здоровья рабочихъ, было отнято у нихъ и передано Главному по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ присутствію. Въ этой чисто-бюрократической перемѣнѣ г. Литвиновъ-Фалинскій не замедлилъ, конечно, усмотрѣть крупный прогрессъ,—„новый порядокъ (!), восклицаетъ онъ, даетъ право разсчитывать на то, что на охрану жизни и здоровья рабочихъ будетъ обращено вниманіе, соотвѣтствующее важности этого вопроса“ (213 стр.).

[1]) Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи, 1900 г., 213 стр.

Въ дѣйствительности, однако, новое учрежденіе за 5 слишкомъ лѣтъ своего существованія совершенно не проявило своей дѣятельности въ данномъ направленіи.

Мало того; значеніе даже тѣхъ обязательныхъ постановленій, которыя уже изданы фабричными присутствіями, ослабляется въ значительной степени тѣмъ, что за нарушеніе ихъ не установлено особой отвѣтственности. По статьѣ же 29 уст. о наказ., налагаемыхъ миров. суд., виновные въ неисполненіи законныхъ распоряженій, требованій или постановленій... подвергаются денежному взысканію не свыше 50 р. Благодаря незначительности подобнаго взысканія, слабости контроля наши промышленники очень часто обнаруживаютъ полнѣйшее равнодушіе къ разнаго рода обязательнымъ постановленіямъ. Хотя закономъ (т. е. обязательн. постановленіями) установлены извѣстныя правила относительно жилыхъ помѣщеній для рабочихъ, читаемъ мы, напр., въ „Вѣстникѣ Обществ. Гигіены“, журналѣ Медиц. д-та М-ва Вн. Д. [1]), но на практикѣ они *никогда и нигдѣ не соблюдаются!*—Примѣровъ подобнаго „неуваженія къ закону“ мы могли бы привести много. Вмѣсто этого мы сошлемся на сводъ отчетовъ фабричн. инспекторовъ за 1902 г., гдѣ констатировано 1528 случаевъ нарушенія обязательныхъ постановленій о мѣрахъ для охраненія жизни и здоровья рабочихъ *во время работы*. Но сколько ихъ осталось еще необнаруженными!?

При отсутствіи санитарнаго законодательства и спеціальной отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими немудрено, что большинство нашихъ фабрикъ и заводовъ являются, по выраженію одного фабричнаго инспектора, лабораторіями травматизма и источниками всевозможныхъ заболѣваній. Причиной всѣхъ этихъ несчастныхъ случаевъ, калѣченій, увѣчій, ожоговъ, болѣзней и проч. является не злой рокъ, не безпечность рабочихъ, не особыя явленія природы, наукой будто бы еще не изслѣдованныя, а такія обстоятельства, какъ: конструктивные недостатки самихъ машинъ и всѣхъ механическихъ приборовъ въ смыслѣ ихъ опасности, отсутствіе правильнаго техническаго надзора въ большинствѣ нашихъ фабрикъ, игнорированіе или незнакомство лицъ, руководящихъ дѣломъ, съ санитарной наукой и отсутствіе предохранительныхъ приспособленій и т. д.

„Значительная часть увѣчій происходитъ отъ причинъ, которыя

---

[1]) Медико-санитарныя условія работъ въ каменноугольныхъ рудникахъ, мартъ за 1904 г.

легко можно было бы устранить“ [1]). Напримѣръ, въ ткацкомъ дѣлѣ, по сообщенію инж. Микулина, „несчастія отъ вылета челноковъ, сопровождающіяся нерѣдко потерею глаза, вполнѣ устранимы устройствомъ надлежащаго размѣра рѣшетокъ“... Въ прядильномъ дѣлѣ „довольно многочисленныя несчастія происходятъ отъ отсутствія ограждевій у погонныхъ колесъ каретокъ, блоковъ, скролей и т. д.“—„Тяжелыя несчастія происходятъ при надѣваніи руками или веревками тяжелыхъ 5 или 6 дюймовыхъ ремней на шкивъ, что конечно вполнѣ устранимо устройствомъ механическихъ наводокъ“. Ватера служатъ причиной хотя немногочисленныхъ, но иногда очень тяжелыхъ (переломъ, напр., руки) несчастныхъ случаевъ, хотя ихъ легко „совершенно устранить“. Очень опасны также трепальныя и щипальныя машины... но „надлежащее устройство крышки надъ биломъ и сѣтчатымъ барабаномъ... устранило бы, если не всѣ, то значительное большинство несчастій этого рода“, и т. д., и т. д. [2]).

Я не знаю, бываютъ ли теперь такіе случаи, какіе встрѣчались раньше; такъ, напр., на одной изъ лучшихъ писчебумажныхъ фабрикъ Петербурга вертикальная труба, по которой бумажная масса проходитъ черезъ всѣ 3 этажа, чистилась *женщинами* которыя, раздѣвшись до-нага, садятся въ мѣшки и, опускаясь въ нихъ по трубѣ, своими плечами и боками обтираютъ стѣны ея отъ налипшей массы. Все ихъ тѣло покрыто ссадинами, сыпью, коростами...

Можетъ быть, хотя и не навѣрно, такіе случаи и вывелись; но сущность дѣла, т. е. поразительное равнодушіе предпринимателей къ жизни и здоровью рабочихъ сохраняется неизмѣнно какъ раньше, такъ и теперь. Въ своемъ докладѣ московскому отдѣленію русскаго технич. общества д-ръ Погожевъ прямо указываетъ [3]), что обнаруживающіяся въ послѣднее время технико-санитарныя улучшенія на нѣкоторыхъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ *совершенно не соотвѣтствуютъ* гигантскому росту національной промышленности въ періодъ 1882—1898 г. и потому не могли

---

[1]) А. Прессъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, 1891 г., стр. 2.

[2]) Микулинъ Несчастные случаи съ рабочими на фабрикахъ и заводахъ Владимірской губ. Труды всероссійск. торгово-промышлен. съѣзда, 1896 г., т. III, вып. V.

[3]) Взаимодѣйствіе техники и медицины по охранѣ жизни и здоровья рабочихъ. Записки М. О. Р. Т. О-ва, 1900 г., вып. VII.

сколько-нибудь замѣтно отразиться на общихъ санитарныхъ условіяхъ страны, *прогрессивно ухудшающихся.*

Спеціально образованная въ 1892 года при обществѣ содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности „комиссія по разработкѣ вопроса объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“ съ 1894 *ни разу не собиралась!*— Въ Германіи, кромѣ огромной массы отдѣльныхъ книгъ и обширныхъ руководствъ по фабричной гигіенѣ, насчитывается свыше 30 періодическихъ изданій, гдѣ помѣщается масса работъ по охранѣ жизни, здоровья и умственнаго развитія рабочаго населенія съ прекрасно выполненными рисунками и чертежами. У насъ въ Россіи они неизвѣстны даже спеціалистамъ.

Статистики несчастныхъ случаевъ у насъ долгое время совсѣмъ не существовало. Лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ было вмѣнено въ обязанность всѣмъ промышленнымъ заведеніямъ, пользующимся трудомъ наемныхъ рабочихъ, завести книгу для записей несчастныхъ случаевъ. Регистрируются такія поврежденія, которыя лишаютъ потерпѣвшаго возможности работать въ теченіе 3 и болѣе сутокъ.

Однако наши промышленники, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что безъ статистики „покойнѣй“, очень недружелюбно отнеслись къ указанному циркуляру министерства финансовъ. Свѣдѣнія поступали крайне неаккуратно, и лишь въ 1901 г. явилась возможность подвергнуть ихъ разработкѣ. Но и тутъ изъ 17,533 промышленныхъ заведеній (съ 1,690,906 рабоч.) свѣдѣнія дали только 2,916 т. е. 16,6% общаго ихъ числа. Число несчастныхъ случаевъ въ нихъ равнялось 24,744; въ 1903 году эта цифра поднялась до 35,138. Большинство предпріятій упорно уклоняется отъ дачи показаній, и оффиціальное изданіе министерства финансовъ само признается [1]), что „неустановившаяся у насъ регистрація несчастныхъ случаевъ дала намъ за 1901 г. втрое или можетъ быть вчетверо меньшія цифры, чѣмъ было несчастныхъ случаевъ въ дѣйствительности“...

Что касается горнозаводской промышленности, то здѣсь, по даннымъ оффиціальныхъ сборниковъ статистическихъ свѣдѣній, значилось:

---

[1]) Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1901 г. Изд. 1903 г., 11 стр.

Годы.	Убитыхъ.	Изувѣченныхъ.	Всего.
1885	170	504	674
1886	181	540	721
1887	213	703	916
1888	244	1,120	1,364
1889	251	1,239	1,490

Съ 1890 г. количество зарегистрированныхъ несчастныхъ случаевъ сильно возрастаетъ, потому что начинаютъ отмѣчаться на многихъ заводахъ не только тяжелыя, но и легкія увѣчья.

Годы.	Убитыхъ.	Изувѣченныхъ.	Всего.
1890	245	3,508	3,753
1891	332	5,677	6,009
1892	264	5,370	5,631
1893	333	9,938	10,271
1894	371	8,231	8,602
1895	326	10,628	10,954
1896	379	9,499	9,978
1897	406	9,998	10,404
1898	611	20,004	20,615
1899	591	12,730	13,321
1900	640	28,501	29,141
1901	641	22,709	23,360
1902	525	33,088	33,613
1903	512	44,150	44,662

Въ то время какъ количество горно-заводскихъ рабочихъ уменьшилось съ 683,150 чел. въ 1901 г. до 609,911 челов. въ 1903 г., количество несчастныхъ случаевъ увеличилось за это время болѣе чѣмъ на 20,000!

Такимъ образомъ на каждые 100 горно-заводскихъ рабочихъ приходится несчастныхъ случаевъ: въ 1901 г.—3,4; въ 1902 г.—5,3 и въ 1903 г.—7,3.

Однако и въ настоящее время наша статистика еще далеко несовершенна, и если въ 1903 г. на 2,300,000 фабричныхъ и горно-заводскихъ рабочихъ приходилось, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 79,800 несчастныхъ случаевъ, то въ дѣйствительности ихъ было, надо думать, не менѣе *150,000!*

Если же принять во вниманіе, что существуютъ другія категоріи рабочихъ,—напр., желѣзнодорожные, строительные, сельскохозяйственные, при водныхъ путяхъ сообщенія и т. д.,—жизнь которыхъ подвержена всяческимъ опасностямъ, то получится громадная масса потерпѣвшихъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ—искалѣченныхъ, ушибленныхъ, ошпаренныхъ, задавленныхъ и убитыхъ... Есть отъ чего прійти въ ужасъ, и передъ этими ежегодными жертвами блѣднѣютъ даже цифры кровавой русско-японской войны! Неудивительно, по этому, что наша бюрократія, фабриканты и гг. помѣщики не долюбливаютъ гласности и статистики и, гдѣ возможно, упраздняютъ ее—безъ нихъ куда спокойнѣе...

Въ виду большей достовѣрности статистики смертныхъ случаевъ, мы приведемъ здѣсь таблицу, составленную Кеппеномъ [1]) и относящуюся къ разнымъ странамъ Европы:

(Коэффиціенты убитыхъ на 1,000 человѣкъ)

Годы.	Франція.	Бельгія.	Велико-Британ.	Пруссія.	Россія.
1890—1895	0,563	0,730	0,792	1,203	1,401
1896—1900	0,610	0,649	0,784	1,180	1,523

Это относится только къ каменноугольнымъ копямъ и къ несчастнымъ (смертельнымъ) случаямъ только отъ одной причины—обваловъ; изъ этой таблицы видно, что по количеству несчастныхъ случаевъ съ рабочими, оканчивающихся смертью, Россія стоитъ впереди всѣхъ другихъ странъ Европы, превосходя, напримѣръ, Францію въ $2^1/_3$ раза!..

Отсюда возникаетъ неотложная задача,—съ одной стороны обезпечить интересы пострадавшихъ, а съ другой—по возможности сократить и самое количество смертныхъ случаевъ. Но ни на то, ни на другое у насъ совершенно не обращается должнаго вниманія. Намъ уже приходилось говорить въ 1-й части, что общіе гражданскіе законы (т. X ч. I, св. зак. ст. 684—687) о вознагражденіи потерпѣвшихъ совершенно недостаточны для защиты интересовъ получившихъ увѣчья или поврежденія рабочихъ; для этого нужны спеціальные законы объ отвѣтственности предприни-

[1]) „Горнозаводскій Листокъ", № 8, за 1905 г.

мателей, въ основу которыхъ полагалось бы не субъективное понятіе вины, которую нужно доказывать, а идея профессіональнаго риска. Говоря о нефтяной промышленности, горный департаментъ, въ своемъ отчетѣ за 1898 г., указываетъ, что введеніе, напр., обязательнаго страхованія рабочихъ за счетъ общаго фонда промышленниковъ явилось бы наиболѣе дѣйствительной мѣрой также и для уменьшенія числа несчастныхъ случаевъ; тогда только можно было бы ожидать со стороны предпринимателей большей осторожности при веденіи работъ и выборѣ отвѣтственныхъ руководителей, а со стороны послѣднихъ—большаго стремленія къ улучшенію техники въ цѣляхъ безопаснаго веденія работъ.

Что касается частнаго страхованія, то оно стало распространяться у насъ съ 1888 г. Одни предприниматели начали страховать своихъ рабочихъ въ частныхъ обществахъ, а другіе—въ товариществахъ, основанныхъ на взаимности. Согласно вычисленіямъ А. Пресса, на 2,120,583 зарегистрированныхъ въ отдѣлѣ промышленности рабочихъ (за 1898 г.) было застраховано всего 599,166 человѣкъ, т. е. 28,2%. Однако, напрасно было бы думать, что такимъ образомъ, т. е. путемъ частнаго страхованія, можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ данный вопросъ; ликвидація дѣлъ съ увѣчными почти всегда носитъ здѣсь характеръ спекулятивно-торгашескій. Получить вознагражденіе за увѣчье въ частныхъ страховыхъ обществахъ—это значитъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже годовъ претерпѣвать тяжелыя испытанія. Дѣло начинается всегда съ торга съ агентомъ, назначающимъ сперва поразительно ничтожную сумму вознагражденія за увѣчье и затягивающимъ время—ссылками то на врача, то на правленіе своего о-ва въ Петербургѣ и т. д. Пріемъ этотъ имѣетъ единственную цѣль—воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ прижатаго къ стѣнѣ калѣки, нищаго и обремененнаго голодающей семьей, которому судьба поставила на выборъ что-нибудь изъ двухъ: или удовольствоваться нѣсколькими сотнями рублей, предлагаемыхъ агентомъ, за лишеніе, напр., навсегда трудоспособности, или попытаться судебнымъ порядкомъ выиграть значительно большую сумму, но только черезъ $1^1/_2$—2 года...

Мало того, до сихъ поръ еще не вывелись у насъ тѣ возмутительные случаи, которые были такъ характерны для предше-

---

[1]) Статистика несчастн. случ. съ рабочими въ промышленн. заведен., подчиненныхъ надзору фабр. инспекціи, за 1901 г., 1903 г., стр. 11.

ствовавшаго періода. Д-ръ Кореневъ [1]) сообщаетъ, что и понынѣ въ Олекминскомъ округѣ прибѣгаютъ къ досрочному расчету на мелкихъ пріискахъ всякій разъ, какъ рабочій прихворнулъ и что досрочнымъ расчетомъ компаніи пользуются также для освобожденія себя отъ инвалидовъ... А „Банковая Газста“ пишетъ, что въ Баку нѣкоторыя нефтяныя фирмы ввели у себя вычеты за время болѣзни (!) рабочихъ, даже удостовѣренной врачебными бюллетенями. Часто при травматическихъ поврежденіяхъ, полученныхъ на работѣ, увольняютъ рабочихъ и безъ расчета, и безъ единовременнаго вознагражденія!.. (№ 1 за 1906 г.).

2-го іюня 1903 г. вышелъ законъ объ обезпеченіи пострадавшихъ рабочихъ, но какъ и по объему дѣйствія, такъ и по своему характеру, онъ можетъ быть признанъ лишь жалкимъ палліативомъ, только частичной заплатой... Прежде всего законъ 2 іюня 1903 г. не распространяется на рабочихъ строительныхъ, сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ. Онъ не относится, далѣе, къ профессіональнымъ заболѣваніямъ, а только къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, хотя временныя правила 15 мая 1901 г., изданныя для казенныхъ горныхъ заводовъ (въ вѣдомствѣ м-ва з. и г. и.), присоединяютъ къ нимъ и профессіональныя болѣзни въ качествѣ фактовъ, дающихъ право на вознагражденіе въ случаѣ утраты трудоспособности.—Ст. 2 освобождаетъ владѣльца предпріятія отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ, если онъ докажетъ, что причиной несчастнаго случая были злой умыселъ самаго потерпѣвшаго или *грубая неосторожность* его, не оправдываемая условіями и обстановкой производства работъ. Это архаическое понятіе „грубой неосторожности“ создаетъ лазейку для тѣхъ предпринимателей, которые желаютъ уклониться отъ вознагражденія и практика перваго же года показала, что наши промышленники этимъ очень охотно пользуются. Кромѣ того, вознагражденіе это значительно ниже того, какое выплачивалось раньше по суду, до введенія закона 2 іюня, такъ какъ по новымъ правиламъ при вознагражденіи потерпѣвшаго принимается во вниманіе лишь $^2/_3$ его заработка, а если работа продолжалась въ теченіе неполнаго года, то годъ считается въ 260 рабочихъ дней. Даже сами предприниматели выдавали (въ обществахъ взаимнаго страхованія) ежегодное пособіе въ размѣрѣ полнаго годового заработка,

[1]) Очеркъ санитарно-экономич. положенія рабочихъ за золот. пріискахъ Витимско-Олекм. системы, 1903 г., 168 стр.

если онъ не превышаетъ 240 р., а между тѣмъ теперь рабочій можетъ получить лишь на цѣлую треть меньшую сумму. Но даже въ полученіи этой суммы у рабочаго нѣтъ обезпеченія, такъ какъ установлена отвѣтственность не коллективная, а—каждаго предпринимателя въ отдѣльности. Можно было бы указать и на другіе недостатки, напр.,—во время лѣченія отъ полученнаго увѣчья рабочій получаетъ пособіе въ размѣрѣ *лишь* $^1/_2$ его заработной платы,—но мы думаемъ,—что и сказаннаго вполнѣ достаточно...

Обратимся теперь къ вопросу о медицинской помощи. Наше законодательство исчерпывается въ этомъ отношеніи двумя статьями: закономъ 1866 г., изданнымъ въ видѣ временной мѣры и вызваннымъ совершенно случайнымъ обстоятельствомъ, именно ожиданіемъ холеры, а затѣмъ ст. 102 промышлен. уст., которая воспрещаетъ брать съ рабочаго плату за предоставленную ему врачебную помощь.

Какъ видите, законодательство очень несложное: разъ, два, да и обсчитался; но и оно не было усвоено нашей практикой.

Мы видѣли въ I-й части, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась врачебная часть прежде, мало подвинулась впередъ она и теперь. Опубликованныя данныя показываютъ, что это дѣло организовано крайне неудовлетворительно.

	Фабрикъ съ числомъ рабочихъ:						
	до 15.	16—50.	51—100.	101—500.	501—1000.	Свыше 1000.	Итого.
Всего фабрикъ, подчиненныхъ фабричной инспекціи.	8,778	6,795	1,961	1,812	352	194	19,292
Число фабрикъ, не дающихъ врачебной помощи.	8,625	5,357	1,243	529	43	9	15,804
Число фабрикъ, оказывающихъ врачебную помощь.	155	838	718	1,283	309	185	3,488[1])

Такимъ образомъ изъ 19,292 промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, врачебная помощь оказывается только на 3,488, что составляетъ лишь 18% всего

[1]) Дементьевъ. Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ, 1899 г. Изд. м-ва финансовъ.

ихъ числа. Эти фабрики—наиболѣе крупныя, и въ нихъ сосредоточенъ 1,000,000 рабочихъ; остальные же—около $^1/_2$ милліона лишены врачебной помощи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ она организована на 78% фабрикъ, но, съ другой стороны, существуютъ и такія, гдѣ только 1—2% фабрикъ заботятся о леченіи рабочихъ. Но мало того, что организація врачебной помощи отличается случайнымъ характеромъ, зависитъ отъ усмотрѣнія предпринимателей,—во многихъ случаяхъ она оказывается фиктивной. Нерѣдко владѣльцы фабрикъ, исполняя предъявленныя имъ требованія, содержатъ такія больницы, которыя удовлетворяютъ этому требованію лишь съ формальной стороны, и ни по устройству, ни по содержанію и вообще по организаціи всего дѣла совершенно не отвѣчаютъ своему назначенію. Вручая при этомъ завѣдываніе больницами уѣзднымъ врачамъ, черезъ которыхъ губернская администрація осуществляетъ свой надзоръ, они считаютъ свои обязательства выполненными, а себя гарантированными отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній со стороны губернской администраціи. Въ общемъ выводѣ треть всѣхъ фабричныхъ больницъ носитъ это названіе формально и совсѣмъ не выполняетъ своего назначенія. Этотъ общій выводъ является скорѣе умаленіемъ, чѣмъ преувеличеніемъ дѣйствительности. Наконецъ и тамъ, гдѣ подается помощь, она можетъ носить названіе скорѣе фельдшерской, чѣмъ врачебной, такъ какъ количество врачей недостаточно.

Заглянемъ въ наши столицы — Петербургъ и Москву; отъ нихъ мы вправѣ ожидать, чтобы они стояли впереди провинціи, и на ихъ примѣрѣ намъ придется убѣдиться, какъ плохо обстоитъ дѣло. Изъ 662 фабрикъ г. Москвы собственныя амбулаторіи имѣются только на 246, остальные же 416 фабрикъ пользуются суррогатами, такъ сказать, амбулаторій. На всѣ фабрики приходятся только 179 врачей, т. е. 67 фабрикъ не имѣютъ своего собственнаго врача. Есть одинъ врачъ, который завѣдуетъ 10 фабричными больницами, и притомъ принимаетъ больныхъ во всѣхъ своихъ амбулаторіяхъ въ одни и тѣ же дни и часы (11—12 ч.). Мало того, и фельдшера оказываются въ недостаточномъ количествѣ — всего ихъ 227, такъ что не хватаетъ ни фельдшеровъ, ни врачей! [1]).

Въ Петербургской губерніи, согласно обязательнымъ постановленіямъ, фабрики и заводы, имѣющіе свыше 25 рабочихъ, обя-

[1]) Извѣстія Моск. Городск. Думы, 1904 г.

заны за свой счетъ организовать медицинскую помощь, но она крайне неудовлетворительна. Только одинъ Путиловскій заводъ (въ Петергофск. районѣ) хорошо поставилъ дѣло, да еще два завода вошли въ соглашеніе съ земствомъ. Всѣ остальные заводы, читаемъ мы въ отчетахъ санитарныхъ врачей Петерб. губернскому земству за 1902 г., относятся довольно формально къ возложеннымъ на нихъ закономъ обязанностямъ. Официально вездѣ числится тотъ или другой врачъ, пріемный покой, при немъ постоянный фельдшеръ. А фактически—пріемный покой не болѣе, какъ квартира фельдшера; самъ онъ—конторщикъ. Врачъ показывается на заводъ 1—2 раза въ мѣсяцъ и даже рѣже. Въ лучшемъ случаѣ, какъ это заведено на одной большой фабрикѣ—врачъ ежедневно пріѣзжаетъ на $1^1/_2$ — 2 часа изъ города и самъ ведетъ амбулаторный пріемъ. Одинъ директоръ фабрики откровенно признавался, что хотя онъ очень доволенъ врачемъ, его аккуратностью и дѣловитостью, но все же не считаетъ подобную организацію врачебной помощи раціональной, хотя она и санкціонирована закономъ. Рабочіе видятъ врача слишкомъ короткое время; заболѣвшій внѣ часовъ его пріема въ сущности остается безъ помощи и довольствуется фельдшеромъ. Система наѣзжающихъ врачей особенно неудобна при несчастныхъ случаяхъ, родахъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. А между тѣмъ такая несовершенная по существу своему организація врачебной помощи обходится фабрикѣ очень дорого—на 600—700 рабочихъ $3^1/_2$—4 тысячи рублей, т. е. по 5 рублей на человѣка.

Рабочіе въ большинствѣ случаевъ вынуждены обращаться въ земскія амбулаторіи или къ частнымъ врачамъ (стр. 120).

Статья 102 уст. о пром. обязываетъ предпринимателей оказывать врачебную помощь своимъ рабочимъ безплатно, между тѣмъ въ 16 городахъ Россіи, принадлежащихъ къ числу наиболѣе крупныхъ промышленныхъ центровъ, какъ, напр., Петербургъ, Москва, Варшава, Иваново-Вознесенскъ, Одесса, Харьковъ, Ростовъ-на-Дону, Астрахань и др., съ рабочихъ взимается на ихъ леченіе такъ называемый больничный сборъ, въ размѣрѣ отъ 50 к. до 2 р. въ годъ.

Въ горномъ дѣлѣ, по закону 9 марта 1892 г. и 20 февраля 1895 г., регулированіе врачебной помощи на промыслахъ было возложено на горнозаводскія присутствія. Однако и за періодъ времени, протекшій съ учрежденія горнозаводскихъ присутствій и съѣздовъ золотопромышленниковъ (въ 1897 г.) медицинское дѣло напр. на пріі-

искахъ нисколько не улучшилось. Штрафъ за нарушеніе постановленій присутствія былъ назначенъ закономъ въ столь ничтожномъ размѣрѣ, что промышленники нашли для себя гораздо болѣе выгоднымъ игнорировать ихъ, чѣмъ исполнять. Для подачи серьезной помощи больного необходимо отправить въ ближайшую сельскую больницу за 100—200 верстъ. Больницами въ тайгѣ называются пріемные покои, находящіеся въ завѣдываніи пріисковыхъ фельдшеровъ. Эти зданія имѣютъ характеръ временныхъ построекъ и вовсе не приспособлены для спеціальнаго леченія больныхъ. Халаты, простыни, полотенца отсутствуютъ, запасныхъ смѣнъ бѣлья нѣтъ; больные лежатъ въ томъ же грязномъ бѣльѣ, въ какомъ они были на работѣ. Подборъ медикаментовъ случайный, часто нѣтъ самыхъ необходимыхъ препаратовъ и употребительныхъ антисептическихъ средствъ. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одной больницѣ (на пріискѣ Бейлина), гдѣ не было даже аптекарскихъ вѣсовъ и гдѣ фельдшеръ отпускалъ лѣкарства на глазъ. Однимъ словомъ, все обстоитъ такъ, какъ было 25—30 лѣтъ тому назадъ. Горный департаментъ въ своемъ проектѣ 1890 г. включилъ правило, что *за время болѣзни рабочій получаетъ* $^1/_4$ *платы по договору*; эта статья встрѣчается и въ проектѣ 1892 г., а окружн. инж. Семипалатинско-Семирѣченскаго округа высказалъ мнѣніе, чтобы это правило примѣнялось и къ старателямъ—золотничникамъ. Само собою разумѣется, что... въ окончательной редакціи закона 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы эта статья была исключена... Точно также на Бакинскихъ промыслахъ, со времени посѣщенія А. Бертенсона была введена фабричная инспекція, учреждены санитарные врачи, но какъ для оздоровленія промысловаго района и рабочихъ жилищъ, такъ и для раціональной постановки врачебнаго дѣла было сдѣлано очень мало. Расходъ на содержаніе санитарныхъ врачей былъ даже впослѣдствіи сокращенъ на половину!

По новому закону 2 іюня 1903 г. объ отвѣтственности предпринимателей послѣдніе обязаны оказывать получившимъ увѣчье рабочимъ безплатную медицинскую помощь или возмѣстить расходы на леченіе, выдавать увѣчному пособіе за все время его болѣзни въ размѣрѣ $^1/_2$ заработной платы и въ случаѣ смерти потерпѣвшаго—выдавать 30 р. на похороны взрослаго и 15 р.—малолѣтняго. Но эти обязательства возлагаются на предпринимателя только въ томъ случаѣ, если увѣчный утратилъ трудоспособность долѣе, чѣмъ на три дня и во-вторыхъ—если причиной

несчастнаго случая не былъ злой умыселъ потерпѣвшаго или грубая его неосторожность. Но, спрашивается, какъ можно лишить безплатной врачебной помощи тѣхъ увѣчныхъ, болѣзненное состояніе которыхъ продолжается менѣе трехъ дней или которые пострадали отъ собственной, хотя бы и грубой неосторожности!?

На сколько времени затянется болѣзнь и была ли причиной увѣчья грубая неосторожность потерпѣвшаго—все это можно установить только впослѣдствіи, а не въ моментъ несчастія, и лишить рабочаго немедленной безплатной помощи—значитъ бросить его на произволъ судьбы. Далѣе, пособіе во время болѣзни отъ увѣчья ограничивается половиной заработной платы, хотя рабочій ходить на работу не можетъ вслѣдствіе увѣчья и, слѣдовательно, его трудоспособность на это время утрачена вполнѣ. Наконецъ все это — и врачебная помощь и пособіе оказываются только тѣмъ рабочимъ, которые утратили трудоспособность вслѣдствіе несчастнаго случая, профессіональныя болѣзни сюда не относятся.

Необезпеченность во время болѣзней и старости крайне тяготитъ рабочихъ; больной или состарившійся рабочій, а старится онъ у насъ очень рано, не нуженъ фабрикѣ; неохотно принимается онъ и въ деревнѣ (если таковая есть), какъ безполезный, обременяющій крестьянскую семью сочленъ.

„Одинъ конецъ—околѣвай подъ заборомъ“,—выражаются о своемъ положеніи рабочіе.

ГЛАВА III.

Какъ извѣстно, отчеты окружныхъ фабричныхъ инспекторовъ появились только за 1885 годъ; затѣмъ они перестали опубликовываться, и вплоть до настоящаго времени покровъ тайны окутываетъ внутреннюю жизнь на нашихъ фабрикахъ и заводахъ,—съ одной стороны, какъ будто бы, тамъ творится что-то ужасное, а съ другой — какъ будто бы все обстоитъ благополучно! Лишь съ 1900 г. стали появляться въ свѣтъ своды отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, т. е. не подлинные отчеты, а лишь извлеченія изъ нихъ, въ видѣ ряда голыхъ цифръ, и не по всѣмъ, а только по нѣкоторымъ сторонамъ фабрично-заводской жизни. Такимъ образомъ, мы лишены возможности черпать отсюда свѣдѣнія, относящіяся къ санитарной обстановкѣ въ мастерскихъ и жилыхъ помѣщеніяхъ, и должны обратиться къ другимъ источникамъ.

При входѣ на бумагопрядильную фабрику,—говоритъ въ своемъ докладѣ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г. инж. Голгофскій [1]),—свѣжій человѣкъ поражается двумя, на первый взглядъ несовмѣстимыми, явленіями: это, съ одной стороны, опрятность и чистота фабричныхъ залъ, доходящая иногда до изысканности, блескъ машинъ, теплый и сухой воздухъ, а главное—такая легкость работы, что даже женщины и дѣти работаютъ безъ особаго напряженія физическихъ силъ, это скорѣе гулянье, чѣмъ трудъ. Другое поражающее явленіе—это видъ рабочихъ; они худосочны, ростомъ малы, корпусъ недостаточно развитъ всѣ части тѣла какъ-то миніатюрны... Словомъ, это какія-то пожилыя дѣти или молодые старики. Первое впечатлѣніе свѣжаго человѣка, къ сожалѣнію, оказывается не случайнымъ явленіемъ, а повсемѣстною дѣйствительностью. Фабрично-рабочій, дѣйствительно, всегда и вездѣ одинъ и тотъ же; такимъ вы увидите его на любой фабрикѣ. Эта постоянная температура до 20° и выше изсушаетъ человѣка...

Но самымъ угнетающимъ и самымъ губительнымъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ фабричнаго рабочаго продолжительность его рабочаго дня и въ особенности ночная работа. Плотники, пильщики, землекопы, возчики дровъ и чернорабочіе зимою работаютъ по 7—8 часовъ, лѣтомъ—по 13 и 14 час., въ среднемъ въ годъ не болѣе $10^1/_2$ ч. въ сутки. Нашъ же фабрично-рабочій съ 17-ти-лѣтняго возраста обыкновенно работаетъ 12 часовъ въ сутки. Распредѣленіе этихъ часовъ таково, что послѣ 6 часовъ работы — 6 час. отдыха, затѣмъ снова 6 час. работы и 6 час. отдыха. Обыкновенно смѣны въ 4 ч. утра — 10 ч. утра, 4 ч. дня и 10 ч. веч. Но днемъ спать при нашихъ жилищныхъ условіяхъ нельзя, при ночной же смѣнѣ изъ 6 часовъ можно урвать часа 4, не болѣе. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, рабочіе спятъ настоящимъ сномъ въ одну недѣлю 4 часа въ сутки, а въ другую—только урывками, случайно и не всегда. Между тѣмъ, по правиламъ гигіены, здоровый работающій человѣкъ долженъ пользоваться сномъ не менѣе 8 час. въ сутки. Первымъ результатомъ такого образа жизни является то, что на фабрикѣ во время работы въ ночное время рабочій пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ и мѣстомъ, чтобы заснуть. Вторымъ и самымъ серьезнымъ результатомъ продолжительности рабочаго

[1]) Труды съѣзда, т. III, вып. V. „Современный фабрично-рабочій въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи".

дня и лишенія правильнаго и достаточнаго сна является ослабленіе всѣхъ жизненныхъ силъ, отсюда плохое питаніе, потеря спокойствія, нервность, раздражительность и вспыльчивость... Рабочіе „производятъ впечатлѣніе больныхъ, только что вышедшихъ изъ госпиталя“, — такъ говорится въ протоколахъ официальн. совѣщанія по выясненію причинъ происшедшихъ въ 1896 г. волненій на Петербургскихъ фабрикахъ.

Одну изъ наиболѣе мрачныхъ страницъ профессіональной гигіены настоящаго времени представляетъ тотъ отдѣлъ промышленности, который даетъ работу многочисленному классу ткачей. Блѣдные, безкровные, опухшіе, усталые ткачи подвергаются всевозможнымъ страданіямъ органовъ брюшной полости, какъ-то: хроническому опуханію печени и селезенки, брюшной водянкѣ, геморрою и пр. Кромѣ того, они страдаютъ нервнымъ удушьемъ, сердцебіеніемъ и всевозможными нервными разстройствами... Главными вредными моментами ткацкаго производства считаются: стоячее положеніе и страшный шумъ. Дѣйствительно, шумъ этотъ гораздо сильнѣе, чѣмъ даже въ большихъ механическихъ заводахъ, въ котельныхъ мастерскихъ, и производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто въ комнатѣ на всѣхъ парахъ мчится нѣсколько желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Чувство слуха страдаетъ; д-ръ Милютинъ говоритъ, что послѣ 5 лѣтней работы всѣ ткачи становятся если не вполнѣ глухими, то въ значительной степени оглохшими... Къ этому нужно прибавить, что ткачи, занятые своей работой съ дѣтства, нерѣдко получаютъ горбъ на спинѣ. Серьезное страданіе легкихъ, именно бугорчатка, наблюдается у ткачей (особенно у шелковыхъ) очень часто, составляетъ *профессіональное заболѣваніе*.

Посмотримъ теперь, каковы условія труда въ стеклянномъ производствѣ; возьмемъ заводъ Ириновскаго промышленнаго общества (въ Петербургѣ) съ 700 рабочихъ [1]). Главная печь помѣщается въ общемъ сараѣ безъ оконъ. Температура около печи доходитъ до 60°, отчего приблизиться къ самой печи нѣтъ никакой возможности; яркій, ослѣпительно красный свѣтъ отъ накаленной печи, гдѣ температура доходитъ до 1700° С., страшно раздражаетъ зрѣніе и вызываетъ частыя воспаленія вѣкъ, число которыхъ, по даннымъ отчета заводскаго врача за 1902 г., до-

[1]) Отчеты санитарныхъ врачей Петербургскаго губернскаго земства за 1902 г., 177—179 стр.

ходило до 171; такое число лицъ только обратилось за врачебной помощью; общее же число ихъ, безъ сомнѣнія, гораздо больше. *Никакихъ предохранительныхъ приборовъ* для предохраненія глазъ отъ воспаленія на *заводѣ не существуетъ*; рѣзкое колебаніе t отъ 60° у самой печи до 8° — 10° у выхода вызываетъ часто простудныя и ревматическія заболѣванія, конхъ зарегистрировано до 247 гриппозныхъ и до 174 случаевъ мышечнаго ревматизма. (Рабочіе легко одѣты и ходятъ преимущественно босикомъ). Самый ужасный актъ въ производствѣ стекла, при которомъ работаетъ масса дѣтей, есть такъ называемая раздѣлка стекла, которая производится двумя способами: выдуваніемъ и тѣсненіемъ (прессованіемъ) стеклянной массы посредствомъ давленія. Орудіемъ для выдуванія служатъ желѣзныя трубки, длиною до 2 аршинъ, шириною около $^3/_4$ вершка. Рабочіе, преимущественно дѣти, черезъ отверстіе въ крышкѣ печи набираютъ горячую стеклянную массу съ „пода“ (т. е. нижней стѣнки печи), вращаютъ все время ее руками, затѣмъ сильнымъ напоромъ легкихъ выдуваютъ стекло; трудъ этотъ „выдувальщика“ требуетъ особенно энергичной работы легкихъ и является весьма тяжелымъ (а между тѣмъ для этой операціи придуманы спеціальные мѣхи). Такая энергичная работа дѣтскихъ легкихъ вызываетъ ихъ преждевременное изнашиваніе и склонность къ легочнымъ заболѣваніямъ. По даннымъ того же отчета за 1902 г., на заводѣ было 38 случаевъ туберкулеза, 357 случаевъ воспаленія дыхательныхъ путей и 101 случай приходится на прочія болѣзни органовъ дыханія. Самое присутствіе во рту названной трубки можетъ способствовать передачѣ заболѣванія отъ одного лица къ другому. Во время осмотра санитарному врачу приходилось наблюдать, что одной и той же трубкой попеременно работаютъ нѣсколько человѣкъ. Эта передача вызываетъ частыя заболѣванія полости рта — 311 случаевъ воспаленія. Случаются очень часто ожоги — 247. Между тѣмъ, на заводѣ не существуетъ никакихъ приспособленій (деревянныхъ ручекъ и т. под.) для уменьшенія этого зла. На полу всюду масса разбитаго стекла, которымъ часто ранятся рабочіе — 277 случаевъ пораненій. Дѣти при поспѣшной бѣготнѣ часто падаютъ. Раздраженіе пылью (кремноземомъ, пескомъ и проч.) вызываетъ массу кожныхъ заболѣваній; такъ, зарегистровано 65 флегмонъ, 8 язвъ, 388 кожныхъ заболѣваній. Вообще, по даннымъ Shann'a, средняя продолжительность жизни въ стеклянномъ производствѣ равняется 30 годамъ.

Обстановка на сахарныхъ заводахъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ періодѣ рисуется въ очень мрачныхъ краскахъ. Всѣ работы здѣсь тяжелы и грязны. Въ прессовой рабочіе буквально промокаютъ до тѣла и притомъ промокаютъ не отъ воды, а отъ сока, который грязнитъ одежду, обувь и тѣло. И въ такомъ обмокшемъ видѣ по холоду идутъ въ казарму, но такъ какъ на заводахъ нѣтъ обычая устраивать при казармахъ сушильни, то рабочему приходится въ мокрой одеждѣ подкрѣплять себя сномъ. Въ квасильнѣ, гдѣ болѣе всего работаютъ дѣти отъ 7 лѣтъ, у здороваго, но непривыкшаго человѣка черезъ $^1/_4$ часа разболится до обморока голова отъ невыносимой вони и сырости, которую издаетъ квасящійся костяной уголь, т. е. отъ гнилостнаго разложенія органическихъ веществъ. Въ костопальнѣ дѣти отъ 7 лѣтъ (которыя работаютъ также 12 часовъ) ходятъ и распластываютъ горячую крупку, отъ которой пыль буквально покрываетъ ихъ съ головы до ногъ. Въ прачечной—дѣвочки отъ 14 лѣтъ, совершенно голыя, моютъ грязныя отъ свекловичнаго сока салфетки въ сильно известковой водѣ, отъ которой лопается у нихъ кожа на тѣлѣ. Такъ описывается положеніе дѣлъ въ 1872 г. [1]). Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ мы застаемъ то же самое. Вотъ какъ описывается „сахарный адъ“ на одномъ благоустроенномъ заводѣ [2]). Работаетъ въ немъ до 1000 человѣкъ. Работа продолжается 12 ч. въ день, праздниковъ не имѣютъ и работаютъ 30 дней въ мѣсяцъ. Почти во всемъ заводѣ температура воздуха страшно высокая. Работаютъ голышемъ, только покрываютъ голову бумажнымъ колпакомъ, да вокругъ пояса носятъ короткій фартукъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, напр., въ камерахъ, куда приходится вкатывать телѣжки, нагруженныя металлическими формами, наполненными сахаромъ, температура доходитъ до 70°. Этотъ адъ до того измѣняетъ организмъ, что и въ казармахъ, гдѣ рабочимъ приходится жить, они не выносятъ температуры ниже 30... Рѣзка сахара на мелкіе куски производится съ помощью особыхъ машинъ, отъ которыхъ мелкая сахарная пыль летитъ во всѣ стороны и стоитъ въ воздухѣ. Весь полъ устланъ этой пылью. Въ такомъ-то отдѣленіи намъ и пришлось видѣть несомнѣнныхъ сифилитиковъ, которые брали куски сахара своими руками, плевали на полъ и проч. Пыль съ полу

[1]) Кіевлянинъ, 1872 г., №№ 51 и 56.
[2]) Недѣля, 1895 г., № 31.

подметается и опять идетъ въ дѣло, на подбѣлку сахара! Тяжелыя работы, пропитанный сахарной пылью воздухъ обусловливаютъ развитіе на сахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ особой специфической болѣзни, которая, между прочимъ, выражается въ появленіи на кожѣ большихъ язвъ и ранъ. И съ такими-то язвами рабочіе таскаютъ тяжелыя головы сахара, по нѣсколько за-разъ, лазятъ въ сушильныя камеры и пр. Санитарный надзоръ существуетъ лишь на немногихъ заводахъ, напр., у Бобринскаго въ Смѣлѣ. На рафинадномъ заводѣ, кончая работы, рабочіе моются въ вонючей и грязнѣйшей водѣ. Зимой на одномъ большомъ заводѣ можно видѣть, какъ иногда по снѣгу бѣжитъ черезъ дворъ голый человѣкъ къ ватерклозету, помѣщающемуся далеко отъ главнаго корпуса. А бываетъ и такъ, что для избѣжанія столь непріятнаго путешествія по холоду рабочіе отправляютъ свои маленькія нужды и прямо въ чанъ съ патокой...

Въ 1901—1902 г. на 94,492 мужчинъ рабочихъ на сахарныхъ заводахъ приходилось 13,781 (13%) женщинъ и 1,505 малолѣтнихъ. А между тѣмъ въ сахарномъ производствѣ, какъ говоритъ въ своемъ докладѣ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г. врачъ Евтушевскій, нѣтъ легкихъ работъ, и подростки назначаются нерѣдко на самыя тяжелыя...

Никакихъ перерывовъ въ производствѣ не бываетъ, во всѣ воскресные и праздничные дни работы не прекращаются. Обстановка труда крайне неблагопріятная для здоровья рабочихъ; несмотря на это, рабочій день продолжается 12 часовъ, въ 2 смѣны—съ 12 ч. дня до 12 ч. ночи и съ 12 ч. н. до 12 ч. д. Амбулаторіи заводскихъ врачей, гдѣ только онѣ имѣются, переполняются рабочими со всякаго рода простудными заболѣваніями, какъ ревматизмъ, воспаленія дыхательныхъ органовъ и пр. Значительный % рабочихъ поражается болѣзнями кожи и глазъ вслѣдствіе раздраженія этихъ органовъ грязью, угольной, известковой и сахарной пылью, а также вредными газами. Къ сожалѣнію, полная зависимость заводскихъ врачей отъ администраціи стѣсняетъ ихъ въ представленіи точныхъ цифровыхъ данныхъ изъ своихъ амбулаторныхъ журналовъ.

Намъ кажется, поэтому, совершенно непонятнымъ тотъ панегирикъ, который поютъ составители обзора фабрично-заводской промышленности Харьковской губ. за 1899 г. „Большинство изъ нашихъ свеклосахарныхъ заводовъ, говорятъ они, характеризуются достаточнымъ вниманіемъ завѣдующихъ въ отношеніи мѣръ и

способовъ огражденія жизни и здоровья рабочихъ; почти во всѣхъ заводахъ тщательно выполняются въ этомъ отношеніи обязательныя постановленія Харьковскаго фабричнаго присутствія, а вслѣдствіе этого и число спеціальныхъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими сравнительно небольшое; наконецъ, въ отношеніи устройства казармъ, столовыхъ, больницъ, школъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій свеклосахарные заводы за послѣднее время сильно прогрессируютъ, и многіе изъ нихъ являются во всѣхъ этихъ отношеніяхъ образцовыми“ [1]). Говорить о достаточномъ вниманіи завѣдующихъ къ здоровью и жизни рабочихъ, когда рабочій день продолжается 12 часовъ при убійственно тяжелой обстановкѣ—совершенно непозволительно. Между тѣмъ лишь въ бурномъ 1905 году, послѣ стачекъ, погромовъ, поджоговъ сахарныхъ заводовъ, „образцовые“ изъ нихъ стали переходить отъ 2-хъ смѣнъ къ 3-мъ, по 8 часовъ каждая.

Что касается спеціально несчастныхъ случаевъ, то по подсчету, сдѣланному для Кіевскаго округа 144 сахароварныхъ завода съ 63,624 рабочихъ *заявили* 350 несчастныхъ случаевъ, что составляетъ 5,5 случая на 1000 рабоч. Но такъ какъ работа заводовъ шла только 3 мѣсяца въ году, то это относится не къ году, а лишь къ 3 мѣсяцамъ. Если-бы работа продолжалась весь годъ, то при тѣхъ же условіяхъ число несчастныхъ случаевъ было бы въ 4 раза больше, т. е. 1400 или 22 на 1000 [2]). Но вѣдь это только по нашей статистикѣ, а она оставляетъ еще желать очень многаго!—Наконецъ, скудость заработка остается характерной чертой сахарныхъ заводовъ и по настоящее время.

На кожевенныхъ заводахъ рабочимъ приходится вдыхать отвратительный вонючій воздухъ, пропитанный амміакомъ и другими зловонными газами и сильной пылью отъ корья; при этомъ—постоянное пребываніе въ сырыхъ, часто полутемныхъ зольныхъ и дубильныхъ помѣщеніяхъ, при рѣзкихъ смѣнахъ холода и тепла. При постоянномъ обращеніи съ мокрыми кожами одежда рабочихъ всегда пропитана зловонными жидкостями; тѣло ихъ также сыро и зловонно, на нѣкоторыхъ заводахъ земляные полы покрыты на 1—2 четверти жидкостью, и ноги рабочихъ находятся въ холодной зловонной водѣ. Зимой, когда наружная дверь болѣе тща-

---

[1]) Гнѣдичъ и Аксеновъ. Обзоръ фабр.-зав. промышленности Харьковской губ., 1899 г., 17—18 стр.

[2]) Статистика несчастныхъ случаевъ въ промышл. заведен. за 1901 г. 14 стр.

тельно закрывается, въ зольныхъ дубильныхъ помѣщеніяхъ скопляется такое множество водяныхъ и амміачныхъ паровъ, что тяжело дышать и буквально „ѣстъ глаза“; во рту получается противный вкусъ, а у непривычныхъ развивается слезоточеніе, значительное отдѣленіе слюны, тошнота и даже рвота. Крайне плохая настилка половъ изъ сгнившихъ досокъ въ зольныхъ и мочильныхъ помѣщеніяхъ, качающіяся мокрыя и скользкія доски, перекинутыя черезъ мочильные пруды и сажалки, при плохомъ дневномъ и еще болѣе скудномъ вечернемъ освѣщеніи угрожаютъ рабочимъ паденіемъ и ушибами, а въ глубокихъ прудахъ нетрудно и утонуть, упавъ съ качающихся досокъ. Такъ говоритъ д-ръ Жбанковъ про Смоленскую г. [1]). Въ другомъ изслѣдованіи, относящемся къ Харьковской г. [2]), констатируется, что кожевенные заводы, даже большіе по размѣрамъ, какъ и вообще русскіе кожевенные заводы — имѣютъ видъ отсталыхъ, чрезвычайно примитивныхъ по устройству и способамъ обработки кожъ.

Кромѣ того, въ огромномъ большинствѣ кожевенныхъ заводовъ самая обстановска труда рабочихъ является неудовлетворительной и только съ большимъ трудомъ удается понемногу проводить на практикѣ мѣры, клонящіяся къ благоустройству заводовъ въ этомъ отношеніи.

Изъ с. Богородскаго (Нижегород. г.), гдѣ сосредоточено до 250 кожевенныхъ заводовъ, сообщаютъ [1]), что рабочій день продолжается *полныхъ 15 часовъ*. Но, можетъ быть, этотъ трудъ легкій? На этотъ вопросъ краснорѣчиво отвѣчаютъ двѣ разновидности особой кожевенной породы людей: люди кривобокіе и люди съ *дикимъ* мясомъ на плечахъ. Быть можетъ, этотъ трудъ совершается въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ? Вотъ кожевенный заводъ. Зданіе растянулось слишкомъ на 30 саж., со многими подраздѣленіями, изъ которыхъ въ одномъ—золятъ, въ другомъ—квасятъ, третьемъ—шерсть сбиваютъ съ кожи, четвертомъ—кожи мнутъ, пятомъ—гладятъ, шестомъ—дубятъ, седьмомъ—кожу толкутъ и т. д. Въ послѣднемъ—пыль, а *первые*— неописуемы: войдя въ одно изъ нихъ, я въ первую же минуту почувствовалъ тошноту, ротъ и носъ инстинктивно зажалъ рукою,

---

[1]) Нѣкоторые выводы о санитарномъ состояніи фабрикъ и заводовъ Смоленской губ., 1896 г., 27—28 стр.

[2]) Обзоръ фабр.-зав. пром. въ Харьковской губ., 1899 г., Гнѣдичъ и Аксеновъ, 37 стр.

[3]) Недѣля, № 33, за 1900 г.

чтобы оградить себя отъ вдыханія смраднаго воздуха. Говорятъ, когда привыкнешь, такъ *ничего*. Мастеровые котельныхъ мастерскихъ, находясь въ котлѣ, относительно пронзительныхъ звуковъ десятка молотовъ, ударяющихъ по котлу снаружи, тоже говорятъ *ничего*, но это ужъ тогда, когда они превратятси въ „глухарей“. И воздухъ кожевенныхъ заводовъ будетъ *ничего*, когда человѣкъ лишится обоняніе. Организмъ сильно расшатывается и человѣкъ чахнетъ, о чемъ краснорѣчиво говорятъ блѣдныя, исхудалыя, изможденныя лица работающихъ и работавшихъ.

На табачныхъ фабрикахъ Смоленск. г.—самое главное,—это множество мелкой табачной пыли, которая наполняетъ всѣ фабричныя помѣщенія. Въ разработныхъ мастерскихъ при дѣйствіи машинъ дробящихъ или крошащихъ табакъ, пыль носится такими густыми облаками, что въ нѣсколько минутъ покрываетъ одежду и лицо рабочихъ и заставляетъ ихъ въ самые сильные морозы держать все время открытыми наружныя двери и окна: иначе въ мастерской нельзя пробыть и полчаса. На непривычныхъ, даже и при непродолжительномъ пребываніи на фабрикѣ, эта пыль дѣйствуетъ весьма сильно, вызываетъ стѣсненіе дыханія, сердцебіеніе, кашель, чиханіе и слезоточеніе, а во рту получается такая противная, сильная горечь, которая проходитъ только послѣ нѣсколькихъ часовъ по уходѣ съ фабрики, послѣ усиленнаго полосканія рта. Нѣкоторые изъ привычныхъ рабочихъ жаловались на постоянный кашель, боль въ груди, головную боль, горловыя и носовыя кровотеченія. Въ сушилкахъ такъ жарко, и воздухъ до того пропитанъ пылью и ѣдкими, захватывающими дыханіе табачными парами, что я, говоритъ Жбанковъ, не могъ пробыть въ нихъ и 2 минутъ; рабочимъ же приходилось входить туда по нѣскольку разъ въ день на 10—15 минутъ для перемѣшиванія табаку, причемъ почти у всѣхъ къ концу пребыванія въ сушилкѣ дѣлается головокруженіе и состояніе, близкое къ обмороку, хотя на это время и отворяютъ наружныя двери; разъ одному рабочему пришлось пробыть въ сушилкѣ около $^1/_4$ часа при затворенной двери, и его вынесли оттуда въ такомъ глубокомъ обморокѣ, что едва вернули къ жизни. При всемъ томъ—*крайне недостаточное провѣтриваніе и полное отсутствіе прикрытій для машинъ, а равно и какихъ либо приспособленій противъ распространенія табачной пыли по мастерскимъ*. А между тѣмъ на табачныхъ фабрикахъ въ 1902 г. числилось изъ 36,355 рабочихъ—22,152 женщины, 1360 мальчиковъ и

2121 дѣвочекъ. Рабочій день по свидѣтельству Жбанкова, очень великъ—отъ $11\frac{1}{2}$ до 13 часовъ.

Близкое пребываніе фабрично-заводскихъ заведеній среди населенія, говоритъ Никольскій, описывая санитарныя условія Шлиссельбургскаго тракта, зачастую такъ портитъ окружающій воздухъ, что становится трудно дышать; въ особенности въ этомъ отношеніи страдаютъ жители села Смоленскаго отъ химическаго завода, нѣкоторыхъ мастерскихъ судостроительнаго завода и др. Въ сырую погоду воздухъ рѣзко насыщается парами кислотъ. Въ близко расположенныхъ къ этимъ заводамъ домахъ нельзя отворить окна—комната наполняется копотью, пылью, испорченнымъ воздухомъ. Металлическія вещи чернѣютъ, цвѣты гибнутъ. Между тѣмъ, если не устранить, то ослабить вредное вліяніе заводовъ вполнѣ возможно—обязавъ устроить *высокія дымовыя трубы* для тѣхъ отдѣленій, гдѣ производятся такія манипуляціи. Вопросъ о вентиляціи играетъ существенную роль въ санитарно-фабричной техникѣ и *по настоящему могъ-бы быть разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно,—для этого есть всѣ данныя, средства и знанія, но, къ сожалѣнію на практикѣ не замѣчается улучшеній.* Плохую вентиляцію мы находимъ даже въ такихъ отдѣленіяхъ фабричныхъ помѣщеній, которыя особенно требуютъ ея. Обычная форма вентиляціи—тѣ же форточки и печныя отверстія. Механическіе вентиляторы встрѣчаются крайне рѣдко; *нигдѣ* мы не видѣли вентиляціи съ нагнетаніемъ наружнаго воздуха и вытягиваніемъ впущеннаго. Что касается освѣщенія, то оно въ значительномъ числѣ фабрикъ далеко недостаточно. На нѣкоторыхъ заводахъ встрѣчаются даже и такія мастерскія, въ которыхъ безъ огня нельзя работать и днемъ. Для освѣщенія рабочіе употребляютъ лампы-коптилки (безъ стекла); а между тѣмъ для этихъ-то мастерскихъ и нужно было бы особенно хорошее освѣщеніе, такъ какъ рабочимъ приходится работать въ такомъ производствѣ, гдѣ выдѣляется много газовъ и паровъ [1]). И это въ самомъ Петербургѣ, крупнѣйшемъ центрѣ нашей промышленности, мѣстѣ сосредоточія безчисленнаго количества всякой администраціи, надзирающей, пресѣкающей и

[1]) Вѣстникъ общественной гигіены, 1901 г., августъ. Шлиссельбургскій пригородный участокъ въ санитарномъ отношеніи.

Точно также въ Московской губ., по словамъ фабричныхъ инспекторовъ, *огромное большинство фабрикъ и заводовъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, какъ въ техническомъ, такъ и въ санитарномъ отношеніи.* Р. В. 1905, № 42.

*

т. п. Что же спрашивать съ какихъ-нибудь отдаленныхъ уголковъ...

Въ заключеніе замѣтимъ, что земскимъ учрежденіямъ предоставлено также право изданія обязательныхъ постановленій объ устройствѣ и порядкѣ содержанія въ санитарномъ отношеніи боенъ, фабричныхъ, заводскихъ и другихъ промышленныхъ заведеній. Ожидать какихъ-нибудь результатовъ отъ изданія обязательныхъ постановленій можно, конечно, только тамъ, гдѣ имѣются спеціальные органы, на обязанности которыхъ лежитъ— слѣдить за исполненіемъ и проводить въ жизнь указанныя постановленія. Въ 1891 г. въ Московской губ. былъ учрежденъ институтъ санитарныхъ врачей. Этому примѣру затѣмъ послѣдовало Петербургское земство, а въ 1901 г. Екатеринбургское уѣздное земство пригласило особаго санитарнаго врача для уѣзда. Вотъ и все.

Въ Московск. губ. санитарный надзоръ получилъ болѣе широкое примѣненіе съ 1890 г., когда губернская администрація, по настоянію земства, стала требовать отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ исполненія § 101 обязательныхъ постановленій, по которому планы вновь устраиваемыхъ и перестраиваемыхъ фабричныхъ заведеній, прежде утвержденія ихъ, должны быть представлены на заключеніе земскихъ управъ и ихъ санитарныхъ совѣтовъ. Въ своемъ докладѣ за 1902 г. Москов. Губ. З. Управа говоритъ, что санитарный надзоръ „все болѣе и болѣе исчерпываетъ число подлежащихъ надзору фабрично-промышленныхъ заведеній“, но въ то же время констатируетъ, что почти во всѣхъ уѣздахъ наблюдаются ежегодно случаи, когда фабрично-промышленныя заведенія получаютъ разрѣшеніе отъ властей на открытіе *безъ предварительнаго осмотра*. Въ Петербургской г. въ 1900 г. введенъ въ обязательныя постановленія параграфъ, обязывающій каждаго предпринимателя испрашивать предварительно разрѣшеніе отъ уѣздной земск. управы и открывать промышленное заведеніе лишь послѣ благопріятнаго заключенія управы на основаніи осмотра заведенія техникомъ и санитарнымъ врачемъ. Этотъ параграфъ, говоритъ въ своемъ докладѣ за 1902 г. Петерб. Губ. З. Управа, имѣетъ громадное значеніе, онъ создаетъ санитарную профилактику. Но... „въ дѣйствительности этотъ § очень часто нарушается. Крупные фабрики и заводы, довольствуются (!) разрѣшеніемъ губернскаго правленія, такъ что иногда санитарный врачъ только случайно узнаетъ о появленіи

новаго фабричнаго заведенія, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его дѣйствія. Болѣе мелкіе заведенія, особенно ремесленныя— портновскія, сапожныя, малярныя,—изъятыя изъ-подъ надзора фабричной инспекціи, въ большинствѣ случаевъ открываются безъ всякаго разрѣшенія управы" [1]). По петергофскому участку были осмотрѣны почти всѣ дѣйствующія фабрично-заводскія и др. промышленныя заведенія участка; наиболѣе неудовлетворительныя въ санитарномъ отношеніи—по 2—3 раза, нѣкоторыя же по 15 разъ. Все это прекрасно, конечно, но совершенно не въ состояніи смягчить общаго мрачнаго фона. Лишь при реорганизаціи органовъ нашего самоуправленія на демократическихъ началахъ и развитіи рабочихъ (профессіональныхъ) союзовъ санитарный надзоръ можетъ получить надлежащее распространеніе и привести къ желательнымъ результатамъ. Мы тѣмъ болѣе должны подчеркнуть это отсутствіе сколько-нибудь крупныхъ улучшеній за второй періодъ, что многіе наивные люди склонны связывать съ самымъ фактомъ развитія крупнаго производства измѣненіе къ лучшему въ условіяхъ труда. Конечно, процессъ концентраціи промышленности, особенно замѣтный у насъ за послѣднія два десятилѣтія, открываетъ возможность введенія необходимыхъ усовершенствованій, но чтобы эта возможность перешла въ дѣйствительность— нужна извѣстная принудительная сила... а ея то и не было!

Во многихъ рудникахъ, замѣчаетъ намъ И. Тиме, [2]) принимаются въ послѣднее время мѣры къ улучшенію вентиляціи, и, вмѣсто прежнихъ опасныхъ и неэкономичныхъ печей, на главныхъ копяхъ устроена искусственная вентиляція помощью различной системы центробѣжныхъ вентиляторовъ. На Шербиновскомъ рудникѣ имѣются электрическіе вентиляторы новой системы Мортье и т. д. Но если гдѣ это и дѣлается, то-во всякомъ случаѣ измѣнить общей картины не можетъ, такъ какъ носитъ характеръ чего-то случайнаго и показнаго...

Если сравнить картину труда въ рудникахъ 40—45 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время, то мы увидимъ, что разницы нѣтъ. Вотъ что говорится въ послѣднихъ данныхъ по этому поводу, полученныхъ съ одного изъ крупныхъ рудниковъ Донецкаго бассейна и, въ среднемъ, примѣнимыхъ къ любому руднику этого района [3]). Лишь въ исключительныхъ случаяхъ „проход-

[1]) Отчеты санитарн. врачей СПб. Губ. Земства за 1902 г., 136 стр.
[2]) Современное состояніе техники на южно-русскихъ горныхъ заводахъ и рудникахъ, 1897 г.
[3]) Вѣстникъ фабричнаго законодательства, № 1, за 1905 г.

чикамъ“ приходится работать въ сухой шахтѣ. Чаще всего на днѣ колодца собирается изрядное количество воды, въ которой приходится или стоять по колѣни, или же сидѣть выше пояса, при температурѣ въ 8—10° R и постоянномъ душѣ отъ падающихъ сверху капель. Къ этому надо еще прибавить часто плохую вентиляцію, ибо даже при установкѣ трубъ для притока сверху свѣжаго воздуха, послѣдній, при глубинѣ шахты въ 20—30 с., поступаетъ чрезвычайно медленно, и въ колодцѣ постоянно скопляется воздухъ, испорченный дыханіемъ людей, горѣніемъ лампъ, а, главное, постоянными взрывами горныхъ породъ динамитомъ, выдѣляющимъ чрезвычайно ѣдкій, вызывающій тошноту и головокруженіе газъ“... Тяжесть подобнаго рода работъ усугубляется еще благодаря сплошь и рядомъ встрѣчающемуся небрежному отношенію къ дѣлу администраціи рудниковъ. Такъ, напримѣръ, на копяхъ Акціонернаго О-ва криворожскихъ желѣзныхъ рудъ въ 1899 г. велось углубленіе въ уже работавшей шахтѣ № 2. Но причиніе сильнаго притока воды въ колодцѣ постоянно работалъ насосъ, причемъ отработанный паръ не отводился на поверхность при помощи трубъ, что требуется горной инструкціей и легко выполнимо, а выпускался прямо въ самой шахтѣ. Благодаря этому температура была страшно высокая (не ниже 30°), а не успѣвавшій конденсироваться паръ стоялъ по всему стволу шахты плотной массой. „Помню, что спускавшемуся со мной полнокровному десятнику горныхъ работъ на срединѣ шахты, гдѣ мы принуждены были остановиться и гдѣ температура была особенно высока, сдѣлалось дурно... На мой вопросъ, обращенный впослѣдствіи къ завѣдывавшему шахтой штейгеру Ш-ну, почему не попробуютъ при помощи трубъ отводить паръ на поверхность,—послѣдовалъ отвѣтъ, что это будетъ стоить слишкомъ дорого! Но этого мало. Вдобавокъ ко всему при шахтѣ,—повидимому, въ силу экономіи же—не имѣлось грѣлокъ, гдѣ можно было бы обсушиться, и просидѣвшій 8 часовъ въ водѣ рабочій, разогрѣтый паромъ, по выходѣ изъ шахты, попадалъ на сквознякъ, а затѣмъ, накинувъ на мокрую одежду сухую куртку, а то и безъ нея, принужденъ былъ бѣжать по морозу не менѣе 150—200 саж. до квартиры. Случай этотъ не единичный. Аналогичные факты можно считать десятками“...

„Не лучше обстоитъ дѣло и при прохожденіи шахтъ снизу вверхъ. Правда, воды тамъ почти не бываетъ, но зато воздухъ до такой степени испорченъ, что лампы едва горятъ, да вдобавокъ

въ ней стоитъ мелкая пыль отъ высверливаемыхъ въ горныхъ породахъ отверстій, — пыль, засаривающая дыхательные пути, вызывающая воспаленіе слизистыхъ оболочекъ глазъ, горла, носа. Такая работа ведется непрерывно въ будни и въ праздники и настолько истомляетъ рабочаго, что онъ положительно превращается въ автомата".

Немногимъ легче работа и обыкновеннаго „забойщика". Ему приходится въ теченіе 10—11 часовъ съ малыми передышками работать при неестественномъ положеніи тѣла, нерѣдко на мокрыхъ горныхъ породахъ, кусокъ за кускомъ отбивая отъ плотной массы каменный уголь. Надъ нимъ виситъ въ воздухѣ цѣлый столбъ тонкой угольной пыли, а первобытныя лампочки распространяютъ страшную копоть, чрезвычайно вредную для здоровья рабочихъ...

Относительно юга Россіи старшій фабричный инспекторъ [1]) сообщаетъ, что на нѣкоторыхъ крупныхъ чугунолитейныхъ и машиностроительныхъ заводахъ, не говоря уже о всѣхъ мелкихъ, очень плохо поставленъ вопросъ объ огражденіи различныхъ опасныхъ мѣстъ въ мастерскихъ: „шкивы и ремни, шестерни, вращающіяся и движущіяся части машинъ и станковъ, за *отсутствіемъ обязательныхъ постановленій* по этому предмету, составляютъ до настоящаго времени нерѣдко причину болѣе или менѣе тяжкихъ увѣчій рабочихъ и предметъ непрерывныхъ напоминаній (!) завѣдующимъ отъ чиновъ фабричной инспекціи. Даже въ большихъ заводахъ, гдѣ контингентъ старшаго персонала составляютъ болѣе или менѣе опытные и часто съ высшимъ образованіемъ техники, вопросы объ огражденіи жизни и здоровья рабочихъ до сихъ поръ не поставлены достаточно серьезно къ разрѣшенію". Весьма вредны для здоровья также недостатки въ устройствѣ газогенераторовъ, помощью которыхъ отапливаются мартеновскія печи на желѣзо-прокатныхъ и стале-литейныхъ заводахъ (это относится также къ заводамъ огнеупорныхъ издѣлій бутылочнымъ и стекляннымъ, гдѣ обжигательныя и отражательныя печи работаютъ на газѣ). Работы при газогенераторахъ, какъ для работающихъ наверху, такъ и для кочегаровъ внизу, чрезвычайно тяжелы: загрузчики находятся постоянно въ облакахъ дыма, почти непрерывно выдѣляющагося изъ загрузныхъ шахтъ и шуровальныхъ отверстій (черезъ которыя загрузчики перемѣшиваютъ въ генераторѣ уголь длинными желѣзными турами)... Съ

[1]) Аксеновъ. „Фабрично-заводская промышленность и положеніе рабочихъ въ Екатеринославской губ. въ 1899—1900 гг.", стр. 13, 15.

другой стороны, устройство, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ газоженахъ кочегарокъ внизу также оставляетъ желать много лучшаго: постоянное выдѣленіе въ огромномъ количествѣ сѣрнистаго газа и страшно высокая температура у колосниковъ требуютъ просторныхъ и хорошо вентилируемыхъ помѣщеній, служащихъ кочегарками, между тѣмъ какъ изъ существующихъ въ Екатеринославской губерніи газоженовъ одни снабжены чрезвычайно тѣсными кочегарками, въ удушливой атмосферѣ которыхъ свѣжій человѣкъ не въ состояніи оставаться и нѣсколько минутъ, при другихъ же кочегарки представляютъ собою простыя ямы у колосниковъ, безъ навѣсовъ или крышъ, которые могли бы защитить кочегаровъ отъ дождя и снѣга. Въ большинствѣ изъ заводовъ работа эта тѣмъ болѣе тяжка, что рабочая смѣна на газоженахъ до сихъ поръ двѣнадцатичасовая съ перерывомъ въ $^1/_2$ часа для пріема пищи рабочихъ по очереди...

ГЛАВА IV.

Въ области жилищнаго вопроса мы совершенно напрасно стали бы возлагать на второй періодъ какія-нибудь надежды; наоборотъ, общее ухудшеніе обнаруживается здѣсь, пожалуй, рѣзче, чѣмъ гдѣ-либо еще. Послѣднія 15—20 лѣтъ были временемъ усиленнаго бѣгства изъ деревни: города и промышленные центры развивались съ поразительной—американской—быстротой, поглощая съ каждымъ годомъ многія сотни тысячъ людей.

Въ силу дороговизны кредита и слабаго развитія иниціативы, пришибленной полицейско-бюрократическимъ гнетомъ, усилія частныхъ лицъ и обществъ не могли привести къ сколько-нибудь замѣтнымъ результатамъ въ области квартирнаго вопроса. Первыя товарищества и акціонерныя общества по постройкѣ дешевыхъ жилищъ были основаны еще въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. На нихъ возлагались большія надежды сторонниками „упрощеннаго“ разрѣшенія соціальнаго вопроса въ Россіи... но прошло 40 слишкомъ лѣтъ и дальше начинаній дѣло не пошло...

Что касается городского самоуправленія, то дѣятельность его въ этомъ направленіи совершенно ничтожна, вѣрнѣе—ея совсѣмъ нѣтъ: въ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ городахъ имѣются ночлежные дома (очень скверные притомъ) для босяковъ, но не квартиры для рабочихъ. Иного результата нельзя было и ожидать, — ибо въ органахъ нашего мѣстнаго самоуправленія засѣдали домовла-

дѣльцы, купцы и промышленники; представителей отъ квартирантовъ, отъ трудящихся массъ тамъ не было... Лишь при введеніи всеобщаго избирательнаго права интересы рабочаго населенія могутъ быть обезпечены и лишь тогда только будутъ сдѣланы смѣлые шаги для разрѣшенія жилищнаго вопроса.

Такимъ образомъ промышленные центры—какъ въ городахъ, такъ и внѣ ихъ — оказались совершенно неподготовленными къ выполненію задачи: обезпечить вновь приливающимъ массамъ рабочаго люда удовлетворительныя въ санитарномъ отношеніи условія существованія. На этой почвѣ и выросла страшная грязь, тѣснота и эксплуатація. По мѣрѣ наплыва рабочихъ извнѣ окрестные владѣльцы домовъ бросаютъ свои прежнія занятія и начинаютъ заниматься исключительно содержаніемъ жильцовъ. Семейные рабочіе нанимаютъ каморки, а холостые—размѣщаются какъ попало. Жильцами набиваются всѣ избы, чердаки, сараи, все, что найдется, не разбирая мужчинъ и женщинъ. Особенно ужасно, заявляетъ инж. Сонгинъ на Нижегородск. съѣздѣ 1896 г., переполнены деревенскія избы при фабрикахъ въ глуши, что не разъ вызывало повальныя болѣзни. Заявленія губернаторовъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, что „многія фабрики за отсутствіемъ настоящихъ жилищъ для рабочихъ служатъ очагами заразы, разврата и пьянства“, могутъ быть повторены губернаторами и настоящаго времени. Гдѣ ужъ тутъ говорить о „гигіенѣ“, когда приходится на 1 кровати спать 2, 3 человѣкамъ и болѣе въ такъ называемыхъ „свальныхъ помѣщеніяхъ“, какъ ихъ называютъ фабричные рабочіе въ Московской губ., т. е. въ спальняхъ, гдѣ располагаются, какъ попало, рабочіе разныхъ половъ и всѣхъ возрастовъ.

Какъ совершается этотъ процессъ въ крупныхъ городскихъ центрахъ, можно показать на примѣрѣ Петербурга. Растущая столичная промышленность, стѣсненная санитарными требованіями и дороговизной земли и квартиръ въ чертѣ города, устремилась въ прилегающіе пригороды. Первымъ подвергся ея нашествію Петергофскій участокъ, какъ наиболѣе близкій къ городу и къ желѣзнодорожнымъ путямъ. Съ поразительной для насъ, русскихъ, быстротою, такъ сказать, по-американски происходитъ ассимиляція пригорода съ городомъ, *со всѣми отрицательными сторонами послѣдняго, но безъ соотвѣтствующихъ коррективовъ.* За какія-нибудь 5 лѣтъ на пустырѣ „Литературныхъ мѣстъ“ возникло 17 городскихъ улицъ съ многоэтажными домами и населеніемъ не менѣе 17—18 тысячъ, съ фабриками, заводами, мел-

кими ремесленными и торговыми заведеніями. Среди огородовъ близъ Путиловскаго завода за 10 лѣтъ выстроилось 12 новыхъ улицъ. Цѣна на землю, стоившую 15—20 лѣтъ тому назадъ нѣсколько копеекъ за кв. сажень, теперь поднялась до 5—10—15—40 рублей за сажень! Населеніе съ нѣсколькихъ тысячъ возросло до 60,000.—Старинные парки вырубались, искусственные пруды и протоки заваливались навозомъ, столичными помоями, и на всей этой дряни, слегка прикрытой землей и гарью, воздвигались дома нелѣпой архитектуры. Въ погонѣ за экономіей мѣста ихъ строители совершенно пренебрегали элементарными требованіями гигіены, увѣренные въ неразборчивости квартирантовъ-рабочихъ [1])...

Наиболѣе подробными и цѣнными данными касательно состоянія квартиръ, въ которыхъ живетъ большая часть рабочаго люда, мы располагаемъ относительно г. Москвы. Въ виду того, что коечно-каморочныя квартиры являются очагами заразныхъ болѣзней и должны быть поэтому разсматриваемы, какъ зло, къ устраненію котораго рано или поздно должны быть приняты самыя энергичныя мѣры, городское управленіе произвело въ 1899 г. статистическое обслѣдованіе для выясненія размѣровъ этого зла. Переписью было зарегистрировано въ Москвѣ 16,140 коечно-каморочныхъ квартиръ, изъ которыхъ для 15,922 имѣются точныя данныя. На окраинахъ города подобныя квартиры занимаютъ чаще цѣлые дома, которые представляютъ собою большею частью одно-или двухъэтажную деревянную постройку, а въ центральныхъ частяхъ онѣ расположены въ каменныхъ домахъ, занимая лишь части ихъ—подвалы, мансарды, надворные флигеля и только въ видѣ исключенія встрѣчаются здѣсь дома, сплошь занятые коечно-каморочными квартирами. Въ этихъ квартирахъ сдаются жильцамъ каморки,—т. е. части комнаты, отдѣленныя досчатыми перегородками, недоходящими до потолка, — затѣмъ углы, койки, однимъ словомъ, все пространство, оставшееся свободнымъ за размѣщеніемъ членовъ семьи квартирохозяина. Всего переписью зарегистрировано здѣсь 174,622 жителя, т. е. населеніе 4 среднихъ губернскихъ городовъ. Не думайте, что въ этихъ квартирахъ ютятся золоторотцы, босяки и тому подобныя лица, которыя физически и нравственно сдѣлались уже неспособными къ регулярному труду, нѣтъ — эти паріи современнаго общества проводятъ дни на улицахъ, а ночи — въ ночлежныхъ домахъ, которые они обязаны

[1]) См. Отчеты санитарн. врачей Петерб. Губ. Земства за 1902 г.

покидать съ наступленіемъ утра. Въ коечно-каморочныхъ же квартирахъ живетъ населеніе осѣдлое, снимающее себѣ помѣщеніе на опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Это— фабрично-заводскіе рабочіе, мелкіе самостоятельные ремесленники и ихъ рабочіе, извозчики, чернорабочіе, мелкіе торговцы, приказчики, домашняя прислуга, низшіе желѣзнодорожные служащіе, а также семейства лицъ, принадлежащихъ къ поименованнымъ и многимъ другимъ профессіямъ. Однимъ словомъ, все это населеніе принадлежитъ къ категоріи трудоспособныхъ и трудящихся лицъ; это цвѣтъ рабочаго класса, которымъ создаются цѣнности, поддерживаются и накопляются всѣ богатства страны. Но это на языкѣ политической экономіи, въ Москвѣ же обитателей коечно-каморочныхъ квартиръ называютъ просто... „черными жильцами“!

Посмотримъ на условія ихъ жизни. Современные гигіенисты расходятся въ опредѣленіи количества воздуха, необходимаго для человѣка въ жиломъ помѣщеніи, но большинство ихъ все-таки сходится въ томъ, что минимальной нормой *въ хорошо вентилируемомъ помѣщеніи* нужно признать $1^1/_2$ куб. саж.; дальнѣйшее пониженіе этой нормы должно вредно вліять на здоровье и сокращать жизнь обитателей этихъ квартиръ.

Между тѣмъ въ 4,909 квартирахъ (30,8%) на 1 жителя приходится менѣе 1 куб. саж.; въ 6,271 кварт. (39,4%)— отъ 1 до 1,4 к. с.; въ 2,767 кв. (17,4%)—отъ 1,5 до 1,9 к. с.; въ 1,111 кварт. (7%)—отъ 2 до 2,4 и въ 864 кв. (5,4%)— отъ 2,5 и болѣе куб. саж. *Такимъ образомъ изъ всѣхъ коечно-каморочныхъ квартиръ Москва 11,180, или 70,2% настолько переполнены, что на каждаго человѣка, находящаго въ нихъ пріютъ, приходится менѣе 1% к. с., слѣдовательно населеніе въ нихъ поставлено въ условія, прямо сокращающія человѣческую жизнь.* Громадное большинство квартиръ—въ одну комнату; переписью зарегистрировано 12,650 однокомнатныхъ квартиръ. Во всѣхъ квартирахъ сдается жильцамъ 27,513 каморокъ и во внѣ-каморочныхъ помѣщеніяхъ 26,234 койки. Чтобы представить себѣ, что представляютъ собою самыя квартиры, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ бланковъ счетчиковъ. „Духота невыносимая отъ скученности населенія. Квартира сырая и невѣроятно грязная. Въ 2 каморкахъ полный мракъ. Потолокъ до того низокъ, что нельзя выпрямиться высокому человѣку. Специфическій запахъ“. „Квартира представляетъ ужасный видъ, сообщаетъ другой, — штукатурка обвали-

лась, въ стѣнахъ отверстія, заткнутыя тряпками. Грязно. Печка развалилась. Легіоны таракановъ и клоповъ. Нѣтъ вторыхъ рамъ, а потому сильный холодъ. Отхожее мѣсто развалилось настолько, что въ него опасно ходить и дѣтей не пускаютъ. Таковы всѣ квартиры въ домѣ". „Невозможная атмосфера; испаренія отъ людей, мокрой одежды и грязнаго бѣлья; вездѣ сырость и грязь. Дуетъ отовсюду; въ дождь вода надъ поломъ поднимается на два пальца", и т. д. и т. д. Такихъ выписокъ можно привести цѣлыми страницами [1]).—Каморки сдаются или цѣликомъ отдѣльной семьѣ, или частями, незнакомымъ между собой лицамъ. Бывали случаи, когда число такихъ лицъ, живущихъ въ тѣсной каморкѣ съ 2 койками, достигало 7 и даже 9 человѣкъ. Койки бываютъ одиночныя и двойныя. Послѣднія сдаются либо семейнымъ, либо двумъ постороннимъ и даже незнакомымъ лицамъ. Одиночныя койки также иногда занимаются двумя лицами, изъ которыхъ одинъ спитъ на ней днемъ, а другой ночью. Этотъ способъ совмѣстнаго занятія двумя лицами одной обыкновенной или двойной койки представляетъ едва ли не самую худшую сторону въ жизни обитателей коечно-каморочныхъ квартиръ. Тутъ трудящійся человѣкъ уже прямо приравнивается, по условіямъ своего существованія, къ арестанту въ тюрьмѣ и къ спившемуся золоторотцу въ ночлежномъ домѣ.

Раздѣленіе половъ, конечно, не соблюдается въ разсматриваемыхъ квартирахъ. Въ одной и той же комнатѣ мы видимъ старухъ, молодыхъ дѣвушекъ, парней, подростковъ и стариковъ. Всѣ эти люди живутъ, сводятъ свои счеты, мѣняютъ бѣлье, спятъ рядомъ другъ съ другомъ, на разстояніи полуаршина и только изрѣдка. огораживая свою постель занавѣской. И въ этой обстановкѣ растутъ 38,000 дѣтей.

Въ одной каморкѣ живутъ мать со своимъ сожителемъ-плотникомъ, ея взрослая дочь, кончающая курсъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній Москвы, и посторонняя женщина; въ одной небольшой комнатѣ помѣщаются нѣсколько дѣвушекъ съ фабрики и молодые приказчики; на одной изъ коекъ, среди мужчинъ и старухъ, живетъ дѣвушка, недавно окончившая провинціальную гимназію и пріѣхавшая въ Москву искать занятій; въ квартирѣ, неполненной фабричными дѣвушками, женщинами и чернорабочими, помѣщается среди нихъ студентъ со своей сожительницей и т. д.

[1]) Отсылаемъ интересующихся къ Извѣстіямъ Московской Городской Думы, 1902 г., октябрь.

Что касается платы, взимаемой съ жильцовъ, то за каморки зарегистрованы переписью слѣдующія цѣны:

менѣе 4 р. въ мѣс.	2728	случаевъ;	сред. плата 2 р. 99 к.
отъ 4 р. до 5 р. 99 к. въ м.	9,914	случ.	сред. плата 4 р. 74 к.
отъ 6 р. до 7 р. 99 к. „	8,842	„ „	„ 6 р. 49 к.
отъ 8 р. и болѣе	4,468	„ „	„ 9 р. 23 к.

Наиболѣе часто за каморку платится 5 и 6 р. *Средняя по Москвѣ каморка* оплачивается 5 р 93 к. въ мѣс. Раздѣливъ общую квартирную плату за всѣ каморки на число лицъ, занимающихъ ихъ, получимъ среднюю плату за *одно мѣсто* 2 р. 22 к. въ мѣс. Средняя по Москвѣ плата за одиночную койку равна 1 р. 97 к., а за двойную 2 р. 86 к. въ мѣсяцъ.

Тѣ же печальныя картины рисуются и въ Петербургѣ, по отчетамъ санитарныхъ врачей и другихъ изслѣдователей. Въ Петергофскомъ районѣ обычно рядъ квартиръ, расположенныхъ vis-a-vis, имѣетъ одинъ общій внутренній коридоръ, конечно полутемный, плохо вентилируемый. Въ другихъ случаяхъ коридоръ односторонній, но застроенный лѣстницами, чуланчиками, такой же грязный, темный и вонючій, какъ и внутренніе коридоры. Недостатокъ свѣта, затхлый воздухъ, вонь со двора, переполненіе квартиръ жильцами—вотъ жилищныя условія громаднаго большинства. Кромѣ того обиліе влаги въ почвѣ препятствуетъ ей быстро поглощать помои и всякія жидкія нечистоты. Въ канавахъ вдоль улицъ, подъ домами—почвенныя воды не пересыхаютъ даже лѣтомъ, застаиваются, гніютъ и издаютъ зловонія.

Къ этой естественной сырости почвы присоединяется съ каждымъ годомъ возрастающее искусственное заболачиваніе всей заселенной площади. Въ этомъ районѣ находится извѣстный Путиловскій заводъ съ 12000 рабочихъ.

За ничтожными исключеніями заводъ не имѣетъ рабочихъ казармъ; отъ личной инициативы каждаго зависитъ устраиваться, какъ ему угодно. Въ виду недостаточнаго числа квартиръ и большого спроса на нихъ—болѣе $^2/_3$ всего числа домовъ сдается подъ квартиры рабочимъ съ ихъ семьями—хозяева нисколько не заботятся о качественной сторонѣ помѣщеній и не считаютъ нужнымъ исполнять какія бы то ни было санитарныя правила, не смотря на то, что таковыя существуютъ. Воздуха на человѣка едва приходится $^1/_4$ к. с. и даже менѣе. Свѣта проникаетъ мало, а углы и совсѣмъ темны. Содержатся эти помѣщенія грязно, на кухнѣ

въ углахъ цѣлыя кучи мусора; подъ кроватями также мусоръ, пыль и т. п. Воздухъ въ квартирахъ удушливъ, переполненъ различными испареніями и запахомъ одежды. Форточки встрѣчаются рѣдко и небольшія, да и тѣ зимой заколачиваются. Вслѣдствіе грязнаго содержанія помѣщеній въ нихъ всегда масса различныхъ паразитовъ и въ особенности, если стѣны оклеены обоями или увѣшаны картинами, которыми жильцы такъ любятъ украшать стѣны. Несмотря на переполненіе этихъ квартиръ жильцами, по словамъ мѣстнаго санитарнаго врача Самецкаго, квартиранты не протестуютъ противъ этого (?!), въ силу того, что чѣмъ больше жильцовъ, тѣмъ меньше каждому приходится платить.

Въ Петергофскомъ участкѣ, также какъ въ Шлиссельбургскомъ и въ другихъ—взрослые обыкновенно помѣщаются по двое на одной кровати, а для дѣтей кроватей не полагается—они ложатся или на одной съ родителями или на полу.

Въ семейныхъ квартирахъ на одну кровать нерѣдко приходится 3—4 и даже болѣе человѣкъ, тогда какъ въ квартирахъ одинокихъ общее правило—2 человѣка на кровать. Но въ другихъ отношеніяхъ, именно по отношенію къ чистотѣ и объему воздуха на одного семейнаго, семейныя квартиры оказываются въ лучшихъ условіяхъ. Въ семейныхъ квартирахъ даже замѣчается стремленіе къ комфорту: въ нихъ встрѣчаются картины, зеркала, мягкая мебель, хорошія кровати и одѣяла. Въ квартирахъ же одинокихъ — кровать деревянная съ грязными матрацами и подушками.

При обслѣдованіи жилищъ Петербургскихъ рабочихъ въ 1896 г., пишетъ врачъ Покровская, встрѣчались комнаты, въ которыхъ кубическое содержаніе воздуха на одного человѣка иногда было менѣе $^1/_2$ куб. саж., въ одной комнатѣ часто помѣщались 5—9 человѣкъ, а на одной кровати 4—6 челов. Домъ на Тимофеевской улицѣ характеризуется тѣмъ, что на одномъ и томъ же дворѣ помѣщается домъ терпимости и жилища рабочихъ.

Въ Кіевѣ врачами амбулаторн. лечебницы О-ва подачи помощи больнымъ дѣтямъ были собраны въ 1897 г. свѣдѣнія о 1386 квартирахъ, гдѣ помѣщалось 7576 душъ, т. е. $5^1/_2$ челов. на квартиру. Въ однокомнатныхъ квартирахъ живетъ 23,25 человѣкъ, т. е. 4,6 чел. на 1 комнату; всѣ они, значитъ, сильно переполнены жильцами. Средняя мѣсячная плата за однокомнатную квартиру равняется 6,3 руб., а за уголъ—2 рубля.

Кромѣ частныхъ квартиръ существуютъ еще хозяйскія; на-

ибольшее распространеніе онѣ получили въ центральномъ районѣ (особенно Московская и Владимірск. губ.), въ другихъ мѣстахъ ихъ уже значительно меньше и меньше всего—въ Царствѣ Польскомъ, какъ мы уже говорили въ I-ой части. Такъ въ Петроковской губ., по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1896 г. фабричной инспекціей, изъ 99 тысячъ рабочихъ фабричными жилыми помѣщеніями пользуются только 11%. Въ Богородскомъ уѣздѣ Московской г., въ 1899 г. на вольныхъ квартирахъ помѣщалось 6585 человѣкъ или 18,7% всего состава рабочихъ; въ своихъ домахъ—помѣщалось 11,477 челов. или 32,5% и въ казармахъ при фабрикахъ—17,219 челов. или 48,8%. Впрочемъ въ первое число не вошли рабочіе съ фабр. Викулы и Саввы Морозовыхъ, проживающіе въ с. Зуевѣ на вольныхъ квартирахъ, а они съ семьями составляютъ болѣе 4000 человѣкъ.

Тамъ, гдѣ для наблюденія за выполненіемъ обязательныхъ постановленій (земствъ), былъ созданъ институтъ санитарныхъ врачей и гдѣ онъ получилъ надлежащее развитіе, удалось достигнуть нѣкоторыхъ улучшеній.—Нужно однако замѣтить, что этотъ институтъ получилъ—и большею частію по независящимъ обстоятельствамъ"—очень ограниченное распространеніе. При этомъ наблюдается, что тамъ, гдѣ строго слѣдятъ за выполненіемъ обязательныхъ постановленій и гдѣ они становятся все болѣе требовательными, фабриканты начинаютъ сокращать до минимума жилыя фабричныя помѣщенія, а то и вовсе ихъ не воздвигаютъ, разъ только по условіямъ мѣстности и роду производства представляется къ этому возможность, и предоставляютъ пришлымъ рабочимъ селиться, гдѣ хотятъ. Да и достигнутыя улучшенія болѣе, чѣмъ скромны!—Переполненія артельныхъ спаленъ живущими въ той степени, при которой на 1 человѣка приходится менѣе $^1/_2$ куб. саж. воздуха, что нерѣдко встрѣчалось прежде, въ настоящее время уже нѣтъ. Но однако и въ 1899 г. требуемая обязательными санитарными постановленіями норма—1 куб. саж. воздуха на каждаго живущаго—не во всѣхъ артельныхъ помѣщеніяхъ была достигнута. Встрѣчаются и теперь такія казармы, гдѣ приходится воздуха 0,88 к. с., въ 2-хъ—0,72, затѣмъ 0,80 и т. п. [1]). Точно также и въ каморкахъ количество живущихъ не всегда и не вездѣ соотвѣтствуетъ нормѣ—1 к. с. на каждаго пользующагося каморкой, за выче-

[1]) Жилища фабр.-заводск. рабочихъ Богородскаго у. Московской губ. санитарнаго врача Скибневскаго. Изд. Моск. Губ. Земства, 1901 г. Данныя относятся къ фабрикамъ съ болѣе, чѣмъ 50 рабоч.

томъ дѣтей до 7-ми-лѣтняго возраста. Между тѣмъ эта норма очень низка. Если исключать дѣтей и брать только взрослыхъ, то на каждаго человѣка нужно по крайней мѣрѣ 1,5 к. с. воздуха и при обязательной вентиляціи... Съ 1895 г. какъ спанье на сплошныхъ нарахъ, такъ и стойло-образныя помѣщенія, говоритъ Скибневскій, быстро начинаютъ исчезать и въ 1899 г. ихъ нѣтъ уже ни на одной фабрикѣ. Одновременно прекращается и невозможное повальное смѣшеніе въ одной спальнѣ разныхъ половъ и возрастовъ. Въ 1899 г. общія спальни имѣлись исключительно отдѣльныя для мужчинъ и отдѣльныя для женщинъ, причемъ въ нихъ семейные рабочіе съ дѣтьми уже вовсе не проживали: они перешли въ каморочныя помѣщенія. Спанье вповалку на досчатыхъ помостахъ также исчезло на всѣхъ фабрикахъ; взамѣнъ наръ появились двойныя или одиночныя кровати, досчатыя, а то и желѣзныя...

Точно также санитарный врачъ Московскаго уѣзда, Богословскій, въ своемъ отчетѣ за 1895 г. замѣчаетъ, что „больше всего вліяніе санитарнаго надзора отразилось на улучшеніи жилыхъ помѣщеній фабрично-заводскихъ рабочихъ. Если по изслѣдованію проф. Эрисмана въ 1880—81 г. въ большинствѣ фабричн. спальныхъ помѣщеній приходилось на каждаго живущаго менѣе 1 к. с.; если по тому же изслѣдованію эти помѣщенія очень часто отоплпвались желѣзными печами съ проведенными отъ нихъ подъ потолкомъ желѣзными трубами; если также часто не имѣлось никакихъ приспособленій для вентиляціи; если въ общихъ спальняхъ вездѣ были сплошныя нары, очень часто въ 2 яруса; если рабочіе въ общихъ спальняхъ нерѣдко размѣщались безъ различій пола и возраста; если ретирады являлись источникомъ зловонія на фабрикахъ, то теперь всѣ подобныя явленія, если и могутъ встрѣчаться, то какъ исключенія и на такихъ заведеніяхъ, коихъ санитарный надзоръ еще не успѣлъ коснуться“... То же свидѣтельствуютъ санитарные врачи и другихъ уѣздовъ,—такъ замѣчаетъ отчетъ управы.

Какъ ни хочется вѣрить этимъ оптимистическимъ увѣреніямъ, однако нужно замѣтить, что они совершенно расходятся съ показаніями самихъ рабочихъ[1]). До сихъ поръ въ общихъ казармахъ не въ рѣдкость можно встрѣтить и семейныхъ рабочихъ: кровать семейнаго отдѣлена лишь ситцевой занавѣской отъ общихъ наръ или кроватей, тутъ же, за занавѣской, надъ семейной постелью и

[1]) Фабричные инспектора о рабочемъ вопросѣ. Русск. Вѣд., 1905 г., № 42. Эти свѣдѣнія относятся къ Московской губ. и городу Москвѣ.

люлька виситъ. Часто въ одной каморкѣ помѣщается двѣ — три семьи съ кучей ребятъ. Мебель, помимо кроватей, отсутствуетъ какъ въ общихъ спальняхъ, такъ и почти во всѣхъ каморкахъ; поэтому поневолѣ приходится во время перерывовъ или по окончаніи рабочаго дня сидѣть или лежать на кроватяхъ, результатомъ чего является крайнее загрязненіе постелей. „Просушить онучей, портянокъ негдѣ“,—говорятъ рабочіе. И дѣйствительно, никакихъ отдѣльныхъ помѣщеній для высушиванія одежды нѣтъ: сушить, чинить, чистить платье,—все приходится дѣлать тутъ же, на постеляхъ. Какая же должна быть въ казармахъ и въ каморкахъ грязь и вонь! Нѣкоторыя профессіи положительно дѣлаютъ совмѣстное житье рабочихъ, казалось бы, невозможнымъ, какъ, напр., кожевники, сыромятники, красильщики и проч., однако же эти рабочіе спятъ и живутъ въ общихъ казармахъ со всѣми.

„Лошади на конюшнѣ лучше“, говорили рабочіе о своемъ житьѣ...

Въ центрѣ нашей каменноугольной и металлургической промышленности землянки, правда, стали мало по малу исчезать, но и то, что явилось въ замѣну этихъ землянокъ, представляетъ очень печальную картину. „Обидно подмѣчать насмѣшливую улыбку у французовъ и бельгійцевъ при осмотрѣ ими нѣкоторыхъ нашихъ рабочихъ помѣщеній [1]). Общія нары на 20—30 человѣкъ, безъ опредѣленнаго для каждаго мѣста, полопавшаяся плита, на которой разливается варево и чадитъ, грязная лужа на земляномъ полу, корыто съ такъ называемымъ бѣльемъ, тутъ же развѣшиваемымъ для сушки, скорлупа картофеля на полу, кости и помои въ чанѣ рядомъ, а въ атмосферѣ — непечатная брань перемѣшивается съ углекислотою и другими тяжелыми газами, висящими въ воздухѣ. Такова обычная обстановка многихъ казармъ, могущая однако вполнѣ удовлетворить правиламъ о кубическомъ содержаніи воздуха въ жилыхъ рабочихъ помѣщеніяхъ. Очевидно, что требованія, предъявляемыя горными правилами и касающіяся только размѣровъ помѣщенія, слишкомъ недостаточны для того, чтобы рабочія казармы представляли изъ себя что-нибудь болѣе похожее на сносное человѣческое жилище“.

При этомъ еще нужно замѣтить, что вообще со времени холерной эпидеміи 1892 г. помѣщенія улучшились; что же, значитъ, было раньше? Даже на богатѣйшемъ заводѣ Юза выписан-

[1]) Горнозаводскій Листокъ, № 3, за 1899 г.

ный для борьбы съ холерой докторъ — англичанинъ, осмотрѣвъ тогдашнія помѣщенія, пашелъ необходимымъ разселить рабочихъ чуть ли не въ вдвое большее количество помѣщепій.

Съ легкой руки Б. Брандта, новѣйшаго защитника крупнаго (иностраннаго) капитала, у насъ распространялись и находили вѣру слухи о необычайномъ прогрессѣ въ условіяхъ жизни рабочихъ массъ на югѣ Россіи. — Не подлежитъ сомнѣнію, что крупная капиталистическая промышленность пышно расцвѣла здѣсь; не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію, что всякаго рода поощрительныя мѣропріятія въ видѣ, напр., высокихъ таможенныхъ пошлинъ, казенныхъ заказовъ съ колоссальными переплатами и т. п., проводились подъ флагомъ „покровительства національному труду“, какъ выражалось наше м-во финансовъ, но... на долю труда, т. е. рабочаго класса, приходились въ дѣйствительности только гроши. Такъ и въ отношеніи жилищъ, за исключеніемъ высшихъ служащихъ и незначительной части рабочей аристократіи, дѣло обстоитъ и до сихъ поръ очень печально.

При Таганрогскомъ заводѣ, читаемъ мы въ органѣ самихъ же горнопромышленниковъ юга Россіи, выстроено десятка два новыхъ домиковъ (хорошо еще, что только „домиковъ“, а то въ иныхъ мѣстахъ такъ и дворцы построены), нѣкоторые съ довольно комфортабельной отдѣлкой, предназначенныхъ для главныхъ служащихъ завода: инженеровъ, управляющихъ, техниковъ и др. *Что касается рабочихъ, то условія ихъ жизни еще очень далеки отъ болѣе или менѣе сносныхъ*[1])...

На Каменскомъ рудникѣ Александровскаго горнопромышленнаго О-ва, пишетъ корреспондентъ — горнорабочій въ 1902 г., казармы для рабочихъ грязны[2]). Полъ земляной, весь въ ямахъ. Стѣны и потолокъ трудно отличить отъ пола. Стекла выбиты, вмѣсто двухъ дверей — одна, и та разломана; сквозь окна и двери дуетъ холодный вѣтеръ, такъ что подъ 30 октября было лишь 8^0 тепла, несмотря на то, что плиту ежедневно раскаляли докрасна. Рабочимъ для отдыха нѣтъ никакого убѣжища: на каждаго приходится по одной доскѣ (5 вершковъ ширины) на нарахъ. Во время работъ въ двѣ смѣны рабочіе размѣщаются, но когда обѣ смѣны въ казармѣ (подъ праздники и въ праздники), то одна смѣна ложится на нары, а другая — на земляной полъ или же отъ сильнаго холода грѣется около плиты, пока первая не уступитъ ей

[1]) Горнозаводскій Листокъ, № 24, за 1899 г.
[2]) Вѣстникъ фабричнаго законодательства, 1905 г., № 1.

мѣста. Помѣщенія для семей рабочихъ еще хуже. Прежде всего всѣ они безъ потолковъ, полы земляные, крыты землей, съ единственнымъ окошкомъ въ $^1/_2$—$^3/_4$ аршина. Затѣмъ объемъ ихъ менѣе 2 куб. саж., перегородокъ нѣтъ... Въ такихъ домишкахъ, „каюткахъ", какъ зовутъ ихъ рабочіе, живутъ мужъ, жена, трое дѣтей, да одинъ-два столовника. И въ нихъ сплошь и рядомъ не хватаетъ стеколъ, не притворяются двери и царитъ сырость... Другой корреспондентъ сообщаетъ о санитарномъ состояніи рудника Рутченковскаго Т-ва въ 5 верстахъ отъ Юзовки—слѣдующее: казармы грязны, попадаются землянки. Клозетовъ сдѣлано очень мало, да и тѣ не разгорожены и помощены такъ, что пьяные сваливаются въ ямы. Хотя казармы расположены въ 60 саж. отъ нихъ, но при малѣйшемъ вѣтрѣ выйти изъ казармъ невозможно: такъ и разитъ.

На Кальміусо-Богодуховской копи, кромѣ общихъ казармъ, имѣются и отдѣльные семейные домики; ихъ выстроено до 100. Объемъ каждаго изъ нихъ—4,75 куб. саж. а если исключить печь и мебель, то — 4,5 кубической сажени. Живущіе въ нихъ распредѣляются такимъ образомъ, что лишь 216 человѣкъ, или 24% общаго числа пользуются нормальнымъ количествомъ воздуха; остальные же 663 человѣка такъ скучены, что количество воздуха, приходящееся на каждаго, ниже минимальнаго количества, требуемаго гигіеной; въ 4 изъ нихъ съ населеніемъ въ 40 человѣкъ объемъ воздуха, приходящагося на каждаго жильца—0,45 куб. саж., т. е. почти въ $3^1/_2$ раза меньше нормальнаго! На рудникѣ О-ва Успенскаго бассейна еще хуже. Здѣсь имѣется довольно большое количество домиковъ, сдѣланныхъ въ одну доску и обмазанныхъ глиной настолько, что толщина стѣнъ равняется всего лишь 8 сантиметрамъ. Объемъ домиковъ, если исключить печь и мебель,—4,75 куб. саж. И въ такомъ помѣщеніи жило отъ 10 до 15 и даже 18 человѣкъ, такъ что на каждаго приходилось отъ 0,47 до 0,31 куб. саж. воздуха, вмѣсто 1,5 к. с. нормальнаго и отъ 0,59 до 0,32 кв. саж. пола. Какова должна быть здѣсь испорченность воздуха! Нужно прибавить, что полы въ этихъ домикахъ глиняные, дающіе массу пыли, и что натопить такой домикъ во время сильныхъ морозовъ почти невозможно, ибо помимо тонкихъ, легко продуваемыхъ стѣнъ, очень часто ни двери, ни окна плотно не притворяются.

Условія жизни у холостыхъ рабочихъ, живущихъ въ общихъ казармахъ въ отношеніи воздуха нѣсколько лучше,—$^2/_3$ изъ нихъ

пользуются достаточнымъ количествомъ, но зато грязь въ такихъ казармахъ страшная, и кромѣ того нѣтъ ни сушилокъ, ни отдѣльной кухни, и сплошь и рядомъ мокрыя одежды и бѣлье сушатся непосредственно въ жиломъ помѣщеніи, заражая воздухъ испареніями.

На желѣзныхъ рудникахъ Кривого Рога лишь на 3—4 имѣются хорошія казармы, остальныя же очень плохи. „Если ужъ нужна средняя характеристика, то она, навѣрное, будетъ ниже средняго, такъ какъ сырость, тѣснота и грязь, и громадное количество насѣкомыхъ—черты, характеризующія главную массу рабочихъ жилищъ на рудникахъ Кривого Рога“ [1]).

Процессъ концентраціи въ нефтяной промышленности совершался быстрыми шагами: если въ началѣ 70-хъ годовъ можно было вести дѣло съ нѣсколькими тысячами рублей, то черезъ 10 лѣтъ требовались уже десятки тысячъ, еще черезъ десять лѣтъ — сотни тысячъ, а теперь ни одно солидное предпріятіе не основывается съ капиталомъ меньше милліона рублей. Нефтепромышленники получали неслыханные барыши [2]), правительство выдавало имъ неоднократно всяческія вспоможенія, напр., въ видѣ пониженія желѣзнодорожнаго тарифа при перевозкѣ нефтяныхъ продуктовъ; лишь за 3 года правительственная помощь выразилась въ суммѣ до 10 милліоновъ руб., а между тѣмъ вопросъ о постройкѣ гигіеническихъ квартиръ для рабочихъ и объ улучшеніи ихъ быта ничуть не подвигался впередъ. Даже болѣе того.

Условія быта на Бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, говорится въ отчетѣ Горнаго департамента за 1898 г., не только не измѣнились къ лучшему въ отчетномъ году, но скорѣе ухудшились. Причинами такого грустнаго явленія служатъ, какъ и прежде, недостатокъ помѣщеній, дороговизна жизни и т. п.

---

[1]) Извѣстія Горныхъ Инженеровъ, № 4, за 1900 г.

[2]) Объ этомъ даютъ представленіе слѣдующія цифры: въ 1904 г. при средней цѣнѣ нефти въ 14 к. за пудъ, 14 предпріятія съ основнымъ капиталомъ въ 58 милл. р. получили $15^1/_2$ милл. р. прибыли, т. е. 26,6%. Въ томъ числѣ:

Каспійское Т-во	получило	1.550,000 р.,	или	62%	на основн. капит.
Каспійск. Трубопр.	„	357,000 „	„	35,7%	„ „ „
Арамазадъ	„	1.398,000 „	„	34,8%	„ „ „
Моск.-Кавказ. т-во	„	1.559,000 „	„	34,6%	„ „ „
Бр Меркульевы .	„	118,000 „	„	29,5%	„ „ „
Нобель.	„	4.088,000 „	„	27,3%	„ „ „
Мазутъ (Ротшильдъ)	„	1.505,000 „	„	25,1%	„ „ „
Т-во Нефть . . .	„	478,000 „	„	23,9%	„ „ „
Бакинск. нефт.-О-во	„	547,000 „	„	23,8%	„ „ „
Ахвердовъ и К° .	„	1.006,000 „	„	23,4%	„ „ „ и т. д.

Въ 1898 г. эти обстоятельства еще значительнѣе вліяли на бытъ рабочихъ, такъ какъ число ихъ, вслѣдствіе общаго усиленія работъ на нефтяныхъ промыслахъ, увеличилось въ сравненіи съ 1897 г. почти на 60%. Вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на земельные участки и недостатка послѣднихъ, даже „доброжелательствующими“ фирмами для улучшенія быта рабочихъ дѣлается лишь самое необходимое, другіе же промышленники предпочитаютъ выдавать своимъ рабочимъ небольшія квартирныя деньги и предоставляютъ имъ самимъ заботиться о своемъ жильѣ.

Положеніе рабочихъ у такихъ фирмъ, а также у мелкихъ подрядчиковъ несравненно хуже, чѣмъ у первыхъ, потому что имъ приходится обращаться къ содержателямъ такъ называемыхъ „номеровъ“, построившимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ скверныя подобія жилыхъ помѣщеній на казенныхъ земляхъ или въ ближайшихъ селеніяхъ Балаханы, Сабунчи, Романы и взимающимъ съ рабочихъ такую высокую наемную плату за свои конуры, что рабочіе вынуждены бываютъ цѣлыми артелями помѣщаться въ одномъ „номерѣ“ съ той цѣлью, чтобы доля каждаго изъ нихъ въ платѣ за квартиру не превышала $1^1/_2$—2 р. въ мѣсяцъ. Въ отчетѣ за 1900 и 1901 г.г. указывается, что вслѣдствіе болѣе интенсивной разработки промысловъ и сдачи для эксплуатаціи казенныхъ участковъ пришлось снести много построекъ, служившихъ пріютами для рабочихъ. Однако въ виду того, что число рабочихъ на промыслахъ значительно уменьшилось въ 1901 г. (вслѣдствіе кризиса), въ жилыхъ помѣщеніяхъ все-таки не было уже такой тѣсноты и скученности, какія были раньше. Но явленіе это случайнаго характера и конечно вовсе не выражаетъ собою заботы нефтепромышленниковъ о рабочихъ, для улучшенія быта которыхъ, продолжаетъ Горный департаментъ, почти ничего не было сдѣлано.

Точно также въ позднѣйшихъ отчетахъ—за 1902 и 1903 г.—констатируется, что въ положеніи рабочихъ „никакихъ существенныхъ улучшеній“ не произошло. Неудивительно, поэтому, что контингентъ рабочихъ силъ въ нефтяной промышленности вплоть до настоящаго времени почерпается, главнымъ образомъ, изъ пришлыхъ элементовъ: сюда стекаются рабочіе изъ приволжскихъ губерній, изъ другихъ мѣстностей Кавказа и наконецъ изъ Персіи.

Тяжелыя условія жизни въ бакинскихъ промыслахъ и заводахъ до сихъ поръ мѣшаютъ этимъ пришельцамъ осѣсть на мѣстѣ и образовать постоянные кадры труда: проработавъ лѣто, годъ или два, рабочій уже спѣшитъ уйти съ заработковъ на родину, для отдыха...

Что касается безобразныхъ жилищъ на золотыхъ пріискахъ, то золотопромышленники обыкновенно ссылаются въ свое оправданіе, на то, что не стоитъ тратить большія средства въ такомъ надежномъ дѣлѣ, какъ золотое: сегодня пріискъ работается, а черезъ годъ-два приходится все бросать. Было бы, однако, смѣшно признать не только основательность, но даже и добросовѣстность такой аргументаціи промышленниковъ,—ибо одна и та же безобразная картина наблюдается какъ на кратковременныхъ пріискахъ, такъ и тамъ, гдѣ разработка ведется десятки лѣтъ. Какъ 40 лѣтъ назадъ, такъ и въ настоящее время жилища для рабочихъ совершенно не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены. Томское горнозаводское присутствіе издало въ 1897 г. обязательное постановленіе съ цѣлью урегулированія жизненныхъ условій на пріискахъ. Въ общихъ казармахъ на каждаго человѣка должно приходиться воздуху не менѣе $1^1/_2$ кубич. саж. Помѣщенія для женщинъ и мужчинъ, семейныхъ и холостыхъ рабочихъ должны быть отдѣльныя. Въ каждой казармѣ предписывается устраивать крытый коридоръ, или сѣни, и сушильню. Сушильня и кухня непремѣнно должны быть устроены отдѣльно отъ жилья, а печи, полы и окна—согласованы съ требованіями гигіены. Но золотопромышленники, объединенные въ томъ же 1897 году въ съѣзды, энергично стали на защиту своихъ интересовъ, и сила обязательнаго постановленія присутствія по горнозаводскимъ дѣламъ была парализована. Томскій съѣздъ золотопромышленниковъ, напр., нашелъ, что крытые коридоры, сушильни, кухни и прачечныя не достигаютъ своей цѣли, а потому—излишни! Такая же участь постигла и другіе пункты. Присутствіе (Томское) по горнозаводскимъ дѣламъ согласилось (!) и уступило передъ давленіемъ со стороны золотопромышленниковъ: обязательныя постановленія были подвергнуты 18 сент. 1898 года значительному измѣненію, да и въ такомъ видѣ игнорируются предпринимателями.

Помощникъ начальника Томск. горн. управленія г. Махоровъ, обозрѣвавшій въ 1900 г. пріиски въ Сѣверно-Енисейскомъ округѣ констатируетъ, что постановленіе горнозаводскаго присутствія „относительно устройства казармъ не выполняется почти ни на одномъ изъ пріисковъ“. То же самое констатируется въ другихъ округахъ, и казармы продолжаютъ строиться по прежнему излюбленному золотопромышленниками образцу.

Такъ церемонятся горнозаводскія присутствія съ золотопромышленниками, и такъ безцеремонно относятся послѣдніе къ обязательнымъ

постановленіямъ въ дѣлѣ улучшенія рабочихъ! Это и неудивительно, ибо освобожденіе рабочаго класса отъ матеріальной нищеты и духовнаго порабощенія можетъ быть дѣломъ лишь самихъ рабочихъ.

То, что мы выше говорили о городахъ, примѣнимо и къ нашимъ крупнымъ фабричнымъ поселкамъ: тѣ же антисанитарныя жилища, переполненіе помѣщеній и то же квартирное ростовщичество.

Такимъ образомъ, квартирный вопросъ настоятельно ждетъ своего разрѣшенія.

Въ Западной Европѣ государство предпринимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ поощренію акціонернаго строительства дешевыхъ жилищъ и заключающихся въ освобожденіи этихъ жилищъ отъ налога и въ широкомъ кредитѣ изъ государственныхъ средствъ. Съ своей стороны, органы мѣстнаго самоуправленія пріобрѣтаютъ цѣлые кварталы, гдѣ расположены десятки и сотни антисанитарныхъ домовъ бѣднѣйшаго населенія, разрушаютъ до основанія эти вредные для здоровья притоны и на ихъ мѣсто или сами возводятъ дешевыя жилища, или предоставляютъ акціонернымъ и благотворительнымъ домостроительнымъ обществамъ. Въ Лондонѣ, напримѣръ, муниципалитетами, филантропическими обществами Гинеса и Пибоди, а также нѣсколькими акціонерными домостроительными обществами возведено нѣсколько сотъ домовъ, въ которыхъ размѣщается болѣе 200.000 рабочихъ и другихъ лицъ трудовыхъ профессій. Въ Глазго, Ливерпулѣ и Манчестерѣ точно также муниципалитетами снесены цѣлые кварталы въ городахъ, а также пріобрѣтены значительные участки на окраинахъ и застроены дешевыми жилищами. Въ Бельгіи въ теченіе 10 лѣтъ 130-ью акціонерными обществами при помощи громадной субсидіи въ 300 милліоновъ франковъ изъ главной сберегательной кассы устроено свыше 14.000 домовъ для рабочаго населенія.

Ожидать этого у насъ въ Россіи, при старомъ порядкѣ, было, конечно, нельзя. Всю свою изобрѣтательность министерство финансовъ употребляло лишь на то, чтобы путемъ надавливанія податнаго пресса выжать изъ населенія послѣдніе соки; ссудосберегательныя кассы служили для поддержки государственнаго кредита... Гдѣ же тутъ думать о широкомъ кредитѣ для постройки дешевыхъ жилищъ?!

Наши общественныя управленія..., но они состояли изъ представителей домовладѣльческихъ и торгово-промышленныхъ сферъ: какъ же имъ заботиться объ интересахъ рабочихъ и квартирантовъ?! Лишь послѣ 1905 г., съ паденіемъ стараго режима, мо-

жетъ итти рѣчь о раціональномъ санитарномъ законодательствѣ, о кредитѣ изъ государственныхъ средствъ, о дѣятельномъ участіи муниципалитетовъ въ разрѣшеніи квартирнаго вопроса... Предварительнымъ условіемъ является, конечно, участіе самихъ трудящихся массъ какъ въ мѣстномъ самоуправленіи, такъ и въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, т. е. реорганизація ихъ (мѣстнаго самоуправленія и государств. строя) на демократическихъ началахъ при установленіи всеобщаго избирательнаго права.

Слѣдующимъ важнымъ условіемъ является участіе представителей отъ рабочихъ, наравнѣ съ фабричной инспекціей, въ надзорѣ за выполненіемъ обязательныхъ постановленій по санитарной части какъ въ мастерскихъ, такъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ; только тогда они перестанутъ быть мертвой буквой, какъ это обыкновенно до сихъ поръ бывало у насъ. Но для этого необходима организація рабочихъ въ профессіональные союзы.

Что касается хозяйскихъ жилыхъ помѣщеній, то въ нихъ рѣшительно должно быть устранено вмѣшательство фабричной администраціи во внутреннюю жизнь рабочихъ; поддержаніе порядка, вопросъ о размѣщеніи рабочихъ и т. д., все это должно быть предоставлено имъ самимъ.

На многихъ фабрикахъ даже и теперь рабочіе по окончаніи работъ не выпускаются на свободу: „чисто при крѣпостномъ правѣ“, говорятъ они. На большой фабрикѣ Бахрушина (въ Замоскворѣчьи) рабочихъ выпускаютъ на улицу 3 раза въ недѣлю! При входѣ съ улицы—публичный обыскъ сторожемъ женщинъ и дѣвушекъ, на глазахъ публики, и т. д. Злоупотребленія фабричной администраціи выступаютъ съ особенной рѣзкостью, когда рабочимъ приходится выступать съ протестомъ. Во время стачки 1880 г. въ Серпуховѣ фабрикантъ Сѣриковъ вынулъ оконныя рамы въ помѣщеніи рабочихъ; дѣло было въ ноябрѣ, рабочіе сдались и стали на работу. На извѣстной фабрикѣ „Циндель“ въ Москвѣ администрація угрожала, при забастовкѣ въ началѣ 1905 г., прекратить освѣщеніе и отопленіе, а въ другихъ мѣстахъ такъ и прямо выселяютъ. Безсемейный рабочій еще можетъ легко уйти, но что дѣлать семейному рабочему, особенно съ малыми дѣтьми?! Рабочіе постоянно заявляютъ, что имъ негдѣ поговорить между собою о своихъ нуждахъ и претензіяхъ: „съ улицъ гонятъ; на фабрикѣ нельзя остановиться у товарища“. На тѣхъ, кто читаетъ, смотрятъ очень подозрительно и т. п.

ГЛАВА V.

2 іюня 1897 г. былъ изданъ законъ, который ограничивалъ рабочее время дневныхъ рабочихъ $11\frac{1}{2}$ час., наканунѣ праздниковъ—10 час.; рабочіе, занятые хотя бы отчасти въ ночное время (т. е. время отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра для работающихъ одною смѣною, и отъ 10 ч. вечера до 4 ч. утра при двухъ смѣнахъ) не должны работать болѣе 10 ч.

Этотъ законъ распространялся на всѣ отрасли какъ фабрично-заводской, такъ и горно-заводской промышленности.

Въ этой огульности закона 1897 г. заключается его недостатокъ, ибо онъ совершенно не выдѣляетъ тѣхъ отраслей, для которыхъ $11\frac{1}{2}$ часовой рабочій день,—вслѣдствіе тяжести или самаго труда, или той обстановки, въ которой онъ совершается,—является чудовищно-высокой нормой и гдѣ настоятельно необходимо введеніе 8 часового рабочаго дня; таковы, напр., подземныя работы въ горномъ дѣлѣ, отчасти въ стеклянномъ и сахарномъ производствахъ, на заводахъ, гдѣ происходитъ выдѣленіе ядовитыхъ газовъ и т. д. Положительной стороною его является то, что какъ ни какъ ставится извѣстный предѣлъ эксплуатаціи, признается недопустимымъ существованіе такого безобразнаго явленія, какъ 14—16—18 часовой и свыше этого рабочій день, провозглашается государствомъ принципъ защиты труда. Но именно съ этимъ-то эксплуатація и не могла примириться, и подъ давленіемъ капитала государственная власть, издавъ законъ 2 іюня 1897 г., путемъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, лишала его практической силы, отнимала другой рукой то, что давала первой.

По закону 1897 г. въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхурочныхъ работахъ, которыя необходимы по техническимъ условіямъ производства.

Необязательныя же сверхурочныя работы при повременномъ наймѣ могутъ производиться только съ особаго каждый разъ соглашенія между предпринимателемъ и рабочимъ. Количество часовъ сверхурочной работы не должно превышать 120 въ годъ на каждаго работника. Но уже 5 января 1998 г. циркуляръ министра финансовъ отмѣнилъ эту норму для булочныхъ и хлѣбопекарень, а циркуляръ 14 марта 1898 г. для всѣхъ вообще фабрикъ и заводовъ (состоящихъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ).

Установлено было празднованіе воскресныхъ дней и двунадесятыхъ праздниковъ, всего 66 въ году (въ 1900 г. прибавлено еще 3 дня), тогда какъ неприсутственныхъ дней 87 въ году. Отступленія отъ этого правила допускаются, и именно для работъ непрерывныхъ, которыя не могутъ быть прерываемы безъ порчи приборовъ, обрабатываемыхъ матеріаловъ или приготовленныхъ издѣлій. Въ этихъ производствахъ рабочій долженъ имѣть въ мѣсяцъ 3 или 4 дня отдыха. Ограниченія рабочаго времени не распространяются на вспомогательныхъ рабочихъ, такъ что они должны работать и въ то время, когда фабрика стоитъ или когда другіе рабочіе освободились. Кромѣ того, установленныя закономъ нормы не распространяются также на тѣ случаи, когда въ договорѣ ничего не сказано о рабочемъ времени, напр., *при подрядахъ на сдѣльную работу*. Поэтому здѣсь и количество сверхурочныхъ часовъ не ограничено, и правило о повышенной ихъ оплатѣ не имѣетъ мѣста. За сверхурочное время платятъ только на поденныхъ работахъ, а штучникамъ никакой платы за это не полагается Мастеръ можетъ заставить васъ работать сколько угодно часовъ, хотя про эти-то часы онъ даже и не заикнется, а просто скажетъ лишь—„чтобы было къ завтрему сдѣлано“, и конецъ, а тамъ ужъ когда хотите, тогда и дѣлайте. При этомъ особенно часты жалобы рабочихъ на произвольно назначаемыя цѣны на сдѣльныя работы „по согласію“ среди срока найма, безъ засвидѣтельствованія инспекціей расцѣнокъ. Сдѣльные рабочіе заявляютъ, что имъ невыгодно увеличивать свою продуктивность, такъ какъ все равно этимъ заработка не увеличишь, а только себя обременишь, такъ какъ, если рабочій начнетъ вырабатывать больше какихъ-нибудь издѣлій, то расцѣнки на нихъ немедленно сбавляются „для уравненія цѣнъ“, и такимъ образомъ ловкость, умѣлость рабочаго ничѣмъ не поощряется. Это засвидѣтельствовано фабричной инспекціей Московской губ.

Такимъ образомъ, какъ благодаря тѣмъ лазейкамъ, какія были оставлены въ законѣ 1897 г., такъ и благодаря послѣдующимъ циркулярамъ, попытка урегулированія рабочаго времени *сверху* должна быть признана совершенно неудачной. Существенныхъ перемѣнъ въ жизнь она не вносила, и второй періодъ являлся лишь — продолженіемъ перваго.

На совѣщаніи чиновъ фабричной инспекціи Кіевскаго округа въ 1900 г. „присутствующими чинами было высказано, что во всѣхъ губерніяхъ округа замѣчается несоблюденіе п. б. ст. 13

правилъ о предоставленіи рабочимъ, занятымъ въ непрерывныхъ производствахъ, суточнаго отдыха 4 раза въ мѣсяцъ. Далѣе, почти повсемѣстно обнаруживаются злоупотребленія необязательными сверхурочными работами, и требуемое ст. 17 правилъ соглашеніе съ рабочими является нерѣдко фиктивнымъ" [1]). Цѣлыя фабрики работаютъ круглыя сутки двумя смѣнами рабочихъ, и такая работа не находится въ противорѣчіи съ закономъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ отмѣны 120 часовой нормы владѣлецъ промышленнаго предпріятія входитъ со своими рабочими въ соглашеніе работать лишнихъ $^1/_2$—$2^1/_2$ часа въ сутки; въ результатѣ такого соглашенія и законъ 1897 г. не нарушенъ, и правила сверхурочныхъ работахъ вполнѣ соблюдены... Страдаютъ лишь рабочіе, ибо необязательность для нихъ сверхурочныхъ работъ, свободное соглашеніе—все это совершенная фикція. Если фабриканту выгодны сверхурочныя работы, то рабочіе изъ боязни потерять мѣсто въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываютъ принуждены согласиться на предложеніе хозяина. Если же иногда рабочаго соблазняетъ перспектива заработать лишнюю копейку, то въ сущности это—самообманъ.

Изслѣдованія быта западно-европейскихъ рабочихъ показываютъ, что наиболѣе частыя сверхурочныя работы практикуются въ заведеніяхъ дурно обставленныхъ, съ низкой заработной платой; рабочіе, поступая на такія фабрики, имѣютъ въ виду, что сверхурочными работами они повысятъ свой скудный заработокъ. При законодательной отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ заработная плата не понижается. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ области механическаго производства (г. Москвы), гдѣ рабочій день, нужно замѣтить, въ общемъ менѣе продолжителенъ, часовъ 10.

„Отказаться отъ сверхурочныхъ работъ,—пишетъ одинъ рабочій [2]),—это означаетъ въ глазахъ работодателей и мастеровъ протестъ, за что рабочій получаетъ выговоръ и очень часто отказываютъ ему отъ мѣста". „Подъ вліяніемъ сверхурочныхъ работъ,—пишетъ другой,—нравственное чувство глохнетъ, умственная способность уничтожается, однимъ словомъ, человѣкъ перерождается къ худшему"... „Я могу описать одного рабочаго,—пишетъ третій,—который работалъ подъ-рядъ дней 8 и какъ онъ чувствовалъ себя въ одинъ день послѣ этихъ дней съ сверхурочными работами:

[1]) „Промышленность и здоровье", 1904 г., кн. № 1.
[2]) См. записку о рабочемъ вопросѣ въ Россіи, Ив. Озерова, „Русь„ № 8, за 1905 г.

„проснуться-то я проснулся, а встать съ постели не могу. Голова и все тѣло тяжелое, какъ будто налиты свинцомъ, вездѣ больно и какъ будто отъ побоевъ; поднялъ руку, хотѣлъ достать кувшинъ съ водой, она такъ и ослабѣла, такъ и не могъ ею двинуть; въ ушахъ какой-то звонъ, во рту сухо, противно, въ глазахъ, кажется, какія-то звѣздочки мелькаютъ, то дѣлается въ родѣ затменія. Вотъ такъ лежу и думать-то не могу, хочу, хочу сообразить что-нибудь, не могу. Проклялъ я тутъ все. Далъ слово, что не буду больше гнаться за большимъ. А когда разсчитался, то за 8 дней съ сверхурочными работами получилъ лишку самую малость. А когда подсчиталъ расходы домашніе, они оказались больше, чѣмъ въ дни безъ сверхурочныхъ работъ. Вотъ и барышъ. Отказаться отъ сверхурочныхъ работъ мы не въ силахъ". Дѣйствительно, въ такихъ случаяхъ ихъ разсчитываютъ, или, выражаясь на фабричномъ жаргонѣ, „ставятъ къ воротамъ". Насколько добровольны необязательныя сверхурочныя работы, можно видѣть изъ того факта, что, по даннымъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 и 1902 гг., было принесено жалобъ рабочими на „принужденіе" къ сверхурочнымъ работамъ: въ 1901 г. 186 единоличныхъ и 2.064 коллективныхъ жалобы; въ 1902 г. 249 единоличныхъ и 3.025 коллективныхъ! но это только число жалобъ; въ большинствѣ же случаевъ дѣло до нихъ не доходитъ [1])... Если бы у насъ, въ Россіи, существовали развитые профессіональные союзы, утвердился принципъ коллективнаго договора, то тогда, конечно, не могло быть подобныхъ злоупотребленій. Но при отсутствіи признанія за рабочими элементарныхъ правъ, обезпечивающихъ ихъ самодѣятельность—права стачекъ, собраній, союзовъ и т. д.—предоставлять примѣненіе сверхурочныхъ работъ „свободному соглашенію" предпринимателей и рабочихъ, какъ это дѣлала наша государственная власть, значитъ—лишать всякаго значенія постановленія закона, дѣлать просто отводъ глазъ.

Какъ мало измѣнилось положеніе дѣлъ,—можно видѣть на примѣрѣ свеклосахарнаго производства.

Работа идетъ здѣсь съ сентября до марта или апрѣля, не останавливаясь ни на минуту, день и ночь, минуя всѣ праздники, кромѣ 3 дней рождественскихъ. Въ сутки работаютъ 2 смѣны

[1]) Во время громадныхъ, можно сказать, историческихъ стачекъ въ Баку (декабря 1904 г.), затѣмъ Петербургѣ, Иваново-Вознесенскомъ районѣ и вездѣ, гдѣ прокатилась огромная волна стачекъ 1905 года—уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, какъ нормальной системы, является однимъ изъ пунктовъ экономическихъ требованій рабочихъ.

рабочихъ, одна отъ 12 ч. ночи до 12 ч. дня, другая—отъ 12 ч. дня до полуночи. Такъ обстоитъ дѣло въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ [1]). Въ серединѣ 90-хъ годовъ мы застаемъ ту же картину. „Никакихъ перерывовъ въ производствѣ не бываетъ, во всѣ воскресные и праздничные дни работы не прекращаются“ [2]). „Работаютъ по 12 часовъ въ сутки и 30 рабочихъ дней въ мѣсяцъ, праздниковъ не имѣютъ“ [3])... Еще 10 лѣтъ—то же самое. По-прежнему работаютъ—2 смѣны по 12 часовъ и по-прежнему—отсутствіе праздничнаго отдыха. Правда, одинъ изъ директоровъ свеклосахарныхъ заводовъ Харьковской геберніи провелъ опытъ производства съ остановками въ воскресные дни, но... не нашелъ себѣ подражателей. Карлсонъ затѣмъ теоретически доказалъ въ Р. С. Д. (1897—8 г.) пользу празднованія воскресныхъ дней на свеклосахарныхъ заводахъ, и, по мнѣнію многихъ другихъ директоровъ, его соображенія вполнѣ правильны; къ сахаро-рафинадному производству они даже въ большей степени примѣнимы, чѣмъ къ свеклосахарному, въ особенности, если принять во вниманіе практику иностранныхъ заводовъ въ этомъ отношеніи. Но лишь бурныя событія 1905 г. преодолѣли инертность сахарозаводчиковъ и проложили путь къ 3-хъ смѣнной работѣ.

По минимальнымъ даннымъ фабричной инспекціи Кіевскаго округа, сверхурочныя работы составляютъ до 300 часовъ въ годъ т. е., другими словами, рабочій день въ непрерывныхъ производствамъ длится по меньшей мѣрѣ 13 часовъ.

Въ с. Богородскомъ (Нижегородской г.), гдѣ расположено до 250 кожевенныхъ и рядъ другихъ заводовъ, рабочій день продолжается 15 часовъ. А что жо фабричный инспекторъ? Ничего. Онъ живетъ въ н.-Новгородѣ, ежегодно заѣзжая въ Богородское на 1 или *даже на 2 дня*. Однажды онъ оштрафовалъ нѣкоторыхъ заводчиковъ за неимѣніе заводскихъ книгъ! [4]). Въ Нерехтѣ (Костр. г.) 22 февраля 1905 г. на ткацкой и льнопрядильной фабрикѣ Брюханова всѣ рабочіе (около 800 челов.) прекратили работу, выставивъ въ числѣ требованій, кромѣ повышенія расцѣнокъ, уменьшеніе рабочаго дня до *законныхъ предѣловъ* ($11^1/^2$ час.). Дѣло въ томъ, что, когда владѣлецъ фабрики получилъ казенный заказъ, то онъ, не долго думая, увеличилъ рабочій день на 2 ч.—работа идетъ съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера вмѣсто обычнаго—съ

[1]) „Кіевлянинъ“, № 51—56, за 1872 г.
[2]) Труды торгово-пром. съѣзда 1896 г., т. III, вып. V.
[3]) „Недѣля“, № 31, за 1895 г.
[4]) „Недѣля“, 1900 г., № 33.

6 ч. утра до 7 ч. в. Добавочной платы за сверхурочную работу не выдавалось.

На Сормовскихъ заводахъ (гдѣ болѣе 10.000), вопреки закону 2 іюня 1897 г. и правиламъ внутренняго распорядка, сверхурочныя работы по праздникамъ и воскреснымъ днямъ оплачиваются, какъ обычныя урочныя работы. До 20 рабочихъ предъявили искъ на всю недоданную сумму около 5.000 р. Мировой судья, разсмотрѣвъ исковое прошеніе одного изъ рабочихъ—Шедрова, призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію.

Въ Сѣверо-Енисейск. округѣ работы начинаются, съ наступленіемъ теплаго времени, въ 4—5 ч. утра, и продолжаются до 6, 7 и 8 ч. в., съ перерывомъ на утренній и вечерній чай по $2^1/_2$ ч. и на обѣдъ и отдыхъ $1^1/_2$ часа,

На пріискахъ Томскаго горнаго округа работы начинаются съ 4 ч. утра и кончаются въ 7—8 ч. в., т. е. продолжаются 15—16 часовъ. Если исключить отсюда перерывы въ $2^1/_2$—3 часа, то продолжительность рабочаго дня опредѣлится никакъ не менѣе 12—13 часовъ. Врачъ пріисковъ маріинской системы писалъ въ 1899 г., что контрактами тамъ рабочій день установленъ: для зимняго времени 12-часовой, для лѣтняго—13-часовой, что уже прямо противорѣчитъ закону 2 іюня 1897 г. Изъ южной тайги въ 1899 г. „Енисею“ сообщали: „рабочее время сплошь и рядомъ продолжается съ 3 ч. утра до 8 ч. в.“, тогда какъ по закону 1897 г., если работы захватываютъ часть ночного времени, онѣ не должны превышать 10 часовъ.

Въ 1903 г. съ пріисковъ Витимско-Олекминской системы сообщаютъ о 12-часовомъ рабочемъ днѣ, и т. д. [1]). Нарушеніе этого закона носитъ не спорадическій, а систематическій массовый характеръ. Иначе и быть не можетъ, если мы вспомнимъ, что на 600, напр., пріисковъ Томской горной области, разбросанныхъ на пространствѣ болѣе милліона квадратныхъ верстъ, т. е. равномъ Франціи и Австріи, вмѣстѣ взятымъ, приходится 6 окружныхъ инженеровъ съ 5 помощниками!

На желѣзныхъ рудникахъ Кривого Рога, по личнымъ наблюденіямъ инженера Преображенскаго за 1898—99 гг., во всемъ районѣ только на 3 рудникахъ (изъ 23—25) работа ведется 12-часовыми смѣнами. На остальныхъ же работа ведется безъ смѣны только днемъ, и продолжается отъ 4 часовъ утра до 7 $^1/_2$ ч.

[1]) См. Колычевъ. Рабочіе на пріискахъ Сибири, 1904 г., 22 стр.; Вѣстникъ фабричнаго законодательства, № 4, за 1905 г.

вечера или отъ $4^1/_2$ ч. до 8 ч., съ 2-хъ часовымъ перерывомъ, т. е. $13^1/_2$ ч. въ день. Между тѣмъ законъ 2 іюля 1897 года установилъ наибольшую продолжительность рабочаго дня въ $11^1/_2$ ч. причемъ если захватывается часть ночного времени, какъ въ данномъ случаѣ на криворожскихъ рудникахъ, то продолжительность работы не должна превышать 10 ч. По словамъ Преображенскаго, „весь районъ не обращаетъ ровно никакого вниманія на законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня. Когда мнѣ приходилось спрашивать о причинѣ такого страннаго отношенія къ закону, то на это отвѣчали, что ходатайствовали о причисленіи работъ въ криворожскихъ рудникахъ къ сельско-хозяйственнымъ (?!), т. е. о правѣ примѣнять къ рабочимъ пословицу: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю“ [1]).

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, т. е. при правильномъ техническомъ оборудованіи работъ и хорошемъ вентилированіи, небольшомъ числѣ часовъ работы, достаточномъ заработкѣ и хорошихъ квартирахъ—трудоспособность горнорабочихъ не можетъ быть очень продолжительна. При нашихъ же условіяхъ—нечего и говорить! Семь, восемь, maximum 10—12 лѣтъ— и цвѣтущій, здоровый рабочій обращается въ хилаго, кашляющаго и страдающаго вѣчными ревматизмами старика, подчасъ совершенно неспособнаго къ труду и принужденнаго въ концѣ концовъ заполнить собою и безъ того огромные кадры „бывшихъ людей“.

Если таковы послѣдствія усиленной эксплуатаціи для взрослаго крѣпкаго организма, то каковы же они должны быть для малолѣтнихъ? Еще по закону 8 марта 1861 года было установлено, что на казенныхъ горныхъ заводахъ дѣти моложе 12 лѣтъ не могутъ быть принимаемы въ заводскія работы. Малолѣтніе, моложе 15 л. могутъ быть употребляемы въ работы не болѣе 8 ч. въ сутки и не иначе, какъ днемъ, а при рудникахъ только на поверхности, а не внутри оныхъ. Однако, д-ръ Португаловъ наблюдалъ дѣтей и въ подземной работѣ и на дневной поверхности. Работаютъ они по 12 часовъ въ сутки; возрастъ ихъ различный; встрѣчаются и 10-тилѣтнія. На частныхъ заводахъ и промыслахъ закономъ 9 марта 1892 г. установлено, что малолѣтніе рабочіе, не достигшіе 15 л., а равно женщины не допускаются къ ночнымъ работамъ, а также къ работамъ внутри рудниковъ. Работа малолѣтнихъ не должна превышать 8 часовъ.

---

[1]) Извѣстія О ва Горныхъ Инженеровъ, № 4, за 1900 г.

Но какъ онъ примѣняется? Для этого стоитъ только на любомъ изъ рудниковъ зайти въ зданіе углеподъемныхъ и другихъ машинъ или же въ такъ называемое ламповое отдѣленіе гдѣ наливаются, зажигаются и выдаются рабочимъ „предохранительныя лампы“. Въ этихъ помѣщеніяхъ, особенно въ „ламповыхъ“, гдѣ воздухъ до такой степени насыщенъ парами наливаемаго въ лампы бензина, что вызываетъ головокруженіе и тошноту, можно увидѣть цѣлыя вереницы крошекъ-мальчугановъ, движущихся среди батареи лампъ, вытирающихъ, наливающихъ ихъ, заряжающихъ пистонами и т. п. [1]).

Съ блѣдными, истомленными лицами, перепачканными копотью и сажей, съ черными руками, замасленные до нельзя быстро движутся они подъ недремлющимъ окомъ десятника. Большинству изъ нихъ трудно дать и 13 лѣтъ; сплошь и рядомъ попадаются дѣти лѣтъ 11. Но если вы спросите любого, сколько ему лѣтъ, онъ къ вашему изумленію отвѣтитъ: пятнадцать. Дѣлается это часто по распоряженію низшей администраціи, выполняющей, такимъ образомъ, законъ, да, кромѣ того, не въ интересахъ и самого мальчика открыть истину: онъ можетъ лишиться мѣста, а въ результатѣ— недоѣданіе, вѣчные попреки въ лѣни, дармоѣдствѣ. Такъ исполняется законъ о возрастѣ работающихъ дѣтей, такъ же точно соблюдается онъ и относительно продолжительности рабочаго дня и ночныхъ работъ. На одномъ рудникѣ малолѣтніе работаютъ въ 2 смѣны *днемъ и ночью по двѣнадцати часовъ*, каждая. Впрочемъ, если точнѣе высчитать, то рабочій день выразится цифрой много большей двѣнадцати. На вопросъ, когда приходятъ, завѣдывающій ламповымъ отдѣленіемъ отвѣтилъ, что обязаны они приходить въ 6 час. утра или в. и уходить черезъ 12 часовъ. „Впрочемъ, добавилъ онъ, многіе по своему желанію уходятъ и позже (?!)“.

То же явленіе можно наблюдать на массѣ крупныхъ и мелкихъ рудниковъ при сортировкѣ угля, 10—13—лѣтніе мальчики и дѣвочки въ теченіе 12 часовъ, согнувшись, выбираютъ руками, съ помощью маленькихъ кочережекъ, попавшіе въ уголь кусочки горныхъ породъ, получая за это 25—35 коп. въ день, въ зависимости отъ времени года. На „конныхъ“ шахтахъ, т. е. такихъ, гдѣ уголь поднимается на поверхность при помощи лошадей, дѣти по 12 часовъ днемъ и ночью принуждены ходить по кругу, подгоняя лошадей. Отсюда такъ часто встрѣчающіяся среди дѣтей

[1]) Вѣстникъ фабр. законодательства, № 1, за 1905 г.

горнорабочихъ худосоченіе, анемичность, высокая дѣтская смертность и, наконецъ, небольшой процентъ посѣщающихъ рудничныя школы.

Въ фабричной промышленности дѣтскій трудъ даже еще въ 80-хъ годахъ и позднѣе пользовался широкимъ распространеніемъ, особенно въ такихъ вредныхъ производствахъ какъ спичечное, гдѣ они составляли *болѣе 50%* всѣхъ рабочихъ, затѣмъ табачное, стеклянное и др.

Первымъ фабричнымъ инспекторамъ пришлось выдержать упорную борьбу съ хозяевами, ибо даже въ Петербургскомъ округѣ были фабриканты, которые пытались не допускать ихъ къ осмотру своихъ заведеній подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ совсѣмъ малолѣтнихъ, при чемъ высказывались въ очень рѣзкой формѣ и даже угрожали жаловаться въ м-во финансовъ. А между тѣмъ при осмотрѣ оказывалось, что малолѣтніе были, но только они скрывались, съ вѣдома конечно фабричной администраціи, на чердакахъ, въ отхожихъ и др. мѣстахъ! На спичечныхъ фабрикахъ Харьковскаго округа попадались *5—6-тилѣтніе ребятишки...* а работа продолжалась отъ 5 ч. утра до 11—12 ч. ночи. Платили имъ, конечно, грошъ но бѣдность окрестнаго населенія такъ велика, что многія матери со слезами на глазахъ умоляли допустить ихъ ребенка снова на фабрику, съ которой онъ приносилъ *пятакъ въ день и зародышъ неизлѣчимой болѣзни.*

Въ позднѣйшее время эксплуатація дѣтскаго труда нѣсколько сократилась, но и теперь еще—мало того, что законная норма слишкомъ низка, она нерѣдко обходится кромѣ того на практикѣ. Сводъ отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1901 г. констатируетъ, что было обнаружено 351 случаевъ нарушеній правилъ о работѣ малолѣтнихъ и подростковъ, но сколько же ихъ остается еще необнаруженными!—А г. Ланговой признавался, что онъ самъ *разрѣшалъ* допускать иногда къ работамъ 9 и 8 лѣтнихъ...

ГЛАВА VI.

Посмотримъ теперь, какія измѣненія произошли въ экономическомъ положеніи рабочихъ массъ.

Лавры горн. инж. Авдакова, доказывавшаго горнопромышленникамъ, что заработная плата на копяхъ Донецкаго бассейна выше, чѣмъ во Франціи и Бельгіи, не давали спать апологетамъ другихъ отраслей нашего капитализма, и вотъ нѣкто Манусъ, который, по его словамъ, 18 лѣтъ наблюдалъ и управлялъ боль-

шими предпріятіями и „фактически“ знакомился съ рабочимъ вопросомъ на Западѣ, выступилъ съ видимымъ намѣреніемъ побить рекордъ. „Я хочу фактически доказать, что у насъ, въ Россіи, вопросъ поставленъ для рабочихъ несравненно выгоднѣе и справедливѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ рабочій получаетъ меньше, чѣмъ у насъ въ Россіи, а нашъ даже больше, чѣмъ въ Германіи“ [1]). Даже чернорабочіе на нашихъ металлургическихъ, механическихъ заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ, мануфактурныхъ фабрикахъ и горныхъ промыслахъ, продолжаетъ авторъ, получаютъ отъ 35 до 80 р, въ мѣсяцъ. Рабочій уголъ въ Берлинѣ 5—6 р., въ Лондонѣ и др. городахъ 6—8 руб. въ мѣсяцъ, а въ Петербургѣ стоитъ всего 1—2 р. Мясо II—III сорта въ Берлинѣ 25—30 к. за фунтъ, въ Петербургѣ 10—15 к. и въ Лондонѣ 30—40 к. Въ артеляхъ петербургскихъ рабочихъ обѣдъ, ужинъ съ мясомъ и три раза въ день хлѣбъ обходится рабочему по 12—14 к. въ день. Гдѣ же вы на Западѣ получите подобную пищу? восклицаетъ Манусъ. „Я утверждаю, что русскій рабочій получаетъ больше французскаго даже безотносительно къ продуктивности нашего и иностраннаго рабочаго“.

Какъ видитъ читатель, фактовъ приведено маловато, даже если бы они и были вѣрны, чего о нихъ нельзя сказать, и намъ думается, что оптимизмъ г. Мануса происходитъ оттого, что онъ рабочій вопросъ изучалъ „фактически“, вѣроятно, больше по ресторанамъ...

Относительно номинальной заработной платы мы имѣемъ данныя, собранныя фабричной инспекціей и относящіяся къ 1900—1901 г. [2]). Они касаются 1.275,102 рабочихъ, занятыхъ въ 12702 промышленныхъ заведеніяхъ по 12 группамъ производствъ, необложенныхъ акцизомъ. Нижеслѣдующая таблица составлена нами на основаніи указанныхъ выше данныхъ и показываетъ размѣръ заработной платы, приходящейся на 1 рабочаго безотносительно къ полу и возрасту:

I гр.	(обработка хлопка—372,136 рабоч.)	— ок.	180 р.
II гр.	(обработка шерсти—127,796 рабоч.)	— „	172 р.
III гр.	(обработка шелка— 24,774 рабоч.)	— „	178 р.

[1]) Политическіе, экономическіе и финансовые вопросы послѣдняго времени, 1905 г., стр. 69—72.

[2]) Статистическія свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ необложеннымъ акцизомъ, за 1900 г. М-во Ф., 1903 г.

IV гр. (обработка льна—71,515 рабочихъ) — ок. 140 р.
V гр. (обработка смѣшан. матер. и волокн. веществъ—26,320 рабочихъ) . — „ 227 р.
VI гр. (производства бумажн. массы и полиграфическія — 66,713 рабоч.) — „ 218 р.
VII гр. (механич. обр. дерева—73,964 раб.) — „ 189 р.
VIII гр. (обработка металловъ, производство машинъ и т. д.—235,785 раб.) — „ 342 р.
IX гр. (обраб. мин. вещест.—127,970 раб.) — „ 206 р.
X гр. (обраб. живот. прод.—46,633 раб.) — „ 198 р.
XI гр. (обраб. питат. прод.—71,042 раб.) — „ 187 р.
XII гр. (обр. химич. произв.—30,430 раб.) — „ 260 р.
Въ среднемъ на одного человѣка приходится 215 руб.

Изъ общаго числа рабочихъ 1.275,102 на долю малолѣтнихъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) приходится 34,255. Если принять, что ихъ заработокъ равняется $^1/_3$ заработка взрослаго, то заработная плата лицъ обоего пола старше 15 лѣтъ поднимется до 219 р. Женщинъ свыше 15 лѣтъ насчитывается 334,467 ч. Если принять, что ихъ заработокъ равняется $^3/_5$ заработка мужчинъ, то заработная плата послѣднихъ поднимется до 242 руб. Такимъ образомъ, въ среднемъ, мѣсячный заработокъ опредѣлится для мужчинъ въ 20, а для женщинъ въ 12 рублей. Отсюда можно видѣть, какъ далеко отъ истины утвержденіе г. Мануса, что „даже чернорабочіе“ въ главныхъ отрасляхъ нашей промышленности получаютъ „отъ 35 до 80 рублей въ мѣсяцъ“, и если онъ ставитъ на видъ, что большинство его статей были перепечатаны „во многихъ иностранныхъ изданіяхъ“, то намъ остается только пожалѣть заграничныхъ читателей...

На первомъ мѣстѣ по высотѣ средняго заработка стоитъ металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность (VIII группа)—342 рубля на человѣка. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь примѣняется главнымъ образомъ трудъ квалифицированный; кромѣ того работа женщинъ здѣсь не въ употребленіи: на 226,444 мужчинъ (свыше 15 лѣтъ) приходится всего 6,670 женщинъ. На противоположномъ концѣ—по высотѣ заработка—стоитъ наша главная промышленность—по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (первыя четыре группы). Здѣсь именно преимущественно употребляется простой трудъ необученныхъ рабочихъ, а также женщинъ. Такъ въ I группѣ (обработка хлопка) на 196,406 мужчинъ приходится 167,372 женщинъ, во II гр.—на 79,806

м.—45,285 ж.; въ III гр.—на 11,165 м.—11,848 ж. и въ IV гр.—на 36,422 м.—32,280 ж. Поразительно низкимъ уровнемъ заработной платы отличается эта послѣдняя группа—промышленность по обработкѣ льна—около 140 рублей на человѣка независимо отъ пола и возраста. Если даже выдѣлить отсюда малолѣтнихъ и женщинъ по принятой нами нормѣ, то все же окажется, что мужчина получаетъ *менѣе 15 р. въ мѣсяцъ*, 177 р. въ годъ.

По даннымъ свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, заработная плата, въ среднемъ, на 1 человѣка равняется: въ 1901 г.—201 р. и въ 1902 г.—202 р. Полученная нами цифра нѣсколько больше—именно 215. Это происходитъ потому, что въ сумму заработной платы мы включили также расходы на харчи и дополнительныя выдачи и на жилища для рабочихъ, всего (6,614 т. р.+4,869 т. р.) 11,483,700 р. Кромѣ того всѣ приведенныя данныя относятся лишь къ рабочимъ, занятымъ въ производствахъ, необложенныхъ акцизомъ; сюда не вошли производства, облагаемыя акцизомъ, а между тѣмъ именно въ нихъ рабочіе (250,000 челов.) получаютъ болѣе низкую плату. Таковы табачныя, спичечныя фабрики, сахарные заводы и т. д. При объѣздѣ по фабрикамъ округа, кіевскому окружному инспектору пришлось констатировать заработокъ подростковъ и женщинъ на одной гильзовой фабрикѣ въ Умани въ 2—4 р. въ мѣсяцъ, а на одной табачной фабрикѣ г. Житомира въ 2 р. 50 к. въ мѣс.; за рѣдкими исключеніями, въ нихъ заработокъ папиросницъ достигалъ 9 р. въ мѣсяцъ. Между тѣмъ на табачныхъ фабрикахъ женскій трудъ занимаетъ господствующее положеніе; на 10,722 взрослыхъ мужчинъ въ 1902 г. приходилось 22,152 женщины; кромѣ того было 3,481 малолѣтнихъ. На сахарныхъ заводахъ въ 1901—1902 г. приходилось на 94,492 мужчинъ—13,781 женщинъ и 1505 малолѣтнихъ. Размѣръ заработка виденъ изъ прилагаемой таблицы (въ рубляхъ за мѣсяцъ):

Годы.	На собствен. содержаніи:				На заводскомъ содержаніи:			
	мужч.		женщ.		мужч.		женщ.	
	средн.	колеб.	средн.	колеб.	средн.	колеб.	средн.	колеб
1897–1898 . .	16	4—60	7	4—15	10	4—10	5	3—12
1898—1899 . .	15	4—60	7	3—16	10	3—36	5	3—10
1899—1900 . .	15	4—60	7	4—16	10	3—48	5	3—10
1900—1901 . .	18	4—70	7	4—15	11	3—48	5	3—11
1901–1902 . .	18	4—70	7	4—15	10	5—48	5	3—10[1]

[1]) Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, за 1902 г М-во Ф., 1904 г.

Низшій предѣлъ колебанія заработной платы относится къ чернорабочимъ, а высшій—къ мастерамъ.

Тѣ данныя, которыя мы приводили въ I части и которыя относились къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, несравнимы съ данными послѣдняго времени; однако, изучая ихъ, нельзя не замѣтить, что номинальная заработная плата за послѣднія 15—20 лѣтъ возрасла, хотя и трудно опредѣлить точно размѣръ этого роста. Но отсюда ни въ коемъ случаѣ нельзя дѣлать заключенія, что возрасла и реальная плата, ибо одновременно увеличилась и дороговизна жизни. Доминирующимъ пунктомъ недовольства рабочихъ, говорится въ запискѣ фабричныхъ инспекторовъ Московской губ. по поводу рабочаго движенія 1905 г., оказались жалобы на необезпеченность существованія вслѣдствіе крайне низкой заработной платы, съ одной стороны, и все возрастающей дороговизны жизни и отсутствія сносныхъ жилищныхъ условій въ Москвѣ и Московской губ.—съ другой. За 1904 г. не имѣется еще сводки заработка рабочихъ, но, несомнѣнно, средняя величина его *сильно понизилась* вслѣдствіе сокращенія рабочаго времени на большинствѣ фабрикъ. Между тѣмъ стоимость пищевыхъ продуктовъ первой необходимости за этотъ же періодъ времени, по даннымъ харчевыхъ таксъ, утверждаемыхъ фабричными инспекторами, повысились чрезвычайно, а именно: стоимость кислаго хлѣба увеличилась до 25%, крупы-ядрицы—до 36%, пшена—до 60%, гороха—до 50%. Что касается жилищъ рабочихъ, то со всѣхъ сторонъ отъ рабочихъ-забастовщиковъ приходилось слышать о невозможно возрастающей дороговизнѣ и о крайне антисанитарномъ состояніи частныхъ квартиръ, отдаваемыхъ внаймы рабочимъ. Комнату, самую плохую, дешевле 6—8 р. въ мѣсяцъ не найти, за уголъ съ койкой надо заплатить 3—4 руб., при чемъ о такихъ комнатахъ рабочіе говорили: „снимешь на ночь платье, повѣсишь на стѣнку, а утромъ и надѣть нельзя—все мокрое“. Такимъ образомъ соотвѣтствія между заработкомъ и стоимостью жизни не только не существуетъ, но за истекшія 7 лѣтъ наблюдается, что при подъемѣ цѣнъ на харчевые продукты первой необходимости на 23%—60%, не касаясь возрастанія цѣнъ на квартиры, заработокъ рабочихъ увеличился лишь на 12%, да и то эта цифра относится къ 1903 г., въ истекшемъ же и текущемъ году, за сокращеніемъ на многихъ фабрикахъ продолжительности рабочаго времени, эту цифру безъ ошибки слѣдуетъ уменьшить.

На многихъ мануфактурахъ Петербурга и Москвы средняя заработная плата рабочихъ достигаетъ всего лишь 40—55 коп. въ день, а женщинъ—6—8 р. въ мѣсяцъ, каковая цѣна не рѣдкость и на крупнѣйшихъ фабрикахъ г. Москвы. „На что намъ жить,—говорили они,—когда одни харчи становятся по 3 р. 8 к. въ мѣсяцъ (что еще очень дешево), да за квартиру одиночка отдаетъ 3—4 р., семейныя же и всѣ 6—8 рублей; не только ничего не остается, а не хватаетъ, и надо чѣмъ-нибудь подработать“. Вообще трудъ женщинъ и подростковъ оплачивается очень низко, количество же тѣхъ и другихъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ (особенно въ прядильно-ткацкой промышленности), и рабочіе—мужчины жалуются, что женщина и подростки „цѣну сбили“ и на ихъ работу. Результатомъ этого рѣзкаго несоотвѣтствія между заработкомъ и стоимостью жизни явилось стремленіе,—въ самомъ началѣ массоваго движенія рабочихъ въ 1905 г., начатаго январской петербургской стачкой,—опредѣлить извѣстную норму заработной платы, ниже которой она не должна опускаться, именно одинъ рубль для мужчинъ (чернорабочихъ) и 70 к. для женщинъ. Дѣйствительно, теперешній уровень заработной платы совершенно исключаетъ возможность мало-мальски культурнаго существованія. Рабочій уголъ въ Петербургѣ стоитъ 1—2 рубля въ мѣсяцъ, а въ Берлинѣ 5—6 р., такъ восторгается г. Манусъ дешевизной нашей жизни. Но въ Берлинѣ за 5—6 р. можно имѣть комнату, а каморки (т.-е. части комнаты, отдѣленныя досчатыми перегородками. недоходящими до потолка) у насъ и хуже, и дороже...

Но всѣ эти *койки*, *углы*, *каморки*, гдѣ воздуха на человѣка приходится далеко ниже требуемой гигіеной нормы, гдѣ господствуетъ угнетающая грязь, вонь, тѣснота и—смѣшеніе всѣхъ половъ и возрастовъ—развѣ они представляютъ условія существованія, достойныя человѣка?.. Золоторотцы, босяки, арестанты тяготятся подобной обстановкой; рабочій же классъ самъ содержитъ своимъ трудомъ общество, создаетъ богатства страны—и ему нельзя отказать въ правѣ на человѣческія условія существованія. „Лошади на конюшнѣ лучше“, говорятъ рабочіе про свое житье, а г.г. Манусы, Авдаковы выводятъ заключенія... о превосходствѣ нашихъ порядковъ надъ за-границею!..

Въ артеляхъ петербургскихъ рабочихъ, продолжаетъ Манусъ, обѣдъ, ужинъ съ мясомъ и три раза въ день хлѣбъ обходится по 12—14 коп...

Во-первыхъ, это невѣрно. По собраннымъ непосредственно отъ рабочихъ съ различныхъ фабрикъ свѣдѣніямъ, расходъ на артельное продовольствіе простирается въ среднемъ отъ 5 р. 50 к. до 6 р. 50 к. въ мѣсяцъ на человѣка. Семейнымъ — дороже, около 7 руб. [1]).

Самое же главное—это то, что продовольствіе рабочихъ совершенно неудовлетворительно ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Мяса приходится лишь $^1/_2$ фунта на человѣка; хлѣба полагается, дѣйствительно, три раза въ день, но будешь-ли сытъ съ него?—вотъ вопросъ. Но вмѣсто того, чтобы подумать надъ этимъ, Балалайкинъ восклицаетъ: ну, гдѣ же заграницей вы найдете подобную пищу!

Выведенныя выше цифры заработной платы можно провѣрить на примѣрѣ Тверской губерніи. Здѣсь фабричной инспекціей были доставлены свѣдѣнія относительно 149 промышленныхъ заведеній съ 25,052 рабочими обоего пола—за 1898 г. [2]). Общая сумма заработка ихъ равнялась 3,826,289 руб. Заработокъ малолѣтнихъ обоего пола (отъ 12 до 15 лѣтъ) опредѣляется цифрой въ 54 р. въ годъ или $4^1/_2$ р. въ мѣсяцъ. Если соединить затѣмъ подростковъ и взрослыхъ рабочихъ обоего пола вмѣстѣ, то на каждаго придется $157^1/_2$ р. въ годъ. Если же раздѣлить ихъ на 2 группы по полу, то на долю мужчины придется около 172 р. въ годъ или $14^1/_3$ р. въ мѣсяцъ, а на долю женщины—138 р. въ годъ или $10^3/_4$ р. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, заработокъ малолѣтнихъ обоего пола близко подходитъ къ принятой нами выше нормѣ—$^1/_3$ заработка взрослыхъ: $4^1/_2$ р. и $14^1/_3$ р. въ мѣс. или 54 и $157^1/_2$ р. въ годъ. Заработокъ же женщинъ ($10^3/_4$ р. въ мѣс. или 130 въ годъ) нѣсколько выше $^3/_5$ заработной платы мужчинъ (около 172 р. въ годъ). Если же выдѣлить подростковъ въ особую группу, то заработная плата будетъ такова (за 1 мѣсяцъ):

Для мужчинъ: взрослыхъ около 15 р., подростковъ (отъ 15 до 17 лѣтъ) 7,75 р. и малолѣтнихъ (отъ 12—15 л.) 4,75.

Для женщинъ: взрослыхъ $10^5/_6$ р., подростковъ около 9 р. и малолѣтнихъ 3,75 р.

Наивысшую плату по всѣмъ производствамъ получаютъ рабочіе спеціалисты, за ними стоитъ группа рабочихъ, занятыхъ

[1]) Никольскій. Шлиссельбургскій пригородный участокъ въ санитарн. отношеніи. „Вѣстникъ Обществ. Гигіены“, 1901 г., августъ.

[2]) Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. за 1900 г.

въ производствѣ, и, наконецъ, третье мѣсто занимаютъ рабочіе „общей службы“, къ которымъ причисляются и всѣ чернорабочіе. Такъ 1,335 спеціалистовъ и мастеровыхъ заработали 340 тысячъ слишкомъ, т.-е. около 255 р. на человѣка въ годъ или 21 р. съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Тѣмъ болѣе жалкимъ представляется заработокъ остальныхъ категорій: взрослые чернорабочіе — мужчины (1244 человѣка) получаютъ всего въ мѣсяцъ 11,75 р., а занятые въ производствѣ—15 р. Несомнѣнно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ „голодной“ заработной платой: 40—50 к. въ день для взрослыхъ рабочихъ, у значительной части которыхъ имѣется семья... Какіе могутъ быть разговоры объ удовлетворительномъ питаніи, о соблюденіи требуемой гигіеной нормы воздуха и свѣта въ жилыхъ помѣщеніяхъ или о развитіи духовныхъ потребностей!?

Заглянемъ теперь на Югъ Россіи, гдѣ золотымъ дождемъ разсыпались въ 90-хъ годахъ иностранные милліоны... Насколько выросла здѣсь за послѣднія 20 лѣтъ заработная плата,—вотъ вопросъ, на который отвѣчаютъ нижеслѣдующія данныя, полученныя съ одного изъ крупныхъ рудниковъ Донецкаго бассейна и примѣнимыя въ общемъ ко всему району [1]).

	Профессія.	Съ 1 мая по 1 ноября.	Съ 1 ноября по 1 мая.
Взрослые рабочіе	Коногонъ . . .	1 р. 20 к.	1 р. 10 к.
	Дорожный . . .	1 „ 20 „	1 „ 05 „
	Крѣпильщикъ . .	1 „ 20 „	1 „ — „
	Стволовой . . .	1 „ 10 „	1 „ 10 „
	Плитовой	— „ 90 „	— „ 85 „
	Вагонщикъ . . .	— „ 90 „	— „ 80 „
	Въ среднемъ . .	1 р. 08 к.	98 к.
Подростки.	Деровой	70 к.	60 к.
	Тормазной . . .	60 „	55 „
	Лампоносъ . .	60 „	55 „
	Въ среднемъ . .	63 к.	57 к.

Такимъ образомъ заработная плата равняется въ среднемъ 1 р. 8 к. въ день взрослому рабочему и 63 к. подростку съ 1 мая по 1 ноября. Въ 6 зимнихъ мѣсяцевъ плата понижается на 10% и равняется 98 к. для взрослыхъ и 57 к. для подростковъ. Принято считать, что чернорабочій въ среднемъ дѣлаетъ 24 „упряжки“—рабочихъ дня—въ мѣсяцъ. Но эта цифра оказывается на дѣлѣ преувеличенной. По рабочимъ книжкамъ число

[1]) Вѣстникъ фабричнаго законодательства, 1905 г., № 1. Либерманъ Условія труда горнорабочихъ въ Донецкомъ бассейнѣ.

всѣхъ праздничныхъ дней—годовыхъ и воскресныхъ—95. За вычетомъ ихъ число рабочихъ дней опредѣлится въ 270 (въ годъ) или 22,5 въ мѣсяцъ. Мѣсячный доходъ взрослаго рабочаго, исключая „забойщиковъ“, получающихъ сдѣльную плату, выразится такимъ образомъ въ $22{,}5 \times \frac{1\text{ р. }8\text{ к.}+98\text{ к.}}{2} = 23$ р. 17 к., (а годовой — въ 278 р. 4 к.), при условіи, что человѣкъ въ теченіе года ни одного дня не проболѣетъ и не получитъ ни одного штрафа, что, конечно, невозможно, особенно при теперешнихъ порядкахъ.

Расходъ члена артели на продовольствіе опредѣляется на основаніи цифровыхъ данныхъ, относящихся къ артели изъ 14 челов., въ 9 р. 33 к. на каждаго; эта цифра очень близка къ той, которую мы приводили выше для половины 80-хъ годовъ. На одежду и обувь расходуется 3—4 р. въ мѣсяцъ, на прочіе мелкіе расходы—нужно minimum отнести 3 р.; за этими вычетами у одинокихъ рабочихъ получается еще нѣкоторый остатокъ. Если же взять семейнаго человѣка—съ женой и двумя дѣтьми, то не только не получится излишка, но окажется, что для полнаго питанія рессурсовъ рабочаго не хватаетъ. Для покрытія дефицита семейные рабочіе въ большинствѣ случаевъ принимаютъ нахлѣбниковъ, платящихъ за столъ и стирку бѣлья 10 р. 50 к. въ мѣсяцъ [1]).

При столь скудномъ заработкѣ для семейнаго рабочаго является неизбѣжной неправильность питанія, недоѣданіе, что ведетъ къ болѣе быстрой инвалидности, а съ другой стороны, ненормальная скученность населенія въ одной квартирѣ; отсюда же вытекаетъ, наконецъ, необходимость посылать на работу малолѣтнихъ дѣтей, забрасывая школу и изнуряя неокрѣпшіе организмы часто непосильнымъ трудомъ.

Итакъ, годовой заработокъ взрослаго рабочаго опредѣляется нынѣ въ 278 р.

Изъ данныхъ земскаго статистич. изслѣдованія половины 80-хъ годовъ мы уже видѣли, что годовой заработокъ саночника равнялся 197 р., вагонщика—227 р. ствольного и верхового—229, крѣпильщика—229 р.; разнаго рода рабочихъ—211 р.

[1]) Изъ 200 семействъ, жившихъ на рудникѣ, лишь 74 семьи или 37%, обходились безъ столовниковъ, остальные же безъ этого вида поддержки не могли обойтись и принимали отъ 1 до 7 человѣкъ. Большинство изъ этихъ 37%, несомнѣнно, приходится на долю десятниковъ, машинистовъ и забойщиковъ.

Въ среднемъ, на человѣка приходится 219 р. въ годъ. Разница — 59 р., т. е. выходитъ, что заработная плата будто бы увеличилась за послѣднія 15—20 лѣтъ почти на 27%. Какъ ни скромно это увеличеніе платы, однако и оно нуждается въ провѣркѣ. Цифра 278 р. получилась отъ умноженія поденной платы на количество рабочихъ дней (270). Очень возможно, что приростъ платы на 27% объясняется просто увеличеніемъ рабочаго періода. По крайней мѣрѣ большое количество „свободныхъ" дней служило предметомъ непрекращающихся жалобъ со стороны горнопромышленниковъ, забывающихъ, что частые перерывы въ работѣ есть неизбѣжный спутникъ каторжныхъ условій труда. Еще не такъ давно на съѣздѣ въ 1900 г. горн. инж. Авдаковъ число рабочихъ дней въ Донецкомъ бассейнѣ принималъ всего въ 250, по причинѣ частыхъ прогуловъ и праздниковъ. Среднее количество упряжекъ въ мѣсяцъ земскимъ статистическ. изслѣдованіемъ половины 80-хъ г. опредѣляется въ 19—20, а количество рабочихъ дней въ году — въ 240. Наше соображеніе подтверждается и сопоставленіемъ размѣра поденныхъ платъ.

Большинство вагонщиковъ на главныхъ рудникахъ, говорится въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославск. г. [1]), нанимаются поденно или отъ упряжки по 70 к. — 1 р. 10 к. (въ средн. 90 к.). Стволовые или рукоятчики на низу и на верху получаютъ поденно 1 р. 15 к.—1 р. 20 к., точно такъ же, какъ и верховые—отъ 70 к.—до 1 р. 20 к. Крѣпильщики на Рудченовскомъ и Корсунскомъ рудникахъ и на шахтѣ при заводѣ Юза работаютъ поденно отъ 1 р. до 1 р. 10 к.

Почти всѣ коногоны на Рудченовск. рудникѣ работаютъ артелями по 60 коп. съ вагона и зарабатываютъ по 90 к. въ день. Сопоставляя эти цифры съ заработной платой въ настоящее время,—вагонщикъ 80—90 к., стволовой 1 р. 10 к., крѣпильщикъ—1 р.—1 р. 20 к., коногонъ 1 р. 10 к.—1 р. 20 к.,— мы видимъ, что разницы почти нѣтъ. Другими словами, *ростъ заработной платы за послѣднія 15—20 лѣтъ совершенно ничтоженъ и если можно говорить въ настоящее время о нѣкоторомъ увеличеніи заработка рабочихъ въ каменноугольной промышленности, то только въ силу увеличенія рабочаго періода.*

Если же принять во вниманіе, что и въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ углекопы получали отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ на хо-

[1]) Т. II, 1886 г., стр. 312—317.

зяйскомъ содержаніи, то приходится сдѣлать заключеніе, что и за всѣ 40—45 лѣтъ заработная плата южнаго горнорабочаго поднялась лишь очень незначительно...

Но на Югѣ Россіи пышно расцвѣла за послѣднее время не только каменноугольная, но и металлургическая промышленность. Такъ, до половины 80-хъ годовъ здѣсь было лишь 2 завода—Юза и Пастухова. Въ 1887 г. открылся еще заводъ Брянскаго О-ва, въ 1895 г. ихъ дѣйствовало уже 7, въ 1898 г.—12, въ 1900 г.—16, а въ 1902 г.—20! Подъ защитой запретительнаго тарифа началась вакханалія грюндерства съ помощью иностранныхъ капиталовъ; милліоны рублей расплывались ежегодно по рукамъ разныхъ посредниковъ задолго до того, какъ заводы приступали къ дѣйствію. Болѣе старые заводы успѣли пожать и плоды: Юзъ зарабатывалъ чуть не 100% прибыли; Южно-Днѣпровское металлургическое о-во, при основномъ капиталѣ въ 5 милл. р., выдало въ дивидендъ: въ 1893—94 г.—1 милл. р., въ 1894—95 г.—$1^1/_2$ м. р., въ 1895—96 г.—2 милл. р., въ 1896—97 г.—2 м. р., въ 1897—98 г.—2 милл. р., въ 1898—99 г.—2 м. р., въ 1899—1990 г.—2 милл. р. и въ 1900—1901 г.—$2^1/_4$ м. р.!

А что же получилъ рабочій классъ? На доменныхъ и передѣльныхъ заводахъ къ 1 іюля 1904 г. работало уже 53, 271 человѣкъ. На Юзовскомъ заводѣ въ 1884—85 г. было 1405 челов., а къ 1898 г. уже болѣе 10,000 человѣкъ.

Мнѣніе, что иностранные капиталы щедро облагодѣтельствовали и русскихъ рабочихъ, получило у насъ широкое распространеніе. Особенно надъ этимъ постарался Б. Брандтъ, перу котораго принадлежитъ спеціальное изслѣдованіе „Иностранные капиталы“.

„Какая громадная разница—восклицаетъ онъ, говоря о Юзовскомъ заводѣ,—между размѣромъ заработной платы прежде и теперь“! Посмотримъ...

Всѣхъ рабочихъ по эксплуатаціи завода было въ (декабрѣ 1897 г.) 9,377 и по производству капитальныхъ сооруженій 812, а всего 10,189. Рабочіе второй категоріи получили въ общей сложности 17,960 р., что составляетъ на одного рабочаго 22 р. 15 к. Изъ рабочихъ первой категоріи 5,454 работали поденно, 2866—сдѣльно, 795—по ремонту машинъ и 262—по ремонту инструментовъ. Въ общемъ эти 9,377 рабочихъ получили 256,185 р. или въ среднемъ 27 р. 35 к. на человѣка, причемъ на долю работавшихъ сдѣльно (2866) пришлось 105,775 р., или въ сред-

немъ 37 р. на человѣка, на долю же работавшихъ поденно (6511, включая рабочихъ по ремонту)—въ среднемъ 23 р. на человѣка. Считая 25 рабочихъ дней въ мѣсяцъ, выходитъ, что рабочіе по производству капитальныхъ сооруженій получили по 89 к. въ день, поденные рабочіе (въ томъ числѣ и по ремонту)—92 к., а сдѣльные рабочіе—1 р. 44 к. [1]).

Итакъ, что же оказывается: поденные рабочіе (въ томъ числѣ и по ремонту) численностью 6511 ч., получаютъ, въ среднемъ, при 25 рабоч. дняхъ 23 р. въ мѣсяцъ, т. е. *столько же, сколько поденные рабочіе въ каменноугольной промышленности, при 22,5 рабочихъ дняхъ*! Если же цифра ихъ заработка оказалась выше, притомъ очень незначительно, чѣмъ въ 1884—5 году, то только потому, что продолжительность рабочаго періода въ то и другое время была различна. Въ 1897 г. Брандтъ считалъ въ мѣсяцѣ 25 рабочихъ дней, между тѣмъ земскіе статистики 80-хъ годовъ отмѣчали, что только немногіе могутъ работать болѣе 20 дней и полные 30, большинство же работаетъ дней 15—20.·.

Сдѣльные рабочіе—2,866 челов. или около 31% общаго числа—получали въ 1897 г. въ среднемъ 37 р. на человѣка; но мы уже видѣли, что въ половинѣ 80-хъ г. на заводѣ Юза 454 человѣка, т. е. болѣе 32% общаго числа рабочихъ получали отъ 30 до 60 р. въ мѣсяцъ (въ среднемъ около 44 р.)... Тутъ уже прямо приходится отмѣтить ухудшеніе!

Директора, инженеры, вообще высшіе служащіе на нашихъ металлургическихъ заводахъ юга Россіи получаютъ баснословные оклады. Небольшая группа рабочей аристократіи получаетъ 4—5 и 6 р. въ день. Старшіе при доменныхъ печахъ на заводѣ Юза получаютъ, напр. 250 р. въ мѣсяцъ; но такихъ рабочихъ только нѣсколько человѣкъ, преимущественно англичане.

Подъемъ заработной платы коснулся именно высшей категоріи труда, такъ какъ при быстромъ увеличеніи числа заводовъ и недостаткѣ у насъ обученныхъ и опытныхъ рабочихъ и мастеровъ послѣднихъ переманивали съ одного мѣста на другое. Что касается широкой массы рабочихъ, то „поразительные“ успѣхи въ смыслѣ повышенія цѣнъ на трудъ, о чемъ поспѣшили разблаговѣстить вульгарные экономисты нашего времени, относятся къ области вымысла.

Если можно отмѣтить нѣкоторое повышеніе ихъ заработка,

[1]) Б. Брандтъ. Иностранные капиталы. Ч. II, 1899 г., 251—252 стр.

то лишь въ виду увеличенія рабочаго періода, подъ вліяніемъ расцвѣта самой промышленности. Но за періодами подъема слѣдуютъ періоды угнетенія. Съ 1899 г. по 1903 г. разразился кризисъ съ его неизбѣжными спутниками: роспускомъ рабочихъ, сокращеніемъ рабочаго періода и паденіемъ заработной платы...

На Уралѣ мы точно также наблюдаемъ, что ростъ цѣнъ на трудъ за послѣднія три десятилѣтія—крайне незначителенъ, между тѣмъ какъ цѣны на жизненные продукты значительно выросли за это время. Такъ, стоимость четверти ржаной муки, въ среднемъ за періодъ съ 1862 по 1870 г., равнялась 5 р. 4 коп.; съ 1871 по 1880 г.—5 р. 7 к.; съ 1881 по 1890 г. — 6 р. 32 к. и съ 1891 по 1900 г.—6 р. 60 к.

Четверть ячной крупы стоила: съ 1862 по 1870 г.—8 р. 6 к.; съ съ 1871 по 1880 г.—8 р. 90 к. и съ 1881 по 1887 г.—11 р. 39 к. Цѣна вина за ведро въ 40° равнялась: въ 1850—63 г.г.—3 р.; въ 1873 г.—отъ 3 р. 20 к.; въ 1875 г.—отъ 3 р. 30 к.; въ 1881 г.—отъ 3 р. 90 к.; въ 1895 г.—8 р. 5 к., въ 1900—7 р. 90 к.

Что касается заработка, то, по даннымъ, собраннымъ совѣтомъ съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ, онъ равняется [1]):

	1900 г.	1901 г.	1902 г.
1) на заводахъ . .	209 р.	215 р.	196 р.
2) на горныхъ работахъ	172 „	191 „	200 „
3) на пріискахъ . .	166 „	210 „	209 „
4) по лѣсному хозяйству, перевозкѣ и заготовкамъ . .	123 „	137 „	140 „

Откуда средній заработокъ за 3 года получается равнымъ—на заводахъ—206$^2/_3$ р., на горныхъ разработкахъ—188$^2/_3$ р., на пріискахъ—195 р. и по лѣсному хоз., перевозкѣ и т. д.—133$^1/_2$ р.—или средній заработокъ рабочаго на Уралѣ—181 р. въ годъ.

Считая рабочихъ дней въ году 260, получимъ среднюю плату для всѣхъ рабочихъ—70 коп. Но здѣсь включены мастера и подмастерья. При выдѣленіи ихъ, поденная плата на заводахъ и горныхъ разработкахъ сведется:

[1]) Уральское Горное Обозрѣніе, № 10, за 1904 г.

чернорабочему	43—54 коп.
рабочему	59—65 „

Какъ извѣстно, ростъ стачечнаго движенія за 80-ые годы заставилъ, наконецъ, наше правительство вмѣшаться въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, и закономъ 3 іюня 1886 г. положить нѣкоторый предѣлъ свободѣ эксплуатаціи.

А шесть лѣтъ спустя законъ 9 марта 1892 г. и на горные промыслы и заводы распространилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, тѣ ограничивающія эксплоатацію постановленія, которыя впервые были усвоены фабричнымъ законодательствомъ половины 80-хъ годовъ. Запрещалась расплата съ рабочими, вмѣсто денегъ, купонами, условными знаками, хлѣбомъ, товарами и др. предметами. Выдача заработной платы должна производиться не рѣже 1 раза въ мѣсяцъ при наймѣ на опредѣленный срокъ и не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на неопредѣленное время. Денежныя взысканія или штрафы могутъ налагаться только въ трехъ случаяхъ: 1) за неисправную работу, 2) за прогулъ и 3) за нарушеніе порядка; кромѣ того, они не должны превышать $^1/_3$ заработка и поступаютъ не въ пользу хозяевъ, а на нужды рабочихъ. Предметы потребленія въ устроенныхъ предпринимателями лавкахъ должны продаваться по цѣнамъ не выше утверждаемыхъ фабричными инспекторами и окружными инженерами. Но наши промышленники упорно противились этимъ нововведеніямъ.—„Желательно и необходимо, вновь замѣчаетъ Е. Рагозинъ, объѣхавшій въ 1894 -г. югъ Россіи, чтобы жалованье рабочимъ выдавалось исключительно деньгами, а не ордерами на лавки или магазины, какъ это практикуется въ большинствѣ рудниковъ до сихъ поръ“.

Весною 1900 г. министромъ земледѣлія и государственн. имуществъ была отправлена комиссія Штофа изъ представителей горнаго вѣдомства и фабричной инспекціи для изслѣдованія положенія горнорабочихъ въ Донецкомъ басейнѣ. Составъ комиссіи былъ вполнѣ бюрократическій, способъ изслѣдованія—то же. О томъ, чтобы привлечь рабочихъ къ выясненію вопроса объ ихъ положеніи, не было и рѣчи. Объ этомъ спрашивали г.г. предпринимателей. Но даже эта комиссія Штофа замѣтила, что взысканія съ рабочихъ, налагаемыя хозяиномъ, нерѣдко превышаютъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, установленныя закономъ и даже самими промышленниками нормы. ...Болѣе серьезно—оставленіе иногда

довольно крупныхъ суммъ штрафного капитала въ кассѣ промышленника"!

..."Серьезнаго вниманія заслуживаетъ видъ оштрафованія, встрѣченный комиссіей на нѣкоторыхъ, хотя и не многихъ рудникахъ, а именно—бракованіе неполно или нечисто (съ пустою породою) нагруженныхъ вагончиковъ съ добытымъ ископаемымъ, которые затѣмъ идутъ въ пользу конторы, безъ оплаты труда добывшаго ископаемое рабочаго. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что такое дѣйствіе есть не что иное, какъ штрафованіе рабочаго въ пользу нанимателя, т. е. тотъ, именно, видъ взысканія, который въ прежнее время служилъ способомъ эксплоатаціи рабочихъ и вызвалъ изданіе закона объ обращеніи взысканій съ рабочихъ въ особый капиталъ, хозяину не принадлежащій".

Замѣчены были также и другія неправильности при расчетѣ.

„Какихъ-либо злоупотребленій въ этомъ отношеніи со стороны конторъ комиссія нигдѣ не обнаружила и не имѣла поводовъ ихъ предполагать, но формальныхъ нарушеній закона она видѣла много. Такъ, продажа продуктовъ рабочимъ въ кредитъ, съ расплатой черезъ контору, обыкновенно не подчиняется таксѣ, утверждаемой окружнымъ инженеромъ. ...Еще важнѣе нарушеніе такого рода, что продажа безъ утвержденныхъ таксъ производится въ кредитъ (черезъ контору) изъ лавокъ, принадлежащихъ не конторѣ и не мѣстнымъ обществамъ потребителей, а постороннимъ лицамъ, что было встрѣчено комиссіей на нѣкоторыхъ рудникахъ. Незаконность вычетовъ изъ заработка по спискамъ посторонихъ торговцевъ... не подлежитъ сомнѣнію" [1]). На одномъ заводѣ полный заработокъ выдается только въ томъ случаѣ, если рабочій все время былъ исправенъ!—Только на канцелярскомъ языкѣ всѣ эти злоупотребленія получаютъ названіе—формальныхъ нарушеній закона!..

На рудникѣ Новороссійскаго общества существовала лавка подрядчика, откуда продукты отпускались по заборной книжкѣ и по высокимъ цѣнамъ [2]). Ради удешевленія создалось „общество потребителей", которое понизило цѣны на всѣ продукты. Напримѣръ: при цѣнѣ пшеницы въ 40—50 к. за пудъ, бѣлый хлѣбъ въ прежнихъ лавкахъ продавался по 1 р.—1 р. 5 к. Съ открытіемъ общества пшеница дошла до 1 р. 40 к. за пудъ, не смотря на это хлѣбъ продавали рабочимъ, безъ убытка, по 1 р.

[1]) Горнозаводскій листокъ, № 20, за 1900 г.
[2]) Вѣстникъ фабричнаго законодательства, 1905 г., № 2.

30 к. за пудъ. Цѣну сала понизили съ 18 до 12 к. и т. д. Но „общество“ просуществовало 3—4 года и распалось. Зная приблизительно число рабочихъ, можно было вычислить—сколько переплачиваютъ рабочіе лавочникамъ. Цифра получилась ужасающая: на одномъ только хлѣбѣ 3—4 лавочника имѣли прибыли 10,000 р. Не было продукта, на которомъ потребительное общество не понизило бы цѣны и все-таки не въ убытокъ себѣ, даже при большомъ и дорогомъ штатѣ служащихъ. Напримѣръ, постолы (обувь) продавались по 90 к., а въ лавкахъ 1 р. 20 к. и т. д.

Какъ сообщаютъ изъ Чердынскаго у. Пермской губ. („Недѣля“ 1900 г. № 34). Вѣлскіе магазины или „запасы“, устроенные конторой завода, продаютъ все втридорога, и рабочіе говорятъ, что французы пріѣхали на Вишеру не заводы строить, а торговать. Хлѣбъ, напримѣръ, кромѣ того, что дорогъ, зачастую печется сырой, затхлый, изъ муки, которая разбивается молотками. ...Не брать хлѣбъ—нельзя, ибо заработокъ выдается *преимущественно* припасами, но рабочіе дѣлаютъ такъ: получаютъ конторскій хлѣбъ и продаютъ его за безцѣнокъ на кормъ лошадямъ; на вырученныя деньги берутъ хлѣбъ въ мелочныхъ лавкахъ, которыхъ на Вёслѣ уже 3. А то хитростью берутъ деньги изъ конторы—на починку одежды и т. п. Мясо продается обыкновенно такое, что при промывкѣ въ немъ находятъ вершковыхъ бѣлыхъ червей, а при употребленіи его рабочіе страдаютъ кровавымъ поносомъ. Такая же дороговизна товаровъ, впрочемъ, достояніе не одного Вёлса; *то же наблюдается вездѣ и даже на лучшемъ изъ заводовъ на Кутимѣ*. За ситцы, стоющіе 8—10 коп., берутъ по 18 к. и все—въ томъ же родѣ;

Вслѣдствіе неправильностей расчета, отношенія съ рабочими—нижегородцами до того обострились, что г. Журдъ (строитель Вёлскаго завода) однажды не могъ уѣхать изъ конторы цѣлый день; она была окружена рабочими, которые требовали удовлетворенія... На Витахѣ, въ другой разъ, рабочіе схватили его и повели въ шутку топить, а потомъ, посмѣявшись, отпустили.

Такъ совершалось шествіе капитализма въ дикіе, еще не затронутые цивилизаціей уголки сѣвернаго Урала...

...Но зато съ внѣшней стороны все было обставлено какъ слѣдуетъ. Были построены удивительные мосты, великолѣпные, съ танцовальными залами, дома для управляющихъ и крупныхъ служащихъ; 100 ящиковъ коньяку „на пробу“ и т. д.

Задерживаніе заработныхъ денегъ до сихъ поръ является

прочно укоренившимся зломъ на уральскихъ горныхъ заводахъ. По собственному признанію нѣкоего „Піонера“ въ „Уральскомъ Горномъ Обозрѣніи“ (№ 5 за 1905 г.) выдача платы рабочимъ производится не 2—7 числа, каждаго мѣсяца за предшествовавшій мѣсяцъ, а, какъ *нерѣдко бываетъ*, даже въ двадцатыхъ числахъ...

„Справедливое распредѣленіе платы, говорится далѣе, своевременная и быстрая выдача денегъ въ расчетъ и сердечное отношеніе (!)—сдѣлаютъ смѣшными всѣ попытки нашихъ искаріотовъ (?!) поднять русскаго рабочаго на забастовки или безпорядки“. Такъ, бурный 1905-ый годъ заставилъ сознаться нашихъ промышленниковъ, что причина массоваго движенія рабочихъ, всколыхнувшаго всю страну съ одного ея конца по другой лежитъ *въ чрезмѣрности капиталистической эксплуатаціи*, выросшей на почвѣ дезорганизованности рабочаго класса; вмѣстѣ съ этимъ онъ заставилъ ихъ (вмѣстѣ съ фабричной инспекціей и правительственными сферами) признаться и въ томъ, что и такъ называемое фабричное законодательство *внѣ самодѣятельности трудящихся массъ*, безсильно и недѣйствительно даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія были поставлены ему у насъ въ Россіи.

Нельзя не отмѣтить здѣсь особо тяжелаго положенія золотопромышленныхъ рабочихъ, которыхъ насчитывается до 100.000 человѣкъ.

Законъ 20 февраля 1895 г. о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы предоставляетъ утвержденіе таксъ окружному инженеру, въ замѣнъ горнаго исправника, при этомъ присутствіямъ по горнозаводскимъ дѣламъ было предоставлено утвержденіе росписаній предметовъ, допускаемыхъ къ продажѣ, а также и разсмотрѣніе утвержденныхъ инженерами таксъ съ правомъ уменьшенія цѣнъ. *Но право золотопромышленниковъ на монопольную торговлю остается въ силѣ*, и понынѣ остаются вѣрными слова горн. инж. Ячевскаго, что рабочій, въ силу существующихъ узаконеній, въ періодъ промысловой операціи является въ настоящее время „какъ бы крѣпостнымъ человѣкомъ“. Въ золотоносную тайгу не можетъ явиться никто кромѣ человѣка со свидѣтельствомъ на право заниматься золотымъ промысломъ, въ районѣ пріисковъ нельзя открыть лавки, нельзя поселиться какому-нибудь ремесленнику,— все это запрещается и смѣлыхъ пришельцевъ моментально выдворяютъ изъ тайги подъ конвоемъ казаковъ. И теперь, какъ и

прежде, золотопромышленники всячески стараются расширить подборъ товаровъ и повысить цѣны, такъ что таксы ограждаютъ рабочихъ отъ эксплуатаціи въ крайне слабой степени. Пріисковыя лавки приносятъ до 20 и болѣе % прибыли.

4-ый съѣздъ сѣверно-енисейскихъ золотопромышленниковъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы опредѣленіе цѣнъ на продаваемые изъ лавокъ предметы было предоставлено свободному соглашенію сторонъ, подобно тому какъ при заключеніи договоровъ о наймѣ размѣръ заработной платы опредѣляется добровольнымъ соглашеніемъ рабочихъ съ предпринимателемъ. Итакъ, золотопромышленники высказались за свободную конкуренцію, за свободное соглашеніе... но тогда пусть они будутъ послѣдовательны, пусть поддерживаютъ и „свободу торговли“ на пріискахъ! Свобода же опредѣленія цѣнъ на продаваемые изъ пріисковыхъ лавокъ предметы, при сохраненіи монополіи на торговлю ими, есть лишь свобода обирательства рабочихъ гг. золотопромышленниками...

По предложенію горнаго вѣдомства съѣзды золотопромышленниковъ не разъ обсуждали также вопросъ о болѣе чистыхъ расчетахъ; министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ предлагало распространить и на золотопромышленность то положеніе, что выдача заработной платы должна производиться одинъ разъ въ мѣсяцъ при наймѣ на опредѣленный срокъ и два раза въ мѣсяцъ—при наймѣ на неопредѣленное время. Но, конечно, это предложеніе встрѣтило рѣзкую оппозицію со стороны золотопромышленниковъ, ибо *они лично* были вполнѣ довольны старымъ порядкомъ, когда расчетъ производился лишь *одинъ разъ въ годъ*... Такъ дѣло и было замято!

Что золотопромышленники противятся реформѣ, это вполнѣ понятно: при старыхъ порядкахъ расплаты рабочіе *ссужаютъ имъ безпроцентно* огромныя суммы своей заработной платы, и эти суммы промышленники пускаютъ уже въ оборотъ, конечно съ процентами... Вполнѣ понятно, далѣе, что при установленіи правильной расплаты должна будетъ исчезнуть или, по крайней мѣрѣ, сократиться эксплуатація рабочихъ при помощи пріисковыхъ лавокъ Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что вообще лишеніе рабочаго. права требовать заработанныя имъ деньги до окончательнаго расчета есть не что иное, какъ лишнее средство въ рукахъ капиталистовъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ рабочія массы, заставляя ихъ терпѣливо выносить всѣ прелести пріискового режима... Все это понятно и просто. И если золотопромышленники (напр.

южно енисейскіе) на съѣздахъ настаивали на сохраненіи старой системы *съ интересахъ самихъ же рабочихъ*, говоря, что частые расчеты будутъ вредны, поведутъ къ совершенной деморализаціи ихъ и т. д., то это—ужъ прямо безстыдство, ибо кто же имъ давалъ право говорить отъ имени рабочихъ!

Съ какими тяжелыми условіями приходится бороться послѣднимъ—можно судить по слѣдующему факту.

На Приленскихъ золотыхъ пріискахъ 29 января 1901 г. и на Бодайбинскихъ 9—16 янв. 1901 г. вспыхнули стачки. Въ первой принимало участіе 1.700, а во второй—800 рабочихъ; требованія были предъявлены почти одинаковыя: 1) *выдача платы ежемѣсячно*; кромѣ того, *выдавать припасами не болѣе* $^1/_3$; 2) *разрѣшеніе свободной торговли припасами*; 3) *правильный подсчетъ заработка и т. д.* Въ южно-енисейскомъ округѣ въ томъ же году на одномъ изъ пріисковъ произошли безпорядки, вызванные, кромѣ чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня, *леченіемъ рабочихъ за ихъ же счетъ* и требованіемъ цѣнъ на продукты *выше таксы*. Для всякаго безпристрастнаго человѣка эти требованія покажутся настолько естественными, что ихъ едва ли можно назвать требованіями, а между тѣмъ изъ-за нихъ приходится устраивать стачки!..

Напрасно было бы думать, что указанныя выше злоупотребленія и пережитки старины сохранились лишь въ горнозаводской промышленности; нѣтъ, они продолжаютъ существовать и въ фабричной, гдѣ законъ преслѣдуетъ ихъ уже съ 1886 г. Было бы слишкомъ поверхностно искать объясненіе этому въ слабости надзора со стороны фабричной и горной инспекціи—виноваты здѣсь само законодательство и творцы его, которые свои безсмысленные полицейскіе планы невѣжественно облекли въ форму законовъ по охранѣ труда...

ГЛАВА VII.

[5] Что касается той атмосферы, въ которой протекаетъ жизнь рабочаго, то мы совершенно напрасно станемъ искать здѣсь признаковъ улучшенія за второй періодъ, ибо по-прежнему здѣсь неограниченно царствуетъ произволъ. Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ подлинникъ изъ такъ называемой книги „порочныхъ“ на морозовской фабрикѣ относительно рабочаго Смирнова:

Свѣдѣнія квартирн. отдѣла:	Свѣдѣнія фабрики:
1) На его боченкѣ съ квасомъ загорѣлась тряпка—штрафъ 1 р. 2) Пьяный въ коридорѣ громко говорилъ, что всѣ старшіе подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но онъ не слушался, за что взятъ въ сторожку.—Штрафъ 2 руб. 3) На улицѣ громко пѣлъ пѣсни, за непослушаніе посадили въ сторожку, о чемъ доложено завѣдующему хоз. частью. За непослушаніе выселить на вольную квартиру. Подпис. Егоровъ.	За поздній выходъ на работы—штрафъ 50 к. За поздній выходъ —50 к. За грубость мастеру—1 руб. Одѣлся за 5 минутъ до окончанія—50 к. За непослушаніе—40 к. За многоглаголаніе—50 к. Жаловался инспектору, что ему выдали плохую говядину—1 р. Подпис. Гаранинъ.

На этой же фабрикѣ больница докладывала объ увѣчьяхъ: 1) какъ передано съ фабрики, рабочій N находился въ нетрезвомъ видѣ, по своей неосторожности попалъ въ кожаный блокъ, причемъ ему отрѣзало 2 пальца правой руки и помяло конецъ третьяго. 2) При разборкѣ ящиковъ, по своей неосторожности, получилъ ушибъ въ спину. Находился на излеченіи въ больницѣ 28 дней...

Резолюція Саввы Морозова: дать 50 р. на дорогу; на фабрику вновь не принимать...

„Пойдешь къ инспектору, говорятъ рабочіе, а тебя съ фабрики вонъ; хорошо, коли упредятъ за 2 недѣли, а то и сразу въ шею". Мастера, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вышедшіе изъ рабочей же среды, тѣснятъ рабочихъ на каждомъ шагу, требуютъ взятокъ и проч. Въ Московской губ. обычное явленіе—приношеніе рабочими мастерамъ послѣ Пасхи, по возвращеніи изъ деревни, деревенскихъ гостинцевъ: везутъ яйца, куръ и т. п.; этотъ безобразный обычай такъ вкоренился, что мастеръ сочтетъ себя обиженнымъ, если кто-нибудь изъ рабочихъ обойдетъ его подаркомъ, и рано или поздно отомститъ вольнодумцу. Установленіе расцѣнокъ на сдѣльныя работы на большинствѣ механическихъ заводовъ находится почти всегда единственно въ рукахъ мастера, человѣка часто некомпетентнаго, не могущаго понять подчасъ сложнаго дѣла выработки дѣйствительно правильной цѣны и

стремящагося исключительно выслужиться передъ конторой. Всякія сношенія и разговоры съ администраціей фабрики или фабричнымъ инспекторомъ по поводу неудовольствій и недоразумѣній съ мастерами, порученные рабочими выборнымъ для того товарищамъ-депутатамъ, влекутъ за собой неминуемое увольненіе этихъ лицъ съ фабрики, а часто и административную высылку (!?) на родину, какъ „зачинщиковъ“. Такъ близко принималъ къ сердцу старый режимъ интересы хозяевъ-капиталистовъ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ, расположенныхъ группами въ смежныхъ мѣстностяхъ, установился обычай давать знать во всѣ конторы сосѣднихъ фабрикъ объ уволенномъ рабочемъ, и такимъ образомъ ему закрывается туда доступъ. Въ Петербургѣ роль чернаго листа играетъ фабричный штемпель, наложенный на паспортъ рабочаго. Такіе черные листы широко распространены въ Иваново-Вознесенскѣ, на волжскихъ пароходахъ и среди золотопромышленниковъ, гдѣ рабочіе называютъ ихъ „погаными“.

Только тогда рабочій не будетъ подвергаться опасности потерять мѣсто за защиту своихъ правъ и интересовъ, когда за нимъ стоитъ организація, готовая вступиться за каждаго своего члена. Поэтому, развитіе профессіональныхъ союзовъ является необходимымъ условіемъ для проведенія фабричныхъ законовъ въ жизнь.

Вслѣдствіе натянутыхъ отношеній между мастерами и рабочими у насъ весьма распространенъ обычай насильственнаго выпроваживанія ненавистнаго мастера съ фабрики,—ему засыпаютъ глаза табакомъ, набрасываютъ на голову мѣшокъ и на тачкѣ вывозятъ за ворота фабрики.

Культурный уровень администраціи нашихъ фабрикъ и заводовъ очень хорошо рисуетъ уже тотъ фактъ, что на нихъ до сихъ поръ существуетъ еще... кулачная расправа. Согласно своду отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, число жалобъ на дурное обращеніе и побои равнялось въ 1901 г.—1.366, а въ 1902 г.—3.604, изъ коихъ 2.956 поданы коллективно. Особенно выдѣляется въ этомъ отношеніи центральный районъ. Именно въ московскомъ округѣ число жалобъ въ 1901 г. не превышало 161, а въ 1902 г. оно выросло до 2.146, изъ которыхъ 2.098 приходится на одну Московскую губ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ окружной инспекторъ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что степень основательности заявленныхъ жалобъ, не превышавшая въ 1901 г. 56%, въ 1902 г. возросла до 95%. Сопоставленіе столь значительнаго увеличенія числа жалобъ на дурное обращеніе

и побои въ Московской г. съ увеличеніемъ степени ихъ основательности приводитъ къ вѣроятному выводу, что рабочіе, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ движеній (?!) (окружной инспекторъ разумѣетъ здѣсь, надо думать, рабочее движеніе подъ вліяніемъ соціалдемократіи), стали строже относиться къ поведенію завѣдывающихъ и ихъ владѣльцевъ и начали приносить жалобы на такія ихъ дѣйствія, которыя въ прежнее время оставлялись ими безъ вниманія.

Произвольное увольненіе рабочаго до срока является до сихъ поръ очень распространеннымъ явленіемъ. Для этого завѣдывающіе обыкновенно ссылаются на п. 4 ст. 105 уст. пром., подводя подъ дерзость всякое возраженіе рабочаго, а подъ дурное поведеніе—неисправную работу. Въ статьѣ этой не указывается, какая дерзость и къ кому относящаяся влечетъ за собой расторженіе договора. По словамъ старшаго инспектора Екатеринославской г., чаще всего происходятъ столкновенія рабочихъ съ мастерами, непосредственно руководящими работами въ отдѣленіяхъ заводовъ; въ большинствѣ случаевъ не далеко ушедшіе по своему образованію и воспитанію отъ простыхъ рабочихъ, нерѣдко иностранцы, не знающіе русскаго языка, люди очень грубые, мастера эти очень часто допускаютъ въ обращеніи съ рабочими неприличную брань и даже прибѣгаютъ къ кулачной расправѣ.

Фабричный инспекторъ Новгородской губ. пишетъ въ 1903 г., что среди владѣльцевъ или завѣдующихъ встрѣчаются лица, получившія образованіе, которыя считаютъ подобную расправу единственнымъ средствомъ для исправленія рабочихъ.—Директоръ одной фабрики, домъ котораго былъ расположенъ недалеко, чтобы не запрягать лошадей, приказывалъ рабочимъ становиться въ дышло и такъ ѣздилъ на фабрику; разъ какъ-то онъ такъ разошелся, что сталъ палкой погонять рабочихъ съ крикомъ: „пошелъ скорѣй“, но тѣ его бросили на полдорогѣ... На другой фабрикѣ директоръ-англичанинъ на замѣчаніе инспектора, что нужны фабричныя правила для того, чтобы былъ порядокъ, вытащилъ плетку изъ кармана со словами: „вотъ у меня правила“. На Глуховской мануфактурѣ не рѣдко можно было видѣть Захара Морозова, прохаживающагося между станками съ засунутой за голенищемъ плеткой, и если онъ увидитъ, что ткачъ распускаетъ рвань со шпули, то „съ остервененіемъ“ набрасывается на него...

Точно также кіевскій окружной инспекторъ сообщаетъ, что у иностранцевъ жесты переходятъ въ рукоприкладство... Естественно,

въ отвѣтъ на такое обращеніе рабочіе реагируютъ иногда бранью, иногда указаніемъ мастеру, разумѣется, не въ вѣжливой формѣ, на его самоуправство; во всѣхъ такихъ случаяхъ, по представленіямъ мастеровъ, къ рабочимъ примѣняется п. 4 ст. 105. Жалобъ на увольненіе до окончанія срока найма, безъ законнаго предупрежденія за 2 недѣли при неопредѣленномъ наймѣ, было принесено:

	Единичн.	Коллективн.
въ 1901 году	5127	7243
„ 1902 „	4964	3520

Изъ нихъ признаны справедливыми:

	Единичн.	Коллективн.
въ 1901 году	2737	2907
„ 1902 „	2616	2398

Такимъ образомъ, для фабричной администраціи за произвольный отказъ отъ работы не установлено отвѣтственности ни въ судебномъ порядкѣ, ни въ административномъ; между тѣмъ рабочіе въ такихъ случаяхъ подвергаются *уголовной* отвѣтственности.

Необходимо уравненіе въ этомъ отношеніи предпринимателя съ рабочимъ, а прежде всего — учрежденіе на фабрикахъ и заводахъ смѣшанныхъ комиссій поровну изъ представителей рабочихъ и администраціи, для разбора недоразумѣній между обѣими сторонами, установленія расцѣнокъ, правилъ внутренняго распорядка и т. д.

Нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ дикомъ обычаѣ, который существуетъ на всѣхъ почти фабрикахъ и заводахъ, хотя не имѣетъ подъ собой никакой законной почвы, — это, именно, обыскъ. Ежедневно, въ назначенное для отдыха и обѣда время, а также и по окончаніи работъ — всѣ уходящіе съ фабрики рабочіе подвергаются тщательному съ головы до ногъ обшариванію и обыску спеціально поставленными для этой цѣли сторожами; на полъ и возрастъ не обращается никакого вниманія. На фабрикѣ Бахрушина (въ Замоскворѣчьи) сторожа обыскиваютъ даже приходящихъ „съ воли“ женщинъ и дѣвушекъ, прямо во дворѣ съ улицы, на глазахъ проходящей публики. Въ Западной Европѣ давно уже признали всю безполезность и нецѣлесообразность этой процедуры и, за непригодностью, упразднили. Но мало того, что этотъ обычай

нецѣлесообразенъ, безнравственнѣнъ, онъ, кромѣ того, является совершенно противозаконнымъ съ юридической точки зрѣнія. Нашъ законъ допускаетъ обыски, какъ крайнюю мѣру, „въ случаѣ основательнаго подозрѣнія“, требуя при этомъ чтобы „обыски производились непремѣнно по предписанію властей, съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей и непремѣнно должностными лицами, получившими на сіе полномочія“. Фабричныхъ сторожей нельзя считать должностными лицами... Точно также нельзя ежедневные поголовные обыски подвести подъ требуемые закономъ „случаи основательнаго подозрѣнія“, и нѣсколько сотъ или даже тысячъ рабочихъ той или иной фабрики не могутъ подойти въ рубрику „подозрѣваемыхъ въ преступленіи“. Что касается осмотра фабричныхъ работницъ тѣми же сторожами-мужчинами, то это является еще болѣе безнравственнымъ и беззаконнымъ, ибо и при вполнѣ легальныхъ, если можно такъ выразиться, обыскахъ—„для осмотра и освидѣтельствованія лицъ женскаго пола приглашаются... замужнія женщины“. Точно также и спеціальный фабричный Уставъ не предоставляетъ фабрикантамъ права обыска. Это было извѣстно м-ву финансовъ, объ этомъ знали фабричные инспектора [1]); спрашивается, чего же они смотрѣли на это! Вѣдь ими же утверждаются правила внутренняго распорядка... они, значитъ, санкціонировали этотъ обычай, потворствуя злоупотребленіямъ и невѣжеству нашихъ предпринимателей въ ущербъ достоинству рабочихъ.

Лишь на фабрикѣ „Эмиль Циндель и К°“ обыскъ былъ уничтоженъ; объ этомъ же заявило въ письмѣ въ „Русск. Вѣдом.“ (№ 181 за 1902 г.) правленіе завода Гартманъ, добавляя, что, „обыскъ рабочихъ въ настоящее время представляетъ анахронизмъ для большинства металлургическихъ и машиностроительныхъ заводовъ въ Россіи, послѣдовавшихъ примѣру Запада и освободившихъ уже давно своихъ рабочихъ отъ этой мѣры, унижающей человѣческое достоинство“. Какъ выяснилось, однако, впослѣдствіи, изъ требованій, выставленныхъ рабочими при стачкахъ, обыски широко практиковались и на металлургическихъ и машиностроительныхъ заводахъ, и только лишь съ 1905 г. начинается массовое уничтоженіе этого дикаго обычая...

[1]) „И съ точки зрѣнія закона, какъ и съ точки зрѣнія нравственности и уваженія человѣческой личности, созданный много лѣтъ тому назадъ и соблюдаемый и по сіе время обычай ежедневнаго поголовнаго обыска уходящихъ съ работы фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, лишенъ всякаго основанія“... такъ говорится въ официальномъ органѣ м-ва фин., „Торгово-промышленной газетѣ“, за 1904 г.

Такимъ образомъ мы тщетно старались замѣтить сколько-нибудь крупное улучшеніе въ положеніи рабочаго класса за второй періодъ. Наше законодательство по охранѣ труда просто скользило по поверхности, не заглядывая вглубь; оно устраняло лишь наиболѣе вопіющія проявленія эксплоатаціи, низводя наиболѣе изобрѣтательныя по этой части предпріятія къ одному общему уровню...

Нельзя не сознаться,—говорилъ въ 1887 г. на съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи инж. Завадскій,—что положеніе нашего горнорабочаго далеко не только отъ идеала, но даже отъ скромной посредственности. Недостатокъ, а на нѣкоторыхъ копяхъ и полное отсутствіе порядочныхъ и гигіенически устраиваемыхъ помѣщеній, плохая по большей части обстановка, если не полное отсутствіе медицинской части, нечистота какъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, такъ и вокругъ нихъ, отсутствіе какихъ бы то ни было развлеченій... все это факты, которыхъ мы отрицать не можемъ...

Какъ мы уже видѣли, несмотря на блестящее развитіе каменноугольной и металлургической промышленности на югѣ за послѣдующія 15 лѣтъ, въ положеніи массъ рабочаго населенія никакихъ радикальныхъ измѣненій не произошло. Между тѣмъ мнѣніе гг. горнопромышленниковъ о положеніи рабочихъ кореннымъ образомъ измѣнилось, — лучшаго, на ихъ взглядъ, теперь и желать нельзя!

На экстренномъ съѣздѣ въ 1900 г. была избрана комиссія для разработки вопроса „объ улучшеніи быта рабочихъ на каменноугольныхъ копяхъ южной Россіи“. Этотъ вопросъ, поставленный на обсужденіе съѣзда министерствомъ з. и г. и., былъ разработанъ Авдаковымъ, и всѣ заключенія его доклада приняты съѣздомъ.

„Нельзя не прійти къ заключенію, витійствуетъ горн. инж. Авдаковъ, что заработная плата на копяхъ Донецкаго бассейна выше заработной платы на копяхъ во Франціи и Бельгіи“ и что если слѣдуетъ указать „какія-либо мѣры, то таковыя состоятъ: 1) въ сокращеніи числа праздничныхъ дней, 2) въ уменьшеніи прогуловъ и 3) въ широкомъ примѣненіи сберегательныхъ кассъ, гдѣ бы рабочіе могли откладывать свои сбереженія, а не тратить нераціонально излишки денегъ“ [1]). Ну, не Балалайкинъ ли онъ послѣ этого?!

[1]) Среднюю заработную плату Авдаковъ опредѣляетъ въ 300 руб. Для забойщиковъ отъ 350 до 500 руб., а для прочихъ подземныхъ рабочихъ отъ 250 до 350 руб. Все это было бы хорошо, но только почему же на

Мысль о нѣкоторомъ превосходствѣ нашихъ порядковъ находитъ себѣ поддержку даже со стороны такого почтеннаго ученаго, какъ Ив. Тиме. За границей, замѣчаетъ онъ, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, „рабочіе дисциплинированы весьма сурово, какъ нигдѣ, это скорѣе автоматы. На мой взглядъ лучше имѣть желѣзо на одну, другую копейку дороже, нежели закабалить человѣка въ каторгу неустанной работы".

Какъ будто бы лишнія копейки, которыя переплачиваетъ русскій потребитель и которыя составляютъ милліоны рублей ежегодно, идутъ именно на освобожденіе рабочихъ отъ „каторги неустанной работы", а не въ карманы предпринимателей! И неужели, далѣе, Ив. Тиме не знаетъ, что болѣе короткій рабочій день, болѣе легкій благодаря техническимъ усовершенствованіямъ трудъ, въ нѣсколько разъ высшая плата и независимое соціальное положеніе американскаго рабочаго ставитъ его на недосягаемую высоту въ сравненіи съ его русскимъ товарищемъ?

Въ концѣ XIX вѣка наблюдался усиленный притокъ къ намъ иностранныхъ капиталистовъ. Это дало поводъ тому же, напр., Б. Брандту заговорить о „благотворномъ вліяніи иностранныхъ предпринимателей на интересы рабочихъ", такъ какъ „иностранцы привыкли и у себя дома оплачивать трудъ высоко и обставлять его хорошо, вслѣдствіе чего они продолжаютъ и у насъ придерживаться усвоенныхъ ими на родинѣ привычекъ".

Не подлежитъ сомнѣнію, что заграничный капиталистъ болѣе культуренъ, чѣмъ нашъ отечественный; но несомнѣнно также, что эта высшая его культурность есть продуктъ всей совокупности жизненныхъ отношеній запада. Переселившись же на рыхлую русскую почву, западный капиталистъ сталъ обнаруживать признаки возвращенія въ свое первобытное состояніе. „Какъ ни странно, казалось бы, со стороны культурныхъ иностранцевъ, а многіе изъ нихъ прямо дерутся", замѣчаетъ съ удивленіемъ Матвѣевъ, котораго органъ министерства финансовъ командировалъ на югъ для изученія расцвѣтшей тамъ горной промышленности. Иностранному инженеру Monseu, побывавшему на нашемъ югѣ (Revue Universelle des mines, 1897), особенно бросается въ глаза именно покорность, какъ общая характерная черта русскихъ рабочихъ, а также

съѣздѣ тѣхъ же горнопромышленниковъ, но только годомъ раньше, комиссія въ докладѣ по 14 вопросу программы заявляетъ, что „заработокъ нашего горнорабочаго можетъ быть принятъ въ среднемъ не болѣе, какъ въ... 200 р."?

полное невѣдѣніе ими политическихъ и соціальныхъ идей, господствующихъ въ Западной Европѣ. Можно догадываться, что въ этомъ-то отсутствіи у насъ рабочаго движенія скрывалась одна изъ главныхъ причинъ симпатіи къ русской промышленности иностранныхъ капиталистовъ. Они свободно употребляли тѣ же самые способы эксплуатаціи рабочихъ, — заводскія лавки, произвольные штрафы, неправильная выдача заработной платы,—какіе практиковались въ нашемъ центральномъ районѣ. Однимъ словомъ, „Московскія Вѣдомости“ напрасно заподозрѣвали иностранный капитализмъ въ неблагонадежности и могли бы спать совершенно спокойно. Даже чисто русскій взглядъ на разрѣшеніе рабочаго вопроса при помощи нагайки иностранные капиталисты усвоили себѣ очень легко; они шли даже впереди! Именно южные горнопромышленники первые основали у себя „казачьи фонды“, и когда военное министерство наотрѣзъ отказалось удовлетворить ихъ настойчиво-безцеремонныя ходатайства о размѣщеніи военнаго гарнизона или отряда казаковъ въ одномъ или нѣсколькихъ промышленныхъ центрахъ для „предупрежденія“ безпорядковъ, то они не потерялись и нашли выходъ въ наймѣ льготныхъ казаковъ... Il faut les chasser d'ici par les cosaques [1]), убѣжденнымъ тономъ понимающаго дѣло человѣка говорилъ бельгіецъ, — директоръ одного изъ южныхъ заводовъ, на вопросъ корреспондента „Новаго Времени“: что дѣлать съ безработными, выброшенными на улицу во время послѣдняго кризиса...

Но ничто непрочно на землѣ! Царству „патріархальныхъ отношеній“ ужо приходилъ конецъ и въ прахъ должны были рушиться, казалось, несокрушимые устои...

Конецъ II части.

[1]) Ихъ нужно прогнать казацкими нагайками.

Часть III.

ГЛАВА I.

1905 годъ подвелъ итоги предшествующимъ стадіямъ рабочаго движенія въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаетъ новыя, высшія формы его дальнѣйшаго развитія. Въ немъ нашли себѣ конецъ основы стараго строя, и изъ него беретъ начало новая, освобождающаяся жизнь...

Въ 1889 г. на Парижскомъ конгрессѣ Плехановъ, выражая взгляды основанной съ 1883 г. первой соціалъ-демократической организаціи (за-границей) — „Группы Освобожденія Труда", — высказалъ убѣжденіе, что „революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ", и только съ ихъ помощью можно взять приступомъ твердыню самодержавія. „Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ".

Этотъ взглядъ кореннымъ образомъ расходился съ воззрѣніями какъ революціоннаго народничества, видѣвшаго единственную опору въ крестьянствѣ, такъ и либерализма, который вообще не вѣрилъ въ существованіе *революціоннаго народа* въ Россіи [1]) и въ основу своей программы и тактики клалъ „соглашеніе съ правительствомъ" во имя водворенія порядка. Не успѣло пройти 15 лѣтъ, какъ основная идея русской соціалъ-демократіи получила блестящее подтвержденіе: послѣ всеобщей забастовки, 17 октября — въ день, связанный съ воспоминаніемъ о крушеніи царскаго по-

[1]) Еще за два дня до 9 января П. Струве писалъ въ „Освобожденіи", что „революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ...". „Русскій рабочій культурно отсталъ, забитъ и (мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще недостаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ...".

ѣзда, самодержавіе дѣйствительно потерпѣло крушеніе и—юридически—отошло въ вѣчность.

Движеніе 1905 года уже съ перваго взгляда открываетъ намъ свой революціонный характеръ—своими размѣрами, самымъ количествомъ затронутыхъ и двинутыхъ въ дѣло силъ.

Въ сравненіи даже съ 1903 годомъ, годомъ наивысшаго напряженія стачечной борьбы до-революціоннаго времени, количество участниковъ въ стачкахъ возросло теперь по меньшей мѣрѣ въ 10 разъ.

Прежде борьба увлекала или одни только передовые элементы рабочаго класса, или — если и массы — то лишь въ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ центрахъ промышленной жизни, — теперь освободительныя идеи захватываютъ уже и самые низы, увлекая даже наиболѣе отсталые и трудно-подвижные слои; движеніе обходитъ по всѣмъ уголкамъ Россіи какъ въ центрѣ, такъ и отдаленнымъ окраинамъ, изъ стихійнаго превращается въ организованное и своимъ упорствомъ и грандіозностью заставляетъ повѣрить и новѣрующаго въ героическую мощь пролетаріата. За одинъ годъ Петербургъ пережилъ 5 всеобщихъ забастовокъ, Москва—3, въ Ригѣ было ихъ 4—5, въ Варшавѣ и Лодзи по 3. [1]).

Еще не такъ давно отъ насъ то время, когда даже либеральные фабриканты и публицисты съ соболѣзнованіемъ говорили о забитости русскаго пролетаріята, о томъ, какъ далеки ему идеи и духъ его заграничныхъ товарищей, а теперь даже соціалисты Запада ставятъ въ примѣръ энтузіазмъ, энергію и стойкость русскаго рабочаго, ибо русская революція вдохнула свѣжую струю въ застоявшуюся атмосферу странъ старой культуры.

Прологомъ революціи послужило январское выступленіе петербургскихъ рабочихъ: 5-го началась всеобщая стачка, о которой

---

[1]) До этого времени даже среди очень крупныхъ, поставленныхъ на вполнѣ капиталистическую ногу предпріятій попадались, правда, очень рѣдко, медвѣжьи уголки, гдѣ не слыхали еще о классовой борьбѣ. Мелкими уступками, наградами, благотворительностью хозяева усыпляли рабочихъ. „Революція“ смахнула лежавшую густымъ слоемъ пыль старины, очистила застоявшуюся атмосферу тупой покорности и апатіи... и рабочіе заволновались. „Черпали съ рабочихъ бочками, а отдавали ложками“, начинаютъ теперь говорить они и выставляютъ своимъ хозяевамъ *требованія*. Такъ, на льняной мануфактурѣ Кашиныхъ въ Костромѣ (6,000 рабочихъ) совсѣмъ не было стачекъ вплоть до лѣта 1905 г., когда вспыхнули 2, причемъ послѣдняя длилась три недѣли.

Точно также мы узнаемъ, что на Богородско-Глуховской мануфактурѣ (Моск. г.) съ 10,000 рабоч. за 55 лѣтъ ея существованія не слыхали про стачку: она началась въ апрѣлѣ 1906 г.

25 лѣтъ тому назадъ мечталъ Ст. Халтуринъ и которая раньше была осуществлена на югѣ Россіи; Петербургъ, какъ въ 1896 г., снова всталъ во главѣ движенія.

Первоначальнымъ толчкомъ послужило самое обыкновенное при нашихъ фабричныхъ порядкахъ происшествіе на Путиловскомъ заводѣ,—мастеръ Тетявкинъ несправедливо уволилъ 4 рабочихъ и этимъ вызвалъ ропотъ со стороны ихъ товарищей. Въ возникшій конфликтъ вмѣшалось состоявшее подъ покровительствомъ властей „собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“ во главѣ со ставленникомъ Зубатова и Плеве свящ. Гапономъ и, какъ водится, отправило къ „начальству“ три депутаціи: къ градоначальнику, старшему фабр. инспектору и директору завода — съ просьбой содѣйствовать возвращенію незаконно уволенныхъ рабочихъ.

Вполнѣ характернымъ является, конечно, и то, что начальство оказалось не въ силахъ сдѣлать этого, и 3-го января Путиловскій заводъ съ 13.000 рабочихъ забастовалъ. Требованія были выставлены исключительно экономическія: 8-часовой рабочій день, установленіе расцѣнокъ мастеромъ по соглашенію съ выборными отъ рабочихъ, учрежденіе смѣшанной комиссіи для разбора всѣхъ недоразумѣній и увольненія рабочихъ, отмѣна сверхурочныхъ работъ, минимумъ платы въ 1 р. для мужч. и 70 к. для женщ., и др. Путиловскія требованія были поддержаны. Изъ этой, казалось, случайной искры возгорѣлось наконецъ долго жданное пламя!.. 4-го января сталъ франко-русскій заводъ, 5-го — многіе другіе, а 7-го—число стачечниковъ возросло до 140.000 ч.

Стихійный духъ протеста, неизсякаемымъ источникомъ котораго служитъ безвыходная нужда и поруганія человѣческаго достоинства, вырвался наружу, усиленный общимъ демократическимъ возбужденіемъ, охватившимъ страну съ осени 1904 г.

Дѣловая жизнь Петербурга замерла, но зато въ 11 отдѣлахъ „собранія русскихъ рабочихъ“ сбирались несчетныя толпы народа; здѣсь ежедневно съ 3 по 8 января проходили черезъ нихъ десятки тысячъ рабочихъ, излагая свои нужды и обсуждая вопросы дня. И вотъ въ сѣверной столицѣ повторилось то же, что и на югѣ Россіи во время всеобщей забастовки 1903 г.: начавшись съ борьбы экономической, дѣло окончилось политической демонстраціей; движеніе, руководимое организаціей, цѣль которой, состояла въ томъ, чтобы отвлекать рабочихъ отъ „преступной пропаганды“ и воспитывать ихъ въ духѣ чисто русскихъ началъ— превратилось въ исходный пунктъ революціи, поглотившей основы

стараго порядка. Иначе, конечно, не могло и быть, ибо самодержавіе не совмѣстимо ни съ какимъ демократическимъ движеніемъ, и послѣднее, разъ возникнувъ, неизбѣжно должно обратиться противъ него. И если на этотъ разъ въ петербургскомъ выступленіи было нѣчто новое, оригинальное, такъ это именно то, что вся эта эволюція совершалась не помимо, а при посредствѣ главнаго руководителя и вдохновителя „Собранія русскихъ рабочихъ“—свящ. Гапона. Въ петиціи, составленной имъ на Высочайшее имя „рядомъ (не рядомъ, а во главѣ К. П.) съ пожеланіями объ измѣненіи условій труда были изложены дерзкія требованія политическаго свойства“, т. е. созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, тайнаго и равнаго избирательнаго права; онъ же велъ толпу съ иконами, хоругвями и портретами къ Зимнему дворцу 9 января для подачи царю прошенія народу. Безоружный народъ былъ разстрѣлянъ войсками, и тотъ самый свящ. Г. Гапонъ, который велъ рабочихъ „искать правды и защиты“ у царя, теперь долженъ былъ провозгласить: „нѣтъ болѣе царя въ Россіи“!..

Это была послѣдняя попытка выступленію низовъ, рабочихъ массъ придать „чисто русскій“, національно-религіозный характеръ,—теперь всѣ романтическіе средневѣковые покровы были сдернуты начисто, и глазамъ людей открылось то, что раньше представлялось имъ въ какомъ-то сверхъестественномъ видѣ...

Съ тѣхъ поръ не только ничто уже не мѣшало, но наоборотъ—все,—и прежде всего кровавая бойня 9-го января,—содѣйствовало тому, чтобы рабочее движеніе въ Россіи отлилось въ обычныя интернаціональныя формы классовой пролетарской борьбы, и соціалъ-демократіи, по выходѣ изъ подполья на широкую арену открытой общественной жизни, была обезпечена господствующая роль.

Въ достопамятные январскіе дни еще нельзя было объ этомъ говорить; „Мы наблюдаемъ невиданную въ Петербургѣ картину, пишетъ корреспондентъ соціалъ-демократическаго органа „Впередъ“ (№ 4 отъ 18 янв. 1905 г.), и сердце сжимается страхомъ передъ неизвѣстностью,—окажется ли соціалъ-демократическая организація въ состояніи взять хоть черезъ нѣкоторое время движеніе въ свои руки.

... Соціалъ-демократы оказались, какъ ни печально въ этомъ сознаться, оттертыми этимъ, прямо стихійнымъ движеніемъ“.

Но ужъ выборы въ комиссію Шидловскаго обнаруживаютъ крутой поворотъ: „масса и ея движеніе, замѣчаетъ „Искра“ въ

№ 92, вошли совершенно въ русло соціалъ-демократической политики"...

Дѣйствительно, выборщики заговорили такимъ языкомъ, что правительство не выдержало и поспѣшило скорѣе закрыть комиссію!

Подобно тому, какъ путиловскіе рабочіе были поддержаны всѣмъ Петербургомъ, такъ и петербургскій пролетаріатъ нашелъ себѣ живой откликъ въ сердцахъ рабочихъ массъ всей страны.

Въ Царствѣ Польскомъ 13 января началась стачка въ Лодзи, а 14 забастовалъ уже почти весь лодзинскій районъ; съ 15 по 19 были закрыты даже магазины и лавки. Нѣтъ газетъ, не ходятъ трамваи. До 100.000 человѣкъ бросило работу.

Въ Варшавѣ всеобщая стачка началась 14-го, бросило работу 15.000 ч.; съ 15-го стали закрываться магазины и даже аптеки— лишь послѣ 25-го рабочіе начали возвращаться на работу. Въ Сосновицкомъ горно-заводскомъ районѣ 19-го января забастовало 30—40 тысячъ человѣкъ.

Стачечное движеніе охватило Варшавск., Петроковск., Калишск., Люблинск., Плоцк., Радомск., Сувалкск. и Сѣдлецк. губерніи, остановились работы также на всѣхъ сахарныхъ заводахъ края.

Когда рабочіе Варшавы обходили фабрики, хозяева спрашивали ихъ: какія у васъ претензіи? Рабочіе отвѣчали: „мы бастуемъ не потому, что имѣемъ противъ васъ претензіи, а по политическимъ причинамъ. Мы хотимъ показать, что мы недовольны общими порядками".—Соціалъ-демократія Литвы и Польши и польск. соціалистическ. партія выпускали массу прокламацій, гдѣ призывали ко всеобщей стачкѣ и къ солидарному выступленію польскихъ рабочихъ, выставлялось требованіе немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія, 8-ми часов. рабоч. дня, организаціи общественныхъ работъ для безработныхъ и т. д. Движеніе сопровождалось многочисленными демонстраціями и кровавыми столкновеніями съ войсками, особенно въ Варшавѣ, гдѣ количество убитыхъ и раненыхъ опредѣляется сотнями.

Не менѣе дружно отозвался Прибалтійскій край. 11-го янв. въ Ригѣ, по полученіи извѣстій о событіяхъ въ Петербургѣ, вопросъ о всеобщей стачкѣ былъ рѣшенъ единодушно. Мѣстный комитетъ Латышск. соц.-демокр. рабоч. партіи [1]) обратился съ призывомъ, который заканчивался слѣдующими словами: „Стыдъ и позоръ про-

[1]) Въ организаціи стачки принимали участіе также Бундъ и Рижскій К° Р. С. Д. Р. П., объединившись въ федеративный комитетъ.

должать работать на нашихъ угнетателей теперь, когда снѣгъ петербургскихъ улицъ окрашенъ кровью нашихъ братьевъ. Въ этотъ историческій моментъ долгъ призываетъ насъ прекратить работу. *Мы объявляемъ всеобщую стачку.* Мы требуемъ: 1) немедлен. созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщ. равн. прямого и тайнаго голосованія; 2) свободы слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ; 3) 8 часов. рабоч. дня; ... 4) рабочіе не должны получать въ день менѣе рубля. 5) Немедленнаго окончанія войны...“ 13-го стачка была уже всеобщей и къ ней примкнули даже ломовые извозчики. Во время одного шествія 20,000 рабочихъ двѣ полуроты преградили путь и дали 2 залпа—въ результатѣ 50 убитыхъ и 120 раненыхъ.

При похоронахъ одного изъ убитыхъ произошла грандіозн. демонстрація. Десятки тысячъ рабочихъ провожали черезъ весь городъ погибшаго товарища, на каждомъ перекресткѣ шествіе останавливалось, и ораторы произносили рѣчи на латышск., еврейскомъ и русск. языкахъ. Всеобщая политическая стачка держалась 8 дней. Одновременно съ Ригой началась всеобщая забастовка въ Ревелѣ, затѣмъ въ Митавѣ, Либавѣ, Виндавѣ и Юрьевѣ. Въ общемъ за январь мѣсяцъ бастовало болѣе 100,000 рабочихъ.

Въ западномъ краѣ забастовка началась 11-го числа въ Вильнѣ, въ этотъ же день въ Ковнѣ остановились всѣ фабрики и заводы; къ вечеру закрылись торговыя и ремесленныя заведенія. Конки перестали ходить и было потушено рабочими электрическое освѣщеніе. Стачка прекратилась 18-го числа. 13-го янв. началась забастовка въ Минскѣ, охвативъ всѣ промышленныя заведенія въ городѣ. Были забастовки также въ Могилевѣ, Бѣлостокѣ, Гродно, м. Крынкахъ, Гомелѣ; съ 21 по 23 забастовали всѣ рабочіе и приказчики разныхъ ремесленныхъ и торговыхъ заведеній въ Мозырѣ. Къ хозяевамъ рабочіе требованій не предъявляли, такъ какъ стачка носила характеръ политическій. Въ Финляндіи 11—12 янв. происходили повсемѣстныя уличныя демонстраціи по городамъ, въ Гельсингфорсѣ напр. принимало участіе болѣе 10,000 ч.

Болѣе развитой и организованный пролетаріатъ западныхъ окраинъ въ высшей степени дружно откликнулся на петербургскія событія и придалъ своему выраженію сочувствія и товарищеской солидарности ясно выраженный политическій характеръ. Правительственная политика угнетенія окраинъ подлила, конечно, еще болѣе масла въ огонь. Кавказъ не отставалъ. Въ Тифлисѣ движеніе началось 18 января и продолжалось, стихая и опять раз-

гораясь, около 2 недѣль: бастовали всѣ заводы, фабрики, типографіи, конки и кондуктора желѣзныхъ дорогъ. Въ Батумѣ забастовка началась 17-го на пристани, 19-го перекинулась на заводы, а съ 25 янв. мѣстный комитетъ р. с.-д. р. партіи объявилъ всеобщую забастовку съ требованіемъ: прекращенія войны, созыва учредительнаго собранія и установленія демократической республики. Все закрывается, но магазины полиція приказываетъ открыть и, въ случаѣ отказа, взламываетъ. Забастовали даже извозчики, дрогали. 28-го бросила работу прислуга частныхъ домовъ и гостинницъ. Стачки или уличныя демонстраціи были въ Поти, Грозномъ, Тквибули, Кутаисѣ, Квирилахъ и многихъ другихъ мѣстахъ. Баку лишь молчалъ, такъ какъ только-что пережилъ грандіозную борьбу, но и здѣсь съ 26 янв. началась забастовка всѣхъ типографій.

Что касается внутренней Россіи и прежде всего центральнаго района, то здѣсь на первыхъ порахъ откликъ былъ несравненно болѣе слабымъ. Въ Москвѣ забастовка началась на другой день послѣ кровавыхъ дней въ Петербургѣ на механическихъ заводахъ Вейхельта и Бромлея; въ типографіи рабочіе ушли, не предъявивъ никакихъ требованій и заявивъ, что они бастуютъ изъ сочувствія къ петербургскимъ товарищамъ. 13-го янв. число забастовщиковъ достигло 25—30,000 человѣкъ. Съ 10 по 14 янв. работы въ Москвѣ были прекращены въ 118 заведеніяхъ, и общее число стачечниковъ составляло 40 тысячъ слишкомъ. Забастовало не мало фабрикъ и заводовъ въ уѣздѣ. 20-го янв. почти всѣ рабочіе въ Москвѣ и уѣздѣ, за немногими исключеніями, возвратились на работу. Въ общемъ „стачка прошла вяло въ сравненіи съ Питеромъ“, замѣчаетъ корреспондентъ „Искры“ (№ 88). На большинствѣ фабрикъ и заводовъ предъявлялись экономическія требованія, на нѣкоторыхъ — совсѣмъ никакихъ, а на многихъ рабочіе не могли формулировать своихъ требованій. 22-го прекратили работу конки, затѣмъ—цѣлый рядъ мелкихъ забастовокъ, а съ 5 февр. началась стачка во всѣхъ почти аптекахъ.

Въ Поволжьи движеніе захватили Царицынъ, Саратовъ, Самару, Казань и Ярославль. На югѣ Россіи 12-го была кратковременная стачка на Днѣпровскомъ заводѣ, затѣмъ въ Юзовкѣ, на заводѣ Новороссійскаго О-ва. 17 января началась забастовка въ Екатеринославѣ и продолжалась недѣлю. Бросили работу фармацевты, приказчики, шляпочницы и др., не говоря уже о заводскихъ и типографскихъ рабочихъ.

Стачки вспыхивали и еще во многихъ пунктахъ — то здѣсь, то тамъ, но въ общемъ, повторяемъ, движеніе во внутренней Россіи было несравненно слабѣе, чѣмъ на окраинахъ, за исключеніемъ конечно востока, гдѣ Уралъ хранилъ угрюмое молчаніе...

Въ общемъ итогѣ за одинъ лишь мѣсяцъ борьбы страна перенесла болѣе, чѣмъ за цѣлые годы до того: не будетъ преувеличеніемъ сказать, что январская стачечная волна увлекла за собой около 600,000 человѣкъ!

Эта исполинская волна произвела такое сотрясеніе въ общественной атмосферѣ, которое еще долгое время передавалось въ разныя стороны, проникало въ самые глухіе, „медвѣжьи“ уголки и будило даже наиболѣе косные и темные элементы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нѣдръ народнаго моря, взболамученнаго первоначальнымъ *рабочимъ* движеніемъ, поднимается (въ февралѣ и мартѣ) другая грозная волна—*аграрное движеніе*, давая себя чувствовать на Кавказѣ, въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ и черноземной полосѣ.

Соціалъ-демократіи выпала задача на этомъ расширившемся теперь полѣ борьбы углубить сознаніе пробудившихся рабочихъ массъ, сформулировать ихъ требованія, съорганизовать ихъ, насколько возможно, и наконецъ—поднять ихъ до усвоенія политическихъ лозунговъ, дабы подготовить новое, болѣе мощное выступленіе пролетаріата. Этотъ *второй*, очень продолжительный *періодъ* заканчивается всеобщей политической стачкой въ октябрѣ мѣсяцѣ, вырвавшей у правительства манифестъ 17 октября, т. е. заставившей самодержавіе пойти на капитуляцію.

Онъ, этотъ второй періодъ, важенъ тѣмъ, что именно теперь движеніе распространяется даже на отсталыя области, каковы центральный районъ, Уралъ—и потомъ на югѣ Россіи, который какъ будто бы ослабѣлъ послѣ грандіозныхъ вспышекъ 1903 г.

Въ Одессѣ 9-ое января застало рабочихъ совершенно не расположенными къ массовому выступленію, сообщаетъ корреспондентъ „Искры“ (№ 89). „Призывы комитета партіи, бундовской организаціи и с.-р-овъ къ немедленной всеобщей стачкѣ не встрѣтили отклика“. Но уже къ половинѣ февраля настроеніе совершенно измѣнилось: „всѣ ждутъ сигнала, чтобъ стать“, и дѣйствительно, стачка не заставляетъ себя долго ждать.

Изъ Екатеринослава отъ 2-го марта сообщается, что теперь на стачки прямо эпидемія: не успѣетъ затихнуть въ одномъ мѣстѣ,

какъ загорится въ другомъ. Главное движеніе раскинулось по окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ, заставляя власти постоянно направлять роты солдатъ то туда, то сюда. Хотя эти стачки въ большинствѣ носятъ характеръ чисто экономическій, такъ какъ онѣ вспыхиваютъ стихійно, тѣмъ не менѣе онѣ вносятъ въ жизнь такую струю, которая выбиваетъ изъ обычной колеи почти все населеніе, заставляя самыхъ инертныхъ обывателей втянуться въ сферу политическихъ интересовъ (№ 94). Въ теченіе весны почти весь югъ Россіи, насчитывающій однихъ *горнозаводскихъ* рабочихъ до 150,000 человѣкъ, кромѣ фабричныхъ, ремесленныхъ, строительныхъ, портовыхъ и др., перебывалъ въ забастовкахъ. Въ Юзовкѣ, послѣ частичной январской стачки, 22 февр. сталъ весь заводъ — болѣе 10,000 челов., потомъ забастовали рабочіе угольныхъ шахтъ, типографіи и ремесленныя заведенія; на Петровскомъ заводѣ стачка длилась 15 дней. Бастовали Дружковскій, Никополь-Маріупольскій, Краматорскій, Константиновскій, Брянскій, Русско-Бельгійскаго О-ва, заводы въ Николаевѣ, Бердянскѣ, Ростовѣ-на-Д., г. Александровскѣ (Екатеринославской г.) — „скопомъ“, цѣлый рядъ копей и шахтъ во главѣ съ Макѣевскими рудниками (15,000 рабоч.) и проч., и проч. Нѣтъ промышленнаго заведенія, жалуются горнопромышленники въ своихъ „запискахъ“, надъ которымъ не висѣла бы угроза забастовки. Въ своемъ совѣщаніи 21 февраля южные горнопромышленники констатировали, что причиной рабочихъ безпорядковъ является не экономическое положеніе рабочихъ, а вліяніе безпорядковъ въ другихъ районахъ и политическая агитація [1]), но совершенно напрасно они стараются выгородить себя: рабочіе такъ же мало имѣли основаній быть довольными гнетомъ южно-русскаго капитализма, какъ и самодержавіемъ. Не говоря уже о другихъ источникахъ, въ самомъ же органѣ южныхъ горнопромышленниковъ — „Горно-заводскомъ Листкѣ“ — приведены данныя, относящіяся къ большому количеству предпріятій и содержащія экономическія требованія стачечниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій состоятъ изъ десятковъ пунктовъ; на каждомъ заводѣ или шахтѣ имѣются, конечно, и свои особенныя нужды, въ главныхъ же частяхъ требованія соотвѣтствуютъ программѣ-минимумъ соц.-дем. рабочей партіи. Что касается „политики“, то она проводилась на митингахъ и демонстраціяхъ, которыми сопровождались стачки и въ которыхъ „долой

[1]) Горнозаводскій Листокъ, № 9, за 1905 г.

самодержавіе“ перемѣшивалось съ требованіемъ учредительнаго собранія, всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и т. д.

Перейдемъ теперь ко внутренней Россіи. Въ Орѣховѣ-Зуевѣ, гдѣ сосредоточено до 30,000 рабочихъ, еще въ январѣ была сдѣлана попытка забастовки, но дѣло разстроилось подъ давленіемъ репрессій. 8—10 февраля на фабрикахъ Саввы и Викулы Морозовыхъ были выработаны и предъявлены старостами и депутатами рабочихъ требованія изъ 25 и 24 пунктовъ—на которые, за исключеніемъ 2, былъ данъ отвѣтъ отрицательный. 14 февраля дружно, какъ никогда раньше, началась забастовка: сталъ весь поселокъ. Рабочіе собирались огромными толпами, обсуждали свои требованія; послѣднія носили узко-экономическій характеръ и рабочіе въ большинствѣ не хотѣли выходить изъ рамокъ профессіональной борьбы. Но попытки властей и полиціи сломить „дерзкое“ упорство рабочихъ своимъ вмѣшательствомъ открыли дорогу политической агитаціи: на собраніяхъ выносились политическія резолюціи, стали устраиваться демонстраціи и т. д. Въ февралѣ же ожидалась стачка въ Иваново-Вознесенскѣ — русскомъ Манчестерѣ—гдѣ не было ея съ 1898 г.; потомъ ждали на Пасху, наконецъ она разразилась лѣтомъ. По своимъ размѣрамъ, продолжительности и характеру эта стачка являлась чѣмъ-то совершенно необычнымъ для центральнаго района и приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе. Иваново-Вознесенскіе рабочіе были героями дня. Стачка началась 12 мая, 14-го—не работало уже 40,000 чел, а 16-го около 60,000 чел., въ томъ числѣ болѣе 30 тысячъ фабричныхъ, потомъ сапожники, портные, кузнецы, булочники, модистки и даже огородники. ...„Масса бросала работу добровольно, въ сознаніи необходимости поддержать общіе интересы“, сообщаетъ „Русское Слово“. 17-го присоединилась домашняя прислуга. Съ 18-го мая прекратились работы повсемѣстно и въ г. Шуѣ — не только на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, но въ овчино-шубныхъ и друг. мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ, а также въ магазинахъ. Порядокъ соблюдался образцовый, винныя лавки и трактиры съ продажей спиртныхъ напитковъ, по распоряженію руководителей стачекъ, были закрыты, и вотъ начинается пора собраній и митинговъ. Въ Иваново-Вознесенкѣ собирались на площади, а потомъ за городомъ на р. Талкѣ—тысячами и десятками тысячъ, обсуждая всѣ стоящіе на очереди вопросы дня — экономическіе, соціальные и политическіе; возбужденіе было громадно, и ораторы „лѣзли, какъ грибы“...

Избранными отъ каждой фабрики депутатами въ количествѣ 150 человѣкъ было предъявлено хозяевамъ 31 требованіе отъ имени всѣхъ иваново-вознесенскихъ рабочихъ; къ этому общему списку на каждой фабрикѣ добавлялись свои особенные пункты. Въ числѣ требованій мы находимъ: 8 часов. рабочій день, уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, урегулированіе женскаго и дѣтскаго труда, выдача платы за время болѣзни, минимумъ заработка въ 20 р. для мужч. и женщ. въ мѣсяцъ и т. д. Фабриканты проявили крайнюю враждебность и полное нежеланіе пойти на встрѣчу рабочимъ: они даже обращались къ властямъ, чтобы оказать давленіе на отдѣльныхъ хозяевъ, соглашающихся пойти на уступки! За нестоющими вниманія исключеніями на всѣ пункты былъ полученъ отрицательный отвѣтъ или: „не подлежитъ нашему обсужденію“. Характерно, что сюда попалъ и § 22—объ уничтоженіи фабричной полиціи и тюремъ при фабрикахъ, хотя эти кутузки и полиція заводились по просьбамъ и отчасти на средства самихъ фабрикантовъ, такъ что компетентность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Что касается политическихъ требованій, то они были отдѣлены отъ экономическихъ и направлены къ министру вн. дѣлъ. Въ присутствіи 40,000 толпы обсуждались вопросы объ учредительномъ собраніи, всеобщемъ избирательномъ правѣ и т. д., и вся она, какъ одинъ человѣкъ, въ присутствіи губернатора подняла руки въ знакъ согласія съ указанными требованіями.

Изъ бесѣдъ съ рабочими, пишетъ корреспондентъ „Русскаго Слова“, я убѣдился, что такъ или иначе руководителямъ движенія удалось добиться болѣе или менѣе сознательнаго отношенія сѣрой массы почти ко всѣмъ требованіямъ общаго списка. Отъ минимума этихъ требованій рабочіе дѣйствительно не отстанутъ теперь даже и въ томъ случаѣ, если бы они остались безъ руководителей... „Составители общихъ требованій смѣло могутъ сказать, что ихъ программа—отнынѣ программа всего рабочаго населенія въ Ивановѣ-Вознесенскѣ“.

Съ небольшимъ перерывомъ стачка продолжалась съ необыкновеннымъ упорствомъ—около $2^1/_2$ мѣсяцевъ.

3-го іюля начинается общая стачка въ Костромѣ(15,000 раб.), захватившая и фабрику Кашиныхъ (около 6 тыс. раб.), гдѣ за все время ея существованія не бывало такого происшествія. По цехамъ были избраны депутаты, которые въ количествѣ 108 чел. руководили движеніемъ. Хозяева согласились собраться вмѣстѣ съ депутатами и дать отвѣтъ на требованія рабочихъ. На общемъ

собраніи костромскіе фабриканты съ удивленіемъ смотрѣли, какъ рабочіе, которыхъ они не отличали отъ рабочаго скота, съ достоинствомъ отвѣчали на всѣ ихъ возраженія и давали отпоръ на всѣ попытки обморочить рабочихъ, убѣдить, что требованія ихъ безразсудны и вредны для нихъ же самихъ. На второмъ собраніи рабочіе демонстративно удалились послѣ того, какъ предсѣдатель фабрикантовъ оскорбилъ ихъ представителя. Тогда ужъ фабриканты, минуя депутатовъ, обратились ко всѣмъ рабочимъ съ пространной прокламаціей, въ которой убѣждали ихъ, что требованія чрезмѣрны, даже безразсудны. Съ своей стороны они сбавили часъ рабочаго времени (раньше $11^1/_2$) и сдѣлали незначительную прибавку. Рабочіе рѣшили продолжать забастовку. Почти ежедневно устраивались общія стачечныя собранія — по 5, 8 и болѣе тысячъ челов. Вначалѣ, когда требованія еще только вырабатывались, „экономика“ господствовала всецѣло и малѣйшее слово „политики“ вызывало движеніе въ толпѣ. Но стачка затягивалась и борьба разгоралась. Кашинъ угрожалъ выгнать рабочихъ изъ квартиръ, лишить воды и дровъ, наѣхали казаки, полиція и администрація, пустили въ ходъ насиліе, угрозы и обманъ — и революціонное настроеніе рабочихъ разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Послѣдніе дни массы съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушали на р. Костромкѣ рѣчи ярко-политическаго характера. Соціалъ-демократія работала во-всю. Продержавшись болѣе трехъ недѣль, рабочіе стали на работу, заявивъ фабрикантамъ: „мы беремъ то, чего добились у васъ, но отъ своихъ требованій не отказываемся: мы будемъ готовиться къ новой, болѣе упорной борьбѣ“ [1]).

На Уралѣ рабочій вопросъ осложнялся издавна неурегулированностью поземельныхъ отношеній. Нельзя сказать, чтобы стачки и волненія были здѣсь и раньше рѣдкостью, но никогда, конечно, борьба не достигала такой интенсивности и соціалъ-демократическая пропаганда не получала такого широкаго распространенія, какъ въ 1905 г. На Лысьвенскомъ и Алапаевскомъ заводахъ стачки продолжались по 3 недѣли.

Революціонная волна перекинулась и дальше на востокъ. Сибирскіе с.-д. комитеты нѣсколько мѣсяцевъ вели агитацію за массовую политическую забастовку, имѣя въ виду остановить движеніе по желѣзной дорогѣ и этимъ заставить правительство

[1]) Пролетарій, №№ 14 и 22, за 1905 г.

прекратить войну. Въ концѣ іюля забастовали желѣзнодорожныя мастерскія въ Читѣ; за нею въ августѣ поднялись Иркутскъ, Красноярскъ, Тайга, Омскъ, Петропавловскъ, Челябинскъ, ст. Оловянная, Инокентьевская, Елань, Зима, Хилка, Борзя. Движеніе поѣздовъ на этотъ разъ нигдѣ не было остановлено, и самая стачка носила характеръ по преимуществу экономическій; но это, конечно, нисколько не умаляетъ ея крупнаго значенія для молодого рабочаго движенія въ Сибири. „Эта стачка, распространившаяся на протяженіи почти 4 тысячъ верстъ,—писали читинскіе рабочіе,—въ первый разъ показала намъ нашу силу, связала насъ всѣхъ воедино". На митингахъ же и собраніяхъ, которые сопровождали стачку, выносились и политическія резолюціи—о прекращеніи войны, созывѣ учр. собр. вмѣсто Булыгинск. Думы и т. д.

Но, овладѣвая новыми позиціями, движеніе не ослабѣвало и на прежде занятыхъ. Въ Петербургѣ отдѣльныя и групповыя стачки продолжались, смѣняя одна другую, въ февралѣ, весною и лѣтомъ, а въ память полугодовщины январскихъ событій 9 іюля бросило работу на 1 день около 100.000. Въ Нижнемъ-Новгородѣ 9-ое іюля ознаменовалось точно также политической забастовкой съ мирными митингами. Магазины заперты, типографіи, булочныя, мелкія мастерскія не работаютъ. Заводы въ городѣ и Канавинѣ стоятъ; то же самое и въ Сормовѣ.

Что касается Польши, то правительственное сообщеніе отъ 9 августа отмѣчаетъ само успѣшность той агитаціи, которую вели Бундъ, соц.-демократія Литвы и Польши и P. P. S. съ цѣлью вызвать всеобщую забастовку въ крупныхъ центрахъ, въ родѣ Варшавы, Лодзи, Сосновицы и др. Въ Варшавѣ „частичная забастовка почти не прекращалась" въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, постепенно захватывая все большее число фабричныхъ заведеній и въ уѣздѣ и распространяясь на разные виды промышленной и торговой дѣятельности... Одновременно съ забастовками на фабрикахъ стачка среди сапожниковъ, пекарей, приказчиковъ, каменщиковъ, парикмахерскихъ рабочихъ поддерживалась постоянными кровавыми столкновеніями, создавая въ городѣ крайне тревожное настроеніе. Въ Прибалтійскомъ краѣ—Ригѣ, Либавѣ, Митавѣ и Виндавѣ уже вскорѣ послѣ январской политической стачки начинается экономическая: въ концѣ февраля въ ней принимаетъ участіе не менѣе 55.000 ч. И весною, и лѣтомъ стачки вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ.

18-го апрѣля (1-ое мая по нов. ст.) въ Варшавѣ закрыты магазины, рестораны, кондитерскія, движеніе трамваевъ и извозчиковъ пріостановлено; газеты не вышли. Въ демонстраціи съ красными флагами принимало участіе до 10.000 ч. Въ Лодзи 18-го апр. всѣ фабрики, заводы, магазины и лавки закрыты, трамваи не ходили; были демонстраціи. Въ Ригѣ, Либавѣ работы возобновились лишь 20-го апр. Въ этихъ двухъ городахъ забастовка была и 2-го мая, такъ какъ 1-ое мая приходилось въ воскресенье, почему во внутренней Россіи оно ознаменовалось лишь собраніями и сходками.

Въ половинѣ іюня бастовалъ весь Домбровскій горнозаводск. районъ. 30-го іюля въ Бѣлостокѣ произошло кровавое столкновеніе демонстрантовъ съ войсками, и въ цѣляхъ выраженія сочувствія пострадавшимъ варшавскія революціонныя организаціи въ цѣломъ рядѣ прокламацій приглашали рабочихъ устроить 5 авг. всеобщую стачку и демонстраціи. Дѣйствительно, въ назначенный день работы всюду были прекращены, даже — въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. 9-го авг. снова почти всѣ фабрики, заводы и мастерскія Варшавы и ея окрестностей прекратили работы.

Не довольствуясь достигнутымъ успѣхомъ, говоритъ правительств. сообщеніе, революціонн. организаціи насильственно побудили частные банки прекратить свою дѣятельность, закрыли казенн. винный складъ, во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ пріостанавливали торговлю и совершенно прекратили движеніе на трехъ желѣзн. дорогахъ...

Всеобщая стачка была въ Либавѣ 2-го іюня, а съ 15 іюля вновь начинается въ Ригѣ, постепенно распространяясь на всѣ фабрики, заводы, портовыя сооруженія и корабельныхъ рабочихъ, на ремесленныя и торговыя заведенія. На заводахъ развѣваются красныя и черныя знамена, и въ теченіе недѣли на улицѣ передъ завод. „Фениксъ“ происходили многотысячн. митинги на политическ. темы. Послѣ ряда почти ежедневныхъ демонстрацій 26-го іюля онѣ происходили почти цѣлый день въ различныхъ пунктахъ города. 26-го же была объявлена долго подготовляемая Латышской с.-д. рабочей партіей всеобщая стачка сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Курляндіи [1]). Экономическое движеніе носило вмѣстѣ

[1]) Въ воззваніи, которое было выпущено въ апрѣлѣ къ сельскохоз. рабочимъ центральн. к-мъ латышск. с.-д. р. партіи были выставлены слѣдующія требованія: 1) вознагражденіе семейнаго батрака, живущаго на собственныхъ харчахъ, не должно быть менѣе 300 р. въ годъ; 2) рабочій день между 24 апр. и 29 сент. ограничивается 10 ч., а въ остальное время года оно не должно превышать 8 ч.; 3) установленіе праздничнаго отдыха; 4) упорядоченіе квартиръ и безплатная врачебная помощь, и др.

съ тѣмъ характеръ и политическаго выступленія. Земледѣльческіе рабочіе повсемѣстно бросали работу и слѣдовали за вооруженными отрядами въ другія экономіи. У волостныхъ правленій отряды обыкновенно останавливались, срывали государств. гербъ и предавали его уничтоженію вмѣстѣ съ царскимъ портретомъ и рекрутскими списками. Уничтоженію предавались также казенныя винныя лавки, причемъ строжайше воспрещалось пить водку или брать съ собой хотя бы одну бутылку. Въ пасторатахъ уничтожались церковные архивы...

Особенностью этого момента является то, что теперь въ движеніи принимали участіе ремесленники, служащіе въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, строительные рабочіе, желѣзнодорожный персоналъ т. е. тѣ именно слои, которыхъ не было замѣтно еще такъ недавно. Становясь общепролетарскимъ, движеніе принимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всероссійскій характеръ; подъ руководствомъ соц.-демократіи оно отливается въ формы классовой борьбы [1]).

Немало сдѣлано было завоеваній за этотъ промежутокъ времени въ дѣлѣ улучшенія положенія рабочаго класса,—на заводахъ Морского М-ва и казенныхъ желѣзн. дорогахъ введенъ 9-часов. раб. день, служащіе въ торгово-промышл. заведеніяхъ добились урегулированія рабоч. времени и воскреснаго отдыха, вмѣсто 12-часов. смѣнъ на сахарн. заводахъ стали практиковаться 3 смѣны по 8 час., уничтожались обыски, повышалась заработная плата, вмѣсто 11—11½ -час. рабочаго дня вводился 10 - часов. и т. д., и т. д.

Но не въ жалкихъ поправкахъ и починкахъ, а въ коренномъ обновленіи нуждалась рабочая жизнь, да и самыя эти завоеванія, достигнутыя небольшою частью всей массы, казались висящими въ воздухѣ. Движеніе развивалось, и логика его неудержимо толкала массы впередъ. Прежде чѣмъ воздвигать новый фундаментъ, нужно было снести старый.

Всеобщая политическая забастовка въ октябрѣ мѣсяцѣ и была тѣмъ штурмомъ цитадели самодержавія, который завѣщанъ былъ январск. выступленіемъ петербургскихъ рабочихъ.

---

[1]) Вопросъ объединенія національныхъ соц.-демократическихъ организацій, который казался еще недавно столь далекимъ отъ разрѣшенія, сталъ назрѣвать съ этого времени самъ собой. На IV уже съѣздѣ весною 1906 г. Бундъ, латышская с.-д. рабочая партія и соц.-демократія Польши и Литвы вошли въ составъ Р. С. Д. Р. Партіи, т. е. послѣдняя не только по своимъ стремленіямъ, но и по своей организаціи становится дѣйствительно *всероссійской*.

На этотъ разъ пробудилась и Москва, которая слабо реагировала на 9 янв., не отозвалась совсѣмъ на празднованіе полугодовщины этого событія и не поддержала стачки въ Иваново-Вознесенскѣ; *впервые* теперь она занимаетъ подобающее ея значенію мѣсто. 23—24 сентября начинается общая забастовка типографскихъ рабочихъ: не вышли всѣ газеты, не исключая Московск. Вѣдомостей; стали электр. конки, табачныя фабрики, булочныя. Главный тонъ задавали типографщики, движеніемъ которыхъ руководилъ совѣтъ депутатовъ, выбранныхъ отъ всѣхъ типографій. Требованія были выставлены чисто-экономическія, политическія же хотя не встрѣчали протестовъ, но принимались холоднѣе. Затѣмъ пошли митинги, уличныя столкновенія съ полиціей и войсками. Настроеніе быстро измѣняется. „Пока еще это не пожаръ,—испуганно сообщаетъ о московск. событіяхъ „Новое Время“,—но уже несомнѣнный поджогъ“, „пока это еще не революція,... но ужо прологъ къ революціи“... Сердце Россіи, колыбель зубатовщины, оплотъ реакціи, благочестія и всѣхъ „чисто-русскихъ“ основъ—и вдругъ такой ударъ!..

Въ знакъ своей солидарности съ московск. товарищами петербургскіе типографщики провозгласили 3-хъ-дневную забастовку; едва успѣла она кончиться, какъ началась 8—10 октября стачка на желѣзныхъ дорогахъ. 12-го окт. первый делегатскій съѣздъ объявилъ всероссійскую желѣзнодорожную забастовку; по телеграфу разсылались общіе лозунги ея: 8-часов. рабочій день, гражданскія свободы, амнистія и учредительное собраніе. Движеніе поѣздовъ прекратилось по всѣмъ направленіямъ въ московскомъ и петербургскомъ узлахъ; внутренняя Россія и окраины не отставали. Н-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Калуга, Вязьма, Кіевъ, Полтава, Симферополь, Воронежъ, Курскъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ; варшавскій узелъ въ Царствѣ Польск., Рига, Виндава въ Прибалт. краѣ, Гельсингфорсъ въ Финляндіи со всею сѣтью, Кавказъ (владикавказск. и закавказ. ж. д.), Средн. Азія (Асхабадъ), Сибирь (Челябинскъ, Томскъ, Красноярскъ)—оказались отрѣзанными и разобщенными. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, колоссальная сѣть путей сообщенія перестала функціонировать, и весь народнохозяйственный организмъ страны разстроился и ослабѣлъ, какъ пораженный параличемъ. Во всеобщую стачку въ Москвѣ были втянуты съ 10 по 17 окт. большинство фабрикъ и заводовъ (вплоть до Циндалевск. и Даниловск. мануфактуръ), аптеки, почтамтъ, винные склады, телеграфы и

телефоны, конки, водопроводъ, бойня, газов. заводъ, городскіе и земскіе служащіе, приказчики, адвокаты, наконецъ, даже контора государств. банка, всѣ кредитныя и ссудныя учрежденія Въ Петербургѣ 11-го забастовали Обуховскій, Семянниковск. и Александровск. заводы, 12-го императорск. стекляни. и фарфоровый и цѣлый рядъ другихъ, а 13 окт работы прекратились почти на всѣхъ безъ исключенія фабрикахъ и заводахъ; не ходили конки, закрывались большіе магазины. Адвокаты, служащіе въ банкахъ и конторахъ, кандидаты и писцы окружн. суда постановили также присоединиться къ политической забастовкѣ. Какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ всѣ учебныя заведенія отъ низшихъ до высшихъ прекратили занятія; не функціонировало адмиралтейство, и делегаты являлись даже въ сенатъ.

Всеобщая политическая забастовка распространилась 12-го на Саратовъ, 13-го на Харьковъ, Екатеринославъ, 14-го вспыхнула въ Тифлисѣ, 17-го въ Гельсингфорсѣ, 18-го въ Казани.

Крестьянское движеніе находилось тѣмъ временемъ въ періодѣ затишья, и пролетаріатъ одинъ, поддержанный городской демократіей, нанесъ самодержавію первый рѣшительный ударъ.

Этимъ заканчивается *второй* періодъ въ развитіи событій 1905 г., и цифра въ *2 милліона* не покажется намъ чрезмѣрной для опредѣленія количества лицъ, принимавшихъ участіе въ стачечномъ движеніи за это время [1]).

Отнынѣ рабочій вопросъ въ Россіи утрачиваетъ послѣдніе остатки своей „самобытности“ и отливается въ тѣ же самыя формы, въ какихъ извѣстенъ онъ на Западѣ, а наше рабочее движеніе присоединяется—не внѣшнимъ только образомъ, но уже по существу—къ международному движенію пролетаріата, являясь его составной и равноправной частью.

Въ первомъ періодѣ не только правительство, но и общественное мнѣніе единодушно сходились въ томъ, что у насъ нѣтъ, да и не можетъ быть *рабочаго вопроса*... За второй періодъ эта мысль уже превращается въ предразсудокъ и общественное сознаніе мало-по-малу освобождается отъ него, но въ правительственныхъ кругахъ ее повторяютъ по прежнему, какъ истину. ...„Существованіе особаго рабочаго вопроса, какое (!) это понятіе имѣетъ на Западѣ, у насъ является еще далеко *не-доказаннымъ*“,—такъ разсуждали наканунѣ революціи министры и

---

[1]) Сельскохозяйственные рабочіе не входятъ въ этотъ подсчетъ.

старцы государственнаго совѣта при разсмотрѣніи закона 1903 г. о фабричныхъ старостахъ. Какъ видно изъ этого не совсѣмъ грамотнаго предложенія, сомнѣніе закрадывалось уже и къ нимъ въ душу, но только имъ было *мало* доказательствъ!.. Какъ истинные бюрократы, они были скептики, и имъ были нужны аргументы, такъ сказать, осязательнаго свойства. 1905 г. явился этимъ доказательствомъ, и, опрокинувъ старый государственный строй, рабочій классъ заставилъ признать себя всѣхъ тѣхъ, кто еще сомнѣвался или не хотѣлъ вѣрить.

Рабочій вопросъ вступаетъ въ третью стадію своего развитія, и хотя всего 2—3 года отдѣляютъ ее отъ предшествующаго періода, но между ними лежитъ уже цѣлая пропасть.

Опека бюрократіи надъ рабочимъ классомъ, ея „предупредительныя мѣры“ — все это теперь изжило себя и стало достояніемъ прошлаго. Разработка законодательныхъ мѣръ по охранѣ труда изъ министерскихъ канцелярій, гдѣ г.г. фабриканты вели закулисный торгъ съ бюрократіей, должна перейти уже (хотя все еще никакъ не можетъ!) въ руки народнаго представительства, при участіи самихъ рабочихъ.

Вступая въ высшую стадію развитія, рабочее движеніе вмѣстѣ съ тѣмъ дифференцируется, и руководство экономической борьбой отходитъ теперь изъ рукъ политическихъ организацій къ профессіональнымъ союзамъ, а самыя эти организаціи слагаются въ россійскую соціалъ-демократическую партію. Свобода стачекъ (хотя еще и очень жалкая), профессіональные союзы и самостоятельная политическая партія—вотъ первыя главныя завоеванія, которыя вынесъ пролетаріатъ изъ революціоннаго времени и которыя теперь уже невозможно устранить съ поля зрѣнія русской общественной жизни.

Великій критическій моментъ, моментъ перехода соціалъ-демократіи изъ тѣснаго и душнаго подполья на широкую арену открытой борьбы—совершился, и хотя еще много работы и много опасностей предстоитъ на дальнѣйшемъ пути, но главная опасность миновала: соціалъ-демократія, вопреки всѣмъ усиліямъ ея враговъ изолировать ее отъ широкихъ рабочихъ массъ, пустила въ нихъ глубокіе корни и является ихъ признаннымъ вождемъ. Учреждаются ли совѣты рабочихъ депутатовъ или совѣты безработныхъ, происходятъ ли выборы въ государственную думу или основываются профессіональные союзы—вездѣ на долю соціалъ-демократіи выпадаетъ руководящая роль. Ея духовное вліяніе на

рабочій классъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и главнѣйшая задача настоящаго времени—закрѣпить это вліяніе созданіемъ соотвѣтствующихъ организацій, въ которыхъ концентрировалась бы воля и мысль многомилліоннаго рабочаго класса...

Но исторія русской соціалъ-демократіи стоитъ за предѣлами нашего изслѣдованія, и потому мы возвратимся теперь къ разсмотрѣнію профессіональнаго движенія.

ГЛАВА II.

Профессіональные союзы появляются у насъ лишь со времени революціи, ибо самодержавіе по принципу не допускало массовыхъ организацій рабочаго класса...

Но на порогѣ новаго времени мы встрѣчаемъ характерную попытку примирить „непримиримое“, которую жизнь окрестила именемъ зубатовщины или полицейскаго соціализма.

Какъ мы уже видѣли, предоставивъ капиталистамъ свободу дѣйствій въ области договора о наймѣ, правительство пыталось сначала справиться съ рабочимъ движеніемъ исключительно мѣрами репрессіи. Профессіональное движеніе, дѣйствительно, было задушено, но стачечное—не только не прекратилось, но разгоралось все сильнѣе. Тогда наступила эра такъ называемаго фабричнаго законодательства. Путемъ нѣкотораго ограниченія произвола хозяевъ-предпринимателей пытались предотвратить, сдѣлать ненужными самыя стачки и вѣрою въ попеченіе начальства замѣнить самодѣятельность рабочихъ; для непокорныхъ же усилены были уголовныя и полицейскія преслѣдованія... Но тщетно! Стачки распространяются съ невиданной до сихъ поръ силой, и вмѣстѣ съ тѣмъ политическія идеи проникаютъ въ массы рабочихъ, придавая движенію характеръ „противоправительственно-революціоный“. И вотъ рождается новая попытка спасти разлагающійся старый порядокъ.

Явилась мысль *„организовать внѣ закона рабочіе союзы и войти въ нихъ черезъ особыхъ довѣренныхъ агентовъ и руководителей рабочихъ по указанію полицейскихъ властей“*. (Журн. комит. министр. отъ 28—31 января 1905 г.).

Начальнику охраннаго отдѣленія въ Москвѣ выпала на долю роль вдохновителя и проводника этихъ новыхъ, если такъ можно выразиться, идеей. Зубатовъ находилъ себѣ сторонниковъ не

только въ полицейскихъ агентахъ, но и среди не вполнѣ еще сознательныхъ рабочихъ, которымъ онъ внушалъ мысль, что рабочій классъ можетъ улучшить свое положеніе въ союзѣ съ самодержавіемъ противъ буржуазіи. Ведя длинные разговоры съ нѣкоторыми политическими заключенными, онъ увѣрялъ ихъ въ своей преданности рабочему дѣлу, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что борьба за политическую свободу есть лишь выраженіе стремленій буржуазной интеллигенціи и вредитъ интересамъ рабочихъ; что правительство склонно дать рабочимъ свободу союзовъ и стачекъ и покровительствовать ихъ борьбѣ съ хозяевами, но его останавливаетъ политическая агитація соціалъ-демократовъ.

Первый опытъ былъ сдѣланъ въ районѣ еврейскаго рабочаго движенія, въ Минскѣ, гдѣ уже и до того часть приказчиковъ подпала подъ вліяніе ставленника Зубатова—жандармскаго полковника Васильева. Здѣсь въ 1901 г. была основана такъ называемая „еврейская независимая рабочая партія“, ставившая себѣ задачу содѣйствовать экономической борьбѣ рабочихъ, рѣшительно отказываясь отъ всякой примѣси политики и рѣзко протестуя противъ Бунда.

Въ этомъ же году основано было общество взаимопомощи механическихъ рабочихъ въ Москвѣ, главари котораго дѣйствовали подъ руководствомъ охраннаго отдѣленія. На собраніяхъ общества рабочимъ твердили о царскомъ покровительствѣ, о необходимости ограничиться борьбой экономической; тутъ же громили соціалъ-демократію, какъ партію буржуазную, приводя выдержки изъ „Искры“. Духовенство служило молебны, устраивало совмѣстныя пѣнія молитвъ; московскій епископъ благословлялъ собравшихся, а учителя читали курсы русской исторіи въ патріотическомъ духѣ. Сдѣлана была даже попытка привлечь профессоровъ для научнаго обоснованія новаго „курса“, и выдавались казенныя пособія для пріобрѣтенія музыкальныхъ инструментовъ. Въ Москвѣ же было основано общество взаимопомощи ткачей, а затѣмъ подобныя общества открываются въ Петербургѣ, Одессѣ и другихъ городахъ.

Высшей своей точки это направленіе достигло въ московской манифестаціи, организованной полицейскими властями у памятника Александра II 19 февраля 1902 г.

Здѣсь рабочій Слѣповъ, одинъ изъ видныхъ зубатовцевъ и сотрудникъ „Московск. Вѣдомостей“, произнесъ рѣчь, въ которой раскрывалъ широкія перспективы для рабочихъ, если они оста-

нутся вѣрными самодержавію; правительство, говорилъ онъ, обѣщаетъ вамъ 8-ми-часовой рабочій день, а потомъ оно возьметъ впослѣдствіи въ свои руки всѣ фабрики и отдастъ ихъ вамъ; для этого не нужно конституціи, наоборотъ, только царское правительство можетъ сдѣлать это, конституція же нужна интеллигенціи, а не вамъ...

Зубатовъ вскорѣ послѣ этого былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при Плеве, чтобы придать новой дѣятельности болѣе общій характеръ.

Предприниматели, конечно, заволновались по поводу того, что администрація поддерживаетъ требованія рабочихъ [1]). Послѣ того, какъ жалобы отдѣльныхъ капиталистовъ не имѣли успѣха, Московская биржа послала Витте заявленіе, въ которомъ говорится что фабриканты принуждены будутъ закрыть фабрики, если дѣло не измѣнится; они де просятъ избавить ихъ отъ полицейской опеки и отъ цѣлой массы шпіоновъ и провокаторовъ, которымъ они должны платить громадное жалованье и которые только мѣшаютъ работать.

Съ другой стороны, попытки организовать рабочихъ, устраивать, при попустительствѣ полиціи, экономическія стачки сообщали толчекъ движенію рабочихъ, которое затѣмъ далеко перерастало поставленные ему предѣлы и цѣли. Это съ особенной ясностью сказалось на одесскихъ событіяхъ въ іюлѣ 1903 г. Здѣсь видную роль въ подготовѣ стачки играли организованные агентами Зубатова „независимцы“. Ихъ глава „Шаевичъ“ нѣсколько разъ выступалъ даже съ рѣчами. Но лишь только стачка приняла характеръ всеобщей забастовки, она вышла изъ рамокъ маленькихъ, узкихъ требованій и приняла видъ стихійнаго протеста противъ всего политическаго и экономическаго гнета. Тутъ ужъ организаторамъ „независимцевъ“ пришлось стушеваться и сойти со сцены...

Говорятъ, на одно громадное собраніе рабочихъ явился Шаевичъ и обратился къ нимъ: „Чего вы хотите? Головою объ стѣну или сверлить ее“?—тысячи рабочихъ единодушно закричали: „Головою объ стѣну!“

Послѣ всеобщей стачки на югѣ въ 1903 году Зубатовъ былъ уволенъ въ отставку, а Шаевичъ высланъ Плеве въ Вологодскую

---

[1]) Плану Зубатова покровительствовали и оберъ-полицм. Треповъ, и генералъ-губернаторъ въ Москвѣ.

губернію..., какъ не оправдавшіе возложенныхъ на нихъ надеждъ!..

15 февраля 1904 г. было утверждено въ Петербургѣ собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, которое имѣло цѣлью укрѣпленіе въ средѣ членовъ-рабочихъ русскаго національнаго самосознанія и развитіе въ нихъ разумныхъ взглядовъ на обязанности и права рабочихъ. Оно должно было отвлечь рабочихъ отъ „вліянія преступной пропаганды", но увы!—до такой степени разложенія дошелъ уже старый строй, что именно отсюда вышли его разрушители. Изъ этого общества вышли руководители и участники событій 9 января 1905 года, послужившихъ началомъ всероссійской революціи...

Послѣ этого правительство признало, что „случившееся несчастіе непоправимо. Но тѣмъ большее значеніе долженъ имѣть опытъ, полученный столь тяжкой цѣной, и послѣдствія его должны быть достаточны, чтобы навсегда покончить съ мыслью о возможности вмѣшательства полицейской власти въ сферу экономической жизни". (Журналъ комитета министровъ отъ 28—31 января 1905 г.).

Но потерпѣвъ неудачу съ попыткой взять въ свои руки рабочее движеніе, правительство не отказывалось однако *частнымъ образомъ* проводить свою политику, направленную исключительно къ тому, чтобы подорвать вліяніе соціалъ-демократіи въ рабочей средѣ. Такъ возникаютъ такъ наз. *независимыя* рабочія партіи... Эти якобы „независимые" рабочіе или „истинно-русскіе соціалисты" отличаются однако неизмѣнно тѣмъ, что обнаруживаютъ тѣсную *зависимость* и связь съ правительственными субсидіями! На возстановленіе дѣятельности закрытаго „общества фабрично-заводскихъ рабочихъ" гр. Витте было передано Гапону 30,000 р. Точно также Ушакову, основателю „независимо-соціальной рабочей партіи" и редактору парламентской „Рабочей Газеты" со стороны Витте оказывалась всяческая поддержка и выдано „изъ личныхъ средствъ графа" 5,000 р. въ виду „признанія его дѣятельности крайне полезной"... Вслѣдствіе ряда скандальныхъ разоблаченій и выросшаго самосознанія рабочихъ вліяніе гапоновцевъ и ушаковцевъ скоро однако, окончательно, свелось на нѣтъ, и отказавшись отъ мысли создать что-нибудь свое правительство принялось разрушать то, что создавалось другими; это направленіе нашей внутренней политики, которое можно озаглавить: гоненіе на профессіональные союзы, продолжается и до настоящаго времени...

Въ большинствѣ промышленныхъ городовъ Россіи начало профессіональнаго движенія относится къ знаменитымъ „днямъ свободы“ — октябрь—ноябрь 1905 г. Въ Москвѣ за короткое время этихъ двухъ мѣсяцевъ было основано 50—60 союзовъ. Въ Петербургѣ къ 6 ноября насчитывалось 14 профессіональныхъ организацій съ 20,000 членовъ, дѣлающихъ взносы; къ 1 января 1906 года въ Центральное бюро входятъ уже представители 24, а въ февралѣ — 40 организацій... За столицами двинулась и провинція,—сначала Харьковъ, гдѣ 12 союзовъ образовали центральное бюро, затѣмъ Нижній-Новгородъ, Одесса, Екатеринославъ, Кіевъ, Ростовъ на-Дону, Саратовъ, Самара, Казань, Томскъ, Воронежъ, Орелъ, Смоленскъ и многіе другіе. Достаточно было только устранить гнетъ бюрократіи — и всюду закипѣла жизнь; появилась инициатива, нашлись энергичные люди — свобода творила чудеса! Но недолго продолжалось это время. Реакція снова подняла голову, и правительственныя преслѣдованія обрушились даже на мирныя организаціи: собранія союзовъ запрещались, членовъ правленія арестовывали и высылали, во многихъ случаяхъ пострадало также и имущество союзовъ... Въ этой атмосферѣ родились и „временныя правила 4 марта 1906 г. объ обществахъ и союзахъ“. Достаточно бѣгло ознакомиться съ ними, чтобы убѣдиться въ ихъ стремленіи не столько содѣйствовать, сколько тормазить развитіе профессіональныхъ союзовъ.

Такъ открытіе и закрытіе союза предоставлено всецѣло усмотрѣнію административной власти, хотя даже Витте отстаивалъ исключительно судебную отвѣтственность; профессіональныя общества лишены права соединяться въ союзы и т. д.

Несмотря на ужасающія репрессіи, которымъ подвергаются союзы въ силу временныхъ правилъ 4 марта и произвола администраціи, профессіональное движеніе все же успѣло за два года пустить корни въ рабочей средѣ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ фабричной инспекціей, къ 1 іюля 1907 въ 59 губерніяхъ и областяхъ Россіи числилось 861 профессіональное общество; изъ нихъ дѣйствующими считались 643, отказано въ регистраціи 187 и закрытыхъ—31 [1]).

Эти союзы возникли въ 102 отрасляхъ промышленнаго производства, но распредѣляются они очень неравномѣрно и подавляющая часть ихъ сосредоточена въ небольшомъ числѣ профессій.

---

[1]) В. Святловскій. Профессіональное движеніе въ Россіи, 1907 г., 171 стр.

Изъ 861 профессіональнаго общества—181 основано *приказчиками*; затѣмъ идутъ *ремесленники*: портные (100 проф. общ.), типографщики, булочники и др.; сильное стремленіе къ организаціи замѣтно также среди *рабочихъ крупно-капиталистическаго производства*: по обработкѣ металловъ (92), по обработкѣ волокнистыхъ веществъ и др., за исключеніемъ горнорабочихъ, у которыхъ дѣло объединенія находится пока въ зародышевомъ состояніи.

Кромѣ этихъ зарегистрированныхъ союзовъ у насъ существуютъ еще и другіе—нелегальные. Въ то время какъ профессіональные дѣятели внутренней Россіи, при всей своей антипатіи къ правиламъ 4 марта 1906 г., рѣшили все же использовать ихъ, соціалъ-демократія, напр. Польши и Литвы отказались отъ подчиненія имъ, и ея партійные союзы [1]) остаются нелегализированными. Точно также профессіональные союзы еврейскихъ рабочихъ сѣверо-западнаго края первоначально отвергали регистрацію согласно закону 4 марта и только за послѣднее время дѣлаютъ попытки въ этомъ направленіи. Нужно думать, что и тѣ 218 (187+31) союзовъ, которые были закрыты или получили отказъ въ регистраціи, не прекратили своего существованія, а такъ или иначе продолжаютъ дѣйствовать. Такимъ образомъ общее число дѣйствующихъ профессіональныхъ обществъ значительно превышаетъ цыфру оффиціально зарегистрированныхъ (643) и вѣроятно перевалило за 1,000.

Что касается количества членовъ въ нихъ, то относящимся сюда даннымъ еще болѣе недостаетъ точности. Если считать только тѣхъ, кто дѣлаетъ правильные взносы, то, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ организаціонной комиссіей, Кругловъ въ № 8 „Профессіональнаго Вѣстника“ за 1907 г. опредѣляетъ ихъ число въ 123,000 ч.; если же считать всѣхъ, кто записался въ союзъ или сдѣлалъ вступительный взносъ, то эта цыфра возрастетъ въ 2—3 раза...

Прежде чѣмъ профессіональные союзы стали на Западѣ первенствующей формой пролетарскихъ экономическихъ организацій, рабочія массы должны были тамъ продѣлать много опытовъ въ видѣ производительныхъ ассоціацій, обществъ взаимопомощи, смѣшанныхъ союзовъ и т. п., переходя нерѣдко отъ пылкихъ увлеченій

[1]) Несмотря на тяжелыя полицейскія условія число членовъ ихъ увеличилось за періодъ времени апрѣль—ноябрь 1906 г. съ 10,000 д 35,000 ч. Профессіон. Вѣстникъ, № 1, за 1907 г.

къ тяжкимъ разочарованіямъ. У насъ въ Россіи самодержавіе не могло выносить не только какихъ-нибудь фаланстеровъ, но даже и невиннѣйшихъ потребительныхъ обществъ, но зато, когда оно было свергнуто—движеніе сразу отлилось въ наиболѣе цѣлесообразныя и совершенныя, въ предѣлахъ буржуазнаго строя, формы профессіональныхъ союзоаъ.

Эти союзы не стремятся ни къ насажденію „гармоніи“ между трудомъ и капиталомъ, ни къ созиданію ячеекъ, изъ которыхъ выросталъ бы новый соціальный строй будущаго,—нѣтъ, они имѣютъ въ виду лишь объединеніе рабочихъ той или иной профессіи для борьбы съ предпринимателями за свои экономическіе и правовые интересы.

Въ нашихъ союзахъ ясно виденъ ихъ строго пролетарскій характеръ: хозяевамъ тамъ нѣтъ мѣста. На этой почвѣ возникали иногда инциденты, особенно на первыхъ порахъ. Такъ, изъ протоколовъ 1-го собранія портныхъ, портнихъ и скорняковъ г. Петербурга мы узнаемъ, что хозяевамъ и посредникамъ предложено было удалиться (!), и собраніе единогласно рѣшаетъ эксплуататоровъ въ союзъ не принимать. Точно также въ союзъ извозчиковъ послѣ одного собранія записался было одинъ хозяинъ, но правленіе постановило его исключить.

Стремясь къ тому, чтобы поставить подъ свой контроль условія найма, союзы, конечно, мало разсчитываютъ на уступчивость предпринимателей; поэтому цѣли взаимопомощи отступаютъ въ нихъ на задній планъ и наиболѣе важное значеніе пріобрѣтаетъ стачечный фондъ. Такъ, напр., въ первомъ уставѣ союза по обработкѣ волокнистыхъ веществъ г. Петербурга говорилось, что въ стачечный фондъ идетъ 50% всѣхъ ежемѣсячныхъ и единовременныхъ поступленій, а остальныя средства поступаютъ въ фондъ текущихъ расходовъ (безработица, дорожные расходы, взаимопомощь, пропаганда, наемъ помѣщеній и др.). Кромѣ того, примѣчаніе оговариваетъ, что въ случаѣ стачки союзъ можетъ пользоваться и остальными, сверхъ 50%, фондами. Докладъ члена центральнаго московскаго бюро точно также отмѣчаетъ, что союзы съ первыхъ же шаговъ рѣзко подчеркивали свой боевой характеръ, вмѣшивались энергично въ экономическую борьбу, проводили забастовки, объявляли бойкотъ, устраивали стачечный фондъ, отчисляя въ него отъ 50 до 75% всѣхъ поступленій. Взаимопомощь во многихъ союзахъ отсутствуетъ совсѣмъ, въ другихъ—носитъ случайный или частичный характеръ (помощь безработнымъ, дорожныя пособія).

То же сообщалось и изъ другихъ мѣстъ. На второй общерусской конференціи, состоявшейся въ концѣ февраля 1906 г., была вынесена резолюція, что профессіональный союзъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ превращаться въ кассу взаимопомощи, а быть боевой организаціей для борьбы противъ капиталистовъ...

Что касается отношеній между профессіональными союзами и соціалъ-демократической партіей, то при оцѣнкѣ ихъ нужно имѣть въ виду, что послѣдняя принимала чрезвычайно дѣятельное участіе въ образованіи первыхъ союзовъ и почти совершенно вытѣснила буржуазные элементы. Партія помогала союзамъ организоваться и встать на ноги, союзы, въ свою очередь, оказывали услуги партіи. Вотъ почему у насъ нѣтъ, къ счастью, ни той вражды, какая существуетъ между соціалистической рабочей партіей и синдикатами во Франціи, ни той индифферентности, какая наблюдается въ Англіи; наше профессіональное движеніе болѣе всего подходитъ къ тому типу, какой установился въ Германіи, Бельгіи и Австріи...

На объединительномъ съѣздѣ р. с.-д. рабочей партіи, который происходилъ весною 1906 г. въ Стокгольмѣ, по отношенію къ данному вопросу была принята слѣдующая резолюція:

Принимая во вниманіе: 1) что профессіональное движеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ классовой борьбы, а профессіональные союзы—такимъ же элементомъ классовой организаціи пролетаріата; 2) что по существу преслѣдуемыхъ ими цѣлей профессіональные союзы должны стремиться къ организаціи самыхъ широкихъ пролетарскихъ массъ; 3) что въ частности среди россійскаго пролетаріата замѣчается широкое стремленіе къ профессіональнымъ организаціямъ; 4) что экономическая борьба можетъ привести къ прочному улучшенію положенія рабочихъ массъ и къ укрѣпленію ихъ истинно-классовой организаціи лишь при условіи правильнаго сочетанія ея съ политической борьбой пролетаріата; 5) что профессіональные союзы въ атмосферѣ революціонной эпохи, помимо защиты экономическихъ интересовъ рабочаго класса, втягиваютъ пролетаріатъ въ непосредственную политическую борьбу и содѣйствуютъ широкой организаціи и политическому объединенію рабочаго класса; 6) что въ этой же революціонной атмосферѣ рабочія массы, организуясь и политически объединяясь, все болѣе и болѣе становятся подъ знамя соціалъ-демократіи,— съѣздъ признаетъ: 1) что партія должна поддерживать стремленіе рабочихъ къ профессіональной организаціи и всѣми мѣрами содѣй-

ствовать образованію безпартійныхъ профессіональныхъ союзовъ; 2) что въ этихъ видахъ, пользуясь всѣми легальными возможностями и въ частности закономъ о профессіональн. союзахъ слѣдуетъ непрерывно расширять легальныя рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзовъ; 3) что въ союзы должны вступать всѣ члены партіи, принимая активное участіе во всей дѣятельности союза и постоянно укрѣпляя среди членовъ ихъ классовую солидарность и классовое сознаніе, чтобы органически въ борьбѣ и агитаціи связать союзы съ партіей.

Изъ общаго принципа *безпартійности* профессіональныхъ союзовъ было сдѣлано однако исключеніе для западнаго края, такъ соціалъ-демократіи Польши и Литвы и Бунду предоставлено право разрѣшать этотъ вопросъ самостоятельно, ибо здѣсь союзы носили партійный характеръ [1]).

На слѣдующемъ партійномъ съѣздѣ въ Лондонѣ были сдѣланы шаги въ сторону еще болѣе тѣснаго сближенія съ профессіональными организаціями. „Подтверждая резолюцію объединительнаго съѣзда о работѣ въ профессіональныхъ союзахъ, съѣздъ напоминаетъ партійнымъ организаціямъ и соціалъ-демократамъ, работающимъ въ профессіональныхъ союзахъ, объ одной изъ основныхъ задачъ соціалъ-демократической работы въ нихъ —содѣйствіе признанію профессіональными союзами идейнаго руководства соц.-д. партіи, а также установленію организаціонной связи съ ней, и о необходимости тамъ, гдѣ мѣстныя условія позволяютъ, проводить эту задачу въ жизнь".

Но имѣются ли въ настоящее время благопріятныя условія для установленія организаціонной связи между союзами и партіей— на этотъ вопросъ приходится дать отвѣтъ отрицательный. Прежде чѣмъ попытки въ этомъ направленіи могутъ имѣть успѣхъ, необходимо, чтобы каждая изъ организацій уже окрѣпла и успѣла выработать прочныя учрежденія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ. Въ Россіи же еще далеко до этого; профессіональное движеніе въ ней только-что начинается.

---

[1]) Въ „дни свободы" это наблюдалось кое-гдѣ и внутри страны. Такъ, напр., въ уставѣ столяровъ г. Москвы, принятомъ единогласно собраніемъ до 1,000 ч., § 3 гласитъ: сознавая, что борьба за политическія права является общей для рабочихъ всѣхъ производствъ и признавая единственной и истинной представительницей всего рабочаго класса р. с.-д. рабочую партію, союзъ столяровъ объявляетъ себя состоящимъ при московскомъ комитетѣ партіи и (§ 4) въ вопросахъ политической борьбы и выступленія за общіе интересы рабочаго класса слѣдуетъ его указаніямъ...

Въ то время, какъ рабочіе союзы приспособляются къ условіямъ легальной дѣятельности—партія въ настоящее время не можетъ и думать объ этомъ, и, пока союзы не отказались отъ признанія правилъ 4 марта 1906 г., организаціонная связь съ партіей не облегчаетъ, а затрудняетъ достиженіе лежащихъ передъ ними цѣлей.

ГЛАВА III.

Судя по достигнутымъ результатамъ наиболѣе успѣшной оказалась борьба за сокращеніе рабочаго времени. Такъ, напр. въ Московской губ., по наблюденіямъ Янжула въ началѣ 80-хъ годовъ, т. е. *къ концу перваго періода*, на 55 фабрикахъ рабочій день продолжался 12 ч., а на 96—отъ 12 до 18 час.

Послѣ закона 1897 г. *къ концу второго періода* продолжительность рабочаго времени нѣсколько сократилась: такъ въ началѣ 1905 г., по даннымъ фабричной инспекціи (относящимся къ 445 наиболѣе крупнымъ предпріятіямъ съ 202,892 рабочими, что составляетъ 71% общаго ихъ числа по губерніи въ 280,699 челов.) 53%, т. е. болѣе половины всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ работало $11^1/_2$ ч., т. е. высшую мѣру дозволеннаго закономъ; 17% приходилось на работающихъ 11 и $10^1/_2$ ч. и около 30% работало отъ 8 до 10 ч. Однако этотъ прогрессъ болѣе или менѣе парализовался существованіемъ сверхурочныхъ работъ.

Прошелъ еще *одинъ* годъ, и данныя м-ва финансовъ рисуютъ уже совсѣмъ другую картину. Въ 1906 г. оказывается уже, что $11^1/_2$ ч. въ сутки, однимъ дневнымъ комплектомъ, работаетъ лишь менѣе 12% общаго числа рабочихъ (24,100 ч.); 29,438 ч. работаетъ по $10^1/_2$ ч.; 67,370 ч., т. е. 33%—по 10 ч.; 76,857 ч., т. е. 38%—по 9 ч. двумя комплектами въ предѣлахъ дня и, наконецъ, 5,127 ч. работаетъ двумя комплектами день и ночь. Такимъ образомъ наибольшимъ распространеніемъ теперь пользуется норма рабочаго времени отъ *9 до 10 ч. въ сутки*... Къ этому нужно добавить, что подъ вліяніемъ роста сознательности рабочихъ сверхурочныя работы стали менѣе распространенными, чѣмъ раньше; онѣ сократились бы еще болѣе и, можетъ быть, даже совсѣмъ бы свелись къ нулю, ибо среди сознательныхъ рабочихъ существуетъ стремленіе отказаться отъ нихъ въ пользу своихъ безработныхъ товарищей... но, къ сожалѣнію, они встрѣчаютъ упорное сопро-

тивленіе этимъ попыткамъ со стороны предпринимателей и администраціи. Такъ напр. въ Петербургѣ съ 1905 г. въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ введенъ 8 часовъ рабочій день, но администрація тутъ же поспѣшила испортить все значеніе этой мѣры введеніемъ продолжительныхъ (4 ч.) сверхурочныхъ работъ, вмѣсто того чтобы уступить рабочимъ, добивавшимся расширенія комплекта, и на этой почвѣ между ними неоднократно возникали столкновенія.

Разсмотримъ теперь продолжительность рабочаго дня по нѣкоторымъ важнѣйшимъ отраслямъ промышленности. Возьмемъ самую крупную изъ нихъ по числу рабочихъ—промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. На первой областной конференціи профессіональныхъ союзовъ данной отрасли, происходившей въ началѣ февраля 1907 г., по даннымъ, собраннымъ на мѣстахъ, положеніе дѣлъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Московская губ.—при 2 смѣнахъ 9 ч., при одной—10 ч. Иваново-Вознесенскъ, — при 2 смѣнахъ 9 ч., дневная работа—$10^1/_2$ ч. Кострома—2 смѣны по 9 ч., дневная—$10^1/_2$ ч. Середа—2 смѣны по 9 ч,, дневная—$10^1/_2$ ч. Тверь—2-хъ смѣнная работа по 9 ч., дневная—10. Орѣхово-Зуево—2-хъ смѣн. работа по 9 ч., дневная—$10^1/_2$. (На Морозовской фабрикѣ существуетъ еще 3-хъ смѣнная работа по 8 ч.; подъ праздники для дневныхъ—$8^1/_2$ ч., а для смѣнныхъ—6—$6^0/_2$ ч.). Кинешма—9 час.; подъ праздники—6 ч. Тейково—2-хъ смѣнн. по 9 ч., дневная $10^1/_2$ ч. Родники—3-хъ смѣнн. по 8 ч., 2-хъ смѣнн. по 9 ч. и дневн. 10 ч. Павловскій посадъ—$11^1/_2$ ч. Лодзь—10 ч.

Въ концѣ перваго и началѣ второго періода двух-смѣнная работа продолжалась здѣсь 12 ч.,—теперь же 9; сокращеніе=3 ч. или 25%. Что касается одно-смѣнной, то раньше она составляла обыкновенно 13—14 ч., а теперь (за исключеніемъ одного Павловскаго посада) 10 — $10^1/_2$ ч.; сокращеніе=3—$3^1/_0$ ч. или 23—25%.

Въ промышленности по обработкѣ металловъ это сокращеніе, по всей вѣроятности, менѣе значительно, такъ какъ здѣсь и раньше рабочій день отличался меньшей продолжительностью. По даннымъ, собраннымъ первой конференціей профессіон. союзовъ рабочихъ данной отрасли, которая происходила также въ февралѣ 1907 г., дѣло обстоитъ такъ:

Петербургъ	8—10½ ч.
Тверь	10 „
Москва.	9—10 „
Смоленскъ.	9—11 „
Тула	8—14 [1]) „
Витебскъ	9 „
Саратовъ	10 „
Орѣхово-Зуево . . .	10 „
Келлерово.	10 „
Киржачъ	10 „
Павловскій посадъ .	10 „
Коломна	—
Мытищи	9 „
Серпухово.	9½ „
Донецкій бассейнъ. .	9½ „
Луганскъ	9 „
Баку	8— 9 „

На сахарныхъ заводахъ вмѣсто ранѣе повсюду практиковавшихся 2 смѣнъ по 12 ч. теперь стали вводиться 3 смѣны по 8 ч. каждая. На Бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ съ 1 января 1905 г. введены слѣдующія измѣненія. Рабочій день для выходящихъ на работу утромъ и работающихъ до вечера безсмѣнно устанавливается въ 9 ч. въ теченіе всего года. Для тартальщиковъ, ведерщиковъ, кочегаровъ и масленщиковъ — 8-ми часовой день (3 смѣны). Ежедневныя систематическія сверхурочныя работы отмѣняются, а систематическія ночныя работы производятся особымъ штатомъ рабочихъ, продолжительность рабочаго дня которыхъ=8 ч.

Въ мастерскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ послѣ февральской забастовки 1905 г. введенъ 9 ч. рабочій день, точно также какъ и на заводахъ морского вѣдомства.

Ремесленникамъ еще въ концѣ XVIII вѣка (1785 г.) было гарантировано 10 часовъ работы и воскресный отдыхъ, но этотъ законъ существовалъ лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности работа въ ремесленныхъ заведеніяхъ продолжалась обычно 13, 15 и даже 17 часовъ въ сутки! Послѣ упорной борьбы значительной части ремесленниковъ удалось теперь закрѣпить 10 часов. рабочій день, а мѣстами—9 и даже 8 часовой.

[1]) 14 ч. работаютъ въ мелкихъ предпріятіяхъ кустарнаго типа.

Еще хуже обстояло дѣло у служащихъ въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ. Многочисленную армію приказчиковъ законъ оставлялъ совершенно безъ защиты, предоставивъ ихъ судьбу всецѣло на усмотрѣніе хозяевъ. Тѣ, конечно, не преминули воспользоваться своимъ положеніемъ. Воскреснаго отдыха для приказчиковъ обычно не полагалось, и они работали 360 дней въ годъ. Являлись въ лавки за долго до открытія торговли, они еще и послѣ закрытія магазиновъ должны были оставаться въ нихъ нѣкоторое время, такъ что рабочій день продолжался отъ 13 до 16 ч. въ сутки. По даннымъ, собраннымъ въ 1905 г. министерствомъ финансовъ, средняя продолжительность рабочаго дня приказчиковъ опредѣлялась въ $14^1/_2$ ч. Работа эта производилась притомъ въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ; безъ перерыва для отдыха, безъ возможности сносно поѣсть, такъ какъ обѣдать приходилось урывками, по большей части въ сухомятку... Къ концу 1905 г. приказчикамъ удалось завоевать себѣ право отдыха по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а затѣмъ сокращенія и будничной работы. Осенью же 1906 г. петербургскіе приказчики предприняли грандіозную кампанію въ пользу введенія 10 часовъ рабочаго дня...

Временными правилами 15 ноября 1906 г. на ремесленниковъ и приказчиковъ распространено законодательное урегулированіе рабочаго времени: продолжительность его опредѣлена въ 12 ч. съ перерывомъ въ два часа на обѣдъ и устанавливается обязательный отдыхъ по воскреснымъ и двунадесятымъ праздникамъ. Однако отсюда сдѣланъ цѣлый рядъ изъятій. Такъ въ сезонныхъ производствахъ, а также въ зависимости отъ мѣстныхъ условій жизни, работы въ ремесленныхъ заведеніяхъ могутъ производиться на 2 ч. въ сутки сверхъ указанной нормы въ теченіе 60 дней въ году. Торгорцамъ также предоставлено право нарушать эту норму въ теченіе 40 дней въ году и прибѣгать къ сверхурочнымъ работамъ. Кромѣ того, для пивныхъ, ренсковыхъ погребовъ, купаленъ, бань и для торговли въ разноску предметами потребленія и табакомъ установленъ 15 часовой рабочій день!

Такимъ образомъ въ своей прогрессивной части законъ лишь закрѣпляетъ то, что было достигнуто ремесленниками и приказчиками путемъ ихъ собственныхъ усилій и, сохраняя нѣкоторое значеніе для отсталыхъ слоевъ, въ глазахъ передовыхъ—онъ является въ настоящее время совершенно неудовлетворительнымъ.

Что касается рабочихъ сельскохозяйственныхъ, строительныхъ и занятыхъ при водныхъ путяхъ сообщенія, то они и теперь еще

продолжаютъ оставаться внѣ охраны закона. На первой конференціи рабочихъ архитектурно-строительнаго дѣла 2—6 февраля 1907 года общая цифра строительныхъ рабочихъ опредѣлялась приблизительно въ 1.200.000 человѣкъ! По всей Польшѣ и въ Западномъ краѣ среди организованныхъ рабочихъ введенъ уже 8-часовой рабочій день, въ Петербургѣ и Москвѣ онъ длится 11—12 ч., въ средней Россіи еще больше, а въ Харьковѣ и южнѣе—по общему правилу „отъ солнца и до солнца“, т. е. иногда 15—16 час. При столь значительной степени эксплоатаціи даже крайне слабыя выступленія профессіональныхъ союзовъ въ 1906 г. сразу заставляли предпринимателей итти на существенныя уступки: маляры добились въ Петербургѣ и Москвѣ 10 час. раб. дня, стекольщики 9, лѣпщики—отмѣны штучныхъ работъ, всѣ профессіи вмѣстѣ—довольно значительнаго повышенія заработной платы. Интересный опытъ при этомъ былъ сдѣланъ петербургскимъ союзомъ; онъ принялъ на себя общественныя работы города, поставивъ себѣ цѣлью доказать осуществимость и выгодность 8 час. раб. дня. Работы были обширны: на нихъ затрачено 45.000 раб. дней и выработано около 100.000 руб. И въ результатѣ оказалось, что при повышенной на 25—40% заработной платѣ предпринимательская прибыль была не менѣе 10%. Въ виду этого указанная конференція признана „необходимымъ и вполнѣ возможнымъ немедленное введеніе 8 час. рабоч. дня для всѣхъ областей и районовъ Россіи и рекомендуетъ направить всѣ свои силы на практическое осуществленіе этого требованія“.

Эти результаты борьбы являются лучшимъ аттестатомъ нашего рабочаго движенія. Въ то время, когда послѣднее только что начиналось—75 часовъ въ недѣлю считалось средней нормой для фабрично-заводскихъ рабочихъ; теперь же она колеблется *между 50 и 60 час.*: двадцать часовъ въ недѣлю отвоевали они себѣ! Однако было бы непростительнымъ легкомысліемъ успокаиваться на этомъ; со стороны предпринимателей дѣлаются упорныя попытки отобрать назадъ сдѣланныя уступки, и эти попытки особенно усиливаются въ моментъ политической реакціи. Чтобы отстоять свои завоеванія и вести успѣшную борьбу все далѣе и далѣе, нужны крѣпкія и всесторонніе организаціи. Наше время требуетъ высокаго уровня сознательности, и чѣмъ далѣе—тѣмъ больше. Чтобы принимать дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни страны,—будутъ ли это выборы въ Государственную Думу или работа въ профессіональныхъ союзахъ,—нужно

развитіе, а это въ свою очередь предполагаетъ извѣстный досугъ. Вотъ почему отмѣченное выше сокращеніе рабочаго дня за послѣдніе 2 года революціи является однимъ изъ важнѣйшихъ завоеваній рабочаго класса; въ немъ лежитъ залогъ его дальнѣйшихъ побѣдъ. Теперь большая часть труднаго пути по направленію къ 8 час. раб. дню уже пройдена—осталась меньшая часть!..

ГЛАВА IV.

Что касается экономическаго положенія рабочихъ массъ, то говорить о сколько нибудь серьезныхъ улучшеніяхъ въ этой области, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще нельзя. Низкій уровень жизни попрежнему остается вопіющимъ фактомъ нашей дѣйствительности и на борьбу съ этимъ зломъ предстоитъ затратить не мало силъ впереди. Легко сказать, что въ 1903 году насчитывалось 5, а въ 1901 г.—8 губерній, въ которыхъ заработная плата *фабрично-заводскихъ рабочихъ* не достигала *100 р. въ годъ*!.. Въ 34 (а въ 1901 г.—35) губерніяхъ она колебалась между 100 и 200 р., въ 22 (а въ 1901 г.—16) между 200 и 300 р. и только въ 3 (а въ 1901 г.— въ 2) превышала 300 р. въ годъ. Положимъ, это было еще *до революціи*, но немногимъ лучше дѣло обстоитъ и теперь. Общихъ данныхъ пока еще нѣтъ, ибо оффиціальные своды отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ вышли только за 1903 г., но мы располагаемъ свѣдѣніями относительно Московской губ.

Здѣсь, въ среднемъ, заработная плата составляла на одного человѣка: въ 1900 г.—197 р. 44 к.; въ 1901 г.—202 р. 68 к.; въ 1902 г.—191 р. 19 к.; въ 1903 г.—242 р. 41 к.; въ 1904 г.—204 р. 40 к. и, наконецъ, въ 1905 г.—около 202 р. въ годъ. Такимъ образомъ, средній заработокъ фабрично-заводскихъ рабочихъ колебался за это время (1900—1905 гг.), кромѣ одного рѣзко выдѣляющагося 1903 года, около 200 р. 1905 г. даже стоитъ ниже въ этомъ отношеніи, чѣмъ предшествующій 1904 г., но это, конечно, объясняется значительнымъ количествомъ прогульныхъ дней во время революціи, благодаря чему общая сумма, полученная рабочими, уменьшилась. А самыя расцѣнки и поденная плата въ 1905 г. поднялись, благодаря стачкамъ, хотя сейчасъ трудно опредѣлить размѣръ этого повышенія; но во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть очень значительнымъ въ виду угнетеннаго положенія торговли и промышленности, начавшагося со времени

несчастной войны съ японцами и затянувшагося до сихъ поръ. А время кризисовъ—самое неудобное для успѣха борьбы за повышеніе заработной платы. Кромѣ того, при одновременномъ сокращеніи раб. дня добиться отъ нашихъ предпринимателей уступокъ въ этомъ отношеніи было еще труднѣе, и въ общемъ прибавки колеблются, смотря по мѣстности и профессіи, отъ 5 до 20%. Напримѣръ, бакинскіе рабочіе упорной борьбой добились того, что съ 1 января 1905 г. почти всѣ фирмы и промыслы ввели новыя правила, сдѣлавъ цѣлый рядъ уступокъ, которыя сами нефтепромышленники оцѣниваютъ на страницахъ „Нефтянаго Дѣла“ въ 127.000 рублей, круглымъ счетомъ, ежемѣсячно. Но при этомъ оказывается, что на повышеніе заработной платы и на увеличеніе квартирныхъ денегъ приходится только 37.000 р. (32.000+5.000), а остальными 90.000 р. оцѣнивается сокращеніе раб. дня. При общей суммѣ заработной платы 700.000 р. въ мѣсяцъ эта прибавка въ 37.000 р. составляетъ всего лишь $5^2/_7\%$—щедрость не Богъ знаетъ какая, если принять во вниманіе огромные барыши нашихъ Бакинскихъ милліонеровъ, Нобеля, Ротшильда и прочихъ „нефтяныхъ королей“! Но пойдемъ далѣе. Заработная плата, какъ ни какъ, все-таки повысилась; но выводить отсюда заключеніе объ улучшеніи экономическаго положенія рабочихъ было бы очень ошибочно, ибо, не говоря уже о ростѣ ихъ потребностей, самыя цѣны на продукты первой необходимости также двинулись впередъ. Пользуясь „усиленной охраной“ въ видѣ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, предприниматели воспользовались стачками для того, чтобы не только разложить свои убытки на потребителей—въ томъ числѣ и на рабочихъ, конечно,—но и получить съ нихъ новые барыши. Чтобы убѣдиться въ этомъ, заглянемъ въ „еженедѣльныя вѣдомости о справочныхъ цѣнахъ на матеріалы и припасы по гор. Москвѣ“.

	Въ среднемъ за 4 года, съ 1900 по 1903 гг., по цифрамъ за начало января.	Начал. янв. 1906 г.
Хлѣбъ ржан. обыкн.	71—79 к. за пудъ.	1 руб. 10 коп.—1 р. 20 к.
Бѣлый франц. хлѣбъ	2 р. 38 к.—2 руб. 75 к. за пудъ.	2 р. 40 к.—2 р. 80 к., (но уже въ іюлѣ 2 р. 80 к.—3 р.).

		Въ среднемъ за 4 года, съ 1900 по 1903 гг., по цифрамъ за начало января.	Начал. янв. 1906 г.
Крупа ядрица . .		1 р. 30 к.—1 руб. 35 к. пудъ.	1 руб. 45 коп.—1 р. 55 к.
Пшено	1-го сорта.	до 1 р. 40 к. за п.	до 1 р. 60 к.
	2-го сорта.	до 1 р. 22½ к. за пудъ.	до 1 р. 40 к.
Масло русское . .		34 к.—40 к. за ф.	40—44 к.
Сало говяжье сырое		до 13 к. за фунтъ.	до 16 к.
Говяд. парн. русск.	1-го сорта.	до 4 р. 20 к. пудъ.	до 5 р.
	4-го сорта.	до 2 р. 80 к. пудъ.	до 3 р. 30 к.
Бар. парн.	1-го сорта.	14—15 к. за фун.	14—16 коп. (а въ іюлѣ 16—20 к.).
	2-го сорта.	8½—11 к. фунтъ.	9—12 к. (въ іюлѣ 12—16 к.).
Сахаръ.	колотый. .	5 р. 84 к.—5 р. 92½ к. пудъ.	6 р. 40—6 р. 50 к.
	пиленый .	5 р. 60 к.—5 р. 71 к. пудъ.	6 р. 20—6 р. 30 к.

Затѣмъ возросли цѣны также на квартиры, обувь и др. продукты, а казна въ свою очередь, чтобы покрыть расходы японской войны, надбавила акцизъ на спички и это вздорожаніе жизни вполнѣ покрывало завоеванную прибавку къ заработку въ 5—20%.

Въ отчетѣ первой областной конференціи профессіональныхъ союзовъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ указываетъ, что во время послѣдняго стачечнаго движенія почти всюду требовали еще квартирныхъ и больничныхъ денегъ. Требованіе это повторялось почти на каждой бастующей фабрикѣ, и нерѣдко встрѣчало удовлетвореніе со стороны фабрикантовъ. Обыкновенно прибавлялись 1—2 р. на квартиру и заявлялось согласіе платить часть заработка больнымъ или беременнымъ. Почти *двѣ пятыхъ прядильно-ткацкихъ рабочихъ* Московской губ. добились этого права. Къ несчастью оно непрочно и невелико. На красильныхъ фабрикахъ точно также всюду послѣ лѣтней стачки 1906 г. заработная плата повысилась. вмѣсто обычныхъ 8—9⅓ р. на своихъ харчахъ мужчины стали получать до 15 р., а женщины—до 12 р. Изъ Иваново-Вознесенска сообщаютъ, что цѣны на продукты страшно вздорожали. Ткачи жи-

вутъ на частныхъ квартирахъ, тѣсныхъ и грязныхъ, по 7—15 ч. въ каморкѣ, съ платою по 1 р. въ мѣсяцъ съ человѣка. Харчи въ артели обходятся съ квартирой по 6 р. 30 к.—6 р. 50 к. каждому въ мѣсяцъ. Большинство питается картошкой и „сѣрыми щами". Мясо ѣдятъ только по большимъ праздникамъ; масло почти всегда постное. Заработная плата какъ у ткачей, такъ и у прядильщиковъ равняется въ среднемъ 13—15 руб. въ мѣсяцъ на 2-хъ станкахъ; такую же плату получаютъ и женщины. Квартирныя деньги выдаются по 1 р. на человѣка.

Въ Середѣ ткачи зарабатываютъ въ среднемъ 14—15 руб. нѣкоторые же изъ нихъ и по 18 р., а прядильщики отъ 16 до 25 р. въ мѣсяцъ.

Съ Пасхи 1906 г. добились 15% прибавки и 1 р. квартирныхъ. Въ Твери на Морозовской фабрикѣ съ октября 1905 года были повышены расцѣнки, но послѣ декабря ввели старыя, а матеріалъ сталъ еще хуже. Квартирныя деньги выдаютъ по 2 р.; но изъ нихъ вычитаютъ за прогульные дни. Фабричныя казармы плохи; въ каморкѣ въ 2 окна помѣщаются 3—4 семьи. Частные же квартиры еще грязнѣе и стоятъ: семейная каморка въ 1 окно 4—5 р. а мѣсто на нарахъ 1 р. 10 к.—1 р. 25 к. Пища рабочихъ состоитъ изъ щей со снятками и каши съ постнымъ масломъ. *Иногда* варятъ $^1/_4$—$^1/_3$ фунта мяса на человѣка. На фабрикѣ Берга питаніе рабочихъ тоже очень плохое: рѣдко кто варитъ постоянно мясо.

Только изъ одного Орѣхова-Зуева сообщается, что рабочіе безъ мяса не обѣдаютъ, а продукты въ хозяйской лавкѣ Саввы Морозова доброкачественны и дешевы.—Послѣ стачекъ плата повышена на 15%: ткачи зарабатываютъ на 3-хъ станкахъ отъ 16 до 28 р., прядильщики отъ 18 до 28 р., а красильщии отъ 13 до 18 р. въ мѣсяцъ. Квартирныя деньги выдаются въ размѣрѣ 3 р. на человѣка.

Въ Тейковѣ забастовки 1905 г. принесли рабочимъ увеличеніе расцѣнокъ на 20% и квартирныя—1 р. 25 к. На продовольствіе рабочіе тратятъ 8—9 к. въ день (?).

Въ Воскресенскѣ до октября 1905 г. рабочіе получали 11—12 р., а женщины 6; теперь же мужчина 20—25 р., а женщина—12—18 р. въ мѣсяцъ.

Въ Лодзи профессіональнымъ союзомъ (бундовскій), основаннымъ въ „дни свободы", было проведено до 400 забастовокъ за все время своего существованія, причемъ почти всѣ онѣ, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ, кончались побѣдой рабочихъ.

Большинство стачекъ велось за увеличеніе заработной платы, при чемъ въ общемъ достигнуто увеличеніе:

Ткачамъ	на 55%.
Сновальщикамъ. . .	на 45%.
Въ отрасляхъ, гдѣ заняты женщины . .	на 25%.

Такимъ образомъ теперь получаютъ *въ недѣлю:*

Ткачи	10—12 р.
Сновальщики и накатчики	14—18 „
Шпульщицы. . . .	4— 5 „

Нѣтъ сомнѣнія, что повышеніе заработной платы коснулось и другихъ отраслей промышленности, ибо революція на всемъ пространствѣ страны дала могущественный толчокъ къ переоцѣнкѣ установившихся отношеній; но вмѣстѣ съ тѣмъ вздорожаніе предметовъ необходимости все продолжается и въ настоящее время принимаетъ угрожающіе размѣры. Вторая конференція текстильныхъ рабочихъ центральнаго района, происходившая въ концѣ іюня, констатируетъ, что цѣны повысились на 30—100%. Какъ сообщалось въ газетахъ, весною этого года рабочіе г. Шуи, доведенные до крайности, бросили работу, собрались на площадь и потребовали установленія таксы!..

Въ виду всего этого нельзя предаваться никакимъ иллюзіямъ и нужно трезво смотрѣть на современное состояніе вещей. Чтобы улучшить свое экономическое положеніе рабочему классу предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ повести жестокую борьбу на оба фронта противъ предпринимателей, съ одной стороны, и противъ казны—съ другой. А для того, чтобы борьба съ хозяевами *за повышеніе заработной платы* была успѣшна, необходимо объединить разрозненныя силы рабочихъ и организоваться въ профессіональные союзы, ибо въ этомъ вопросѣ предприниматели оказываютъ обыкновенно наиболѣе упорное сопротивленіе. При этомъ съ тактической стороны очень важно овладѣть до нѣкоторой степени расцѣночнымъ аппаратомъ, т. е. измѣнить самые способы установленія платы или расцѣнки труда. Съ этой цѣлью необходимо добиваться устраненія господствующаго нынѣ единоличнаго (индивидуальнаго) договора и замѣны его договоромъ совмѣстнымъ, или коллективнымъ; другими словами, не отдѣльный рабочій самъ за себя, а союзъ за всѣхъ рабочихъ долженъ устанавливать съ конторой условія найма, и въ

частности расцѣнки на трудъ должны опредѣляться въ особой комиссіи съ участіемъ равнаго количества представителей отъ рабочихъ и хозяина. Съ другой стороны, для повышенія жизненнаго уровня рабочаго класса также очень важно принять мѣры *къ удешевленію продуктовъ первой необходимости и улучшенію ихъ качества*, ибо теперь ему приходится не только переплачивать зря лишнія деньги, но и потреблять при этомъ всякую дрянь. Немаловажную роль въ этомъ отношеніи могутъ играть потребительныя общества, которыя увеличиваютъ доброкачественность товаровъ и кромѣ того сберегаютъ въ пользу рабочихъ тѣ барыши, которые въ настоящее время попадаютъ въ карманы мелкихъ и крупныхъ посредниковъ. Но наибольшее значеніе имѣетъ конечно, уничтоженіе акцизовъ и высокихъ таможенныхъ пошлинъ на продукты первой необходимости; съ этого и нужно начать. Лишь послѣ этого можно будетъ ожидать, что чай, сахаръ, керосинъ и многіе другіе предметы войдутъ въ народный обиходъ и не станутъ обременять скудный бюджетъ рабочаго. Тогда лишь исчезнутъ, наконецъ, тѣ ненормальныя, можно сказать, прямо безсмысленныя съ точки зрѣнія здоровой экономической политики явленія, которыя существуютъ у насъ. Такъ, напримѣръ, мы живемъ по сосѣдству съ Китаемъ, а Англія отдѣлена отъ него почти двумя десятками тысячъ верстъ; но несмотря на это чай въ Англіи вдвое дешевле, чѣмъ у насъ. Если сравнить теперешнія цѣны на сахаръ съ тѣми, которыя были въ началѣ 70-хъ годовъ, то окажется, что у насъ сахаръ подешевѣлъ всего % на 20, а въ Англіи онъ спустился въ цѣнѣ въ 3 слишкомъ раза; тамъ нашимъ вывознымъ сахаромъ свиней кормятъ, а мы у себя дома въ приглядку пьемъ. Въ Россіи имѣются и разрабатываются (на Кавказѣ) богатѣйшіе въ мірѣ нефтяные источники, а въ Германіи ихъ совсѣмъ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе у насъ до сихъ поръ есть мѣстности, гдѣ жгутъ еще лучину, а нѣмцы потребляютъ керосину на душу населенія почти вчетверо больше нашего... и т. д., и т. д.! Въ цѣляхъ подъема своего благосостоянія и для оздоровленія экономической жизни народа вообще рабочій классъ долженъ сбросить съ своей спины этотъ мертвый грузъ разорительныхъ *косвенныхъ* налоговъ, но для этого нужна сильная рабочая партія, которая могла бы оказать соотвѣтствующее давленіе на законодательный аппаратъ страны.

Конецъ третьей части.

ОПЕЧАТКИ:

Стр. 3 предисловія послѣдняя строка напечатано: декарбя; слѣдуетъ читать: декабря.

Стр. 63 предпослѣдняя строка: напечатано: $2^{1}/_{3}$; слѣдуетъ читать: $^{2}/_{3}$.